

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Орган
творческого
объединения
писателей
Коломны

Литературный ежегодник

ИЗДАЕТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2009

ВЫПУСК
ТРИНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ
КОЛОНКА

ПРОЗА

Анна АХМАТОВА 5

Татьяна КОНДРАТОВА
«В ТО ВРЕМЯ Я ГОСТИЛА
НА ЗЕМЛЕ...» 11

Сергей МАЛИЦКИЙ
МИНУС. Фантастическая повесть 23

Николай БРЕДИХИН
ЛЮБОВЬ В ВЕРОНЕ. Повесть 77

Юрий БАРАНОВ
ШАНХАЙСКИЕ ИСТОРИИ.
Фрагменты из повести 107

Виктор МЕЛЬНИКОВ
СЫН РОДИЛСЯ! Рассказ 125

Евгений ЮШИН
ХУЛИГАН. Рассказ 141

Николай ГУЩИН
ВЕРА. Быль 149

ПОЭЗИЯ

ЗДЕСЬ ЕДИНЫЙ ОТЕЧЕСКИЙ ДУХ.

Стихи поэтов России

Татьяна Башкирова, Юрий Баранов,
Алевтина Бондаренко, Леонид Бородин,
Виктор Брюховецкий, Михаил Вишняков,
Татьяна Воробьёва, Юрий Воротнин,
Геннадий Григорьев, Владимир Дагуров,
Андрей Дементьев, Наталья Евстигнеева,
Владимир Жильцов, Николай Зиновьев,
Диана Кан, Сергей Каргашин, Вадим
Квашнин, Евгений Кирсанов, Валерий
Ковалёв, Сергей Козлов, Леонид
Корнилов, Владимир Коробов, Лев
Котюков, Олег Кочетков, Евгений
Кузнецов, Станислав Куняев, Михаил
Маношкин, Михаил Мещеряков,
Надежда Мирошниченко, Валерий
Михайлов, Константин Павлов,
Екатерина Полянская, Олег Портнягин,
Николай Рачков, Борис Романов,
Геннадий Русаков, Юрий Ряшенцев,
Павел Савин, Евгений Семичев, Роман
Славацкий, Альбина Соляник, Геннадий
Ступин, Владимир Судаков, Светлана
Супрунова, Владимир Тоцкий,
Владимир Урусов, Валентин Устинов,
Георгий Чернобровкин, Олег Чухонцев,
Владимир Шемшученко, Надежда
Щетинина, Людмила Щипахина,
Евгений Юшин 155

ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ

Сергей ШЕРВИНСКИЙ

НЕОСТЫВАЮЩАЯ ПАМЯТЬ.

Стихотворения 189
Послесловие Романа Славацкого 202

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

К 100-летию

Николая Мхова

Александр ДЕНИСОВ

ЕГО БОЛЬШЕ ЗНАЛИ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ 205

Николай МХОВ

МИХАЙЛОВА СТОРОЖКА.

Рассказ 211

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Вальдемар ВАНКЕ
Я УПЛЫВУ ПОД ПАРУСАМИ...
Стихотворения 223

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Адриан ГРИБОВСКИЙ
ДНЕВНИКИ О КОЛОМНЕ.
Из воспоминаний 241

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

Михаил КУКУЛЕВИЧ
А В СИБИРИ ХОЛОДА, ХОЛОДА..... 275

Михаил МЕЩЕРЯКОВ
ПРИДУТ ДРУГИЕ ВРЕМЕНА... 285

Владимир МАКИН
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭТАЖ 295

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Александр САХАРОВ,
Надежда СУХОВА
«БОЕЦ ЧЕРНОКУДРЯВЫЙ,
С БЕЛЫМ ЛОКОНОМ НА ЛБУ».
К 225-летию со дня рождения
и 170-летию со дня кончины
Д.В. Давыдова 303

Владимир ВОРОПАЕВ
НУЖНО ПРОЕЗДИТЬСЯ
ПО РОССИИ. К 200-летию
со дня рождения Н.В. Гоголя 213

МУЗЫКА

Наталья КОЧЕТКОВА
РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА.
Светлой памяти Фредерика Шопена
(1810–1849) 329

Фёдор ДРУЖИНИН
БАХОВСКАЯ ЧАКОНА 347

ГРАЖДАНИН КОЛОМНЫ

Андрей ДМИТРИЕВ
Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ
И ЕГО ГАЗЕТА 353

Дорогие наши читатели!

Вы успели заметить силуэт фантастического зверя на корешке нашего альманаха? Этому первому геральдическому знаку Коломны почти семьсот лет. А Московской области в этом году исполнилось всего восемьдесят. Но мы празднуем эту дату как очень важную в истории нашего края.

Целая эпоха вместилась в эти восемь десятилетий! Ведь наша область в масштабах Европы — целая страна, с мощной индустрией, наукоградами, развитым сельским хозяйством. Невероятным, героическим трудом, кровью, пролитой на подступах к Москве в сорок первом, свободным полётом творческой мысли создавалась её нынешняя слава. На великом, мощном многовековом фундаменте стоит земля наша, и для сохранения этого исторического наследия в последнее время сделано много. Заслуженное место занимает в летописи Подмосковья наша древняя Коломна. Это стратегический центр промышленности, это духовная столица Московии, это её выдающийся культурный центр.

Так будем же хранить и преумножать славу отцов! Верим: не будет нам стыдно перед следующими поколениями. И порукой тому — коломенский единорог, вот уже семь веков охраняющий город.

С праздником вас, друзья! От всего сердца желаем вам новых блестящих прорывов в толщу времён и за горизонты будущего, жизненной стойкости и вдохновенного служения России!

АННА АХМАТОВА
(1889–1966)

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины жёлто-красной,
Слагаю я весёлые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озёрной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.
1912

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.
1915

* * *

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Ещё недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полёт,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.
1917

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
1917

* * *

Наталии Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Чёрной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днём дыханьями веет вишнёвыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

1921

* * *

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах чёрных, всё сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

1921

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,

Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.
1922

* * *

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...

И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.
1940

Поздний ответ

М.И. Цветаевой

Белорученька моя, чернокнижница...

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в чёрных кустах,
То забьёшься в дырявый скворечник,
То мелькнёшь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полобуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом».

Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идём,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.
1940

Под Коломной

Шервинским

...Где на четырёх высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течёт московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.
1943

* * *

По той дороге, где Донской
Вёл рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц жёлтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.
1956

* * *

Так не зря мы вместе бедовали
Даже без надежды раз вздохнуть.
Присягнули — проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.

Нет! И не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
1961

ХРОНИКА

НЕОБЫЧНАЯ ВЫСТАВКА

В 2008 году Московская епархия торжественно праздновала 700-летие коломенского храма Иоанна Предтечи-в-Городищах. А в Третьяковке хранится уникальная икона XIV века из этой церкви. Коломенское благочиние обратилось в галерею с просьбой на краткое время вернуть образ в Коломну.

К сожалению, это оказалось невозможным. Древние краски слишком хрупки; они бы не выдержали долгого пути и нахождения, пусть и кратковременного, вне музейных стен. Сотрудники галереи предложили: давайте отсканируем икону и сделаем точный её повтор. И тогда внезапно возникла идея: а что если сканировать все девять коломенских икон из собрания музея?

В Третьяковской галерее находится уникальная техника; во всём мире — лишь три таких аппарата. Копии в них получаются практически идентичными подлиннику: передаются малейшие трещинки, тончайшие оттенки.

И вот летом и ранней осенью 2008 года в центральном выставочном зале Коломны развернулась необычная экспозиция. Копии средневековых шедевров соединились в одном выставочном пространстве — и возникло удивительное ощущение. Как будто древняя Коломна вернулась к нам!

После завершения выставки иконы освятили, и каждая отправилась в свой храм, на то место, откуда в нелёгкие времена изъяли подлинник. Но память о необычной экспозиции останется навсегда. В те дни словно душа города вернулась к нам! На нашей вклейке воспроизведены эти старинные иконы, а рассказ о них — в очерке Романа Славацкого «Коломенские образа».

«В ТО ВРЕМЯ Я ГОСТИЛА НА ЗЕМЛЕ...»

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

Об Ахматовой написано так много, что изначально пугаешься: не погрузиться бы в реферативность, бесконечно пересказывая, кто и что сказал по поводу её стихов. Сегодня не только студент-филолог, но и приличный школьник, кажется, знает, что настоящая фамилия поэтессы – Горенко, что псевдоним взяла в память о бабушке – татарской княжне. Да ещё с каким вызовом взяла! Отец испугался первых публикаций дочери: опозорит фамилию! Она резко – и не надо мне вашей фамилии! Бескомпромиссность, с которой этой женщине придётся прожить жизнь длинную и трудную, – она уже здесь видна. Но полная бескомпромиссность возможна только в юности, когда человек по-настоящему свободен, когда отвечает за себя одного. И уступать, и на компромиссы идти Ахматовой всё же придётся, так как жить ей довелось в тот период русской истории, который «вегетарианским» назвать трудно.

Колесо истории России XX столетия прокатилось через судьбу Ахматовой, но не смогло раздавить. Прожив долгую по земным меркам жизнь, она не только не снизила той высокой поэтической ноты, которую взяла на взлёте, в Серебряном веке, но и сделала её звучание более строгим и мужественным.

Странное сочетание – мужественность женской лирики – звучит как оксюморон. Действительно, хоть Ахматова и призналась, что «научила женщин говорить», она была именно поэтом, а не поэтессой. Она создала поэтический портрет эпохи, отразив в нём свой взгляд на сущность мироздания и место в нём человека. Философские стихи Ахматовой по-пушкински глубоки, причём главной темой её философской лирики стала тема памяти. Память у Ахматовой всегда имеет нравственную

основу. Её лирическая героиня ощущает эту категорию как что-то материальное: это и спасение, и наказание.

Тема памяти начинает звучать очень рано: после первых серьёзных ударов судьбы. Выбор только нравственный: память или забвение? Беспамятство упрощает многое в жизни, но это путь к хаосу, к разрушению души – именно поэтому, как ни молит её лирическая героиня о забвении, его ей не вымолить. Смерть первого мужа и учителя, Николая Гумилёва, Ахматова будет оплакивать всю жизнь, хотя к моменту его гибели их дороги уже разошлись. Об аресте Гумилёва узнает на похоронах Блока; 21-й год не зря считают нижней границей Серебряного века – смерть этих двух поэтов обескровит и символизм, и акмеизм. Ахматова будет изливать боль в стихах, но как строго её страдание. Скорбь всегда торжественна, этим она отличается от просто боли и переживания. Одно из стихотворений 1921 года, входящее в цикл «Anno Domini», бесспорно, рождено этой скорбью:

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах чёрных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег –
За это жизнь отдать не мало.

А.А. Ахматова. 20-е годы

Биографический план этого стихотворения ощущается, но лишь пунктирно. Картина осенней дождливой природы... В пейзажной зарисовке «заплаканной осени» тема смерти звучит уже в первом стихе – осень, «как вдова в одеждах чёрных»... Но дальше ощущение, что речь идёт об осени, дожде, полностью исчезает – здесь проявление скорби человеческой. Ахматовой дано о высоком (что ж может быть выше скорби!) говорить простыми словами. Вот один образ: «перебирая мужнины слова»; перебирают пальцами чётки, перебирают-терелят концы косынки или фартука – то есть в этом процессе есть что-то постоянное, даже монотонное, бесконечное возвращение к одному и тому же. И это есть простое выражение скорби лирической героини Ахматовой. Мир для неё теперь лишён всех красок, кроме трёх цветов – чёрного, серого и белого: чёрные траурные одежды, серый туман, белизна «тишайшего снега»... Лирическая героиня знает, что память о боли и память о наслаждении одинаково болезненны, что забвенья одного не бывает без забвения другого. У неё, как у Блока, «радость-страданье» – «забвенье боли и забвенье нег».

Темой памяти пронизаны почти все крупные поздние произведения и циклы Ахматовой. Эпиграфом к циклу «Северные элегии» она ставит строку Пушкина

«Всё в жертву памяти твоей...» У Пушкина она берёт и форму: белый пятистопный ямб элегии «...Вновь я посетил...» рождает ощущение памяти ритма: здесь тоже будут чередоваться настоящее, прошедшее и предпрошедшее времена. Здесь ещё раз отразится вся её судьба. Ахматова начинает воспоминание со времени, которое предшествует её рождению, – это «Россия Достоевского»:

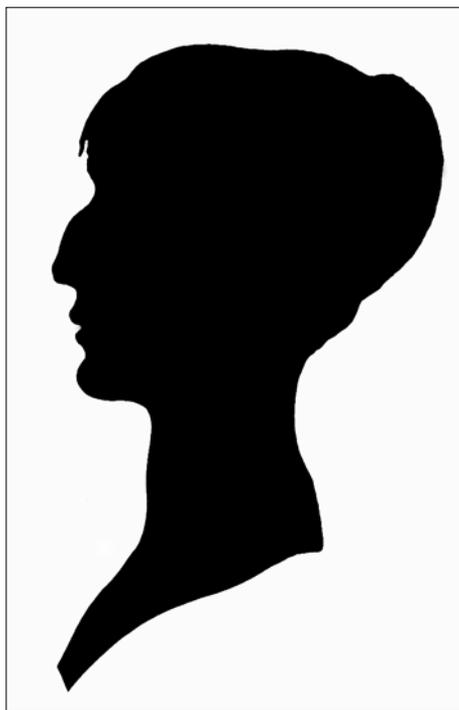
Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всём поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесётся.

Ахматовой-поэту был свойственен исторический, эпический взгляд на мир, себя она мыслит частицей поколения, которое «вздумало родиться» в это роковое время. Детство без «веснушечек, и мишек, и игрушек», то есть «никакого розового детства». Теперь она сама признаётся в том, о чём предупреждали, что предсказывали критики, – в кликушестве (это критик Юлий Айхенвальд назвал Ахматову «поэтессой-кликушей»):

И знала я, что заплачу старицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.

Само счастье назвать «пыткой счастья»! Так говорит Ахматова о десятых годах XX столетия, говорит, уже пройдя самые страшные – тридцатые и сороковые. А ведь в эти десятые годы в её жизни было столько, что иному на три короба счастья хватило бы! Брак с Гумилёвым, путешествие в Париж, знакомство с Модильяни, писавшим её портреты, путешествие по Италии, рождение сына Льва, участие в «Цехе поэтов», триумфальные выступления в поэтическом кабаре «Бродячая собака». Её называли Сафо XX века. Блок, критикуя акмеистов, лишь для неё одной сделал исключение, поняв, что её художественный мир не может быть очерчен рамками какого-то течения, какой-то школы. И всё это – «пытка счастьем»! Как будто знала, сколько горя на это счастье будет отмерено, чтобы наступило равновесие, как будто это непреложный закон – счастье уравновешивать горем. Снова и снова оглядывается в прошлое:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,

Е. Белуха. Силуэт Анны Ахматовой

Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Последняя, шестая, элегия в этом цикле по праву может быть отнесена к шедеврам русской философской лирики XX столетия:

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Ещё не замер смех, струятся слёзы,
Пятно чернил не стёрто со стола –
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...

Прошлое здесь ещё материально осязаемо – «пятно чернил не стёрто со стола», – а боль утраты очень остра. Однако «это продолжается недолго»: время меняет все ощущения, человек привыкает к утрате, примиряется с ней. Вместе с этим меняется и мир, его окружающий:

Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединённый,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всём лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...

Ахматова всегда могла с помощью какой-то мелкой, порой незначительной детали передать глубинную сущность человеческого состояния или поведения. Что может быть обыденней мытья рук? Память о потере становится таким же привычным ритуалом. Что же, горе – уходит? Острота горя – да, уходит! Но с какой горечью, с какой тоской, с каким сожалением говорит об этом Ахматова:

Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.

Что ж, без прошлого (особенно страшного прошлого) жить легче, к тому же это забвение так естественно:

И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.

Но потерю памяти поэт воспринимает как величайшую трагедию, смысл которой человеку открывается внезапно:

И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединённый,

И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там всё другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.

Ощущение своей чуждости прошлому – это вечный источник боли лирического героя Ахматовой (тип сознания здесь не определён как женский, поэтому всё же *героя*, а не *героини*). Он с ужасом сознаёт, что память не вечна, что воспоминания о прошлом так же бrenны, как и любой предмет материального мира:

Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаём, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

Кажется, что лирический герой примиряется с этим законом земного существования: память не может быть бесконечной по объёму, что-то должно утекать, уходить, оставляя место новым впечатлениям... Кажется, что всё это правильно и справедливо – «всё к лучшему»... Но это только кажется... Перед нами пример того, как слово поэтическое может полностью отрицать свой прямой смысл, быть равно своему противоположному значению. С болью душевной, с сожалением произносится это – «к лучшему»... Законы природы не повернёшь вспять, но счастья от забвения прошлой боли быть не может. Поэтому всю жизнь перебирает поэт свои чётки, бесконечно вспоминая тех, кто не должен быть предан забвению.

Лишь поэту дано преодолеть это беспомыслие, разрушить этот несправедливый закон. Ахматова обладает острой памятью, сохранит её на всю жизнь. В цикле «Венок мёртвым» два стихотворения связаны с Коломной – «Памяти Бориса Пильняка» и «Поздний ответ» с посвящением Марине Цветаевой. В них можно найти отголоски посещения Ахматовой нашего города летом 1936 года вместе с Сергеем Шервинским и Львом Горнунгом. События эти уже стали легендой, не единожды пересказанной современными коломенскими писателями и поэтами. Как когда-то молодой Борис Пильняк бродил по Коломне в поисках дома Лажечникова и никак не мог(!) его отыскать, так и Ахматова и её спутники были на Арбатской улице совсем рядом – всего несколько десятков метров от храма Николы-на-посаде, от дома писателя. И Маринкину

А.А. Ахматова со своим маленьким ленинградским соседом Валей Смирновым. 1940 год

башню Коломенского кремля Ахматова видела, и о том, что названа она так в честь гордой самозванки, знала.

Эти стихотворения объединены темой памяти и смерти. Хотя пишет Ахматова о Пильняке и Цветаевой, еще не зная трагических финалов их жизней.

*К. Петров-Водкин. Эскиз к портрету
Анны Ахматовой. 1922 год*

Не знает, но предчувствует, не только потому что обладает даром предвидения, как и многие гениальные поэты. Этот дар был обострѐн эпохой конца 30-х годов, атмосферой страха и смерти, «когда бессонный мрак вокруг клокочет». Память о счастье в стихотворении «Памяти Бориса Пильняка» перемешана с болью, она без боли и не может существовать:

Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеёшься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...

Ахматовой известно лишь, что Пильняк арестован, и она сама боится своего пророческого дара, своего кликушества, потому что знает о нём:

О, если этим мёртвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своём, тужу
И каждому завидую, кто плачет...

Возникает образ горя общего, скорби всенародной, а значит, народной беды:

Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...

Скорбь облегчит страдания отдельного человека, но общего страдания – никогда и горя Поэта – никогда:

Но выкипела, не дойдя до глаз,
Мои глаза не освежила влага.

И в «Позднем ответе» Цветаевой присутствуют образы смерти и разрушения: «чѐрные кусты», «дырявый скворечник», «погибшие кресты». Гордой полячкой Маринкой, но доведѐнной до отчаяния, предстаѐт Цветаева в этом стихотворении:

...То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.

Поглотила родимых пучина,
И разрушен родительский дом».

Горе Цветаевой (арест мужа и дочери), её бесприютность (отсюда, очевидно, и образ «дырявого скворечника» в начале стихотворения) были известны Ахматовой. И в её прямом обращении к ней, завершающем стихотворение – обращении Поэта к Поэту, Женщины к Женщине, Матери к Матери – нет и тени надежды на другую участь. И нет утешения: их горе – часть той общей беды, которой живёт вся страна:

А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

Вот это и есть мужественность поэзии Женщины. Источник своей внутренней силы Ахматова объяснила в одном из самых поздних своих стихотворений 1961 года:

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, –
Все юродивые и немые,
Брошенные жёны и калеки,
Каторжники и самоубийцы, –
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже это мне не трудно.

Давно замечено, что в юности для человека более притягательны стихи Марины Цветаевой, у которой все чувства – через край, никакой границы, сдерживающей их, нет. Чем старше становится человек (если поэзия продолжает быть частью его духовной жизни), тем сильнее его волнует страстная, но строгая лирика Анны Ахматовой. Зная о трагических обстоятельствах её жизни (ведь на её долю выпало не меньше испытаний, чем на долю Цветаевой, – «муж в могиле, сын в тюрьме»), невольно задаёшься вопросом: как могла она после всего этого сохранить способность любви, если забвения, беспамятства не принимала? И не просто любви как гуманного отношения к людям. Любви земной – любви Женщины к Мужчине. В ранних стихах Ахматовой лирическая героиня, кажется, жаждет страданий, потому что они – повод выплеснуть боль:

Ю. Анненков. Анна Ахматова. 1921 год

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.

Ей «нестерпимо больно» «любовное молчанье». Но она не просто наслаждается страданием («Слава тебе, безысходная боль!»), но пытается понять: иссякают ли чувства, есть ли предел у любви?

Ахматова уже в стихах начала века пытается предугадать эту ситуацию (вот опять её кликушество!): определить ту «заветную черту» в близости людей, переход которой губителен для чувств:

Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие – поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего моё
Не бьется сердце под твоей рукою.

(«Есть в близости людей заветная черта...»)

Но всей своей поздней лирикой она убеждает, что способности человеческого духа, человеческого сердца безграничны. Ахматова опровергает то, что вроде бы очевидно:

И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...

(«Мартовская элегия»)

Семь стихотворений цикла «Полночные стихи» написаны в 1963 году, когда Ахматовой уже восьмой десяток земных лет. И это ещё раз подтверждает, что у поэзии нет возраста, и у настоящего Поэта его нет. Лирическая героиня этого цикла не испытывает смущения от своих чувств:

Какое нам, в сущности, дело,
Что всё превращается в прах...

Они заставляют её порой терять ощущение реальности, поэтому она видит себя в «зазеркалье», сомневается, с ней ли всё это происходит:

Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

В раннем цикле «Эпические мотивы» Ахматова не только предсказала своё поэтическое бессмертие, но и заявила о безвременности и безграничности существования души Поэта:

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.

Кажется, что так можно смотреть на собственную жизнь только с высоты полёта ангела, только воспарив над миром. Ахматова обладала этим даром

пророческого видения и пророческой памяти. Всю жизнь хранила в памяти образ гениального (знала это, чувствовала!) художника Амедео Модильяни, который был ещё никому не известен. Историю их парижской дружбы (1910–1911 годы) она поведала в 1964 году, спустя полвека, в очерке «Амедео Модильяни». И в течение полувека хранила память, убеждённая, что этот человек «должен просиять»: «И всё божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак.

А.А. Ахматова. Рисунок Модильяни

Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник, он не имел и тени признания».

Удивительно, как притягиваются друг к другу люди, отмеченные печатью свыше! Может быть, потому что их души оказываются на небе ещё до окончания земной жизни? Ведь Модильяни не мог понимать стихов Ахматовой, да в то время, по её собственным словам, это были лишь их «первые робкие попытки». Не замечающий моды, окружённый «плотным кольцом одиночества», он рисовал эту русскую женщину, влюблённую во французскую поэзию, дарил ей свои рисунки. К сожалению, из шестнадцати сохранился только один, остальные «погибли в царскосельском доме» в первые годы революции. Но все их хранила её память.

Эта история взаимоотношений нищего и ещё никем не признанного Художника и Женщины, чей поэтический гений тоже ещё не был очевиден для окружающих, – полноценный сюжет для новеллы. И он притягивает к себе тем, что в нём обнаруживаются те самые «судьбы скрещенья», о которых так много писал Борис Пастернак. Совсем недавно услышала стихотворение современного поэта Андрея Королёва «Модильяни», созданное, бесспорно, под впечатлением очерка Ахматовой. Оно похоже на балладу, потому что в основе сюжета есть то мистическое начало, о котором написала сама Ахматова, почувствовав предопределённость их встречи с Модильяни. Вот это стихотворение:

...Он не знает, зачем вернулся.
И не знает, когда уйдёт...
Может, шарик перевернулся
В этот Богом забытый год.

Или будущее бросает
Тени, прежде чем войти,
Сны капризно переключает
И урчит на моей груди.

А потом в колокольнях грянет,
Будто дерзкий весенний гром,
И осветит, как фонарями,
Его плащ за моим окном.

Будто джин в золотом стакане,
Как в кальяне хмельной гашиш,
Бродит царственный Модильяни,
Потешая собой Париж.

У оборвыша Амедео
Нынче в сердце другая страсть:
Микеланджеловская дева
Новой Анною назвалась,

Новой музую или пассией,
Снизшедшей до дел земных.
Анна, Анна, на Монпарнасе
Пьют за мёртвых, а не живых...

Он отныне не гасит света,
Он ночами не спит с тех пор,
Чтобы тень твоя меж портретов
Не разгуливала, как вор.

И со мною трещит о погоде,
Молоко из кувшина пьёт...
Он не знает, зачем приходит,
И не знает, когда уйдёт...

Новое воплощение сюжета, который вполне может быть вечным, как вечна память поэтического Слова.

Каждый истинный поэт обречён на одиночество, даже если есть плотный круг настоящих друзей. Об этом в сонете «Поэту» писал Пушкин: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной иди, куда влечёт тебя свободный ум...» Только одиночество даёт поэту настоящую свободу. Одиночество и свобода для него – это и награда, и наказание. И Ахматовой, как и Пушкину, была «потребна» эта «иная, лучшая» свобода.

В одной из редакций стихотворения «Опять подошли “незабвенные даты”...» она заявила: «Я все заплатила до капли, до дна, // Я буду свободна, я буду одна...»

Мудрость Ахматовой в том, что она не только осознала свою участь, своё предназначение, но смогла до конца пройти свой земной путь с этой тяжкой ношей.

Татьяна КОНДРАТОВА,
кандидат филологических наук

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

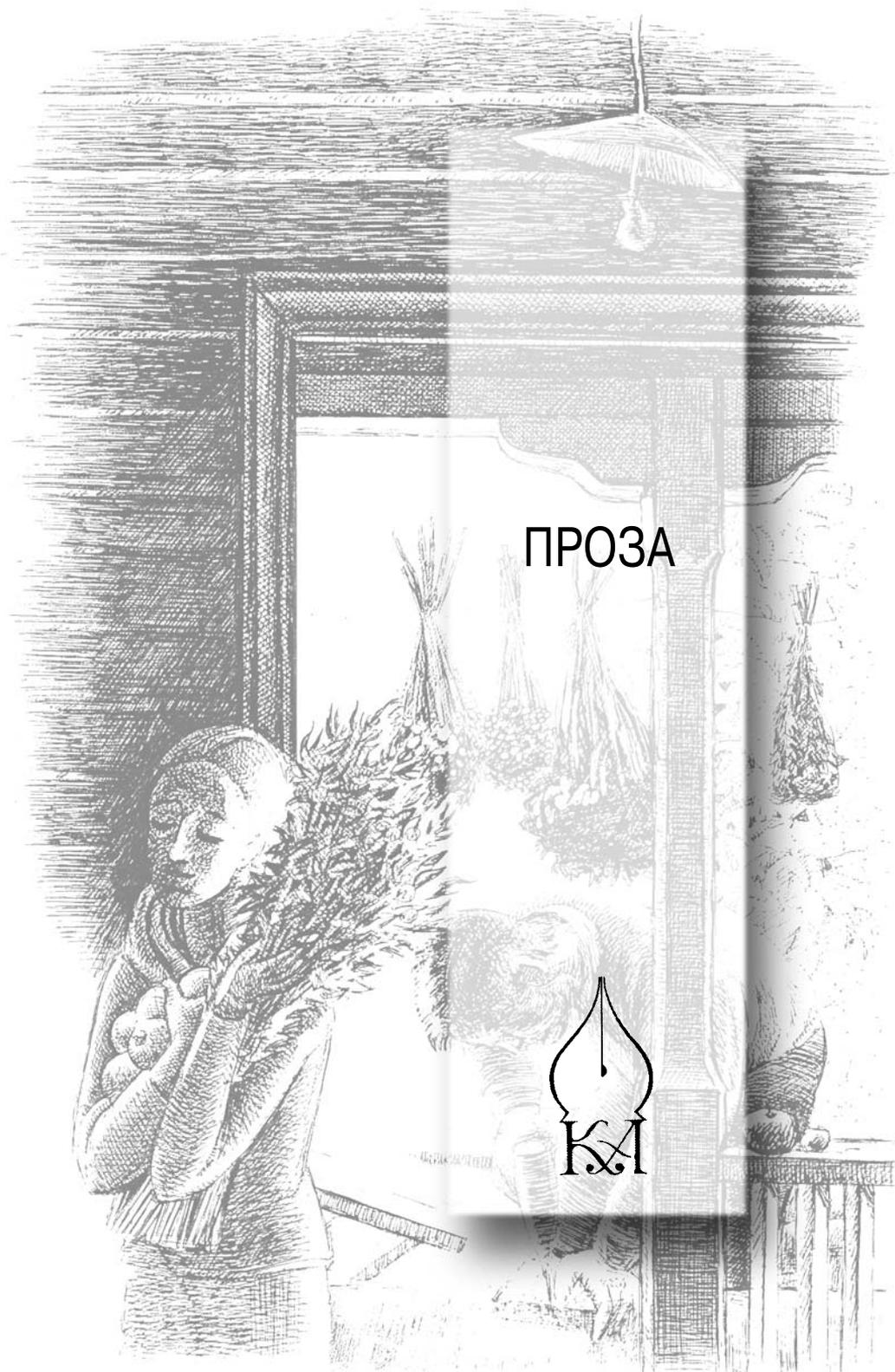
Александру Петровичу АУЭРУ — 60!

Неприметными на первый взгляд и всё же очень прочными нитями связана Коломна с Поволжьем. И если раньше всё ограничивалось торговлей, то век XX принёс и творческое взаимовлияние. Ведь слава Коломны — Пильняк — родом как раз из поволжских немцев. И наверное, есть своя закономерность в том, что восстанавливать славу забытого писателя пришлось Александру Ауэру. Он родился в Казахстане, в 1971 году окончил филологический факультет Саратовского университета. Доктор филологических наук, профессор КГПИ, А.П. Ауэр известен своими многочисленными работами по истории и поэтике русской литературы, но Коломне он дорог прежде всего как первооткрыватель пильняковской темы.

Без неутомимой энергии Александра Петровича не было бы ни «Пильняковских чтений», ни воскрешения памяти об этом выдающемся писателе, ныне увековеченном на улицах Коломны в бронзе и мраморе.

Александр Петрович неоднократно публиковался на страницах «Коломенского альманаха». Так пожелаем ему здоровья и творческих удач! Мы уверены: ещё не раз профессор Ауэр проведёт любознательных читателей по таинственным маршрутам литературных исследований. Ведь впереди так много пленительных загадок и ярких открытий!

Коллектив редакции

ПРОЗА

Графика Василины Королёвой

МИНУС

1

Странная квартира находится на нашем этаже. Каждый день разные люди приходят в эту квартиру и уходят из неё. Я могу узнать по крайней мере уже человек пять. Один из них — щедедушный мужчина лет тридцати с мешковатой фигурой, похожий на нищего опустившегося интеллигента. Другой — молодой франт, одетый по последней моде. Третий — накачанный уличный боец — «бык». Четвёртый кажется случайно заблудившимся в нашем районе солидным бизнесменом. Пятый более всего похож на сыщика или пройдоху. Иногда мелькают ещё какие-то фигуры, но отчётливо я рассмотрел только пятерых. Они никогда не бывают вместе. Они приходят и уходят по одному.

Я смотрю в глазок и вижу того, кого встречаю чаще других. По-видимому, это хозяин. В ветхой рубашке и в штанах с отвисающими коленками он выходит на площадку с ведром мусора и, шмыгая полустёртыми сандалиями, отправляется к мусорным бакам. Я всовываю ноги в дежурные кроссовки, хватаю ведро и вылетаю на площадку вслед за ним. Детское любопытство управляет мной. Я как маленький ребёнок, вместо того чтобы наслаждаться подаренной игрушкой, пытаюсь её сломать. Возможно, лишь затем, чтобы узреть тайну обыкновенной металлической пружины и зубчатых колёсиков.

Сталкиваюсь с мужчиной в подъезде, говорю ему торопливо:

— Здравствуйте. Я из девятой квартиры. Вам не кажется, что пора вкрутить лампочку на этаже?

Сергей Вацлавович Малицкий родился в Иркутской области в октябре 1962 года.

С 1983 года живет в Коломне.

В 2000 году вышла первая книга рассказов «Легко».

Произведения печатались в журналах «Москва», «Полдень XXI век», «Реальность фантастики» и других.

С 2006 года в издательстве «Альфа-книга» вышло шесть книг: «Миссия для чужеземца», «Отсчёт теней», «Камешек в жерновах», «Муравьиный мёд», «Компрессия», «Оправа для бездны».

Участвовал в сборниках издательства «Амфора».

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Он несколько секунд растерянно смотрит мне в глаза. Я успеваю разглядеть застиранную рубашку с надорванным карманом, блестящие от вытертости тренировочные штаны, голубой шрам, змеящийся вниз из беловатой звёздочки между ключиц. Сосед моргает, машинально поправляет волосы и пытается пройти мимо, бросая в сторону неловкую фразу: — Хорошо. Извините, что я с пустым ведром. Плохая примета. Я вкручу...

2

Я излишне любопытен? Может быть. Наверное, виной всему одиночество. Хотя я и не знаю ни одного человека, которому бы оно навредило. Одиночество — это богатство. Космос, который в твоём распоряжении. То, чего не отнять, и то, что никогда не изменит. Оно всегда рядом, где бы ты ни был, — в пустыне, в лесу, в собственной квартире или в многолюдной толпе. Моё одиночество не безлюдно. Я слышу голоса людей, я знаю их по именам, они живут внутри меня, они часть моего одиночества. Они влюбляются, ссорятся, умирают и рождаются вновь. Единственное их отличие от остальных людей — способ существования. Буквы, слова, предложения, сохранённые на жёстком диске компьютера и в моей голове. Именно для того, чтобы их невидимая никому жизнь не растворилась вместе со мной, я вновь включаю старенький «комп», вслушиваюсь в стрекотание «винта», открываю допотопный «ворд» и касаюсь пальцами пожелтевших клавиш со стёртыми буквами.

Мой принтер пачкает бумагу по краям, и поэтому отпечатанные листки выползают из него то ли с траурной каймой, то ли вымазанные в крови. И тогда мне кажется, что принтер рождает тексты в муках, и от этого страдания, изображённые на листках, представляются чрезмерными, а шутки неуместными. Я рву их на части, ухожу в кухню, грею на газовой плите маленький противень с речным песком, вдвигаю в него чеканную армянскую турку с деревянной ручкой и тут же поднимаю её вверх вместе с шапочкой кофейной пены. Иногда сто граммов реальности с запахом настоящего кофе просто необходимы для поддержания вымысла. Или всё-таки водки?

3

— Хорошо. Извините, что я с пустым ведром. Плохая примета. Я вкручу...

— Почему же с пустым? — придержал я его за рукав. — Вовсе не с пустым.

Он последовал глазами за моим взглядом, увидел прилипшую к стенке ведра фольгу, поморщился и обречённо поплёлся обратно к бакам.

— Два пустых ведра — двойное несчастье? — спросил я его через плечо, когда мы поднимались по лестнице и он плёлся сзади, стараясь находиться вне пределов возможного обмена репликами. Сосед что-то бурк-

нул, я остановился у двери, обернулся, чтобы проститься. Он посмотрел на мои ноги и, не поднимая глаз, сказал:

— Простите. Я не слишком общителен.

— Да я и сам... — начал я ответную фразу, но его дверь уже хлопнула. Я усмехнулся многообещающему началу приятного знакомства, достал с антресоли лампочку и, выйдя на площадку, вкрутил её взамен перегоревшей. Мне хотелось, чтобы сосед наблюдал за мной в дверной глазок, но он, по всей видимости, решил не доставлять мне подобного удовольствия. За дверью стояла тишина.

Позвонил в восьмую квартиру. Дверь открыла Евдокия Ивановна. Она была старше меня лет на пятнадцать. Эта разница казалась мне пропастью. Судя по дружелюбию соседки, пропасти она не замечала.

— Евдокия Ивановна! Вам соседи не мешают? А то вчера опять кто-то часов до одиннадцати стенку сверлил. Это случайно не из двенадцатой квартиры?

— Из двенадцатой? — Соседка задумалась. — Нет. Я бы услышала. Из двенадцатой нет. У них ребёнок маленький. Это, наверное, из соседнего подъезда. Там на нашем этаже на днях окна пластиковые вставили. Точно они. Ну что ты будешь делать? Никакого уважения к людям!

— А сосед не беспокоит вас?

— Лёшка-то? А чего ему беспокоить-то? Пьёт он, наверное. Как въехал сюда год назад, так и пьёт.

— Евдокия Ивановна, — удивился я, — что же я тогда пьяным его никогда не видел?

— И я не видела! Так он аккуратно пьёт, — убеждённо затараторила соседка. — А ты чего думаешь? Вроде и не работает нигде, и друзья всё к нему ходят. И воет он иногда ночами!

— Это как же? — удивился я уже по-настоящему.

— А как пьяные воют, — махнула рукой Евдокия Ивановна. — Я-то знаю. А то ещё, бывает, и зубами скрипят!

— Так уж и скрипят?

— Скрипят, будьте уверены! Только про Лёшку я врать не буду, Лёшкиного скрипа не слышала, но воет точно. То утром, то вечером. Точно спьяну!

— Так, может, не он это? — предположил я. — Ведь вы сами говорите — друзья к нему ходят.

— Нет, — задумалась Евдокия Ивановна. — Я сталкивалась тут в подъезде, вроде все культурные, чистенькие. Хотя что они к нему повадились? Какой у них интерес-то?

— Может, он на дому работает?

— На дому-то? — Евдокия Ивановна насторожилась. — Это чего же он делает?

— Как я, например. Книжки пишет.

— Книжки? — Евдокия Ивановна подозрительно покосилась на меня. — Кто же его книжки читать будет? Какой-то он несолидный для книжек-то!

— А если он «несолидные» книжки пишет? Да и книжки не из-за солидности автора читают. Опять же, может быть, он коллекционер?

Собирает какие-нибудь древности, марки, наконец? Вот и люди к нему ходят культурные. Он вам мешает?

— Мне? — Евдокия Ивановна опешила.

Разбуженное в ней возмущение непутёвым соседом требовало выхода. Она моргала глазами, пытаясь оценить нанесённый ей вред, и злилась ещё больше.

— Мне? — переспросила Евдокия Ивановна. — Мне нет. Но ведь должен же быть порядок?!

— О каком порядке вы говорите, Евдокия Ивановна? — поддел я её на крючок. — Какой может быть порядок, если у нас дом тридцать лет без капитального ремонта? Порядок надо сначала наводить там! — показал я пальцем в направлении перпендикулярно вверх, отводя таким образом поток патриотического негодования от таинственного соседа. Евдокия Ивановна проследила за движением пальца, набрала полную грудь воздуха и тут же разразилась обличительной и гневной речью, собираясь в критическом духе обозреть все последние события, начиная от действий президента и заканчивая безответственностью работников жилищной конторы. «Минут на двадцать!» — тоскливо подумал я, проклиная себя за необдуманный выбор информатора.

4

26

Работа не шла. Герои не торопились двигаться к назначенному финалу, отмалчивались либо вели себя неестественно и натужно, вынуждая то и дело рвать распечатанные листки и гонять по экрану текст вверх или вниз. Примета была плохая. Значит, или они задумали выйти из игры, или их подлинная история была гораздо реальнее и интереснее выдуманной мною. В такие минуты стоило оставить персонажей в покое, дать им расслабиться и зажечь естественной жизнью. Жаль только, что естественная жизнь побуждала их обходиться без душевных страданий, надуманных испытаний и бесконечных философских рассуждений. Но это я поправлю. Просто они ещё не знают, что задумал автор на последующих страницах их истории.

Голова гудела. Кажется, я начинал понимать причины благосклонного отношения ко мне соседки. Я умел слушать! Она уложились в пятнадцать минут и удалилась, порядком ослабив мой интеллектуальный иммунитет.

Я печально посмотрел на маленький экран старого и ленивого электронного приятеля, сохранил текст и отправился на кухню, имитируя по дороге лёгкую оздоровительную гимнастику. В открытое окно заглядывало солнечным глазом московское лето. На жестяном оконном отливе балансировал толстый и глупый голубь. Внизу хлопнула дверь подъезда. Спугнув неопрятную птицу, я выглянул в окно и увидел уходящего через двор «быка». Слегка расставив руки и покачиваясь из стороны в сторону, как матрос кругосветки, он дошел до приткнувшихся у сквера автомобилей, открыл дверь чуть поцарапанного «пассата» и, не прогревая мотор, уехал. Я посмотрел на часы. Почти двенадцать. Что-то непостижимое происходило на моих глазах. Я вернулся в комнату, вытащил из принтера

белый лист бумаги и начертил таблицу из четырех колонок. В первой колонке написал «Действующие лица» и перечислил всех пятерых, которых встречал несколько раз: Алексей, «бык», «сыщик», «бизнесмен», «франт». Во второй колонке написал: «Новости» — и пометил, что сегодня видел Алексея, а в двенадцать часов дня из квартиры вышел «бык». В третьей колонке, которую я назвал «Внешний мир», я написал слова: «бык», «франт», «сыщик» и «бизнесмен». Четвёртую колонку я озаглавил «Квартира» и добавил только одно слово — «Алексей». Мои герои отошли в сторону и замерли в тумане. Ничего. Я рассчитывал на этот туман. Он должен был постепенно сгуститься, конденсироваться и опуститься на мозговые извилины росой идей и разгадок. По крайней мере, раньше всегда происходило именно так.

Значит, пока я пытался завести с Алексеем разговор, в его квартире находился этот «бык»? Может быть, даже лежал в это время на постели и курил, сбрасывая пепел в чашечку из-под кофе? Хорошо ещё, что в голове соседки не появились мысли о притоне мужчин неадекватного поведения. Точно бы уже бежала в жилищную контору или к участковому.

Звонок в дверь прервал размышления. Я щёлкнул замком и увидел в дверях встревоженную Евдокию Ивановну. Она втиснулась в узкий коридор, приложила палец к губам и прошипела:

— Слышь? А если Лёшка этот... голубой? Ну, которые мужик с мужиком...

— Да что вы, Евдокия Ивановна! — успокоил я соседку. — Конечно, нет! Те и выглядят по-другому, и повадки у них другие. Юрист он, скорее всего. Только пьющий. Советы даёт людям, помогает в чём-то. Или врач. Да не волнуйтесь вы так! Я сам всё узнаю и вам расскажу. Хорошо?

5

Если когда-нибудь человечество встанет перед проблемой собственной идентификации, то есть отличия людей «натуральных» от «искусственных», оно с удивлением обнаружит, что каждая «натуральная» особь несёт в себе определённое количество признаков машин. Не все наши действия контролируются сознанием. Строгие сторонние алгоритмы подчиняют себе и организуют наше существование. Надёжнейшие программы контролируют деятельность. Вы идёте вечером из магазина домой и с удивлением обнаруживаете, что уже стоите у дверей собственной квартиры, но не помните, как прошли последние четыреста метров! Передвигаетесь по улицам города и не замечаете лица людей, проходящих мимо. И они не замечают вас тоже. Мы машины. Олицетворённый безучастный вселенский конвейер человечества движется сквозь время. Поскрипывают совершенные сочленения, смазывающиеся суперсмазкой с исключительными присадками. Подрагивают окуляры с точнейшей наводкой на резкость. Бесшумно творит процессор с неизмеримой тактовой частотой. Перерабатываются тысячи видов топлива в камере внутреннего сгорания. Что ещё? Может быть, не механизмы в будущем будут обеспокоены доказательством причастности к мыслящей субстанции, а именно люди

вынуждены доказывать, что они являются людьми? Или категория «люди» имеет смысл только как обозначение более совершенных механизмов, созданных незримым создателем? Вы спросите: а как же душа? А никак. Всего лишь очень приличное программное обеспечение.

Я снова обречённо бросаю работу, предоставив героям самостоятельно разбираться друг с другом в файлах старого четырёхгигабайтного диска и в моей подкорке неизвестного мне объёма. Я мастерю на кухне нехитрый холостяцкий обед, используя в качестве основных продуктов питания холестерин, клетчатку, кофеин и целую пригоршню подозрительных «Е». Зажигаю спичку и загоняю в лёгкие по бронхам едкий смолистый дым. Смотрю в зеркало и вижу нечто, не подлежащее описанию из-за обречённой однозначности медицинских терминов. Мой затылок чешется, как чесался затылок у Ньютона перед падением на него яблока, но я стою не под яблоней, а под двумя этажами пятиэтажного дома, и моя голова не выдержит последствий подобного озарения. Я разжигаю костёр гастрита в многострадальном желудке, заливаю его минеральной водой, бросаю в коридоре матрац на пол и ложусь головой к входной двери. В дверную щель сквозит запах распустившихся кошек. Изредка кто-то проходит, пробегает или прошаркивает по лестнице. Где-то устало тьякает насильно уединённая собака. Я слушаю. Я перестаю быть машиной для перегонки жизненной браги в литературный спирт. Я прихожу в себя после длительной и неконструктивной филологической спячки. Я кот, который сидит у заветной норки и прислушивается к шороху безмятежной мыши. Их уже несколько человек в этой квартире, или способность видеть и понимать покинула меня навсегда. Я жду.

6

Я пролежал на матраце до вечера, понемногу заполняя таблицу. «Бык» вернулся примерно в два часа, открыл дверь своим ключом и скрылся в квартире. Выглянув в окно, я увидел его машину на старом месте. Примерно через час из квартиры вышел «бизнесмен» и, говоря с кем-то по сотовому телефону, спустился во двор. Так вот кому принадлежит эта пузатая красная «ауди»! «Бизнесмен» выехал со двора, а я снова занял место в коридоре. Значит, всё это время в квартире был и «бизнесмен»? Сейчас там «бык» и Алексей. «Бизнесмен» сдал дежурство? Осталось выяснить, где «франт» и «сыщик». Ожидание затянулось, и я подошёл к книжной полке, чтобы в третий раз попытаться расплести склеивающегося в моей голове Кафку, но медитация сорвалась, потому что на площадке раздался шум. Кто-то вошёл в квартиру. Я выглянул во двор и снова увидел «ауди». «Пассат» тоже стоял на своём месте. «Бизнесмен» вернулся, и, может быть, не один? Собираются все вместе?

Я вдруг подумал, что подобное ощущение нелепости и нереальности происходящего было у меня только один раз. Много лет назад, ещё в юности, почти в детстве, когда я молодым солдатиком участвовал в ночном марше автомобильной колонны по Каршинской степи. Глядя в окно из пыхтящего «шестьдесят шестого», я видел, как над степью со стороны

то ли Учкудука, то ли Байконура поднимается вверх светящаяся сфера, расплываясь и захватывая светлым куполом половину неба. Никто не мог ответить, что происходит. Никто не мог ответить, но никто и не спрашивал. Колонна упрямо двигалась, следуя назначенному ей маршруту. Я был подневольным очарованным созерцателем этого необъяснимого сполоха и оставался бы им, наверное, даже если бы на горизонте расцветали ядерные грибы.

Какой-то звук раздался из-за двери. Я прислушался, затем встал, вышел на лестничную площадку и подкрался к двери напротив. Нет. Это не было воем. Это было не стоном и не воем. Это было гудение с закрытым ртом и стиснутыми зубами. Гудение, от которого начинают вибрировать барабанные перепонки. Щёлкнула щеколда, я вздрогнул и увидел Евдокию Ивановну. Она высунула голову из-за двери и, приложив палец к губам, прошипела, заглушая таинственное гудение:

— А вы говорили, не вое!

— Ничего я такого не говорил, — вполголоса, но с максимальной возможной убедительностью ответил я соседке и сделал несколько быстрых шагов к своей двери. Едва я успел закрыть её за собой, как дверь в седьмой квартире открылась и оттуда показался «франт». Он огляделся по сторонам, почему-то закрыл за собой дверь ключом, снова обернулся и натолкнулся взглядом на голову Евдокии Ивановны. Соседка искристо заулыбалась и нараспев приветствовала «франта»:

— Здравствуйте! Не знаю, как звать-величать вас. Я смотрю, что вы частенько к Алексею наведываетесь, так передайте ему, пожалуйста, что он мне за этот месяц за уборку площадки деньги ещё не отдавал. Хорошо? А то что-то я никак его не застаю... Или он дверей не открывает? Деньги небольшие, но всё-таки инфляция, такое дело...

Евдокия Ивановна завела свою пластинку, а я смотрел, как поведёт себя этот молодой человек, одетый вызывающе, но не настолько, чтобы можно было принять его за гея или представителя какого-нибудь очередного молодёжного взбулькивания. Он повернулся левым ухом в сторону соседки, наклонил голову, прислушался, затем щёлкнул каблуками, отдал ей честь и, расставив руки и издав рокочущий звук, побежал «самолётиком» вниз по лестнице. Евдокия Ивановна оборвала речь на полуслове, закрыла рот и плюнула с досады. В следующую секунду из-за двери показалась её нога в жёлтой тапочке, которая затёрла плевков, а вслед за этим дверь оскорблённо хлопнула.

— Ну и что? — спросил я себя, после того как увидел, что «франт» вышел из подъезда скользящей походкой мартовского ловеласа и покинул двор, минуя и «ауди», и «пассат». — Что всё это значит?

Я посмотрел в зеркало и подумал, что если из «сора растут стихи», то нечего предъявлять завышенные требования к источнику прозы. Что я выяснил за это время? Только то, что никакого дежурства в седьмой квартире нет. А есть, скорее всего, странный притон или ночлежка. Ночлежка, один из посетителей которой отличается пристрастием к гудению с закрытым ртом, а остальные ведут себя тихо. Безобидная ночлежка. Слишком безобидная и спокойная, чтобы можно было смириться с её безмятежным существованием через две двери от меня и несколько метров

зашлакоблоченного пространства. Что мы имеем? Мы имеем закрытую взглядонепроницаемую двухкомнатную квартиру, в которой находятся трое мужчин, если не предположить, что вместе с «бизнесменом» в неё не приехал и ещё кто-то. Или если не представить, что этот кто-то (или эти кто-то) не лежат в дальней комнате штабелем временно выключенных муляжей, которые при своём оживлении и издают эти гудящие звуки? В дверь позвонили.

— Заходите, Евдокия Ивановна, — вздохнул я, щёлкая замком и не сомневаясь в точности предположения.

— Нет, вы видели? — возмутилась соседка. — Я ему говорю, чтобы он передал Алексею об оплате, а он мне тут самолёт изображает! Точно пойду к участковому! Притон прямо какой-то устроили на площадке!

— Какой же это притон? — удивился я и стал уверенно лгать, глядя в глаза соседке. — Этот молодой человек — сын брата Алексея. Брат Алексея — бизнесмен. Громила — его охранник. У брата Алексея сейчас дела в Москве. Остановился в гостинице, но иногда ночует здесь. Сын помчался в ночной клуб проматывать папины денежки. Чего тут непонятного?

— А? — поразились соседка, открыв от напряжения рот и пытаясь не упустить ни частички из передаваемой ей бесценной информации. — А женщина кто?

— Какая женщина? — переспросил я.

— Ну, молоденькая такая, в розовом платье?!

— А вы не знаете? — воскликнул я.

— Не-а! — развела руки соседка.

— Так это жена бизнесмена. Новая жена. Мачеха этого парня. Представляете, какая это проблема — молодая жена и взрослый сын? — поинтересовался я у Евдокии Ивановны, понемногу вытесняя её из квартиры.

Челюсть у неё отвисла, а глаза почти выскочили из орбит и грозили упасть на мой матрац. Наконец она вышла на площадку. В глазок я увидел, как Евдокия Ивановна, вкручиваясь в замочную скважину, приникла к двери седьмой квартиры сначала глазом, затем ухом, затем отошла на один шаг, разочарованно сплюнула на пол, аккуратно затоптала плевков всё той же тапочкой и скрылась в своей квартире. Я вышел на площадку и тоже приник ухом к двери. За дверью стояла мёртвая тишина. Что же вы там делаете в этой тишине, Алексей, «бык», «бизнесмен» или сколько вас там?

7

Ночью мне снится всякая ерунда. Евдокия Ивановна по непонятной причине живёт вместе со мной, летает, как полуспущенный дирижабль, по комнате, развешивает по стенам фотографии неизвестных людей и раскладывает всюду безобразные вязаные салфетки и коврики. Мои рукописи лежат на полу, как истоптанная и опавшая листва, и символизируют собой отсутствие всякой издательской и литературной надежды. Евдокия Ивановна сбрасывает застиранный байковый халат и в розовом пеньюаре неотвратимо движется в мою сторону, колыхаясь телесами, как

облако, и плотоядно облизывая дюймовые желтоватые клыки. Я срываюсь с места и пытаюсь убежать из собственной квартиры. На площадке обнаруживаю, что дверь в квартиру Евдокии Ивановны заложена кирпичом, а дверь в квартиру Алексея приоткрыта. Я вбегаю туда. Сорванные обои висят грязными лохмотьями. Пол усеян мусором и покрыт пылью. Вдоль стен расставлены огромные дубовые шкафы, в которых за стеклянными дверцами я угадываю безжизненно висящие куклы или оболочки «быка», «бизнесмена», «франта», «сыщика», нашего дворника, алкоголика Степаныча с первого этажа, самой Евдокии Ивановны, своего школьного приятеля, ненавистного мне редактора толстого журнала и ещё каких-то знакомых и незнакомых действующих лиц. Я прохожу в следующую комнату и вижу на ковре зелёной травы, заполняющей всю комнату, лежащего Алексея и женскую фигуру в розовом платье, склонившуюся над ним. «Алексей!» — громко зову я его, но он остаётся недвижим. Фигура поднимает голову, но вместо лица я вижу окровавленное пятно, из которого доносится родной и знакомый голос: «Вадик, сколько можно спать? Подъём! Подъём! Вставай, а то убьём!»

8

— Вадик, сколько можно спать? Подъём! Подъём! Вставай, а то убьём!

Конечно, это Верка. Только сестра могла явиться ко мне в субботу, в семь часов утра, и приняться будить, укоряя за расслабленность и напрасное прожигание жизни.

— Привет, — хмуро сказал я, сбрасывая одеяло и направляясь в ванную.

— А поцеловать сестричку? — попыталась она преградить путь.

— После ванной, — пообещал я ей. — Когда я целую женщину, я целую женщину. Даже если это моя сестра. Надо почистить зубы.

— Я жду, — вздохнула Верка и сказала ещё что-то, но я включил воду и не услышал. Стараясь не смотреть на безобразие, мелькающее в зеркале, я постарался привести себя в порядок. Это заняло несколько минут, в течение которых я убедился, что сон не пошёл мне на пользу. В неважном расположении духа я вернулся в комнату. Верка копошилась на кухне, распаковывая принесённые пакеты, и крикнула, что её поражает способность одинокого и ничего не делающего мужчины наполнять за два-три дня битком мусорное ведро. Я натянул старые джинсы, футболку и, поцеловав сестру в щеку, отправился с ведром на улицу.

Наш пыльный московский дворик уже проснулся, но не открыл глаза и сквозь сон отливало свежестью в виде нескольких аккуратных луж ночного дождя. На скамейке у подъезда боролся с застарелым алкоголизмом Степаныч, стараясь поймать худыми плечами пробивающую дрожь. Меня Степаныч из-за очевидной трезвости и безденежья за серьёзного человека не считал и относился ко мне, как к пробегающему мимо коту или иной бесполезной твари. Зная это, а также то, что, родившись уже после войны, он частенько рассказывает о своих военных приключениях, почерпнутых из книжек серии «Подвиг», я, как обычно, поприветствовал его: «Хайль Гитлер, Степаныч». Степаныч, как обычно, ничего мне не отве-

тил, только постарался глубже опуститься в засаленный пиджак, глядя в одну точку и посасывая давно потухший «бычок». Баки после утреннего вывоза мусора были девственно чисты, я опрокинул в ближний из них бумажный хлам и осмотрелся. В ряду машин, скрывающихся под ветвями нескольких полумёртвых лип, стояли «ауди» и «пассат». Я поставил на землю ведро и подошёл к автомобилям. Помигивали огоньки включённых сигнализаций. Колыхались прилипшие к капотам липовые листья. Ничего особенного. «Ауди» чуть новее и аккуратнее, чем «пассат». Никаких вещей или предметов на сиденьях. Ничего болтающегося под ветровыми стёклами. Повинуясь необъяснимому порыву, я огляделся, присел у заднего колеса, отвернул колпачок ниппеля и выковырнул золотник. Сигнализация крякнула на мгновение и затихла. Шина зашипела и мягко и плавно выпустила из себя натруженный воздух. Машина качнулась и слегка присела на одну сторону. Я оглянулся. Никого не было во дворе. Никто не шевельнулся за тремя окнами квартиры Алексея на третьем этаже. Я вернулся к бакам, подобрал ведро и опять протопал мимо по-прежнему уставившегося в одну точку Степаныча, не преминув заметить ему: «Но пасаран». Дома уже что-то скворчало на сковородке, издавая аппетитный запах, безрезультатно пытающийся пропитать холостяцкую квартиру. Я поставил ведро, сполоснул руки и снова поцеловал Верку. Дурак Вовка, её муж. Ни разу не поцеловал её при мне. Эта кожа просто не имеет права оставаться нецелованной.

— Как дела?

Кажется, сегодня Верка в хорошем расположении духа.

— Замечательно. Особенно в связи с твоим приходом. Не забываешь старшего брата.

— Тебя забудешь, — она улыбалась, — или грязью зарастёшь, или окончательно испортишь себе желудок концентратами.

— Концентраты бывают разные... — Я стоял у окна и наблюдал, как двор в сторону нашего подъезда пересекает танцующей походкой несколько не уставший «франт». — Несколько лет назад, после войны в Персидском заливе, в магазинах попадались очень недурные коробки сухого пайка морских пехотинцев США. Шоколад там был замечательный. Горький, как моя жизнь!

— Чего же в ней горького? — удивилась Верка. — Каждому бы хотелось такой жизни. Сидишь себе, стучишь по клавишам. Главное, чтобы без ошибок и интересно.

— Действительно, — усмехнулся я, садясь за стол, — главное, чтоб без ошибок и интересно.

— Ну и как твоя «нетленка»? — спросила Верка.

Она спрашивала меня об этом каждую субботу.

— Она по-прежнему нетленна, — отвечал я.

— А книжка?

И это она знала заранее. Несколько моих рассказов, опубликованных в толстых журналах, прокормить меня, конечно, не могли. Именно поэтому периодически я подвизался на любую, предпочтительно физическую, работу, что вызывало у Верки ещё большее раздражение, чем моё, с её точки зрения, «ничегонеделанье».

— Верочка, ты же знаешь. Для того чтобы издать книгу, надо или написать умопомрачительный кич, или устроить скандал...

— ...или поработать президентом, или украсть миллиард, или... — становилась Верка.

— Или?.. — переспросил я.

— Или быть гением.

Она грустно и серьёзно смотрела мне в глаза.

— Не преувеличивай, — ответил я. — Посмотри на книжные развалы. Это что? Продукция неисчислимого количества гениев? Во мне живёт смутная надежда, что последним гением на этой планете был Иисус Христос. Все остальные великие — таланты. С учётом, что далеко не все они литераторы, меня устроит место в первой сотне... даже тысяче!

— Это решать читателям, которых у тебя практически нет.

Она подняла крышку со сковородки и положила на тарелку жареной картошки и настоящую котлету.

— Домашние? — переспросил я.

— Домашние! — вздохнула Верка.

— Передай Вовке, что у него замечательная жена.

— Он знает.

— А Серёге — что у него замечательная мать.

— Он тоже знает.

— А что касается читателя, — я усердно дул на котлету, — то он у меня уже есть. Я тиснул свои произведения в Интернете и теперь получаю отзывы на электронный почтовый адрес.

— Положительные?

— Отрицательные! Абсолютно отрицательные, но зато стабильно! В среднем раз в полгода!

— Посмотрим, как ты сможешь намазать эти отзывы на кусок хлеба и как ты купишь на них новые штаны, — снова вздохнула Верка.

В дверь позвонили.

— Сиди ешь! — сказала Верка и пошла открывать.

— Если это соседка, то меня нет дома, — крикнул я, откусывая котлету.

— Это не соседка, — отозвалась Верка из коридора. — Иди, это к тебе.

Я встал и, перебрасывая горячий кусок котлеты из одного угла рта в другой, вышел в коридор. В дверях стоял «бык».

— Вадим? — спросил он.

— Угу, — мотнул я утвердительно головой.

— Держи, Вадим, — сказал «бык» и не размахиваясь ударил меня в лицо.

9

Во всём происходящем с нами, даже и в дурном, есть хорошие стороны. Жизненный опыт — это закваска, на которой поднимается тесто фантазии, необходимое для выпекания пирогов вымысла. Теперь я знаю, как чувствует себя боксёр, попрыгавший на одном ринге с Тайсоном в его лучшие годы. Боль в голове, особенно в месте удара, головокружение, неприятные ощущения в животе, слабость в коленях и продуктив-

ная тошнота. Первое, что я увидел, когда пришёл в себя, — это моя заплаканная и суетящаяся сестра, а также Евдокия Ивановна с выражением полной удовлетворённости на толстом лице. Я аккуратно потрогал голову и определил, что зубы целы, но вся левая скула, включая значительную часть глаза, потеряла чувствительность и, по всей видимости, изменила цвет.

— Какие действия успели предпринять? — спросил я, чувствуя неприятное похрустывание за ухом.

— В милицию звонили, в «скорую», — всхлипывая, сообщила сестра.

— Сосед это, точно сосед! — убеждённо продолжила ранее начатую реплику соседка. — Видит Бог, сосед это был. Или один из его дружков.

— Тихо! — убедительно попросил я, с трудом вращая травмированной головой. — До кровати я сам дошёл?

— Это я тебя тащила! — заплакала Верка.

— Слезы отставить! — сказал я. — Сколько сейчас времени?

— Не знаю! Начало девятого! Минут десять.

— Отлично, — пошутил я. — Дата, надеюсь, та же? А вы, Евдокия Ивановна, откуда взялись? С чего это вы решили, что у нас что-то случилось?

— Ну как же? — удивилась соседка. — Да у вас же всё на лице написано! Слышу крик, так я сразу сюда.

— Большое спасибо, Евдокия Ивановна, но помощь ваша, к сожалению, не понадобится. Я упал.

— Это как же упал? — удивилась Верка. — А этот, который звонил?

— Вера, никто не звонил! — убедительно повторил я. — Это был телефон.

— Так я открывала...

— Вера! — настойчиво повторил я. — Никто не звонил! Я вышел в коридор, поскользнулся и упал лицом на дверную ручку.

Верка растерянно замолчала. Соседка презрительно поджала губы и пошла к выходу, бросив через плечо:

— Это же надо так измудриться, чтобы глазом и об дверную ручку в узком коридоре. А матрац для чего? Чтобы колени не отшибить?

— Да! Я долго тренировался! — крикнул я ей вслед.

Дверь хлопнула.

— Это почему же упал? — спросила Верка.

Я сел на кровати, с трудом встал и подошёл к зеркалу. Ничего себе! Тёмные грозовые тучи клубились на левом виске, на глазах подползая к переносице. Голова казалась чужой и не подходящей по размерам к шее.

— Наконец буду писать во всех анкетах, что действительно стукнулся головой, — попытался пошутить я.

— Это почему же упал? — снова спросила Верка. — Я милицию звала.

— Упал, — упрямо повторил я. — Для милиции упал. Тем более они скоро не придут. Знаешь, что такое литературный эксперимент?

— Какой ещё эксперимент?

— Скажи мне, что бы сделал твой Вовка, если бы на его «шестёрке» кто-то спустил колесо?

- Убил бы, наверное.
- Вот видишь! А я ещё жив!
- Ты спустил чьё-то колесо?
- Результат налицо!
- Ты идиот. Ты законченный идиот!
- А ты сестра идиота. И скорее всего тоже идиотка, по крови.

Верка заплакала и обняла меня, стараясь не касаться обезображенного лица.

— Ну, если тебе так надо было спустить чьё-то колесо, неужели ты не мог выбрать кого-то поменьше ростом? Ведь он мог тебя убить!

— Мог, но не убил. Может быть, в этом и заключается чистота эксперимента?

— Ты вышел, я на кухне. Вдруг слышу грохот. И дверь хлопнула. Я бегу, а ты на полу лежишь и не дышишь. И котлета у тебя изо рта выпала, я думала, ты язык откусил себе. Я как закричу, тут соседка прибежала, стала в милицию звонить, в «скорую»...

Зазвонил телефон.

— Алло! — сказал я, поморщившись и перекладывая трубку из левой руки в правую. — Кто это?

— Милиция. Районное отделение. От вас звонили? По поводу нападения?

— Не было никакого нападения.

— То есть как это не было? Мы наряд выслали. Что там у вас происходит?

— У нас всё замечательно. Приезжайте, чаю попью, — сказал я и положил трубку.

Раздался звонок в дверь. Верка медленно освободилась от моих рук и пошла в коридор.

— Аккуратнее там, — попросил я, — посмотри сначала в глазок!

Это была «скорая». Удивительная оперативность иногда случается у этой службы.

10

Врачиха оказалась сухопарой женщиной лет сорока с трезвыми глазами и закалённым характером. Она ошупала железными пальцами мою голову, подёрнула за язык, посмотрела зрачки и строго спросила:

— Упал?

— Как вы угадали? — поразился я.

Женщина вздохнула и зачем-то посмотрела костяшки тыльной стороны ладони правой руки Верки.

— Даже и не думайте, доктор, — посоветовал я ей. — Если бы меня сестричка ударила, мне бы и реанимация теперь не помогла.

— Может быть, так оно было бы и к лучшему, — отозвалась врачиха. — Насмотришься тут на вашего брата и думаешь иногда, что давно пора отстрел производить. С целью уменьшения бесполезной нагрузки на почву. Ну, что будем писать? Бытовая травма?

— Доктор так говорить не должен, — обиделся я. — Где ваше милосердие?

— Милосердие при мне. И слов моих оно не касается, — сказала врачаха. — Не тяните время. Что писать будем?

— Хорошо, — согласился я. — Только травма производственная. Писатель я. Упал, можно сказать, на рабочем месте. Хорошо, что карандашом глаз не выколол.

— Ваша фамилия Солженицын? — поинтересовалась врачаха.

— Нет, — удивился я.

— Тогда травма бытовая, — отрезала врачаха. — Если каждый мужик, у которого гайка лежит в кармане, станет себя слесарем называть, у нас у каждого крана по два слесаря стоять будет. Попьёте вот эти таблетки. Если тошнота не прекратится — к врачу.

Врачиха защёлкнула саквояж, подмигнула левым глазом и отправилась в ванную мыть руки.

— Доктор! — крикнул я ей вслед. — А почему вы руки моете ещё и перед уходом?

— А почему кошка умывается после еды? — спросила врачаха из ванной.

Я пожал плечами. Голова начинала всё сильнее гудеть и явственно наливаясь свинцом. Врачиха вышла из ванной, посмотрела на меня с плохо скрываемым сожалением и ушла. Верка вышла её проводить и вернулась через минуту с милиционером. Милиционер хмуро посмотрел мне в лицо и присел на краешек стула.

— Что, лейтенант, нравится? — спросил я его, стараясь лечь удобнее. — Что-то вы быстро сегодня.

— Проездом, — отозвался лейтенант, — а насчет физиономии согласен. Приготовлено неплохо. Но видели и покруче. Заявление писать будете?

— Зачем? — спросил я. — Я ж упал. Вот в этом коридоре. Об ручку.

— Удивительно, — сказал лейтенант, раскладывая на потрёпанной виниловой папке листки. — Откуда у людей такая меткость берётся? Вроде и разбежаться особо негде. Вот. Пишите.

— А что писать, собственно? — переспросил я.

— А что было, то и пишите! В смысле «упал», — поправился лейтенант, — а то знаем мы вашего брата. Сегодня он упал, а завтра, когда хмель сойдёт, оказывается, ему в этом человек двадцать помогли и кошелёк отняли попутно с такой суммой, которой он и в глаза никогда не видел.

— Напрасно вы так, лейтенант, — вздохнул я. — Нет у меня ни брата, ни кошелька. Ну, правду так правду. Давайте сюда листок.

Я пристроил на коленях папку и накарябал следующее: «Я, такой-то такой-то, находясь в здравом уме и сравнительно ясной памяти, подтверждаю, что с детства страдаю раскоординацией конечностей и всего организма, из-за чего сегодня утром во время передвижения по маршруту “гостиная–санузел” моя правая нога зацепилась за левую, и я потерял точку опоры. Вследствие этого я упал в направлении коридора таким образом, что траектория пролёта головы была остановлена выступающей из двери квартиры дверной ручкой, из-за чего я незамедлительно полу-

чил лёгкое сотрясение мозга и повреждение мягких тканей лицевой части тела. Претензий к физическим и юридическим лицам не имею. Означенную ручку прошу выломать и отправить на переплавку. Число. Подпись».

Милиционер внимательно изучил мои каракули, встал, надел фуражку и отдал мне честь.

— Если что, справку о раскоординации можете представить?

— Не могу, — сказал я. — Не лечился. Страдал так. Но согласен на следственный эксперимент. Подзаживёт вот только. Кстати, как насчёт чайку? Я обещал.

— Нет уж, — вздохнул милиционер. — Смотрю на ваше лицо и теряю аппетит.

Он ещё раз отдал мне честь, пошёл за Веркой к выходу, остановился в дверях, обернулся:

— А здорово он тебе засадил!

— На переплавку её, на переплавку! — не поддался я на провокацию.

Верка вернулась через пару минут, села напротив. Сложила руки на груди.

— Евдокия до него докопалась. Звонил в седьмую, потом ушёл. Никто не открыл. Там никого нет.

— Может быть, — согласился я.

— Иногда мне кажется, что это я твой старший брат, а не наоборот, — вздохнула Верка.

— Да, — кивнул я, — что-то суббота не задалась на этой неделе. Вера, может, я полежу?

— Конечно, — заторопилась Верка, — мне пора. Только не открывай никому. А то тебя тут вообще убьют. Я позвоню вечером.

— Ты только Вовке ничего не говори. А дверь я никому теперь не открою! — пообещал я.

В прихожей скрипнула незакрытая дверь, и из коридора показалась счастливая физиономия Степаныча.

— Бывайте здоровы! — сказал Степаныч. — Хайль, если вас так устраивает. Это вам.

Он сунул руку в полиэтиленовый пакет и, произведя мелодичный звон, достал и поставил на пол бутылку водки.

— Не понял? — удивился я.

— Ну как же? — приподнял косматые брови Степаныч. — Ты колесо спустил? Спустил. Мне этот бугай за твой адрес доллар дал? Дал. А потом ещё полтинник рублями за то, что я ему колесо накачал. Так что три пузыря и получилось. Один твой.

— Мой-то за что? — снова не понял я.

— Как за что? — развел руками Степаныч. — За маркетинг!

11

Самая прекрасная вещь на свете — одиночество. Только иногда наступает жажда среди этого прекрасного одиночества, которое вдруг оказывается раскалённой пустыней. И тогда хватаешься за бутылку, за трубку теле-

фона, за дверную ручку чужого жилища, за что-то, что позволит удержаться на поверхности или утонуть, но только спастись от этого блага...

Где-то к обеду я сполз с продавленного дивана, подошёл к зеркалу и снова взгляделся в свою помятую физиономию. Пульсирующая головная боль не давала мне покоя, и в этом мареве я плыл горящим кораблем по волнистой поверхности амальгамы, не понимая, откуда дует ветер, и куда мне держать курс, и что там за бортом, море или безжизненные пески. Чего я добился в свои сорок? Нескольких публикаций и благожелательных (а в сущности, никаких) рецензий и отзывов? Где моё ощущение творческого всеислия, которое с возрастом всё чаще превращается в суетливую творческую возню? Кому интересны все эти высосанные из пальца истории и философские переливания из одного сосуда в другой? Эти остроумные диалоги, звучащие как натужные репризы, розданные перед спектаклем и зачитываемые с запинками с листа? Кто я? Неудачник последней молодости, который движется по коридору убогой двухкомнатной квартирки, опираясь о стенку, в нелепой надежде обнаружить единственный приз от судьбы за прожитые последние несколько недель? Приз в виде бутылки водки, принесённой подъездным алкоголиком и доставшейся такой дорогой ценой? Господи! Я даже думаю, как графоман! Сплошные причастия и отглагольные извращения. Отглагольные. Как звук булькающей холодной водки по ребристой гортани.

Я опёрся рукой о старый потёртый двухкассетник, запустив в кухню очаровательный в своём однообразии митяевский голос. Открывая холодильник, присел на пол и остался сидеть, ощущая спиной не вакуум враждебного законного пространства, а успокаивающий холод шлакоблочной стены. Здесь. Сэкономил Степаныч. Вряд ли это можно пить, но забыться от этого можно.

Я плеснул водки в стакан, обозрел правым здоровым глазом разложенные Веркой на полках припасы, взял в руку оледеневший беляш и часть лукового веничка и выпил. Откусил, стараясь не думать о том, чье мясо послужило начинкой урбанизированному пирожку, выпил снова и снова, пока жжение на лице и в душе не сменилось жжением в горле и пищеводе. Придумали бы, что ли, давно уже что-то иное. Что-то, что могло бы так же, как и водка, нейтрализовать бешеный адреналин, что сжигает изнутри и действует на сердце, как речной песок, насыпанный в ствол артиллерийского орудия, действует на прицельность стрельбы. Здоровым ухом и краешком ускользящего рассудка я услышал шорох на площадке, тяжело поднялся, прошёл в коридор, шагая по спасшему мой затылок матрацу, и посмотрел в глазок. На площадке стояла стройная девушка в розовом платье с короткой, почти мальчишеской причёской и ковырялась ключами в двери седьмой квартиры. «Привет, девушка в розовом платье», — тихо, с трудом выговаривая слова, сказал я сам себе, вернулся в комнату и откинулся на старый диван. Тряпичная люстра на потолке начинала понемногу дрожать и вращаться вокруг собственной оси. Я потянулся к этажерке, достал толстый зачитанный журнал, нашёл свою повесть и начал читать, усилием воли соединяя и успокаивая разбегающиеся строчки. Да что это я? Вовсе не бездарь! Неплохо, неплохо, неплохо, совсем неплохо...

— Вадик! Как ты там? Может быть, врача? Я звоню уже в пятый раз! Я потянулся с дивана за трубкой, схватил её, переместив Веркины восклицания с динамика на маленькую мембрану, и не узнал собственный голос:

— Алло.

— Кто это?

— А ты как думаешь?

— Вадик! Что с тобой? Что с твоим голосом?

— Ничего, — я посмотрел на сереющие вечерние занавески. — Просто напился сегодня утром как свинья. Вот и провалился до вечера как убитый.

— До какого вечера? — возмутилась Верка. — Уже утро следующего дня! Это я звоню тебе с вечера! Радуйся, что Вовчик меня к тебе ночью не пустил! Я бы устроила тебе разбор полётов!

Нет. Положительно, профессия мужа не может не сказываться на словарном запасе жены. Хорошо ещё, что этот лётчик не вмешивается в мою жизнь. В трубке послышался немного гнусавый голос Вовчика:

— Ну ты, старик, неправ. Что это такое? Верочка волнуется. Ты понимаешь, так нельзя. Неприлично так. Ну, отвечать же надо на вызов диспетчера. Есть же полётная дисциплина!

— Володя! Я всё понял! Борт номер девять сообщает: всё в порядке, ветер попутный, температура за бортом тридцать шесть и шесть, лёгкая пробоина в левой стороне фюзеляжа. Бензобаки не задеты. Высота полёта где-то метров семь.

— На бреющем? — голос Владимира подобрел. — До аэродрома дотянешь?

— Должен.

— Если что, включай радиомаяк. Раскладывай сигнальные костры.

— Понял. До связи, лётчик!

— До связи.

Так. Значит, уже утро. Похоже, что анестезиолог перестарался. Начинаем комплекс реанимационных мероприятий. Так. Что у нас в зеркале? В зеркале было нечто. Левая верхняя четверть лица потемнела. Глаз наполовину заплыл и превратился в обгрызенный миндаль. По щеке, лбу, скуле и виску проходила жёлто-зелёная кайма, огибая рану и смягчая переход от багрово-синего к бледно-небритому цвету. Определить ощущения рукою не представилось возможным, так как дотронуться до лица было выше моих сил. Ну что ж. Если правда, что шрамы украшают мужчину, сейчас я должен быть неотразим. Вот и верь после этого американским фильмам, где герой и после двадцати таких ударов только поправляет галстук и усмехается.

Я взял скакалку и начал понемногу подпрыгивать на месте, то и дело путаясь в ней ногами, чувствуя, как живёт у меня на лице самостоятельной жизнью огромный фингал. Я прыгал не останавливаясь, пока пот каплями не выступил на плечах. Да. Вчерашняя бутылка водки явно не добавила мне прыти. Вовчик вообще считает любые прыжки издевательст-

вом над собственным телом. В те редкие случаи, когда он появляется в моей квартире вместе с Веркой, он всегда снимает с гвоздя прыгалки и настойчиво внушает, что человеческий организм имеет такой же предел прочности, как и современный самолёт. И что если позвоночник рассчитан на десять миллионов вибраций, то на столько он и рассчитан. И нечего зря расходовать эту в общем-то небольшую норму. Он вытягивает губы и гнусаво повторяет одни и те же слова:

— Послушай меня, Вадик! Позвоночник — это стержень! Это ось вселенной! Береги его, Вадик! Никто тебе на пенсию новый позвоночник не даст! И носить твоё старческое больное тело ты будешь именно этим позвоночником, и никаким другим!

Он, конечно, прав. Как и всегда. Большой, умный, неторопливый. Только как же не прыгать, если только от этого в икрах появляется забытая лёгкость? Неплохо бы купить беговую дорожку, но это пока для меня дороговато. Так что будем прыгать. Тем более что и крепкий позвоночник в старости будет ни к чему, если сердце лопнет, как пустой баллон из-под фанты, когда наезжает на него мчащаяся машина.

Я повесил скакалку на гвоздь, присел на пять минут на палас, растягивая и разминая сухожилия и мышцы, повис на турнике, вставленном между стен узкого коридора. Нет. Сегодня мне это уже точно не дано. В душ. Теперь в душ.

Я стою у прозрачной витрины, за которой у огромного антикварного фотоаппарата-ящика согнулся старенький, крашенный-перекрашенный манекен мужчины с изящными усиками и в нэпмановском костюме. Этот манекен — вневременной оптимист. Он смотрит на меня, жизнерадостно улыбаясь, не предполагая, насколько нелепо выглядит на этой улице, в этом городе и в этой жизни. Всё течет. Вот уже в разряд антиквариата попали и фотоаппараты. Хотя этот ящик, скорее всего, муляж.

Я делаю вид, что смотрю на витрину, а сам через плечо поглядываю на двери подъезда на противоположной стороне неширокой улицы, укрывшие за собой «сыщика». Сегодня утром я увидел его выходящим из таинственной квартиры, в которую вчера вечером вошла девушка в розовом платье, и последовал за ним. Я старался держаться в отдалении и быть незаметным, что оказалось делом довольно нелёгким, если учитывать величину чёрных пластиковых очков и количество тонального крема на левой стороне лица. Я постарался загримироваться настолько, насколько это было возможно. У меня оказалось три тюбика тонального крема. Моя забывчивость не причиняет мне особых страданий, потому что я редко покидаю квартиру. Другое дело — Верка, сестра своего брата. Она тоже забывчива, но страдает больше, так как бывает в разных местах. Но более всего она позволяет себе расслабиться именно у меня дома, и поэтому здесь она забывает всё, что только можно забыть. Следы её пребывания я ссыпаю в тумбочку, на которой стоит прикроватная лампа. Когда Верка приезжает ко мне, она сразу залезает туда и почти всегда делает приятные

открытия. Но многое она успевает купить вторично. Поэтому количество содержимого тумбочки не уменьшается. Иногда звонит Вовчик и, прижимая трубку ладонью, шепчет:

— Старик! Я в штопоре! Твоя сестра потеряла паспорт, косметичку и кошелёк! Назревает буря! Полёты могут быть прекращены! Быстро смотри в своём бюро находок!

Я соглашаюсь, кладу трубку на полку и открываю тумбочку. Пересыпаю в руках бесчисленные Веркины расчёски, зеркальца, баночки и платочки. И как всегда ловлю на ладонь чёрную потёртую коробочку, в которой лежит комочек потрескавшейся от времени туши и слипшаяся кисточка. Это осталось от Ритки. Сейчас такое уже не покупают и, скорее всего, не делают. Тогда, пятнадцать лет назад, после трёх лет нашей уютной семейной жизни, в которой было всё: и любовь, и счастье, и нежность, и слёзы, и скандалы, — но не было только денег и достатка, внезапно закончился мой первый и единственный семейный опыт. Я работал неизвестно кем в каком-то НИИ, приходил вечером домой и между чаем, жареной картошкой и поцелуем в мокрые Риткины губы углублялся в бесчисленные черновики и рукописи. Она терпела это долго. Мой будущий литературный успех был семейной мечтой. Ритка ругала меня за неаккуратность, за невнимание к ней, ещё за что-то, но литература была табу. Она была моим первым читателем. Ей нравилось, как я писал. В тот вечер она впервые заговорила об этом. Села напротив и так долго смотрела на мою опущенную голову, что я был вынужден поднять глаза.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Что-то случилось, — ответила она.

— Что именно?

— Это на всю жизнь?

— Что? — не понял я.

— Это, — спокойно сказала она. — Сидение у настольной лампы. Бессмысленное сочинительство.

Меня обидели её слова, но я сдержался.

— Рита, — сказал я, — ну ты же знаешь. Мне нужно время.

— Сколько времени тебе нужно, Вадим?

— Столько, сколько нужно, — ответил я. — Может быть, ещё год. А может быть, целую жизнь. Это что-нибудь меняет?

— Иногда мне кажется, что вместо черновиков ты используешь мою жизнь, — сказала Ритка и пошла спать.

Больше я её не видел. Утром я ушёл на работу, поцеловав её в острое конопатое плечо, а вечером обнаружил, что и сама Ритка, и все её вещи исчезли. Кроме этой коробочки с тушью на стеклянной полке в ванной. Поиски ничего не дали. И что я мог сделать? Мы даже не были расписаны. Идиот. Тогда я ещё радовался, что мы не успели родить ребенка. И вот прошло пятнадцать лет. Я всё так же терзаю бумагу и собственную душу. И всё так же без видимого результата, выражающегося хотя бы в некотором достатке и экономической независимости от этого мира. Похоже, что пятнадцать лет назад Ритка сделала правильный выбор.

Я стою у картонного француза с фамилией Папье-Маше. Я смотрю на часы и злуюсь. В течение сорока минут я умело скрывался, преследуя

«сыщика». Я умудрился не потерять его на двух пересадках метро. Я нырнул за ним в узкие переулки. Иногда мне казалось, что он специально запутывает следы, хотя ни разу не оглянулся. И вот теперь он зашёл в этот старинный подъезд и исчез. Я стою уже двадцать минут, как чучело, у витрины и начинаю нервничать. А если за дверями проходной двор? Я оглядываюсь, перехожу улицу и вхожу внутрь. В подъезде темно и тихо. Пахнет сыростью и пылью. На первых ступенях отпечатался жёлтый квадрат от проникающих через наддверное тусклое окно солнечных лучей. Я ступаю на светлое пятно и прислушиваюсь. Глаза привыкают к темноте. Вот уже я вижу руку с газовым баллончиком в ладони. Слышу шипение и чувствую удушливый цветочный запах. Мои полтора глаза мгновенно слепнут, воздух застревает в глотке, и резкий удар в живот лишает сознания.

14

— Вадик! Привет! Что с тобой, Вадик?

Какой знакомый голос. Я пытаюсь найти опору и сажусь на ощупываемые ступени. В глазах резь, и ничего видеть я не могу. На ладони и лицо с шипеньем льётся минеральная вода, я получаю некоторое облегчение и снова пытаюсь узнать голос. Это какой-то родной и близкий человек. Из прошлого. Из прошлого, связанного с Риткой. Тошнота начинает отступать. Сильно кружится голова. В животе от удара стоит ноющая боль. Новые потоки воды падают на лицо. Я ловлю поданные очки, надеваю их и наконец слегка приоткрываю глаза. Боже мой! Это Дина!

— Дина! — задыхаясь, говорю я. — Это ты? Откуда?

— Оттуда, — смеется Дина. — Что это с тобой? Бомжуешь?

— Хуже! — машу я рукой. — Пишу роман с трагическим концом, в котором я главное действующее лицо.

— Кажется, ты уже близок к финалу, — серьёзно говорит Дина и помогает мне встать. — Поехали ко мне.

Она подводит меня к новенькой «десятке» и садится за руль. В машине мне опять становится плохо, я открываю окно, высовываю голову, но слёзы текут неостановимым потоком, и я сам плавно улываю куда-то на этих слезах. Дина говорит какие-то слова и расспрашивает о происшедшем. Я что-то отвечаю ей, не вполне понимая смысл собственных фраз. Ленинградский проспект, Балтийская. Разворот. Метро «Аэропорт». Тихие пыльные дворики со сплетничающими, но безобидными старушками. Так вот ты куда перебралась. Дина ставит машину у подъезда, подхватывает меня под руку и ведёт на четвёртый этаж. Сквозь оплывающие слезами зажмуренные глаза я успеваю заметить часть роскошного интерьера и оказываюсь в ванной. Быстрые сильные и уверенные женские руки сбрасывают мою одежду, раздевают совсем. И вот я уже в тёплой, бурлящей подо мной щекочущими струйками ванне.

— Ущипни меня, — прошу я Дину. — Хочу проснуться.

— Тебе не нравится твой сон? — смеётся она, намывая мою голову и умудряясь касаться раны, не вызывая боли.

— Ну, если всё это во сне, тогда я хочу тебя, — говорю я ей, не открывая глаз.

— Я вижу, — почему-то всё так же весело отвечает она...

...Мы лежим на огромной колышущейся кровати, подперев головы руками, и смотрим друг на друга. Я откровенно разглядываю её и думаю, что когда-то представлял себе лёгкий адюльтерчик с этой прекрасной Риткиной подружкой, а произошло всё только теперь, через пятнадцать лет.

— Как я выгляжу? — спрашивает она.

— Потрясающе, — отвечаю я. — А я?

— Ещё более потрясающе! — смеётся Дина.

Она почти совсем не изменилась. Всё так же очаровательна. Особенно в мягком свете кремовых бра. И тело её оказалось именно таким, каким я и представлял его себе тогда, пятнадцать лет назад, совершенным, гибким, отзывающимся лёгкой дрожью на каждое прикосновение.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Отлично, — смеется Дина.

— Как Петька? Где он?

— А где ему быть? — улыбается Дина. — У бабушки на даче. Ему уже семнадцать. Окончил школу. Нянька не нужна.

— Как летит время! — удивляюсь я.

— Быстро, — соглашается Дина.

— А муж где? — натужно спрашиваю я. — Где Кирилл? В отъезде?

— В отъезде, — смеётся Дина.

— Как он? — спрашиваю я, чтобы спросить о чём-то и чтобы она не переставала смеяться.

— Думаю, что прекрасно, — снова смеётся Дина.

— Разве он уехал так надолго? — удивляюсь я.

— Навсегда, — продолжает улыбаться Дина. — Пятнадцать лет назад вместе с Риткой. В Штаты. Ты представляешь меня, идиотку? Я даю этому рязанскому остолопу свою замечательную еврейскую фамилию. Я оформляю с ним фиктивный развод, чтобы решить этот ненавистный квартирный вопрос. Я верю ему, как последняя дура! А он подхватывает мою лучшую подругу и уезжает в Штаты! Ты можешь это себе представить? Нет, ты скажи ещё, что ничего не знал!

— Знал, конечно, — лгу я.

— Неужели не знал? — Она подползает ко мне, прижимается, закидывает на меня горячую ногу и трётся, трётся о моё бесчувственное тело, проваливающееся в небытие.

— Да нет! Конечно, знал! — восклицаю я.

— А я не знала, — грустно говорит Дина.

— Куда... ты пропала? — спрашиваю я. — Я искал тебя.

— Никуда, — отвечает Дина. — В больницу. Нервный срыв у меня был. К тому же мы квартиру успели разменять. Он даже умудрился продать ту, которая как бы отходила к нему. Но я на него не в обиде. Теперь. Пишет. Звонит. Деньги присылает. Помогает, да я и сама не бедствую. Петька прошлое лето у него гостил. Осенью поедет к отцу. Учиться будет там.

— Прочтает?

— Прощает, — говорит Дина, — только это на нашем уровне. На их уровне нормально. Хотя теперь и здесь десятки тысяч слаще живут. Но там спокойней. Вкальвует день и ночь.

— А Рита?

— И она вкальвует. Даёт уроки музыки. Играет на каких-то местных сборищах. Ты представляешь, они даже в иудаизм перешли. Кстати, знаешь? Теперь Ритка мою фамилию носит! Звонила. Я, говорит, теперь тебе как сводная сестра.

— Обо мне ничего не хотела узнать? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает Дина. — У неё уже двое детей от Кирилла. Две девочки. Кэтти и Саманта. Обе американки. Да они и сами уже американцы.

Дина смотрит на меня. Смотрит с нежностью, но жёстко. Держит меня взглядом, чтобы не дать выпасть из гнусной реальности.

— По крайней мере, она жива, — пытаюсь пошутить я.

— Не вполне, — серьёзно говорит Дина, — еле выкарабкалась четыре года назад. Рак у неё был. Хорошо, что вовремя диагностировали. Отняли левую грудь.

Я пытаюсь закрыть глаза, но не делаю этого, потому что боюсь потерять контроль над собой. Я смотрю сквозь лицо нахмурившейся Дины и вижу худое мальчишеское тело Ритки, изуродованное страшным шрамом на месте левой груди, и думаю, что я продолжал бы любить её даже и в том случае, если бы она была вся покрыта такими шрамами.

— Ты всё ещё любишь её, — с осуждением говорит Дина. — Это слюнявство.

— А ты простила её? — спрашиваю я.

— Простила, — говорит Дина. — Кирилла не простила. Да и то... Петька ведь... А её простила. После всего. К тому же она женщина. А женщина не властна над собой. Женщина во власти инстинктов. Её инстинкт не подвёл.

— А тебя? — смотрю я в её глаза.

Дина замолкает, протягивает руку и гладит меня по лицу, высвобождая из-под одеяла маленькую, почти девическую грудь. Я смотрю на неё и чувствую, что кто-то, стоявший до сей поры у меня над душой, вскидывает старинное мушкетное ружьё, стреляет в моё прошлое, но попадает в удалённую Риткину грудь. Дина подбирается ко мне снова, ловит губами мои губы и увлекает меня за собой.

— Дина, — повторяю я, стараясь не назвать её Ритой.

— Не спеши, — отвечает Дина. — Что ты? Торопыга. Медленнее. Вот так. Мы никуда не торопимся...

Утром я диктую ей адрес, называя другую улицу и другой номер дома. Называю номер телефона, меняя местами последние цифры. Она говорит, что была ещё два раза замужем, но неудачно. Она хвалит мою повесть, которую случайно удалось напечатать лет десять назад и которая не вызывает теперь у меня ничего, кроме удивления и лёгкой досады. Я отмечаю, как прекрасно она выглядит, но вижу, что её прекрасная оболочка — это скорлупа, из которой через шесть-восемь лет вылупится стареющая несчастная женщина. Всё. Я ухожу.

— Ты вернёшься? — спрашивает она в дверях.

— Я вернусь, — лгу я.

Она грустно улыбается, потому что чувствует ложь. Дверь хлопает. Я спускаюсь вниз.

15

Никто не любит слабых и обиженных. Негодяй с разбитым кулаком, хоть выставленным напоказ, хоть спрятанным в глубокий карман, ни у кого не вызывает эмоций, если только он не начнёт размахивать им перед чужим лицом. Его жертва с синяком в пол-лица заставляет окружающих брезгливо отводить глаза и скорбно поджимать губы. Пока я доехал до своей станции, с десятков раз наткнулся на неприязненные взгляды и наслушался невнятного шёпота за спиной. Действительно, какие ещё предположения может вызвать ранним понедельничным утром худощавый тип в несвежих джинсах и футболке и в огромных безвкусных очках, со следами бурно проведённых выходных на лице. Только и остаётся, что ускорить шаг и резво попрыгать по ступеням движущегося эскалатора, оставляя за спиной и взгляды, и шёпот, и возможные оскорбительные реплики.

Я вошёл в родной дворик, миновал «ауди» и «пассат», не вызвавшие вчерашнего интереса, прошел мимо Степаныча, поприветствовавшего меня бодрим «хайль», и поднялся к себе. На автоответчике оказались несколько вопросительных восклицаний Верки и Вовчика и медленное замечание приятеля из Питера с не вполне цензурным текстом, напоминающим по смыслу: «Я приехал на один день, сейчас у мамы, а ты опять где-то на капустных грядках? Там тебе и место!» Сбросил одежду и полез в душ. Человек — слуга собственных иллюзий. После душа мне показалось, что я стал не только чище, но и лучше. В дверь позвонили. Я накинул застиранный махровый халат и посмотрел в глазок.

У двери стоял Алексей. Я открыл и, пригласив его войти, начал торопливо убирать с пола матрац. Он стоял и молча смотрел куда-то в сторону, словно и не собираясь предпринимать хоть какое-то шевеление пальцами, хотя бы догадаться, зачем одинокий снайпер оборудовал себе лежак на двух квадратных метрах напротив его жилища. Впрочем, это неважно. Он пришёл ко мне сам. И, кажется, не настроен бить меня сразу. К тому же это мы ещё посмотрим, кто кого. Я жестом пригласил его в комнату и побежал на кухню, где свистящий чайник настоятельно требовал моего присутствия.

— Чай или кофе? — крикнул я ему с кухни. — Я умею делать настоящий турецкий кофе!

— А какой у вас чай? — отозвался Алексей.

— Английский!

— Давайте чай. Только, пожалуйста, заварите в чайнике! И не пакетиками!

Я вошел в комнату через минуту и обнаружил его стоящим посередине моего непритязательного жилища. Он медленно вращал головой, обозревая скудный интерьер.

— Вы программист? — спросил он, кивнув головой на компьютер.

— Вы считаете, что программист способен что-то запрограммировать на этом примусе? — удивился я, двигая кресло и расставляя на журнальном столике чай, сахар и прозрачное блюдо с холодными беляшами. — Этот ящик даже «ворд» обслуживает с паузами в тридцать секунд. Смею надеяться, что я писатель.

Алексей взял чашку, опустил в неё сахар, позвякивая ложечкой о фаянсовые края.

— Не могу пить чай, в котором не вижу чаинки. Не люблю пакетики.

— Это предубеждение, — не согласился я.

— Наверное, — задумчиво сказал Алексей и поднял на меня глаза. — Значит, вы писатель?

— Да, — усмехнулся я, — если рассматривать это слово с точки зрения словообразования. Пишу, значит, писатель. Печатаюсь редко. И не так, как мне этого бы хотелось.

— Это очень важно, — серьёзно сказал Алексей. — Очень важно добиваться того, чего хочешь.

— Спасибо за мудрый совет, — постарался ещё более серьёзно ответить я. — Я стараюсь.

Я говорил с ним, а сам внимательно рассматривал его, отмечая всё то, что не успел разглядеть во время наших редких и кратковременных столкновений. Передо мной сидел молодой человек. Вряд ли ему было более тридцати, хотя складки у глаз, одутловатые щёки и неизбыточная усталость, пропитавшая тело и взгляд, говорили о том, что эти тридцать лет оказались не слишком лёгким отрезком жизни. Он по-прежнему не изменял застиранной рубашке, теряющей рисунок ткани на плечах и манжетах, синтетическим штанам-трико и стоптанным сандалиям. И шрам между ключицами оставался на месте. Он тоже смотрел на меня, но смотрел куда-то мимо и вдаль.

«Я для него не в фокусе», — почему-то подумалось мне.

— И что же вы пишете? — спросил Алексей.

— Вы хотите почитать? — ответил я вопросом.

— Нет! — воскликнул Алексей, но, почувствовав неуместность подобной реакции, обречённо согласился. — Давайте.

Я принёс старый журнал с закладкой из шоколадной обертки на начале собственной повести и дал ему. Он положил его на колени, обращаясь как со спящим, но ядовитым животным, и снова поднял глаза.

— У вас неприятности? — спросил он.

— Так. Ерунда, — махнул я рукой.

— Нет, — настойчиво повторил он, — у вас неприятности. Я послан к вам... Я пришёл, чтобы сказать...

— Так пришёл или послан? — спросил я.

— Я пришёл, — повторил Алексей, — чтобы сказать вам. Мои друзья огорчены, что вы пытаетесь следить за ними. Ваш праздный интерес может принести неприятности, собственно, он уже их приносит. Они огорчены из-за этого инцидента с колесом. Зачем вы это сделали?

Алексей снова поднял глаза и неожиданно посмотрел мне в лицо. Его глаза были серо-зелёного цвета, и на правом поблёскивало рыжее пятнышко.

— У вас радужная оболочка глаз разного цвета, — сказал я ему.

— Зачем вы это сделали? — снова спросил он.

— А что бы вы сделали на моём месте? — возмутился я. — На вашем огороде приземляются инопланетяне, а вы продолжаете спокойно окучивать грядки? Что бы вы сделали, если бы на ваших глазах происходили необъяснимые вещи, напоминающие сюрреалистический сон? И что мог я? Что мог сделать я, чтобы проснуться от этого сна? Разве моя вина в том, что вместо того, чтобы ущипнуть самого себя, я ущипнул колесо вашей машины?

— Это помогло вам проснуться? — спросил Алексей, показав рукой на мое лицо.

— Послушайте! — обиделся я. — Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы подшучивать надо мной?

— Конечно, нет, — ответил Алексей, осторожно перекладывая с места на место журнал на коленях. — И всё-таки какова действительная причина столь пристального внимания к моей скромной персоне и моим друзьям?

Я ещё раз пригляделся к этому утомлённому человеку и вдруг сквозь тщедушность его облика почувствовал в нём железную уверенность. Уверенность того типа, которая несвойственна людям интеллигентного склада, а обычна только среди тупоголовых кретинов. Потому что это уверенность ясности и однозначности. Значит, ты пришёл ко мне, таинственный сосед, чтобы опросить по заранее подготовленному плану и подтвердить заранее подготовленные выводы? Не поменяется ли нам ролями?

— А если это я буду спрашивать вас? — поинтересовался я. — Согласитесь, с таким лицом я имею право на некоторую моральную компенсацию?

— Как угодно, — развёл руками Алексей, снова опустив глаза. — Мой друг тоже хотел извиниться перед вами. Но не смог прийти. О чём вы хотели спросить?

— Не слишком ли вас много в двухкомнатной квартирке?

— А вы хотите, чтобы я отказывал в гостеприимстве друзьям? — удивился Алексей. — Квартирка маленькая. Но ведь сами знаете: в тесноте, да не в обиде.

— О какой обиде вы говорите? — усмехнулся я. — Да вас там постоянно не менее пяти или шести человек. Да пусть вас там будет хоть двадцать шесть, почему выходит всегда только один?

— Что вы имеете в виду? — спросил Алексей.

— Из квартиры всегда выходит только один, — повторил я. — Вся остальная компания постоянно остаётся внутри и ведёт себя подозрительно бесшумно, если не считать ежеутреннего гудения и предполагаемого зубного скрежета, да и то только тогда, когда этот вышедший возвращается!

Алексей задумался, глядя куда-то в сторону, взял чашку и сделал несколько глотков, очевидно не замечая вкуса чая.

— И какие же выводы вы делаете из своих наблюдений? — спросил он.

— Я писатель, а не следователь, — ответил я. — Я выпитываю в себя всё, что происходит. Выводы делаются сами. Но как обыватель готов

предположить что угодно. Любой бред. Например, что на нашей площадке обосновалась иностранная резидентура, банда наркоторговцев, подпольный бордель, тайная педерастия, наконец, что это база инопланетян и все вы искусственные андройды, которых с гудением заводит таинственный мастер и выпускает в город по одному для сбора сведений о нашей планете. Или у вас есть запасной выход в другое пространство? Я даже мусор ваш исследовал. Вы что? Ничего не едите? Там остатки трапезы только одного человека!

— Интересно, — сказал Алексей. — Действительно, хороший чай. Ваши предположения очень интересны. Особенно насчет запасного выхода в другое пространство. Соблазнительная вещь. Только, смею вас уверить, они ошибочны. К сожалению, мне пора. Я пойду. Прошу вас, не проявляйте излишнего любопытства. Наша компания — это очень узкий круг людей, некоторые из которых облечены определёнными полномочиями, а некоторые невоздержанны в реакциях.

— Я успел заметить, — сказал я.

— Спасибо за чай, — Алексей встал. — Ну, всё.

— И вы так и уйдёте? — удивился я. — Вам не кажется, что наш разговор не окончен? Я бы ещё понял, если бы вы достали пистолет с глушителем и пристрелили меня. А так в ваших действиях отсутствует логика!

Он остановился на выходе, обернулся:

— Или у вас чертовски развита интуиция, или оборваны некоторые нервные окончания. Чего вы добиваетесь? Раскрыть предполагаемую тайну? Вы способны представлять последствия своих поступков? Наконец, неужели на этой планете полностью исключается тайна личной жизни?

— А на какой планете эта тайна не исключается? — спросил я.

— Не ловите меня на слове, — сказал Алексей. — Я же сказал, что ваши теории неверны. Иначе бы вы уже давно находились в иных мирах. Хорошо. Я открою свой секрет. Но дадите ли вы мне слово, что не употребите своё знание против меня, пока я жив? Кроме того, одним из условий, возможно, будет некоторая помощь мне с вашей стороны.

— Хотите сделать из меня сообщника? — спросил я.

— Нет, — серьёзно ответил он. — Просто нужен посторонний человек для контроля ситуации со стороны. Более того, обещаю, что уголовное преследование за недонесение о готовящемся либо совершённом преступлении вам не грозит. Даю слово.

— Надеюсь, что ему можно верить, — согласился я. — Так открывайте свой секрет.

— Не сегодня, — сказал Алексей. — Через несколько дней. Пока прощайте.

Дверь хлопнула. Я вернулся в комнату и, глотнув остывшего чая, прошёл на кухню и вылил его в раковину. Чай отдавал хлоркой. Пить его было невозможно. В коридоре снова тренькнул звонок. Ну кто там ещё? За дверью оказалась Евдокия Ивановна.

— Ну, что там такое? — прошипела она. — Он вам всё рассказал?

— Всё очень плохо, Евдокия Ивановна, — ответил я. — Этот бизнесмен застукал сына во время прелюбодеяния с мачехой, и теперь речь идёт о разводе.

— Ба! — изумилась Евдокия Ивановна. — Кто с кем разводится?
— Вот в этом-то и проблема! Они никак не могут определиться!

16

Я еду к Пашке. Мой синяк побледнел, точнее, стал одеваться радужным ореолом, и эта интерференция подсказала, что я не безнадёжен. Я ещё разок злоупотребил Веркиной косметикой и теперь выгляжу почти пристойно. На мне лёгкие ботинки, светлые просторные брюки, футболка и ветровка. Дилетанту эта одежда ничего не скажет, но искушённый поклонник продукции зарубежной лёгкой промышленности поймёт, что перед ним человек, на голое тело которого наклеено никак не меньше пятисот зелёных бумажек. Как сказал мне продавец, упаковывая этот шикарный наборчик: «Одевайтесь только у Хьюго, и вам не откажет никакая подруга». Я скривился и заметил, что никакая подруга мне совершенно ни к чему, тем более что когда-то про «Адидас» было похоже, но складнее. Продавец не растерялся и парировал убийственным: «Хотите стать боссом? Одевайтесь у Хьюго Босса. И не задавайте лишних вопросов». Я понял, кивнул и удалился. Мой печальный опыт диктовал необходимость подобного приобретения, потому что в редакциях, куда я заходил, встречали всегда по одежке. Хотя я и понимал, что вряд ли это могло мне помочь. Сейчас я еду к Пашке, и мне хочется соответствовать.

Пашка более чем благополучен. Благополучие настигает его, как лавина, сорвавшаяся со счастливых гор, и бережно несёт на своей спине, чем бы он ни занимался и какие бы проекты ни претворял в жизнь. Когда-то он жил на Щёлковке, недалеко от пруда, окружающего кольцом старинные постройки. Я доезжаю до Первомайской и, решив прогуляться, иду по улице, обгоняемый гремящими трамваями и фыркающими авто. Дверь открывает Пашкина мама, тетя Нина. Она ойкает, увидев мое лицо, но тут же спохватывается, обнимает и целует в здоровую щёку. Из кухни выглядывает Пашка, приветствует меня гортанным криком, проглатывает что-то и тащит за собой.

— Ну ты, старик, даёшь! — возмущается он. — Я тебя не дождался, решил пообедать. Присоединяйся. Что это у тебя с лицом?

— Рецензия на последнее произведение от одного из почитателей моего таланта, — шучу я.

— Не связывайся с критиками, — советует Пашка, наливая мне наваристого борща. — Критики — это волки. Писатели — травоядные. Травоядные не должны вступать в дискуссию с волками.

— Лучше бы я был плотоядным писателем, — отвечаю я, прихлёбывая борщ.

— Будь! — откликается Пашка. — Однажды я спросил себя: Павлик, хочешь ли ты быть богатым? Хочу, сказал я себе. А хочешь ли ты быть счастливым, спросил я себя. Тоже хочу, ответил я. Так будь, сказал я себе, будь богатым и будь счастливым. И вот я, — Пашка откидывается назад на стуле, — вот я — богатый и счастливый.

— Ну и как ты себе это представляешь в моём случае? — интересуюсь я.

— Ну, только не так, как это делаешь ты, — возмущается Пашка. — Ты оделся в фирменный прикид, но выражение лица у тебя такое, будто для того, чтобы купить это, ты продал собственную квартиру. Мы все ищем удачу. Только немногие знают, что удача вот здесь.

Пашка тыкает себя пальцем в грудь и многозначительно кивает. Чёрт возьми. Он знает, о чём говорит.

— Это твой «лексус» под окном? — спрашиваю я его.

— Да! — Пашка вскакивает с места и льнёт к стеклу. — Нравится?

— Нравится, — говорю я. — У тебя вся жизнь как этот «лексус»!

— У меня всё о'кей! — смеётся Пашка. — Заметь! Я сказал бы тебе то же самое, даже если бы всё было отвратительно! Что ты говоришь себе, когда бреешься по утрам?

— Я говорю себе: ну и задница мелькает передо мной в зеркале!

— Идиот! Кому нужна твоя правда? Ты должен постоянно говорить про себя и вслух самому себе только одно: я самый, самый, самый. Самый сильный, самый красивый, самый талантливый! Судьба — категория внушаемая. Я просто уверен, что ты даже и в эти свои редакции приходишь с таким же кислым выражением лица, с каким рассматриваешь по утрам свою «задницу» в зеркале! Ты просто просишь их этим выражением: откажите мне, пожалуйста! И они отказывают! Отказывают!

— Отказывают, Павлик. Хочешь новость? Ритка нашлась.

Пашка аккуратно доедает борщ. Молча ставит тарелку в раковину.

— Павлик, Ритка нашлась, — повторяю я.

— Ну и что? — спрашивает Пашка.

— Павлик! Ритка нашлась, — ещё раз повторяю я. — Через пятнадцать лет!

— Как я завидовал тебе! — говорит Пашка. — Ты единственный человек в этом мире, которому я завидовал! Тут прыгаешь, как чёртик из табакерки, всю жизнь в надежде поймать хоть перо от синей птицы, а в твоё окно она просто залетела! И даже прожила целых три года! Я вообще этому поражался! Не живут синие птицы в неволе! А ты... А ты её упустил. Зря. Такие женщины встречаются один раз в несколько жизней.

— Я знаю, — говорю я.

Пашка кладёт на наши тарелки по большой котлете по-киевски, добавляет гарнир в виде румяной картофельной стружки, салат и жестом предлагает продолжить трапезу.

— А ты? — спрашиваю я его. — А ты женишься хоть когда-нибудь?

— Когда-нибудь, — соглашается Пашка, — ведь нужен же мне ещё кто-то, кроме тебя, кому я смогу не говорить, что у меня всё о'кей! Ведь на самом деле так не бывает.

— А как бывает?

Пашка отодвигает тарелку, откидывается назад и закуривает, выпуская дым в сторону приоткрытого окна.

— Расстроил ты меня...

— Чем же?

— Риткой своей. Я никогда, ни до, ни после, не встречал такой женщины, как твоя Ритка. Ничего в ней, кажется, не было. Ни красоты какой-то особенной, ни потрясающего ума. Если только особенный какой-то шарм. Ей бы принцесс играть в кино. Которые горошину под вагоном матрацев чувствуют. Понимаешь? — Пашка щелкает пальцами, вылавливая из воздуха подходящее слово. — Она была как смысл жизни! Как философский камень! Всего-то и надо было нести её и не расплескать. А ты, как дурак, споткнулся и всё разлил...

— Я не спотыкался, Павлик.

— Кому ты говоришь? — машет рукой Пашка. — Ты как о себе всегда думал? Вот я такой талантливый, почиваю на лаврах или витаю в облаках, а там внизу подо мной одним из моих апостолов Ритка. А на самом деле она никогда не была меньше тебя, глупее тебя, менее талантлива, чем ты. Вы были всегда равны. Я-то чувствовал это. Как на чашках весов. Ты со своим талантом, она со своей любовью... Она улетела, твоя чашка пошла вниз. Ты же всё, что сумел опубликовать, написал именно тогда, когда с тобой была Ритка! А знаешь, почему она улетела? Потому что почувствовала, что улететь можешь ты...

— С чего это ты взял, что я могу улететь? — спрашиваю я.

— Ну конечно, — кивает Пашка, — улететь ты не мог. Ты же не Вовчик. Ты мог прыгнуть. Спрыгнуть и уйти. Но ты не прыгнул. Знаешь, что ты сделал?

— Что?

— Ты остался! Есть такая способность у тебя — исчезать, никуда не уходя. Ритка улетела, твоя чашка грохнулась об землю, и ты сидишь в ней один и не можешь подняться, потому что тебе некого любить, а допрыгнуть до противоположной чашки никто не может. Она слишком высоко!

— Не может или не хочет, — говорю я. — Ты поэт, Павлик.

— Я приезжаю сюда погрузиться, — затягивается дымом Пашка, — и ты мне в этом неизменно помогаешь. Как тебе котлеты?

— Тётя Нина! — кричу я в коридор. — Это не котлеты, это полёт в стратосферу!

Тётя Нина отзывается из глубины квартиры каким-то ласковым восклицанием. Пашка встаёт и собирает тарелки.

— Искусным кофеварам-кудесникам кофе не предлагаю, будем пить чай.

— Давай, — соглашаюсь я. — У тебя вода хлоркой не пахнет?

— Забудь про водопроводный кран! — Он опять начинает учить меня жизни. — Сейчас все уважающие себя и клиентов специалисты готовят кофе из привозной воды.

Я встаю, чтобы заглянуть через его плечо.

— Э, нет! — осаживает он меня. — Не подглядывать! Нечего разгадывать моё ноу-хау. Тем более если это ноу-хау выстрадано двадцатью годами холостяцкой жизни. Элемент тайны необходим, особенно в приготовлении пищи. Был такой уже старый итальянский фильм. Там главный герой владел секретом приготовления пуленепробиваемого стекла. Представляешь, никто не мог отгадать состав смеси, которую он применял, а он просто тайком плевал в чан с этим стеклом!

— Надеюсь, ты не у него украл рецепт заварки чая?

— Обижает! — возмущается Пашка и ставит чашки на стол. — Вот!

Я второй раз за сегодняшний день вдыхаю чайный аромат. Пашка пьёт чай, зажмурившись от удовольствия. Я вижу морщины у него на скулах и спрашиваю:

— Годы идут, Павлик. Неужели у тебя так никого и нет?

— Да как тебе сказать, — мнётся Пашка, — есть, конечно. Чудо. Просто чудо. Сюда просилась со мной. Только, понимаешь, ей всего семнадцать! Чувствую себя рядом с ней старым дураком! И вижу, что влюбилась она без памяти. Смотрит на меня преданными собачьими глазами. Но она девчонка, понимаешь, ещё девчонка... А я старый дурак.

— Мы ровесники, — говорю я. — Называя себя старым дураком, ты оскорбляешь меня.

— Ты вообще трухлявый пень! — снова машет на меня рукой Пашка. — Вот что ты сам сделал для того, чтобы стать счастливым?

— Счастье — это миг, — отвечаю я, — следовательно, «быть счастливым» нельзя.

— Так лови этот миг, балда! — стучит себя по голове Пашка. — Лови и живи этим мигом! Вот честно. Только честно. Тебе сорок. Что ты ещё хочешь в этой жизни? Ну чего? Славы? Известности? Успеха? Денег? Ладно, слава и известность отпадают, это и есть успех. Денег? Что?

— Деньги, к сожалению, вещь необходимая, — говорю я, — но и деньги, и всё остальное — это вторично. Вторично по отношению к чему-то иному.

— По отношению к чему иному? — не отстает Пашка.

В кухню на минуту заходит тётя Нина и ласково говорит Пашке:

— Павлик, отстань от Вадима. Дай поесть человеку.

— Спасибо, тётя Нина, мы уже пьём чай. Котлеты и борщ были замечательные.

— Мама, — вмешивается Павлик, — ты ничего не понимаешь. Твоя стряпня настолько вкусна, что мне постоянно приходится отвлекать его, чтобы он не подавился или не захлебнулся.

— Тётя Нина! Всё по высшему разряду!

— Кроме одного, — вздыхает, уходя, тётя Нина, — боюсь, что я не успею побыть бабушкой.

— Слабак, — говорю я Пашке.

Пашка хмурится, достаёт из шкафчика бутылку водки и наливает её в два маленьких зелёных стаканчика.

— Я думал, что ты меня покатаешь, — разочаровываюсь я.

— Покатаю, — отвечает Пашка. — Ты пей. Я мамке ещё не сказал, но, похоже, всё идёт к тому.

— К чему «к тому»? — не понимаю я.

— Насчёт внуков, — шепчет Пашка. — Я, собственно, на разведку приехал. Собираюсь через неделю Наташку сюда привезти.

— Зачем? — опять не понимаю я.

— Идиот! — повторяется Пашка. — Мы уже на шестом месяце. А она только-только перешла на второй курс. Родители её ничего не знают!

Отболталась чем-то, что на каникулы не приехала. А ведь и рожать ещё. И не расписаны мы. Ей семнадцать! Кошмар!

— Павлик! — хлопаю я его по плечу. — Молодец, старый развратник! Это же здорово! А где её родители?

— Да тут недалеко! — снова закуривает Пашка. — Камышин. День ехать. Даже меньше.

— И чего ты волнуешься? — спрашиваю я. — Рожайте ребенка — и туда. Что? Не поймут?

— Поймут, конечно, — Пашка бросает недокуренную сигарету в окно. — Только её родители младше меня. Отец — на два года. А мать — на три с половиной. Что предлагаешь делать?

Я развожу руками. Пашка закуривает снова, наполняет кухню клубами и, открыв окно, машет створками.

— Мама не любит дым, — объясняет он. — Кстати, Наташка тоже. Нет жизни курящему мужчине. О чём ты задумался? Ты меня слушаешь? Да я тебе бесплатно такие сюжеты раздаю!

— Да с таким сюжетом, Павлик, романов с тышчонку будет.

— И как они заканчиваются?

— В основном трагически.

— Ерунда! Я не умею трагически, — говорит Пашка, вновь наливая водку. — Что бы я ни делал в этой жизни, у меня всегда получается или весело, или хорошо.

— Лучше хорошо, чем весело.

— Весело тоже неплохо. Вот ты о чём сейчас пишешь?

— Так... Историю с несколькими действующими лицами...

— И кому это интересно?

— Во-первых, мне...

— Ты не относишься к категории потребителей! Весь секрет твоих неудач, что ты не являешься источником положительных эмоций! Стране нужен положительный герой! Вадик! Напиши про меня роман! Ну хотя бы повесть! Я профинансирую издание. Тысяч десять тираж гарантирую!

— Нет, Павлик, я не хочу работать над образом положительного героя. Я не знаю, что это такое. И ты не совсем положительный герой, Павлик. Ты чего-то не договариваешь. Ты не был удивлен, когда я сказал, что нашёл Ритку.

Пашка снова бросает недокуренную сигарету. Подходит к окну и долго смотрит в сторону верхушек деревьев, корпусов гостиницы «Измайлово» и туманной дымки, съедающей многоэтажки Преображенки.

— Ты понимаешь... — Он впервые смотрит мне в глаза. Впервые с того момента, как я заговорил о Ритке. — Понимаешь... Это я помог им с визами и документами. Я не мог сказать тогда тебе этого. Я дал ей слово. Ты понимаешь?

«Понимаю», — думаю я.

— Ты же знаешь. Мне было ещё тяжелее. Я всегда любил её. Я и не женился поэтому. Но я любил и тебя. И люблю.

«Я знаю», — думаю я.

— Ну, скажи мне какую-нибудь гадость, — просит он.

— Дурак ты, Павлик, — говорю я ему.

Я проснулся рано утром в квартире Верки, но не встал, а лежал и слушал, как собирается на работу в своё любимое Мячиково Вовчик, как позвякивает посудой на кухне Верка, как поет Серёга, чтобы его взял с собой на работу отец. Наконец они завтракают, Вовчик уходит, забрав с собой ошастливленного пацана, а я всё ещё не встаю. Верка в отпуске. Её отпустили ещё в пятницу, Вовчику предстоит «довкалывать» эту неделю, а в предстоящую субботу они сядут на поезд и отправятся в далёкий город Приозёрск к Вовкиным родителям, где будут почти целый месяц кормить комаров, удить форель и прыгать по скользким камням Ладожского озера. Они уедут, а я загружу на дискету свой последний неоконченный литературный шедевр, чтобы этот месяц восхищаться стремительным текстовым редактором на Серёгином новеньком «Пентиуме», кормить канарейку и выгуливать бешеную таксу. Если только собака не добьётся своим виляющим детектором лжи такого же Вовкиного расслабления, какого неизменно добивается Серёга. Они поедут на поезде. Вовчик терпеть не может самолёты, если не он в кабине пилота. На поезде спокойнее. По крайней мере у него не возникает желания растолкать всех и вытряхнуть «этих бездарей» из самолёта.

Я открыл глаза и встал. Щебетала канарейка. Чем-то похрустывала на кухне собака, сама напоминающая кусающийся батон колбасы. Мне постелили на диване, когда вчера вечером, точнее, глубокой ночью, меня сбросил здесь, в Перово, у сестры Пашка, не рискнув везти домой через всю Москву. Довёз бы, конечно, но влетело бы это ему даже и не в копеечку. Где-то под вечер, когда всё то, что и так было с нами ясно, стало ещё яснее ясного, мы вышли на улицу. Пашка рвался завалиться в какой-нибудь ночной клуб, но я уверил его, что не получу от этого никакого удовольствия, и уговорил заехать в Измайловский парк. Мы вырулили на главную аллею, свернули на какую-то просеку и погасили огни. В кронах чахлах деревьев мерцали редкие звёзды. Мы опёрлись спинами о тёплый металлический бок Пашкиного «японского мерседеса» и, прислушиваясь, как отдаются в этом безжизненном лесу ночные вздохи Москвы, говорили обо всём подряд. Только не о Ритке. Обо всём, пока я не захмелел окончательно и Пашка не разыскал, несмотря на мои бессмысленные указания, в переулках между обозначенными номерами Владимирскими улицами нужный дом. Он затащил меня на пятый этаж и сдал на руки с облегчением вздохнувшей Верке. Вовчик сделал круглые глаза и сказал, пикируя на Веркину голову:

— Я не удивлюсь, если завтра у твоего братца будут подбиты оба глаза!

Каким-то краем отключающегося рассудка я с ним не согласился и попытался спорить, но всё уже плыло куда-то через меня, и я не запомнил больше ничего: ни как ушёл Пашка, ни как меня несли из коридора и укладывали на диван, ни кто меня раздел и сложил одежду аккуратной стопочкой на стул. Я взял в руки футболку и вдохнул запах свежевостранного и выглаженного белья. Эх, Вовчик! Какой клад тебе достался в лице моей сестры!

Верка выглянула из кухни:

— Эй! Алкоголик! Чай или кофе? Или водочки?

— А, — согласился я, — давай кофе.

— Ты же считаешь, что я не умею готовить кофе? — удивилась Верка.

— Делай как можешь, — обречённо ответил я и пошёл в ванную.

В ванной я вновь обнаружил в зеркале помятую и небритую физиономию сорокалетнего мужика с явными признаками деградации. Ничего. Хоть что-то в этой жизни остаётся стабильным. Я намазали щеки Вовкиным гелем для бритья и стал медитировать, декламируя:

— Я самый красивый! Я самый талантливый! Я всё могу! У меня всё получается! Женщины от меня без ума! Я пишу гениальные книги! Успех меня не покидает! Я самый...

Верка постучала и заглянула в дверь:

— Что случилось?

— Ничего, — невозмутимо ответил я, — где моя зубная щётка и бритва?

— В шкафчике, сверху слева, — ответила Верка, — ты чего стонешь?

— Тебе показалось, — сказал я и повторил ещё раз, глядя на вопросительное Веркино лицо: — Тебе показалось!

— Ну-ну! — ответила, скрываясь за дверью, Верка. — Глазом об дверную ручку. Кажется, галлюцинации становятся для меня нормой.

Что-то должно было произойти. Назревающее событие стояло в воздухе, предчувствие клубилось под потолком, но пока не открывалось. Я чувствовал это всем: и больной головой, и побаливающим ещё синяком, и почему-то слегка дрожащими руками. В комнате прозвенел звонок. Это?

— Кто это? — заорал я, вынырнув наполовину из ванной. — Верка, кто это?

— Это был Пашка, — сказала Верка из-за двери, проходя на кухню. — Едет в Питер. Сейчас проезжает поворот на Новгород. Желает тебе скорейшего выздоровления.

— Спасибо, — сказал я упругой водяной струей, бьющей меня из крана по подъёму правой ноги. Нет. Не это.

— Ты будешь пить кофе или нет? — закричала Верка из кухни.

Я кое-как смыл с себя пену, завернулся в Вовкино бескрайнее полотенце и проник в Веркино царство. На столе дымились две чашечки кофе.

— Что это тебя так понесло? Последнее мальчишество? — спросила меня Верка.

— Далеко не последнее, — протянул я. — Вера, ты считаешь, что это кофе?

— Я считаю, — сказала Верка, садясь напротив меня и подпирая подбородок маленькой волшебной рукой, — что тебе нужно завести ребёнка.

— Может быть, сначала завести женщину? — осторожно спросил я.

— Женщину нельзя «завести», — объяснила мне Верка, — она или есть, или нет.

— А откуда же возьмётся ребёнок? — не понял я.

— Подбери другой глагол относительно женщины, горе-писатель, — посоветовала Верка.

— Горе-писатель описывает горе, — сказал я. — Счастье-писатель — описывает счастье. Зло-писатель описывает зло. Писатель-повар пишет кулинарные книги. Вера, дай чего-нибудь поесть.

— Изменяешь своим принципам? — засуетилась Верка. — Ты же ничего не ешь с утра!

— Оказывается, ем, — ответил я, начиная расправляться с неестественно толстым импортным окорочком.

— Ты ничего не забыл? — спросила Верка, ставя на стол бутылку водки и наливая в два стаканчика по капле. — Сегодня тот день.

Я посмотрел на грустное Веркино лицо, на эти два стакана и не смог вспомнить.

— Какой день? — спросил я у Верки.

— А я-то думала, что в этом году ты начал его заранее отмечать, — сказала Верка, поигрывая стаканчиком в руке и заставляя водку переливаться изнутри с одной его грани на другую.

— Так сегодня... — начал догадываться я.

— Да, — сказала Верка, — сегодня день рождения Риты. И сегодня пятнадцать лет, как она исчезла.

Сестра молча смотрела на меня. Смотрела с тем выражением, с каким смотрят на фотографии давно умерших родственников, боль утраты которых уже растворилась, и остались только светлая печаль и непонятная нежность. Она смотрела на меня, а я сидел с непроглоченным куском курицы во рту и думал, что эта моя паршивая жизнь движется по спирали и сегодня как раз тот день, когда я как никогда близок к давно прошедшему мгновению моей жизни, когда, придя вечером домой, не обнаружил ничего, кроме этого комочка туши и слипшейся кисточки в картонной коробочке. И этот комочек туши вместе с этой кисточкой уже пятнадцать лет стоит у меня в горле непреодолимым комком, ни проглотить, ни выплюнуть который я не могу. Я с трудом разжевал и проглотил кусок курицы и поднял глаза на Верку. Она сидела с невыпитой водкой в руке, и слеза, скатываясь с кончика её носа, всё никак не могла угодить в центр стаканчика.

— Сеструха! — шепнул я ей. — Всё будет нормально! Ритка-то нашлась!

18

Всему своё время. Обычно события, которые выпадают нам в жизни, совершаются неторопливо и последовательно, поочерёдно бросая нас то в жар, то в холод, то приподнимая над землёй, то расплющивая о землю. Но порой вздрагивает незримая рука бросающего кости и события начинают наслаиваться друг на друга. Кому-то этот сумбур кажется чёрной полосой, кому-то — белой, а кто-то понимает, что только в этом психическом бардаке, когда разум не успевает осознать и смириться, возможно пережить всё, что выпадает, и не потерять рассудок. Я просидел у Верки

долго. Она достала три огромных старомодных альбома, большую коробку фотографий, и мы ползали на коленях по полу, раскладывали эти бесчисленные свидетельства ускользающего времени по кажущейся нам хронологии и наклеивали их белым клеем на картонные листы. Я смотрел на фотографии и чувствовал, что чем дальше назад, тем реже мелькают среди них цветные, и мое чёрно-белое прошлое кажется проще и искреннее, чем настоящее. Потом, когда фотографии кончились, а альбомы распухли, когда остыл уют, которым мы через полотенце прижимали наши лица к картону так, что вафельные шашечки оставались на детских щеках и чёлках, когда закипел чайник и запах бергамота пополз по комнате, тогда мы сели и стали смотреть. С самого начала. С коричневых дощечек фотографий начала века, на которых стояли неведомые нам наши предки. Со строгих лиц наших юных бабушек и дедушек, вытянувшихся по стойке смирно в прошедшее дикое время. С младенческих улыбок родителей, ползающих своими животиками по дешёвым пеленкам. С наших наивных глаз, смотрящих на своё безоблачное будущее. Всё дальше и дальше, пока время по причудливой параболе не вывело нас на нас сегодняшних, находящихся у окончания лучшей половины своей жизни и только теперь понимающих, в какой момент нами были утеряны чудесные путеводные клубки. Мною утерян, не Веркой. Верка счастлива. Ведь все её слёзы всегда были связаны только со мной.

Вечером пришёл громадный Вовчик с разомлевшим за день, но счастливым Серёгой. Их квартира сразу стала меньше. Вовчик поцеловал Верку в щеку, затем взял меня за подбородок, рассмотрел зелёный синяк и сказал, что от этого ещё никто не умирал. Потом мы сели за стол и стали ужинать. Серёга, размахивая руками, делился впечатлениями, Вовчик сдержанно, но сурово улыбался, а я думал, что, наверное, этот редкий Вовкин поцелуй дороже и слаще для моей сестры, чем тысячи более страстных и более жадных поцелуев, от которых уберегла её судьба. Мы поели, они сели смотреть сделанные нами альбомы, а я уехал, оставив их наедине со своим счастьем.

Летний день уже наливался серостью, когда я вошёл во двор, поднялся по лестнице и открыл дверь в квартиру. Щёлкнул выключатель, и мне показалось, что жильё задышало с моим приходом, как грудная клетка умирающего, чьё сердце разбудили разрядом тока. Я включил компьютер и посмотрел, что делают мои герои. Они как будто ожили, но не двинулись с места. Тогда я вложил в уста одного из них ничего не значащую фразу. Он сказал её с видимым усилием, но его партнеры не шелохнулись. Рано. Пусть поразмыслят. Я разобрал постель, лёг на прохладное белье и, закрыв глаза, стал переживать заново придуманную историю, рассчитывая, что она перейдёт в сон и во сне я увижу, какие слова должен произнести главный герой.

Я проснулся от настойчивого звонка в дверь. Мой главный герой растворился в утреннем свете. Набрасывая на себя халат, спотыкаясь в одном нащупанном босой ногой тапке, я открыл дверь. На площадке стояла возбуждённая Евдокия Ивановна.

— Нет! Вы представляете! — воскликнула она, разводя руками. — Лёшка-то съехал!

— Какой Лёшка? Куда? — не понял я, просыпаясь на ходу.

— Сосед наш из седьмой квартиры!

— Куда? — спросил я.

— Откуда я знаю? — возмутилась Евдокия Ивановна. — Съехал! Лёшку-то я не видела, а брат его был. Этот, который в дорогом костюме. Машину пригнали, погрузили кое-какую немудрящую мебель, чемоданы и съехали.

— Всё увезли? — спросил я.

— Откуда мне знать, я в квартиру не заходила. Может, они имущество делить стали! По крайней мере, ни дамочка эта в розовом платье, ни сын его не появились. Я так думаю, что скрылись они. Уехали. Вот приедут, а ни вещей, ничего...

Я слушал Евдокию Ивановну, смотрел на обшарпанную дверь квартиры Алексея и испытывал то же чувство, какое испытывает рыбак, когда неведомая рыбина плавно сойдёт с крючка, не показав ни огромного хвоста, ни облитого солнечной чешуёй бока. Сиди и гадай, что это было. И ещё обиду. Обиду не за злополучный заслуженный удар в лицо, а за неисполненное обещание Алексея. Я терпеливо выслушал неугомонную соседку, вернулся в квартиру и подошел к окну. Ни «ауди», ни «пассата» во дворе не было. Падающая звезда пересекла небо, погасла в кустах и не принесла никакой пользы. Кажется, я опять не успел загадать желание.

Прошло несколько дней. И ещё несколько дней. Плавно закончился июнь. Или не закончился, а просто изменил имя. Как меняет имя девушка, когда вдруг обнаруживает через некоторое время, что люди в автобусе, или в метро, или в магазине называют её уже женщина... И морщинки возле глаз... Но вот уже и это ушло в никуда, и август расцветает цветной сединой, обещая зиму...

Я сижу у компьютера и думаю о том, что Господь не может справиться с этим потоком и носится, маленький и вспотевший, по коридорам своей вселенной с коробками магнитных или иных носителей в руках, чтобы успеть ничего не упустить и записать каждую секунду ускользящего времени... Мои герои мертвы. Я забываю их имена и, как всегда в таких случаях, начинаю что-то ещё. Как золотоискатель, который опускает свои приспособления в каждую таёжную речку, рассчитывая, что, может быть, сейчас уж блеснёт... Август.

Тогда, в июне, всё встало на свои места. Вовчик, Верка и Серёга уехали на Ладогу. Колбасу взяли тоже, и она вернулась оттуда через месяц, худая и утомлённая свалившимся на неё собачьим счастьем. Канарейка улетела у меня на второй день, и перед приездом хозяев я купил новую, которая внешне была точно такой же, но оказалась на редкость голосистой, что дало повод Вовчику предполагать, что свояк дурно влияет даже на птиц. Я вернулся в свою квартиру, а через неделю по Пашкиной наводке в качестве сопровождающего уехал с каким-то важ-

ным грузом в Челябинск, где три дня ходил по пыльным кабинетам, доказывая эту важность пожилым импотентам и раздражённым их импотенцией женщинам. Попутного груза обратно не было, почему-то мы с нашими машинами оказались в Казани, и вернулся я домой только позавчера. Дома было спокойно. Соседка уехала под Калугу к младшей сестре варить варенье. В кармане у меня похрустывало сытое двухмесячное существование. Вот только не писалось и не думалось. В таких случаях я всегда делал одно и то же. Ехал на метро на другую сторону Москвы, выходил где-нибудь на Северяanine или на Варшавской и шел пешком в свое Строгино, затрачивая на это целый день, покупая дешёвые пирожки и сосиски, вращая головой по сторонам и рассматривая женщин. Конечно, я не был новым Гиляровским. Я был праздным созерцателем окружающей жизни, которая текла вокруг, не задевая ни всплеском, ни брызгами, ничем. Этот мир заканчивался и умирал. Умирал, не подозревая об этом, потому что через четыре месяца первая зима с цифрой два вступит в свои права, и весна будет уже в другом измерении.

Я ехал к старому знакомому, который когда-то баловался прозой, но вовремя остановился и теперь участвовал в различных литературных проектах в качестве составителя, редактора и ещё неизвестно кого. В портфеле лежали две прошлогодние повести, которые я не смог никуда пристроить в прошлом году и рассчитывал определить в новый, создаваемый приятелем альманах. Я заранее знал, что он скажет, увидев мои листочки. Он глубоко вздохнёт. Скажет, что сейчас время больших форм и эпических повествований. Он скажет, что, если я не хочу писать литературную порнографию или безупречный, но никому не интересный словесный бред, я должен писать «Сто лет одиночества» в русской тональности или хотя бы «Двадцать лет», но в том же направлении. Я отвечу, что, если мои герои гибнут или растворяются на сотой странице, я не могу заставить их существовать ещё сто пятьдесят страниц, или это будет существование под капельницей и в реанимации. Приятель разведёт руками и кисло добавит: «Ну оставь, что ли. Я посмотрю. Хотя ты знаешь, ведь я ничего не решаю...» И я оставляю, заранее представляя и его ответ, и все последующие слова...

Напротив меня стояла молодая женщина, одетая в светлое платье до колен, подхваченное поясом на бёдрах так, что складки фонариком свисали по бокам. У неё была короткая стрижка и сильно напудренное, как после эпиляции, лицо. Мне казалось, что она смотрела на меня, но определить точно этого я не мог, потому что на глазах у неё были чёрные очки «стрекоза» и смотреть она могла куда угодно. Тем не менее я чувствовал взгляд, отворачивался, отводил глаза, но очки притягивали меня, и я готов уже был уйти в другой конец вагона, как вдруг мой взгляд опустился на её шею. На шее возле узелка золотой цепочки и затейливого кулона змеился голубой шрам, начинающийся из белёсой точки между ключицами. Я смотрел не дыша на этот шрам, пытаюсь вспомнить, где я его видел и почему сердце у меня замирает и взрывается ударами в висках. Поезд метрополитена остановился. Девушка сделала шаг на платформу, двери сомкнулись, и перрон умчался назад, унося

вместе с собой цокающую туфельками незнакомку. Почему я не вышел вслед за ней? По той же самой причине, по которой до сих пор пишу никому не нужные повести и рассказы.

Всё было почти так же, как я и ожидал. Приятель сказал все предполагаемые мною слова, только работы мои не взял, а предложил занести их в какой-то кабинет, куда я не пошёл, потому что не хотелось до конца следовать назначенному року. Я вернулся домой, включил компьютер и замер, глядя на дешёвые шторы, которые обречённо свисали с карнизов на окнах. Жужжала громадная бестолковая муха. Помигивал автоответчик. Издавал стандартные звуки Windows, мой электронный приятель. Где ты бродишь, читатель? Как до тебя добраться? Хотя бы для того, чтобы получить безапелляционное «нет» из твоих уст, а не от посредников, которые считают, что истории из жизни отморожков тебе интереснее всего. Или это действительно так? Ведь производится то, что покупается? Может быть, добавить крови, стрельбы, распахнутых вагин и нерасслабляемых пенисов? Чтобы глаза повывлазили из орбит от удовольствия. Не выйдет. Нужно отмотать обратно почти весь сороковник, чтобы избежать сделанных самому себе прививок от безвкусицы и пустоты. Да и тогда вряд ли получится. И зачем? Добавить несколько капель дерьма в море разлитое? Кто это заметит?

Я встал, прошёл на кухню, зажёл под кофейным «песочником» огонь и включил автоответчик. На нём было несколько восклицаний Верки по поводу моего возвращения и её субботнего прихода. Недоумённый вопрос приятеля, которого я уже полдня считал бывшим: почему я не оставил повести у него в конторе. Голос Дины.

— Привет, трус и негодяй. Я всё равно тебя нашла. Никуда ты не денешься. Нам нужно увидеться. Мне есть что сказать тебе. Хотя бы из-за Риты позвони.

Я нажал на «гереат», послушал ещё раз, и ещё раз, каждый раз улавливая какие-то новые интонации в её голосе. Время остановилось и замерло на этом автоответчике, только калёным речным песком запахло из кухни. Я побежал туда и услышал, как голос Дины сменился голосом Алексея.

— Здравствуйте, Вадим. Это говорит бывший сосед, Алексей. Мне очень нужна помощь. Позвоните, пожалуйста, по телефону...

Я выключил газ, ещё раз прослушал сообщение и набрал номер. Прозвучали гудки, затем в трубке раздался незнакомый голос:

— Я слушаю вас.

— Будьте добры, мне необходимо услышать Алексея.

— Почему вы решили, что здесь может быть какой-то Алексей? Кто это звонит?

— Это его бывший сосед. Он сам мне дал этот телефон.

— Сожалею, — ответили на другом конце провода, — но я ничем не могу вам помочь. Думаю, что ваш друг ошибся, когда называл этот номер телефона. Смею полагать, что никакого Алексея здесь нет и никогда не будет. Всего хорошего...

Трубку положили. Я слушал гудки и видел, как дрожат пальцы, которыми опёрся о стол.

Он появился вечером. Позвонил, молча остановился в коридоре, прислонился спиной к стене. Странное сочетание человека-тряпки с поблескивающей металлом волей внутри. Не разуваясь прошёл в комнату и сел на диван, выложив на колени кусок картона с какой-то надписью. Попросил чаю.

— Если можно, то без хлорки.

— Конечно, — согласился я. — Я теперь для чая и кофе воду покупаю. Радуюсь, что воздух бесплатно.

— Не радуйтесь, — хмуро ответил Алексей. — За такой воздух нам доплачивать надо. Хотя здесь, в Строгино, ещё ничего.

— А вы теперь где? — спросил я его.

— В Люблино пока, — ответил Алексей. — Но квартира эта моя... Тоже пока.

— Что за проблемы? — спросил я, выставляя на стол дымящийся чай, печенье и ещё что-то, в чём я не отказывал себе в бесплодном творческом одиночестве. — Опять кто-то донимает вашу компанию излишним вниманием?

— Знаете, почему я пришел просить о помощи именно вас? — спросил меня Алексей.

— Нет, — ответил я. — Единственное, что приходит в голову, это то, что больше вам попросить о помощи некого.

— Может быть. — Он задумался. — Думаю, вы подумали, что я обманул вас и решил не открывать своей тайны?

— Вы недалеко от истины, — подтвердил я.

— Да... — Он помолчал, прихлёбывая чай. — Так оно и есть. Зачем мне дополнительные проблемы в лице любопытного, назойливого, пусть даже никому не известного писателя? Я не слишком обижаю вас?

— Нет, — сказал я. — Если вы говорите правду, тогда нет. Хотя тот, кто говорит правду, обречён постоянно кого-то обижать. К тому же пока вы не оригинальны.

— Нет, — не согласился Алексей. — Я — оригинален. Я сделал всё, чтобы съехать отсюда. Хотя бы на время. И только потому, что ваше наблюдение могло закончиться трагически для вас.

— Значит, некоторые мои предположения оказались верны? — спросил я.

— Нет. Точнее, да, но только отчасти. На ничтожный процент. Дело в другом. Ситуация изменилась настолько, что я не справляюсь с ней самостоятельно.

— И чем же могу помочь я? — поинтересовался я. — Вы хотите, чтобы я навёл порядок в вашей таинственной масонской ложе?

Алексей откинулся назад, вытер лицо платком и зачем-то приподнял и снова положил лицевой стороной вниз картонку. Я стал внимательно рассматривать его и тут только увидел, что одет он как-то необычно, нелепо и безвкусно, хотя одежду эту я видел раньше, она мне знакома. Ну конечно! Это была одежда того «сыщика», который уложил меня с помощью газового баллончика в бывшем проезде Художественного теат-

ра. Блестящие ботинки с тонкими узкими носами, почему-то голубые носки, клетчатые зеленоватые штаны, розовая рубашка апаш на кнопках и тёмно-коричневый пиджак.

— Что? — нервно засмеялся Алексей. — Удивляет мой наряд? Не могу сказать, что моя обычная одежда выглядит более гармонично, но... Но это вопрос обстоятельств. Насчёт масонской ложи, вы опять не угадали. Тем не менее... дело серьёзное. Помогать вы мне не обязаны. Более того, вряд ли вы можете мне помочь. Но вы можете контролировать ситуацию... Вы готовы слушать дальше или мне пора уже уйти?

Я посмотрел на его опущенные веки (он по-прежнему смотрел куда-то вниз) и подумал, что лучше бы он сейчас ушёл.

— Помощи я вам обещать никакой не могу, но слушать я готов.

— Спасибо хоть на этом, — Алексей снова глотнул чая. — Но сначала я должен объяснить, почему я пришёл именно к вам.

Алексей замолчал на мгновение, закрыв глаза, как будто справлялся с нахлынувшей на него болью, затем открыл глаза и продолжил:

— В чём-то вы правы. У меня действительно никого нет.

— А ваши друзья?

— А! — махнул рукой Алексей. — Не перебивайте меня! У меня никого нет. У меня нет никаких родственников и нет друзей! Так случилось. Мои родители были людьми необщительными. Одинокими. Возможно, что и сошлись они на почве одиночества. И когда их не стало, это двойное одиночество унаследовал я! Нет. Конечно, и в одиночестве есть свои прекрасные стороны, но от этого оно не перестаёт быть одиночеством. И вдруг сравнительно недавно, когда жизнь повернулась ко мне самым безжалостным лицом, я обнаружил, что этого одиночества больше нет.

— И какова же моя роль в этой метаморфозе? — спросил я его.

— Самая главная! — ответил Алексей. — Ваша книга!

— Книга? — удивился я.

— Ну, журнал с вашей повестью! Извините, я не могу вернуть его вам.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Когда этот журнал вышел, я скупил некоторую часть тиража. У меня осталось не менее сотни экземпляров.

— Вы сами уменьшили вероятность успеха, — вздохнул Алексей. — Но я прочитал! Не знаю, зачем я это сделал. Возможно, потому, что, обманув вас, обещая скорую встречу, я не захотел быть обманщиком дважды. Я прочитал, и ваша повесть закончила мое одиночество! Она лишила меня его! Вы понимаете?

— С трудом, — признался я.

— Да всё очень просто! Вы пишете не повести и не рассказы! Вы пишете исповеди, даже тогда, когда выдумываете всё от начала до конца! Можно не соглашаться с логикой изображённых вами событий, могут не нравиться ваши герои, но забыть этого нельзя! Вы выложили всего себя на бумагу, препарировали, раскатали по строчкам текста и подали на стол. Вы знаете, почему вы не популярны? Потому что очень утомительно читать это. С чего вы взяли, что массовый читатель толпами хлынет на операционные столы, где вы обещаете выпотрошить его, даже если после этого он гарантированно испытает нечто? Никому этого не надо... И если

бы не обстоятельства, этого было бы не нужно и мне... Но я прочитал. И одиночества своего я лишился. Вы понимаете?

Я кивнул, как заворожённый глядя на этого почти парализованного собственным бессилием человека, на лице которого горели безумные глаза.

— И вот, — продолжил Алексей, — я лишился одиночества, но приобрёл собеседника. Да просто близкого мне человека.

— Вам не кажется, что даже для дружеской близости нужна взаимность? — спросил я.

— Да бросьте вы, — махнул рукой Алексей. — Когда открывается книга, никто не спрашивает согласия писателя. Я сроднился с вами из-за вашей откровенности. Вы сроднитесь со мной, едва узнаете, в какое дерьмо я вляпался. Человек по природе своей склонен к жалости. И у вас, я уверен, будет возможность пожалеть меня. Знаете, что я хотел вам рассказать?

— Что? — спросил я.

Он наклонился и произнес мне в лицо напряжённым шёпотом:

— В действительности их нет!

— Кого нет? — не понял я.

— Их. Управляющего отделением банка. Маклера. Этого бандита. Юного диджея. Этой дамы. Их нет. И они есть.

— Подождите! — запротестовал я. — Я ещё не понял, как это их нет, а вы уже добавляете, что их нет, но они есть.

— А вы не спешите, — посоветовал мне Алексей. — Их нет, потому что их нет в природе. Но они есть, потому что они есть. Потому что есть поступки, которые они совершают. Есть одежда, которую они носят. Есть их имена. У них есть друзья. Даже работа! Они обладают всеми качествами конкретных людей. Но их нет.

— Не понял! — раздражённо повторил я.

Алексей сидел на диване и торжествующе смотрел на меня, как на школьника, впервые услышавшего от учителя, что Земля — это шар, и поражённого этим обстоятельством.

— Их нет, но они есть! — снова сказал Алексей, наклонился и прошептал мне прямо в ухо. — Это я их создал! Я сделал их из себя!

21

«Что он понимает?!» — подумалось мне. Я всё делаю из себя. Я становлюсь больным стариком, когда описываю старика. Я становлюсь волком, когда описываю волка. Я становлюсь женщиной даже тогда, когда в моих рассказах её запрокидывают навзничь и насилуют или рвут безжалостно на части. И я чувствую всё это! Что он понимает в этом, если даже Ритка бросила меня из-за того, что, когда она звала меня по имени, я поднимал голову от бумаги с пустыми безжизненными глазами, потому что был кем угодно — стариком, волком, женщиной — в эти минуты, но не самим собой. Я не мог разорваться надвое... А она не могла жить в пустоте... Что он в этом понимает?!

— Это я их создал! Я сделал их из себя!

— Доктор Джекил, несколько мистеров Хайдов и даже миссис Хайд в одном лице? — с сарказмом спросил я его. — Это неоригинально!

— Бросьте! — возмутился Алексей. — Доктор Джекил и мистер Хайд — это всего лишь идея, которая ничего общего не имеет с действительностью! К тому же она основана на использовании *физического* мира! Опять какие-то снадобья и химикаты! Ничего этого не надо! Всё здесь! — показал Алексей себе на голову. — И у вас всё здесь! Только и различие, что вы выпускаете своих героев на бумагу, а я в жизнь!

— Не хотите ли вы сказать, что выпускаете в жизнь созданных вами фантомов? — удивился я.

— Фантомов? — задумался Алексей. — Нет. Это не фантомы. Это уже не фантомы. Выражения должны быть точными. Ведь слова — это выражения мысли. А мысль — это штука довольно материальная, частица божественного поля, если угодно. Сгусток мыслей — это уже личность. Нет. Они мыслят. Это уже не фантомы...

— И всё-таки. Что позволяет вам утверждать, что те люди, которых я видел и даже испытал сомнительное удовольствие общаться с ними, не материальны? Или, короче говоря, их нет... хотя они и есть?

— Материальны... — пробормотал Алексей, — ещё как материальны. И их растущая материальность прямо пропорциональна моей убывающей материальности. Извините меня, я лягу...

Он сбросил ботинки, бессильно опустил на левый локоть, беспомощно закинул на диван согнутые ноги, вытянулся так, что диванная подушка оказалась у него под лопатками, и запрокинул голову назад.

— Устал, — сказал Алексей и закрыл глаза. — Извините, но пока я буду говорить так. Вы знаете, что такое мозг?

— Не больше, чем об этом написано в книгах по анатомии.

— В книгах действительно написано кое-что, но что это значит по сравнению с настоящей картиной? Представьте себе, что строение дерева изучают по сантиметровому спилу, не подозревая о существовании кроны и корней. Безусловно, человеческий мозг — это чудо. Но что значит это чудо, если окажется, что мозг — это всего лишь что-то, удерживающее в себе душу человека так же, как губка удерживает воду? Вот тебе и чудо... Попробуй удержи её... А если она там не одна? Вам интересно всё с самого начала? — вдруг спросил он меня.

— Да, — ответил я, с некоторым недоумением глядя на этого внезапно свалившегося на мою голову, распластавшегося на диване человека.

— С самого начала, — задумался Алексей. — Начну всё-таки не с самого начала. Хотя что есть начало — не известно никому. Я рано остался один, и поэтому мне пришлось полагаться только на собственные силы. В армию я не собирался, так как перенёс в детстве травму позвоночника, которая до сих пор вызывает у меня сильнейшие боли. В армию я не собирался, в институт идти тоже особого желания не было. Жизнь казалась мне дорогой, которая рано или поздно приведёт меня в инвалидную коляску. И вот чтобы этого, может быть, не случилось, я пошел учиться в медицинское училище возле дома. Денег на дорогу тратить было не надо. Да и возможность когда-нибудь поступить в ме-

дицинский институт, наверное, всё-таки не помешала бы. Так или иначе, я стал студентом медицинского училища. Жить было на что. Я и сам не транжир, да и родители кое-что оставили. Машину собирались покупать на старости лет. Я очень поздним ребенком был. Я подумал и решил: зачем мне машина? Не лучше ли обеспечить себе экономное, но сытое существование лет на десять? А там, глядишь, и до нормальной профессии доберусь. И всё бы хорошо, но, не поверите, в училище я начал лысеть.

Алексей неловко поднял правую руку и погрузил её в свою густую шевелюру.

— Не верите, правда? И я не верил. Только волосы начали выпадать целыми прядями, и вскоре я был вынужден носить очень короткую стрижку, чтобы не выглядеть со своей лысиной совсем уж смешно. Трагедия. Трагедия для моих семнадцати лет, особенно в коллективе, где почти все молодые прекрасные девчонки. Чего я только не перепробовал! Каким только дерьмом себе голову не мазал, ничего не помогало! Пока в полном отчаянии не вспомнил однажды своего престарелого отца. Отец мой был человеком набожным, да и не глупым. Понимал, что все мои болячки от их с матерью возраста происходят. И чувствовал, пожалуй, что недолго им с мамкой уже осталось. Всё разговоры со мной разговаривал. И все эти разговоры, как я теперь понимаю, своей целью имели только одно: подготовить меня к самостоятельной жизни. Да и машину они вряд ли на самом деле думали покупать. Мне деньги собирали...

Он замолчал, задумавшись о чём-то. Я подождал несколько секунд и спросил его:

— И что же дальше?

— Дальше? Вы не думайте, я не сплю, — ответил он, — вспоминаю... Чаще всего отец мой повторял одни и те же слова. Он говорил, что человек может добиться в своей жизни всего, чего хочет. Главное — захотеть по-настоящему. О том, что говорил Христос своим ученикам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда и туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас. Может быть, я неправильно его понял. Может быть, не о той вере шла речь. Но для меня верой всегда казалась вера в самого себя. И я подумал тогда. Если от такого количества веры сдвигается гора, то неужели от сотой её части не исчезнут мои проблемы? Болезни мои не излечатся? Тут как раз у меня обострение случилось с позвоночником, оформил я академический на год, набрал книжек по психологии, по разным восточным наукам, стал читать. Тогда я очень своему одиночеству радовался. Ведь человек может всё. Главное — сосредоточиться. Но как уйти от повседневной жизни? А жизнь — это течение: выбраться на берег сложно, а плыть и ещё что-нибудь делать ещё сложнее. Утонешь. А меня сама судьба на берег выбросила. Начал я тренироваться.

— С трудом себе представляю, — заметил я. — Как можно тренироваться в исполнении своих желаний?

— А вы напрасно смеётесь, — ответил Алексей. — Это очень просто. Главное, чтобы желания были простые вначале. Через некоторое время я добивался того, чтобы у меня повышалась температура какой-нибудь

части тела. Внушал, что руке горячо, и ей становилось горячо. Внушал, что у меня спина мёрзнет, и в тёплом жилище спина моя мурашками покрывалась. Представлял себе какую-нибудь светящуюся сферу или шар, прогонял её по всем своим сосудам и чувствовал, как она движется по телу!

— И как же это вам помогло?

— Очень просто. Точнее, не очень просто. Позвоночник-то я себе так и не вылечил тогда, слишком серьёзно у меня с позвоночником было. А лысеть я перестал. И с позвоночником я бы разобрался со временем, но это психическое управление регенерацией, времени на это, думаю, десятилетия нужны, а тогда у меня более интересные темы появились.

— И всё-таки как вы вылечили облысение?

— Всего лишь кровь. Самое главное лекарство в нашем теле. После того как я научился управлять притоком крови по сосудам, всего-то и надо было — восстановить снабжение кровью теменной части головы. Луковицы волосяные ожили, и всё наладилось. Я и по поводу спины таким же образом облегчение получал, только вылечиться не мог.

— И отчего бы вам не затратить ещё двадцать лет, чтобы овладеть регенерацией и вылечить позвоночник?

— Что наше тело? Временное вместилище божественной сущности? Случайное скопление изменённого вещества? Вы считаете, что оно заслуживает нескольких дополнительных лет жизни, когда нечто более непостижимое и важное стоит перед нами?

— Все авторитеты в области управления жизнью, специалисты маркетинга утверждают, что здоровье — это самое главное.

— Какие они специалисты? Они тренеры по плаванию в реке жизни. Зачем их обучение сидящему на берегу? Вы слушайте и тогда, думаю, поймёте. Я вылечил облысение, уменьшил боли в позвоночнике, но я не вернулся в училище. Я увлекся.

— Чем же?

— Тайной личности. Загадкой своего «я». Одной из миллиардов загадок, но от этого не менее непостижимой.

— В чём же эта загадка?

Алексей замолчал, тяжело привстал и сел.

— Хочется полежать, но говорить легче сидя, — сказал он. — Я могу попросить у вас ещё чаю?

— Конечно, — ответил я.

22

Я стал готовить чай, иногда поглядывая в комнату. Алексей опять опустился на бок и лежал неподвижно, и мне казалось, что он уснул. Поэтому я вошел в комнату неслышно и постарался не шуметь, расставляя чашки. Алексей не спал. Он открыл глаза и снова тяжело сел.

— Весь секрет в том, что мы слишком сильно привязаны к этой реальности. Наш мозг — это не окошко, открывающееся из другого мира, а тяжёлый якорь, не позволяющий парить в мировом эфире... Но

это поэзия. А реальность... Вот какова реальность. Слышали ли вы о некоторых случаях, которые стали всемирно известны, но так и не были объяснены?

— Что вы имеете в виду?

— Многое. Женщина получила сильное сотрясение мозга, а когда пришла в себя, обнаружилось, что она теперь говорит только по-испански, причём на диалекте, который был в ходу лет двести назад. Ни она, ни её родные, никто из известных ей её предков никогда не были в Испании и не знали ни одного слова по-испански. Маленький мальчик, родившийся в индийской деревне, едва научившись говорить, утверждает, что несколько лет назад, ещё до своего рождения, он жил в некотором расстоянии от этого места, а затем умер. Он достоверно описывает эту деревню и даже называет имена своих родственников! Все это проверяется, находится жена этого умершего человека, и она всё подтверждает! Французский бухгалтер переносит тяжелую болезнь и в бреду считает себя морским пиратом, оперируя древними названиями такелажа, географическими терминами и историческими датами! Этот бухгалтер никогда не видел моря и не любил читать книг. Выздоровев, он ничего не помнит. Этого достаточно, чтобы вы уверовали в близость таинственного, или мне продолжать дальше?!

— Вы как гипнотизёр, в самом деле! — улыбаюсь я. — Перечисляете эти таинственные случаи, чтобы ввести меня в экстатический транс? Пусть. Пусть всё это так. Ну и что с того? И я мог бы добавить что-то. Нострадамус, летающие тарелки, Атлантида, привидения, левитация, ясновидение. Но нам-то какое до этого дело?

— Вот-вот, — сказал Алексей.

Он опять сел и взял в руки чашку.

— Вот-вот. Именно так мы и рассуждаем. А ещё чаще не верим ни во что. Или говорим: переселение душ, единое поле, теория высшего разума или высшей пустоты, оставляя пустые слова всего лишь пустыми словами. Мы запускаем жалкие механические приспособления в космос, в толщу океана, мы, как подкожные клещи, бурым и уродуем кожный покров гигантского существа — нашей планеты — и не можем понять, что величайшая загадка и отгадка и ключ ко всему здесь! — Алексей поставил чашку и постучал себя по лбу.

— Ну и что же? — Я повторил его жест. — Удалось вам разгадать загадку, которая здесь?

— Смеётесь? — Алексей устало усмехнулся. — Смейтесь. Я читал вашу повесть, поэтому обидеть вы меня не сможете. Нет. Конечно, не разгадал. Но я воспользовался!

— Чем же?

— Не знаю, — пожал плечами Алексей, — но я воспользовался. Вначале это было просто. Я стал исследовать себя. Вот что это?

Он взял в руки чайную ложечку и начал покачивать ею над столом.

— Что это?

— Это? Очевидно, это чайная ложечка.

— Нет. Оценивайте предметы по их действию.

— Мятник?

— Да. Действительно. Это маятник. Хотя это условность. Один из способов исследовать самого себя. Хотя маятник и не нужен. Это механический способ. Знаете, есть такие картинки. Смотришь — ничего. Какой-то узор или однородное поле. Но если посмотреть особым образом, изменить угол зрения, фокусировку, то вдруг обнаруживаются какие-то фигуры, которых обычным зрением увидеть невозможно!

— Я знаю, рассматривал.

— Ну вот. Наш разум чем-то похож на это. Сначала вы сосредоточиваетесь и отключаетесь от всех внешних раздражителей. Берёте этот маятник или ничего не берёте и прислушиваетесь к самому себе. Погружаетесь внутрь себя. Разговариваете сами с собой. Или, точнее, молчите сами с собой, отключаясь от всех мыслей. И постепенно обнаруживаете, что ваше «я» состоит из нескольких слоёв, составляющих, под-сознаний! Как пирожное «наполеон». И эти слои отличаются от вас! Они способны давать самостоятельные ответы на заданные им вопросы! Они способны вспомнить что-то, что вы давно уже забыли. Они помнят каждый миг вашей жизни и, может быть, больше! Они могут пугаться чего-то, что не пугает вас. Совершать поступки, которых вы никогда не совершите. Именно эти слои руководят вашими действиями в экстремальных ситуациях. Они источники паники, ужаса, ночных страхов и в то же время подвигов или ваших внезапных и необыкновенных физических возможностей. Я многое узнал, путешествуя внутрь себя.

— И к чему же привели вас эти путешествия?

— Ни к чему. — Алексей поставил чашку и снова откинулся на спинку дивана. — Заяц в состоянии ужаса может упасть на спину и разорвать лапами брюхо лисице. Но стоит обычным инстинктам вернуться в его головёнку, как он, конечно же, предпочтёт удрать. Вот если бы подсознанием можно было бы управлять...

— И вы попытались это сделать?

Алексей расстегнул рубашку и нащупал указательным пальцем правой руки шрам.

— Видите это?

— Да, — ответил я и отчётливо вспомнил девушку в метро с точно таким же шрамом.

— Меня били, — сказал Алексей. — Я жил в обычном доме, в обычном городе, в обычной стране, которая равнодушна к своим детям. Мне было всего восемнадцать. Мальчишка, в сущности. Я выходил из дома редко. Раз в три или четыре дня. Только чтобы дойти до ближайшей сберкассы, снять небольшую сумму с книжки и купить продукты. Они подкарауливали и били меня.

— Кто они?

— Кто? — Алексей задумался на секунду. — Обычные мальчишки. Подростки. Парни моего возраста. По-своему, может быть, неплохие ребята. Просто их подсознание бурлило! Они что-то чувствовали. Они били меня как чужого. Знаете, среди животных бывает нечто подобное. Вороны объединяются и изгоняют, а то и убивают ворону-альбиноса только потому, что она не такая. С этим можно было бы смириться, но это не

могло продолжаться бесконечно. Да и больно же было, в конце концов! Я уж не говорю об унижении!

— И что же вы сделали? — спросил я.

— Вначале ничего. Старался выходить из дома тогда, когда их не было во дворе. Но это плохо помогало. Всем как-то не было до этого никакого дела, никто не мог или не хотел мне помочь, все взрослые предпочитали этого не замечать. Однажды, чувствуя свою безнаказанность, они даже бросили камень мне в окно. И тогда я...

Он замолчал.

— И тогда вы... — продолжил за него я.

— Я знал, что сам не смогу с ними справиться. В долгие часы, когда медитировал, погружался в глубины подсознания, я мечтал о мести. И ещё о друге. Мне самому не хотелось меняться. Мне хотелось, чтобы был кто-то сильный, с большими руками, который расшвыряет этих подонков по подъезду и не даст им глумиться надо мной. Я летал в небесах фантазии! Я придумал ему имя, историю, всю его жизнь. Я наделил его внушительными бицепсами, добрыми глазами, беспощадным, отчаянным и неустрашимым характером, мгновенной реакцией и абсолютно здоровым телом. В своих фантазиях, конечно. Я даже беседовал со своим подсознанием как с ним. И он отвечал на мои вопросы. Мы общались долго. Полгода. Пока он не вырвался наружу.

— То есть? — не понял я.

— Он вырвался наружу. Скорее всего, тогда его ещё не было. Был какой-то контур будущей личности. Они постепенно становятся... людьми. Но они стремительно прогрессируют! Меня крепко побили. Я вошёл в квартиру, умылся, с трудом остановив кровь из разбитого носа. Переделся и сел за стол. Мучительно болела спина. Наверное, я медитировал. Потом всё происходило как во сне. Я встал. Вышел из квартиры. Спустился вниз и увидел своих обидчиков. Они пили пиво и что-то бренчали на расстроенной гитаре. Мое появление их удивило. Только это удивление длилось недолго. Я сразу начал их бить. Точнее, не я... Я смотрел... Это было упоение мстью! Я швырял их об стены! Я разбил об их головы гитару. Хорошо, что я никого не убил тогда. Один из них разбил бутылку и ткнул меня сюда, в горло. Я очнулся в больнице.

— И что?

— И всё. Больше меня не трогали.

23

Что удивительного происходило со мной в жизни? До того момента, пока я не заметил этот непонятный калейдоскоп подозрительных личностей в соседней квартире и на моём диване не оказался странный человек со своим сумасшедшим рассказом? Ничего. Если не считать того, что иногда показывают по телевидению, ничего. Со мной лично ничего экстраординарного никогда не происходило. И с моими друзьями ничего не происходило. И с друзьями моих друзей никогда ничего не происходило.

Все те нелепости, которые нас иногда преследуют, как прилипчивые мухи, в конечном итоге объясняются банальными причинами. Всё экстремальное и необъяснимое происходит где-то и с кем-то, но не здесь и не с нами. Или эта планета настолько перенаселена, что все диковинные ростки давно уже вытоптаны безжалостными стадами? Ну вот же! Вот он, живой очевидец, который выжал из своего мозга что-то, что загоняет его в тупик, который странным образом совпал с этим диваном в моей холостяцкой квартире. И он продолжает рассказ, похожий на что угодно, только не на правду.

— И всё. Больше меня не трогали.

— Почему?

— Так... Решили, что я псих. Наверное, со стороны это действительно было похоже на явление бесноватого. Для меня это уже не имело значения. Я вернулся из больницы не один. Внутри меня жил защитник. Но странным образом от его присутствия моё одиночество не исчезло! Словно он существовал где-то за гранью. И прилетал только тогда, когда я звал его. Он был вне меня и моего мира. И в то же время частью меня... А потом он попросил дать ему возможность выйти в город. И я его выпустил.

— Как это «выпустил»?

— Очень просто. Во время медитации я позволил ему управлять телом. Вся разница была в том, что первый раз я сделал это непроизвольно, а второй — сознательно. И мне это понравилось. Это выглядело так, будто я смотрел на окружающий мир из иллюминаторов таинственного корабля. Будто я на всё смотрел *его* глазами! Он делал всё, что хотел. Он шёл в такие места, в какие никогда бы не пошёл я. Он ничего не боялся. И я упивался этой его смелостью! А в тот момент, когда он решил, что достаточно исследовал мой город, я взял тело в свои руки. И он опять исчез за гранью.

— И какие ощущения вы при этом испытывали?

— Никаких! Я владел ситуацией полностью. Когда я проанализировал ощущения, понял, что мне это нравится. Если не считать крайней усталости, как будто все резервы организма были мобилизованы на краткий период, ощущения были прекрасны, необычны, свежи! И главное, становясь на какое-то время им, я не чувствовал постоянно преследующей меня боли! Короче, через два года нас вместе со мною было уже пятеро, а когда я переехал в Москву, появилась даже женщина...

— Зачем?

— Женщина?

— Нет. Все эти... люди.

— Наверное, я увлёкся. Впрочем, всё имело какой-то смысл. После этого... бандита или моего защитника, который потом стал бандитом, появился... маклер. Кстати, у всех у них были и есть имена. Но я не могу их назвать, это может спровоцировать... Маклер был создан из чистого эксперимента. Я сделал полную противоположность самому себе. Противоположность во всём. Мне захотелось воплотиться в шкуре мелкого, подлого, хитрого и изворотливого человека. И я воплотился. Мне это не понравилось. Какой-то вакуум образовался в душе. И хотя стоило боль-

ших трудов вылепить этого персонажа, я почти не общался с ним. Кстати, сейчас я в его одежде.

— Я вижу, — сказал я. — А дальше?

— Дальше? Дальше появился бизнесмен, которого я называю управляющим банком, потому что он действительно управляющий банком. Сейчас у него проблемы, — Алексей засмеялся, — он должен быть на работе, а я завладел телом и лежу на вашем диване! Он очень мне нравился. Я придумал ему безупречную биографию. Я сделал его стремительно взрослеющим вундеркиндом, нацеленным на успех. Правда, это отразилось в нём в виде некоторой внутренней безжалостности, но с лихвой компенсировалось успехами. Деньги мои уже кончились. Именно благодаря этому бизнесмену я смог купить квартиру в Москве, а затем и ещё, и ещё. Я даже воровал у него деньги! Кстати, эта квартира, которая мне нравится больше других, была третьей.

— Но как вам это удалось?

— Ему удалось... Ему везло в бизнесе. Он чувствовал удачу и не выпускал её. Я был свидетелем этого. Как вы понимаете, ему я одалживал тело чаще всего.

— А вы не боялись, что однажды ваше тело вам не вернут?

Алексей замолчал, закрыл глаза, потом открыл их и показал мне лицевую сторону картонки. На ней крупными буквами было написано одно слово: «Минус».

24

И опять незримая рука бросает кости судьбы, заставляя одних из нас радоваться непонятному везению, а других возмущаться тем, что мы называем превратностями. Незримые руки сплетают невидимые власяницы, в которые должны одеться души, отрываясь от истерзанных тел. Невидимые глаза следят за каждым шагом, чтобы, как в компьютерной игре, время от времени подводить к заветным дверям, за которыми новый уровень. Или зажечь перед глазами окончательное «game over». Или не зажечь ничего.

— Что это? — спросил я.

— Это? — рассмеялся Алексей. — Это слово. Это всего лишь слово. И звучит оно так, как и написано. Минус. Ми-нус. И ещё раз. Ми-нус.

Он повторил это слово несколько раз и, не удержавшись, закатился кашляющим смехом, который сотрясал его жалкое тело и казался прилепленным к лицу.

— Что это? — повторил я вопрос.

— Это ключ, — наконец успокоился Алексей. — Ключ, код моей безопасности. Неужели вы думаете, что, отдавая своё тело кому-то или чему-то, слепленному из моего собственного подсознания или чего-то неведомого, я не предполагал, что это тело мне не захотят вернуть? Чего это я должен был разбрасываться телами? Тело-то было всего одно, а нас уже шесть!

— И как же работает этот ключ?

— Очень просто, — усмехнулся Алексей. — Стоит мне произнести это слово, и всё проходит. Я опять становлюсь самим собой. Так я запрограммировал их. Но даже и этого мне показалось недостаточно. Я написал это слово на картонках и облепил им стены во всех квартирах, где бы я ни жил. Кто бы ни владел моим телом в данный момент, стоило ему вернуться домой, он видел это слово, и я опять становился самим собой.

— Насколько я понял, — сказал я, — ваши герои были запрограммированы на звучание этого слова либо на его визуальный образ. Представлять слово они могли беспрепятственно. В чём же проблема? Почему вы носите с собой эту картонку?

— Я бы не называл их героями, — сказал Алексей, — и я не просто так ношу с собой эту картонку. Проблема в том, что ключ больше не абсолютен. Они становятся или уже стали сильнее меня. Если кто-то из них овладевает телом, я никак не могу это прекратить, потому что я больше не присутствую при этом!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я больше не контролирую, что они видят моими глазами. Я ничего не слышу и ничего не чувствую! Я проваливаюсь в страшные места! В те места, в которых существовали они. Я даже думаю теперь, что каждый из нас носит внутри себя собственный кусочек преисподней! Я не могу вам рассказать, что это такое. У меня нет для этого слов. Чтобы это описать, не хватит даже вашего таланта. Если это действительно ад, то, скорее всего, после смерти мы сворачиваемся внутрь себя, как чёрные дыры, и исчезаем навсегда! Теперь, побывав там, я понял, что им, моим созданием, есть за что меня ненавидеть. Ведь это я их там поселил!

— Но как же? — удивился я. — Как же так? Ведь вы здесь? Как вы выбираетесь оттуда?

— Выбираюсь? — Алексей устало усмехнулся. — Их слишком много. Они уже могут договариваться, но порою ещё спорят из-за тела. И во время этих споров мне удаётся всплыть наверх.

— Так и оставайтесь наверху! — воскликнул я.

— Остаться? — Алексей закрыл глаза и погладил рукой по картонке. — Если бы я мог выжечь это слово на внутренней стороне своих век или в своих снах, я бы ничего не боялся. Но я человек, и я иногда должен спать. Я засыпаю, а просыпаюсь всегда там. В своём собственном персональном аду. А оттуда меня не услышит никто.

— И что же вы собираетесь делать?

— Просить вас о помощи.

— В чём она будет заключаться?

— Мне нужно некоторое время, — объяснил Алексей. — Может быть, я смогу справиться с ними. Или убью их как-то. Ну не могу же я сам себя связывать перед каждым превращением? Они уже научились не открывать глаза, овладевая телом! Они сразу же затыкают уши! Помогите. Всего-то и нужно: наручники, батарея и это спасительное слово у вас на губах.

Он замолчал. Проблеск надежды мелькнул у него в глазах и тут же погас. Я не сказал ни одного слова, а он всё понял. Зачем мне тут, в моей квартире, сумасшедший, прикованный наручниками к батарее? Во что

превратится моя жизнь, если весь этот бред, который он мне только что изложил, окажется правдой хотя бы на сотую часть?

— Вы считаете меня сумасшедшим? — спросил он.

Я не ответил.

— Курите? — спросил я его.

— Нет, — ответил он, — бандит и маклер курят.

— Почему маклер? — спросил я.

— Одно время занимался спекуляцией квартирами. Довольно успешно.

— А документы? Ведь насколько я понимаю, у всех у них разные имена?

— Нет проблем. Сначала это делал мой первенец, теперь бизнесмен. Это просто.

Я курил и смотрел ему в лицо. Алексей опять уставился в пол, замерев, как сфинкс.

— А этот парень. Как вы сказали? Диджей? Да и женщина. Они зачем?

— Диджей? — Алексей усмехнулся, не поднимая глаз. — Детство мое было серым. Захотелось прожить его ещё один раз. Чтобы фонтан не иссякал. С этим парнем у меня связаны самые лучшие воспоминания.

— А женщина? — спросил я его.

— Женщина? Её я сделал как мечту. Я создавал женщину, которую мог бы полюбить. Возможно, если бы моя мечта сбылась, я превратился бы в осуществлённого гермафродита. Помните легенду, что когда-то их разделили на две половинки? Таким образом появились мужчины и женщины, и с тех пор они бродят по миру в поисках своей второй половины.

— Вам это удалось?

— Она ненавидит меня больше всех. Моё тело не даёт ей возможности почувствовать себя женщиной в полной мере. Думаю, если бы не остальные, она решилась бы на операцию по перемене пола.

— А зачем этот вой или гудение?

— Завоешь тут, — усмехнулся Алексей.

— Это всё?

— Всё, — ответил он.

— Нестыковочка выходит, — сказал я.

— В чём? — поинтересовался он.

— Во внешности, — ответил я. — Я видел всех. Даже эту женщину. Не скрою, некоторое сходство между вами есть. Как между людьми одной национальности. Но не более того! Это были разные люди! Понимаете? Разные!

— Конечно, разные, — согласился Алексей. — Только дело в том, что вы не знаете, насколько наше тело зависит от психики. Я уже говорил, что, превращаясь в них, я избавлялся от боли в позвоночнике. Только потому, что я создавал их со здоровыми позвоночниками! Кроме того, не забывайте, прошло уже десять лет! Они изменялись, каждый в свою сторону. Если две дороги начинаются из одной точки, через сто метров путники ещё видны друг другу, а через километр они могут уже и не докричаться!

Он опять замолчал. Молчал и я. Тёплый августовский день наконец начинал угасать.

— О чём вы думаете? — спросил он.

— Для того чтобы поверить во что-то необычное, необходимо, чтобы вымысел был чудовищным. Если веры нет, значит, рассказчику не хватило фантазии.

Он поднялся и сунул ноги в блестящие ботинки.

— Вы верите только собственному вымыслу? — спросил он.

— Ему я верю ещё меньше.

— Что ж, — он медленно пошёл к выходу, — может быть, именно поэтому вам и не везёт. Для того чтобы желания исполнялись, нужно верить. Хотя бы частью горчичного зёрнышка. Надеюсь, что когда-нибудь сожаление о сегодняшней встрече в вас всё-таки проснётся. По крайней мере, не дай вам бог жить с ощущением дыхания преследователей у себя на плечах.

— Возможно, я чувствую что-то похожее, — сказал я ему.

— Я в худшем положении, — сказал он, обернувшись у входной двери. — Меня преследуют изнутри!

— Меня тоже, — ответил я.

Он ушёл. Не то чтобы я ему совсем не поверил. Просто мне не хотелось, чтобы это было в моей жизни. Неважно, вымысел это или реальность. Я выглянул в окно. Он медленно уходил, пересекая наискосок двор. Так же медленно и утомлённо, как он изредка выносил мусор. Остатки трапезы одного человека из квартиры, где их было не меньше шести. Я оглянулся. На диване лежала картонка со словом «минус».

Прошёл ещё месяц. Сентябрь оказался тёплым. Я забросил опостылевшую мне старую незаконченную историю и написал следующее: «В дверь позвонили. Он открыл и вздрогнул. В дверях стояла она». Так и случилось. Где-то недели три или четыре назад. Через пару дней после того, как Алексей ушел от меня, оставив эту картонку. В дверях стояла Дина. Не Ритка, а Дина. Она ничего не говорила. Она стояла и смотрела на меня. Я почему-то вспомнил книжку об учении Дао. По-моему, там говорилось, что женщинам нельзя отказывать. Но там говорилось обо всех женщинах, а не об одной. Ну что ж. При ближайшем рассмотрении все женщины распадаются на некоторое количество конкретных женщин. В моём случае это Дина. Ей осталось ещё пять или шесть лет молодости. Возможно, я успею насладиться, а потом привыкну. Она пришла и осталась. Точнее, я перебрался к ней. Перетащил одежду и архив неудачника. Загрузил файлы в Петькин компьютер и продолжил сплетать истории, обозванные этим сумасшедшим исповеданиями. Что это значит? Ничего. Разве только то, что, окликаая меня, Дина будет видеть те же безжизненные глаза, из-за которых меня бросила Ритка. Но ведь должен я как-то отомстить Дине за то, что она меня подобрала?

Нас теперь двое. Петьку мы отправили в Штаты, где он будет учиться, а значит, избежит участи быть счастливым россиянином и, быть может, погибнуть за это счастье на чеченской или ещё какой войне. Ритка собирается к нам с ответным визитом. Хочет показать дочкам Россию. Это

будет где-то в октябре. Сначала они посетят Иерусалим, после Афины или Стамбул, а затем Москву. Я боюсь встречи. Дина говорит, что Кирилл зарабатывал на эту поездку полгода. Кирилл не придет. Он теперь занимается Петькой.

В связи с переездом деятельная соседка Евдокия Ивановна исчезла из моей жизни. На прощание она перекинулась несколькими словами с Диной, после чего сказала, что теперь за меня спокойна, и попросила подарить ей что-нибудь на память. Я подарил кофейные турки. Зачем оставлять шлюпки, если сжигаешь корабли?

Верка больше не приезжает по субботам, зато каждый день звонит по телефону Дине, и они говорят о чём-то по полтора часа. Пашка наконец-то расписался с Наташкой, но свадебного торжества не было по причине округления невесты. С её родителями всё наладилось. Куда бы они делись? Он подарил им новенькую «десятку», которую они прозвали «калым», и теперь собирается подарить внуков. Тетя Нина счастлива. Пашка приезжал в прошлые выходные знакомить меня и Дину со своей женой. Она копия Ритки, только чёрненькая и беременная. Наташка смотрела на меня восторженными глазами, как на существо из запредельного мира, а Пашка курил, вздыхал и молчал.

Я писатель. Дина пристроила мои повести в толстый журнал, организовала какую-то номинацию и теперь ругается с редакторами по телефону насчёт книжки. Ничего. Доберётся и до издательств. В этом я не сомневаюсь. Ещё она хочет ребенка. Я не знаю.

Алексея больше нет. Неделю назад я поехал в свою квартиру за осенней курткой. Дина дала денег на такси. На проспекте Жукова я увидел на светофоре знакомый «пассат» и «быка» за рулем. Машины тронулись, «пассат» резко пошёл вперёд, я высунулся из окна и заорал что было сил: «Минус!» «Бык» сгорбился, «пассат» вильнул вправо и врезался в фонарный столб. Мы остановились. Я выскочил из такси и подбежал к машине. За рулём был Алексей. Из уголка рта вытекала струйка крови.

— Дурак, — прохрипел Алексей, — я же не умею водить.

Что-то звякнуло. В собирающейся толпе вскрикнула женщина. Я нагнулся и поднял с асфальта выпавший или выброшенный Алексеем ключ с заводным кольцом. Засвистела в отдалении милицейская сирена.

— Ну, мы едем или будем смотреть? — тронул меня за плечо подошедший водитель такси.

Я приехал в старую квартиру как оглушённый. Поздоровался на площадке с Евдокией Ивановной, зашёл внутрь, надел куртку, вышел. Подошёл к двери Алексея, вставил ключ, повернул. Дверь открылась. Пустые стены и пол, усеянные обрывками плакатов и картона с буквами: «М», «И», «Н», «У» и «С». Никакой мебели. Только гора книг в углу. Фрейд, Юнг, Кант, Гегель, Ницше, Павлов, Соловьёв и ещё какие-то имена неизвестных мне авторов поблёскивали золотым тиснением из-под пыли. Сверху лежал мой журнал. Я взял его в руки и увидел, что закладка по-прежнему на первой странице, а дальше никто не открывал и не читал, потому что оставленное Веркиным Серёгой засохшее пятно варенья на месте и склеенные страницы по-прежнему не разорваны. Вот и всё. И это

оказалось ложью или почти ложью, что, собственно, одно и то же. Я вышел на улицу и выбросил ключ в мусорный бак.

26

Прошёл ещё месяц. Мы приехали в Шереметьево встречать Ритку и её дочек. Мы — это я, Дина и Верка. Точнее, Дина, Верка и я. Дина и Верка сидели впереди, а я сзади. Дина управляла машиной, изредка оборачивалась и тревожно поглядывала на меня. Верка всё время старалась поддержать прерывающийся разговор и то и дело подмигивала мне серdito левым глазом. Я молчал.

— Чего ты молчишь? — спрашивала меня Верка.

— Не хочу отвлекать водителя во время движения, — отвечал я.

Дина улыбалась и слегка отклонялась назад, подставляя для поцелуя правую щеку. Я нагнулся вперед и послушно целовал её. Она такая замечательная, моя Дина.

К самому входу нас не пустили. Мы оставили машину на стоянке и пошли на первый этаж. Я тащил здоровенный букет цветов и чувствовал себя законченным идиотом. Риткин самолет уже прибыл. Встречающие столпились у прозрачной перегородки, но никого ещё не было.

— Сейчас увидим живых американцев! — засмеялась Дина.

Я всучил цветы Верке и пошел прогуляться. Посередине зала раскинулись книжные лотки. Моих книг на них не было. «Пока», — сказал я про себя. Что-то знакомое привлекло мое внимание. Какое-то движение. Походка. Жест. Я сделал два шага в сторону и увидел в зелёном коридоре таможника диджея. Он уже сунул документы в карман, закинул на плечо яркую сумку, обернулся и встретился со мной глазами. Метров двадцать разделяло нас. Я замер. Он тоже. Прошло несколько томительных секунд. Наконец оцепенение сошло с него, он улыбнулся, щёлкнул каблукми, отдал мне честь и, раскинув руки и изображая самолётчик, исчез за границей моей родины.

— Минус, — еле слышно прошептал я.

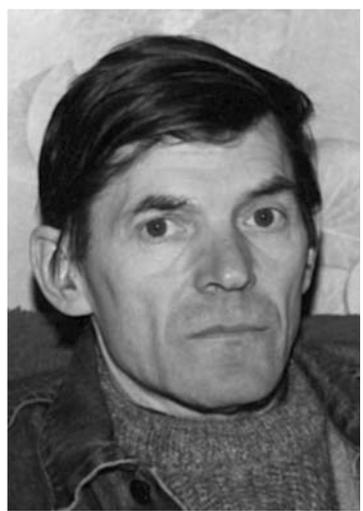
— Вадик! — закричала мне в ухо подбежавшая Верка. — Ты чего здесь застрял? Выпускают уже!

Она потащила меня за собой, и я оказался в толпе, окружившей узкую змейку людей, выходящих из зоны таможенного контроля и отыскивающих глазами встречающих. Дина прижала дрожащими руками цветы к побледневшим губам. Верка смахнула со щеки набежавшую слезу.

«Что я здесь делаю?» — подумал я.

— Вон! Вон они! — закричала вдруг Дина, мгновенно наливаясь слезами.

— Где?! Где?! Я не вижу! — заплакала Верка.

Николай Васильевич Бредихин родился в мае 1946 года в Тамбовской области. С 1949 года живёт в Коломне. Окончил факультет иностранных языков Коломенского педагогического института. Член Союза журналистов России.

Пишет с 1962 года. Первая публикация: 1964 год, газета «Коломенская правда», рассказ «Судья и болельщик». Первый успех: 1997 год, «Коломенский альманах» № 1, рассказ «Лёнчик и сны». Первая книга: 1997 год, «Богоматерь «Воплощение»» (повесть и рассказы).

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

ПОВЕСТЬ

ЛЮБОВЬ В ВЕРОНЕ

1

— Это предательство! — Она долго дождалась, когда они останутся за столиком одни, чтобы наконец получить возможность выплеснуть наружу свои эмоции.

Он сделал вид, будто не понимает, о чём она говорит.

— Что именно?

— Ну то, что ты остаёшься. Кстати, это правда? Быть может, меня просто неправильно проинформировали?

Он пожал плечами, сосредоточенно наматывая на вилку «пасту», подлил себе вина в стакан, знаком предложил ей последовать его примеру, на что она в ответ отрицательно покачала головой, показав на свою непригубленную мисералку.

— Да, верно, я остаюсь, — спокойно ответил он. — Не понимаю только, почему это тебя волнует?

— Как почему? — У неё от обиды навернулись на глаза слёзы. — Мы с тобой провели ночь, прекрасную ночь, ты же сам сказал, я тебя за язык не тянула, дальше мы договорились, что будем вместе всю поездку, я предложила, ты согласился, может, мне это тоже слышалось? А теперь ты сбегашь! И ты считаешь, что я должна прыгать и хлопать в ладоши от восторга по такому случаю? Я что, по-твоему, кукла?

Он поморщился, поднялся со стула.

— Ты прости, но наши все разошлись, наверное, уже погрузились в ав-

тобус, там у меня чемодан, сумка, нас ведь предупреждали, что нельзя оставлять вещи в холле без присмотра.

Она тоже поднялась.

— Ну да, как же, помню: не носить сумочки со стороны проезжей части улицы, иначе сорвут ребята на мотоциклах. Не оставлять открытыми форточки, окна, особенно на ночь: заберутся, как кошки, по стене, и ни денег потом, ни документов. Не оставлять вещи без присмотра в холле — это уж само собой, это в любой стране мира. Нужно быть круглым идиотом, чтобы их там оставить. Кстати, там и мои вещи тоже.

— Вот и я о том!

К счастью, вещи оказались на месте. Он, как истинный джентльмен, отнёс её багаж к автобусу, затем вернулся в холл, терпеливо дожидаясь, когда группа наконец отправится дальше по намеченному маршруту и он останется один. Но когда он вышел с сумкой через плечо, везя за собой чемодан на колёсиках, снаружи его ждало разочарование.

— Сюрприз! — развела руками она.

— Сюрприз! — тяжело вздохнув, согласился он.

— Запомни! — сказала она ему в запальчивости, однако тщательно, чуть ли не по слогам, выговаривая каждое слово. — Меня никто никогда не бросал. Я всегда уходила первой. Для меня это вопрос принципа, поэтому наш разговор только начинается. Кстати, руководительница сказала, что дала тебе ксерокс с распечатки нашего маршрута. Это точно или она соврала, чтобы побыстрее от меня отделаться?

Он кивнул.

— Точнее не бывает. Она сказала, что если я передумаю, то в любом городе могу опять к группе присоединиться. И... я не против разговора, но мы не можем так с тобой стоять посредине тротуара, нужно куда-нибудь определиться, здесь слишком дорого.

— Хорошо, — уже гораздо более миролюбивым тоном проговорила она. Сходила к портье, долго изъяснялась с ним, оживлённо жестикулируя, тыча пальцем в разговорник, затем вернулась с бумажкой в руке. — Всё в порядке, вопрос решён.

В такси он молчал, рассеянно поглядывая по сторонам; она же, чтобы не терять времени даром, осаждала шофёра тем же вопросом, что и незадолго перед этим портье. Таксист, вначале ничего не понимавший или пытавшийся прикинуться дурачком, при слове «отель» тут же оживился и заявил, что, конечно, конечно, он знает великолепный albergo, гораздо лучший, чем тот, что им порекомендовали.

— Нам не надо лучший, — пыталась втолковать словоохотливому итальянцу она, — нужен дешёвый. *Economico! Lei capisca? Un albergo economico!*¹

— *Si, si!* — восторженно лопотал итальянец, совершенно не слушая её. — *Molto bene! Benissimo! Perfetto!*²

¹ Дешёвый! Вы понимаете? Дешёвый отель! (*итал.*)

² Да, да! Очень хорошо! Отлично! Превосходно! (*итал.*)

В том смысле, что прекрасный отель, великолепный отель. Лучше не бывает!

— О Господи, всё у них «perfetto» да «benissimo», других оттенков они просто не знают, — вздохнула она в полном отчаянии.

Он добродушно усмехнулся.

— И это ещё северяне, а что будет, когда мы на юг попадём?

— А мы всё-таки туда попадём? — недоверчиво спросила она. — С тобой я ни в чём не уверена. Кстати, мог бы и помочь, почему я во всём должна проявлять инициативу?

Он не настроен был ссориться.

— Почему? Ну, если хочешь, можно по полочкам разложить. Во-первых, потому что тебе так нравится: чтобы всегда и во всём было по-твоему. Во-вторых, тебе доставляет большое удовольствие общаться с людьми, тем более с иностранцами. В-третьих: разговорник и карта города в твоих, а не в моих руках. И наконец, ты же прекрасно знаешь, как они здесь относятся к женщинам, они вас просто боготворят. Итог: я совсем не против взять на себя инициативу.

Она тщательно переварила каждое сказанное им слово и кивнула, вполне удовлетворённая.

— Что ж, ты знаешь, как даме угодить.

Однако, увидев отель, к которому их подвезли, они оба сникли. Уж слишком был резок контраст в сравнении с тем, что у них совсем недавно было.

— Всё в порядке! Всё в порядке! — спешил успокоить их неунывающий итальянец. — Здесь работает мой хороший друг. Он всё устроит.

— Опять «бене-бениссимо», — мрачно пробормотала она. — Здесь каждый делает деньги на дураках. Куда он ещё мог нас привезти? Конечно, к тому хозяину, который ему что-то накидывает.

— Таксисты везде одинаковы, — с глубокомысленной иронией произнёс он ничего не значащую фразу.

Она хотела сказать в ответ какую-нибудь колкость, но портье после недолгого разговора с водителем вышел к ним из-за стойки и принялся что-то лопотать на своём языке.

— Ну, тут я вообще ничего не понимаю, — развела руками она.

Они покорно поднялись за хозяином на третий этаж и зашли в какую-то невзрачную каморку. Она некоторое время пыталась прийти в себя от шока, затем всё-таки спросила:

— Quanto costa?³

Услышав ответ, тут же повернулась обратно.

— Синьора, синьора! Ничего не поделаешь, сезон! — печально запримечтал хозяин.

Таксист принимал активное участие в разговоре, пытаясь переводить с итальянского на итальянский, да ещё выговаривая слова, как ему казалось, на русский манер.

— Да при чём тут сезон? — возмутилась она. — Это же собачья конура. Что, у собак тоже сезон?

³ Сколько стоит? (итал.)

Он вынужден был перехватить инициативу на себя.

— Non parlo italiano. Parlo inglese! Lei parla inglese?⁴

Итальянцы радостно закивали, как будто это хоть в какой-то степени облегчало их задачу. Впрочем, такие слова, как «жена», «другой отель», «ехать», да и вообще: «нет, нет, нет», они прекрасно понимали, единственное, что им было непонятно, почему их отель не подходит для этих двух скупердяев-русских. Наконец таксист произнёс волшебную фразу, как видно, догадку, от которой лицо портье тут же преобразилось.

— Just married!⁵ Giovani sposi! Sposi novelli!⁶ Молодожёны? О, молодожёны! Magnifico!⁷ Есть, есть такой номер!

— Молодожёны? Ну, пусть мы будем молодожёны! — мрачно пробормотала она.

Но номер для «молодожёнов», как ни странно, оказался вполне приличным и вышел даже дешевле, чем предыдущий.

Им ничего не оставалось, как горячо поблагодарить портье и таксиста, которому на радостях, что всё так благополучно завершилось, были вручены щедрые чаевые.

Когда они остались одни, она тут же заявила:

— Ну, я в душ! Но не спеши распаковываться. С тебя обед! По твоей вине я осталась совсем голодной. Ты испортил мне аппетит!

Он пожал плечами: обед так обед. Ему и самому не терпелось прогуляться по городу.

— О, опять новый наряд? — удивился он. — Сколько же их у тебя? А я ещё думал: зачем тебе два чемодана?

Она была очень довольна тем, что он обращает внимание на её внешность.

— Да, — ответила она, — наш ответ Чемберлену, точнее, Берлускони. Я каждый день меняю в поездке или целиком наряд, или хотя бы какую-нибудь деталь туалета. Причём никогда не надеваю то, что здесь приобрела. Эти наши дурёхи из группы не понимают, что местные своим товарам цену хорошо знают, а вот каким-то турецким или китайским барахлом их порой можно и удивить. К сожалению, дома у меня нет необходимости наряжаться: квартира, работа, опять квартира. Редко куда-нибудь выбежешься, обычно так устаёшь, что ни до чего. А вот в поездках другое дело, тут можно на полную катушку оттянуться. Сегодня я меняю наряд второй раз. Утренний оказался неудачным, может быть, я вообще больше никогда его не надену. Хотя жаль, та жёлтая кофточка очень даже ничего. Тебе не нравится, что я так на тряпках зациклена?

Он пожал плечами.

— Я ничего в таких вещах не понимаю. Главное — что ты смотришься. И что мужчины постоянно липнут к тебе взглядом. Наверное, это самое важное. Или я не прав?

⁴ Я не говорю по-итальянски. Я говорю по-английски. Вы говорите по-английски? (*итал.*)

⁵ Молодожёны! (*англ.*)

⁶ Молодожёны! Новобрачные! (*итал.*)

⁷ Великолепно (*итал.*)

Она сморщила носик.

— Конечно-конечно. И всё-таки жаль, что ты в таких вещах не разбираешься. Было бы приятно вдвойне. Ты знаешь, наверное, со стороны я произвожу впечатление Эллочки-людоедки: пытаюсь купить что-то более или менее сносное на свои гроши. Но дорогие вещи мне не по карману, пусть будут нарядики-однодневки, то, что называется до первой стирки, зато постоянно что-то новое, и можно от моды не отставать. Тебе неинтересны подобные рассуждения? Ты предпочитаешь политику?

Он добродушно усмехнулся.

— Я уже сказал: для меня не столь важны детали, важен конечный результат.

Она вздохнула, скептически поджав уголки губ.

— Ну а ещё лучше — совсем без одежды. Насколько я понимаю, для вас, мужчин, это как раз самый любимый женский наряд.

Он нахмурил лоб, задумался.

— И что, я произвожу впечатление такого мужчины?

— Да нет, ты вообще-то та-а-а-кой спокойный! Только ночью преображаешься.

— Ну, на тебя не угодишь, — вновь попытался отшутиться он.

Они долго бродили по городу, не в силах остановиться. Не сосредоточиваясь на достопримечательностях, просто замороженные общей атмосферой.

— Я вот удивляюсь, — сказала она, — сколько вообще на свете немцев. Вроде бы небольшая страна, но куда ни поедешь, их больше всех среди туристов. В Турции так вообще скоро, наверное, немецкий станет вторым государственным языком.

Обед незаметно по времени скатился к ужину. Они примостились в небольшом кафе, в котором стулья, столики, стойка бара — всё было ослепительно белого цвета.

— Ну, мы здесь действительно как молодожёны, — немного смущённо пробормотала она.

— Да, всё-таки надо тебя покритиковать — ты недостаточно подготовилась. Надо было предусмотреть что-нибудь эдакое, стилизованное под свадебное платье, — снова пошутил он в обычной для него манере.

Она за словом в карман не полезла.

— Будем считать, что первая брачная ночь у нас была. А для второго дня платье у меня как раз вполне подходящее. Господи, ну и разговорчики у нас с тобой, о чём мы? — не с досадой, а больше даже с удивлением добавила она.

— Просто так, треплемся. Ни о чём. Ты же сама сказала — атмосфера такая.

— Да, атмосфера! Живут же люди! Помнишь, как гид спросила шофёра, что у итальянских мужчин на первом месте, и он так сочно ответил: «Amore!» — любовь, на втором месте — семья, на третьем — футбол или политика и только на четвёртом — работа. У нас, русских, всё наоборот.

— Ну, я бы не стал слишком уж доверять гидам и шофёрам, — скептически возразил он. — Это просто реклама, туризм. По моему убеждению, главное — то, что кормит, потом уже всё остальное.

— Что ж, резонно, — кивнула она. — Ну а теперь рассказывай, самое время. Из-за тебя я лишилась Венеции. Господи, мне так хотелось прокатиться на гондоле! Я даже специально денежку на это отложила, продумала наряд: шляпка, блузка в полоску. Никогда тебе этого не прощу! Знай, если вдруг когда-нибудь потом, уже в Москве, ночью тебе приснится кошмарный сон, это тебе за Венецию. И я очень злопамятна, таких кошмариков на твою долю придётся о-ё-ёй!

Он с удовольствием расправлялся с *bistecca alla fiorentina* — бифштексом по-флорентийски. Она же, наоборот, нехотяковыряла вилкой в своём блюде.

— Господи, — вздохнула она, оглядевшись вокруг, — как можно есть столько макарон. Я бы уже через пару месяцев в дверь не пролезала.

— Но ты можешь заказать что-нибудь другое. Например, *fegato alla veneziana*, печень по-венециански.

— Понятно, издеваешься, — вздохнула она. — Хочу предупредить ещё раз, коли уж в первый раз не понял, со мной это небезопасно, при случае отомщу.

— Зато, заметь, — назидательно поднял палец вверх он, пропустив мимо ушей её угрозу, — они почти совсем не едят хлеб. Да и булочки, что они подают к столу, только с виду пышные, а внутри пустые.

Она отложила вилку в сторону.

— Что, соблюдаешь диету, бережёшь фигуру? — поддразнил он.

— Нет, как раз в поездках я себя ни в чём не ограничиваю. Дома — да. Но здесь — какой смысл? Ем всё подряд, просто сегодня нет аппетита. Но я рада за тебя. Всегда удивлялась: почему тощие такие прожорливые?

— Это просто наследственность, — ничуть не смутился он. — Я могу есть сколько угодно, на моём весе это нисколько не отражается.

— Тогда, может, съешь мой десерт?

— Почему бы и нет? — согласился он.

— Ты не бойся, — в привычной манере подшутила она над ним, — это просто тебе наказание. А вообще, в дальнейшем никакого рыцарства — каждый платит за себя. Ничего не поделаешь — за граница. Каждый грош заранее распределён, на учёте. Но ты, как обычно, юлишь, не ответил на мой вопрос: почему же мы всё-таки отклонились от курса?

Он вытер рот салфеткой, налил себе минералки.

— Я тебе уже объяснял. Я ехал сюда специально из-за Вероны. Долго деньги копил. Ты ведь наверняка знаешь, кто я по профессии?

— Конечно. Преподаватель института. По нынешним временам вообще никто. Если, конечно, взятки не берёшь. Что, глядя на тебя, трудно предположить.

Он вздохнул.

— Да никто и не даёт. Ранг не тот.

— Так кто же у тебя в Вероне? Родственники? Любовница? Невеста? Кстати, я знаю даже то, что ты не женат, сравнительно недавно развёлся. Первое, что я делаю в поездках, — устанавливаю контакт с руководительницей группы. Это не так уж дорого стоит, но выгод приносит массу. Тебя это шокирует?

— Нисколько.

— Итак, невеста? Или хочешь здесь найти невесту, жениться на итальянке?

Он помялся какое-то время, затем проговорил задумчиво:

— Пожалуй, я приму твоё предложение насчёт десерта.

— Ради бога! Я могу тебе ещё что-нибудь заказать. Уже за свой счёт. Только без вранья, годится? Этого я больше всего не люблю. Ладно, пожалею тебя, ужин оплачиваем пополам, так что не стесняйся.

Он закатил глаза от восторга.

— Потрясающее пирожное! Точно, перфэтто! Как ты можешь лишать себя такого удовольствия?

Она покачала головой.

— Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзным? Всегда этот улыбчивый, насмешливый тон!

— «Ангел в отпуске», был такой фильм чешский, — развёл он руками. — С чего ангелу на отдыхе хмуриться? А вообще, главное — смысл, а не тон. Ну, недоговаривать, умалчивать — святое дело, но обманывать — это на меня не похоже. На работе я страшный зануда. Не из тех, конечно, что над студентами издеваются. Не люблю ставить «неуды» — если не удалось что-то в процессе, никакой зубрёжкой потом не исправишь. Ладно, не буду тянуть кота за хвост, ты ведь всё равно не отстанешь. Хотя, боюсь, что разочарую тебя. Я в Вероне по личному делу. Так получилось, что в сорок с хвостиком лет я вдруг остался один: жена ушла, дочери повыскакивали замуж. Это ужасно, до сих пор ужасно. Причём всё произошло так неожиданно. Сначала я решил пойти традиционным путём: создать новую семью. Начал даже подыскивать себе подходящую кандидатуру. Затем понял, что предаю себя. О чём я мечтал в юности? О большой любви. Вот только тогда я понятия не имел, что это такое. Ну и вляпался. И долгое время жил с ощущением, что так и должно быть, что у всех так. А вот сейчас хочу воплотить свою мечту. С тем и приехал сюда — попытаться понять, что такое любовь. А столица любви — Верона.

— Я почему-то думала, что столица любви — Париж.

— Не мне судить, никогда не был в Париже. Но понадобится, можно и в Париж махнуть. Я вообще-то очень упрямый человек. То есть страшный зануда, как уже тебе говорил. Непонятно?

— Да уж... понятного ни на грош. Ты романтик?

— Нет, скорее, рационалист. Я ведь математик, какой уж тут романтизм!

Она помолчала некоторое время, затем сокрушённо вздохнула:

— Да, чувствую, при такой сверхзадаче мы здесь надолго застряли. Уж юга нам точно не видать. Удивляюсь, как меня угораздило так вляпаться? С виду ты вполне нормальный человек.

Он усмехнулся.

— Ещё не поздно переиграть. Я не единственный мужчина в группе. Вполне можно более достойную пару себе найти. Как я понимаю, в каждой поездке ты выбираешь... как бы это назвать поточнее... партнёра и бываешь с ним от начала и до конца?

Она сверкнула глазами.

— Допустим. И что, тебя это возмущает? По-твоему, это разврат?

— Да нет, просто я высказал предположение.

— Наши отношения как-то сразу наперекосяк пошли. Зачем так углубляться? Встретились, расстались, маленькое счастье на двоих. Не все же, как ты, мечтают о большом, кому-то и маленького счастья вполне достаточно. Но, знаешь, мы в чём-то похожи. Вот только ты живёшь мечтой, а я живу сказкой. В мечты я не верю, а вот сказку вполне в состоянии себе преподнести. Как добрая фея. У меня нет детей, никогда не было мужа, да и бог с ними. Что поделаешь, статистика — каждая четвёртая москвичка никогда не была замужем. Банальная история: сначала выбирала-отвергала, потом мечтала-ждала, затем страдала-искала, теперь вот просто живу. В Москве у меня даже любовника постоянного нет. Откуда ему взяться? Я встаю рано утром, ни свет ни заря, тащусь на ярмарку в Лужники, там у меня маленькая каморка, которую я арендую, торгую оптом воздушными шариками и прочей дребеденью, кстати, итальянской по преимуществу. Вечером, поздно, я возвращаюсь домой, что-то с трудом успеваю соорудить себе поесть и валюсь с ног до утра. А назавтра снова-здорово. И это ещё прекрасно: я сижу в тепле, а не стою, как когда-то, на улице в дождь, в тридцатиградусный мороз, не таскаю сумки, тележки с товаром. Какие уж тут мужчины? Азербайджанцы? Провинциалы-оптовики? Кого я там вижу? Я — хозяйка, у меня ещё две девчонки в подчинении, когда мы собираемся там втроём, дух такой стоит женской нерастраченной любви, что выдержать не каждый сможет. Одна в разводе, от другой муж ушёл. Разговоры только об одном, но разговоры совершенно бесполезные: кому мы нужны в свои тридцать с хвостиком, как ты выразился, лет? И тогда я дарю себе сказку. Два раза в год я езжу за границу, чудесно провожу время: не стираю, не готовлю, не убираюсь, а если ещё повезёт охмурить какого-нибудь мужичка, то это вообще даже сон, а не сказка. Я кажусь тебе циничной? Ты теперь открестишься от меня?

Он долго в задумчивости молчал, затем сказал:

— Пожалуй, я не откажусь ещё от одного десерта. И что, потом ты с ними никогда не встречаешься, навсегда расстаёшься?

Она покачала головой.

— Ну, бывают попытки с их стороны. Очень редко. Наверняка ведь всё не знаешь, любая информация относительна, приблизительна. Взять хотя бы тебя: да, в разводе, но точно не монах — любовница, невеста, кто-нибудь да есть. Зачем мне перебегать кому-то дорогу? Да и интереснее так: когда знаешь, что никогда больше не увидишь человека, можно быть гораздо раскованнее, счастливее с ним. Так что не бойся. Вероятность того, что мы когда-нибудь с тобой нос к носу в Москве столкнёмся, равна нулю. Наши жизненные прямые... или кривые — хоть как назови, совершенно в разных проекциях.

Она махнула рукой.

— Ладно, десерт так десерт. Да и винца хорошего бутылочка явно не помешала бы.

«Чин-чин!» Зазвенели бокалы. «Чин-чин!»

Наконец появилось время оглядеться вокруг. В кафе уже набралось много народу, было шумно, никто ни на кого не обращал внимания.

— А знаешь, — сказала она, — я разочаровалась в итальянках. Среди наших русских куда больше красавиц. А вот мужчины — другое дело.

Встречаются такие... просто дух захватывает. Кстати, если бы тебя как следует приодеть, ты смотрелся бы здесь — не отличишь. Чего только одни твои волосы стоят — густые, волнистые, так и хочется в них ладошку запустить и сжать пальцы покрепче.

— Спасибо, — ничуть не обиделся на сомнительный комплимент он. — Но ты знаешь, мне повезло, я видел здесь девчонку изумительной красоты. Я понимаю, такая красота недолговечна, но это была настоящая Джульетта.

— Ага, вот ты и попался, — с торжеством в голосе воскликнула она. — Ясно, из-за чего ты решил здесь задержаться. Покажешь?

— Если удастся разыскать то место.

Она проснулась ночью и увидела, как он сидит на постели, упёршись взглядом в стену.

— Что с тобой? — спросила она, зевая.

— Ничего, просто не спится, — меланхолично ответил он.

— Нет, что-то тут не так. Надеюсь, я ни при чём? Или, может, ты всё-таки злишься, что я увязалась за тобой?

— Нет, никакой злости нет. Ты мне нисколько не мешаешь. Хотя сначала я действительно был очень раздражён твоей прилипчивостью.

Она вздохнула.

— Не очень-то приятный ответ. Зато искренний. Ты точно в порядке?

— В полном. Ты спи, если я тебе мешаю, могу одеться, пойти погулять или в кресле здесь посижу. Но я тоже скоро отлечу к Морфею.

Она помолчала некоторое время, тщетно пытаясь прогнать сонливость.

— Может, я в сексе сегодня была не на высоте. Ты неудовлетворён остался. Это можно исправить.

Он покачал головой.

— Нет, у меня свои проблемы.

Она уточнила.

— Всё те же?

— Да, всё те же.

— Ладно, — вздохнула она. — Придётся тебя послушать. Честно говоря, первый раз вижу тебя таким — совсем прокисшим. Я думала, ты сильнее.

— Тут дело не в силе.

— Всегда дело в силе. Жизнь не любит слабаков. Но я тебя понимаю: рано или поздно каждый заходит в тупик. Что же тебя сегодня так сразило?

Он на какое-то время задумался, стоит ли раскрываться. Но была ночь и рядом практически незнакомый человек, который случайно появился в жизни и столь же закономерно из неё выветрится. Идеальные условия для откровенности.

— Итак, ты приехал сюда с весьма определённой целью. И вдруг обнаруживаешь, что перед тобой стена, — начала она за него. — Обычный, весьма примечательный своими достопримечательностями, но совсем непохожий на твои представления о нём город. Не знаю, чего ты ожидал — увидеть место, где все только и делают в жизни, что вздыхают да целуются? Ну а здесь приблизительно то же, что и повсюду, в том числе и у нас, — борьба за выживание. Деньги, деньги, деньги, ну а остальное — постольку-поскольку, как получится, если получится. Может быть, тебя

шокирует то, что люди здесь деньги делают на мечте, на тяге к любви? Но надо как-то, чем-то страждущих удовлетворить. Это тебя мучит? Или, может, ты понял наконец, что любовь — недостижимый идеал, охапка сена, за которой все мы, как ослы, устремляемся по молодости? С годами взрослеем, умнеем и понимаем, что идеалы — одно, а жизнь — другое?

Он усмехнулся.

— Любовь — обман? Ну, с такими размышлениями ты далеко не оригинальна. Не проще ли сказать, что зелен виноград? Не встретилось для тебя, значит, вообще не бывает?

Она поморщилась.

— Господи, ну почему ты считаешь меня за дуру? У меня высшее образование, я педагогиня, то есть у нас есть даже что-то общее с тобой. Просто на зарплату в школе не проживешь. Да и что там может быть интересного, в школе? Тяжкий, неблагодарный труд. Кто его ценит? Дело даже не в деньгах. Ужасно сознавать, что ты просто презренный человек, неудачник. Так что я в состоянии на любые темы порассуждать, в том числе и о любви. Быть может, когда-нибудь, при случае, я поделюсь с тобой своими мыслями на сей счёт — кое-какой жизненный опыт у меня тоже имеется. Нет, я вовсе не считаю, что любовь — обман. И я очень благодарна тебе за сегодняшний, точнее — вчерашний день. Ладно, так и быть, поделюсь кое-чем. Ты только ищешь, а я уже поняла, что такое любовь. Это приправа. Никто не станет есть одну только приправу в качестве блюда. И тем не менее с ней всё меняется. Секс становится глубже, тоньше, исчезают депрессии... Казалось бы, семья — тягомотина, каких мало, но немножко чувства друг к другу, и вот уже два дурака готовы везти этот воз до гроба. Тебе непонятна моя мысль? Хочешь поконкретнее? Без проблем! Ты заметил уже, что я в поездках никогда не расстаюсь с фотоаппаратом? У меня по каждому путешествию отдельный альбом. А сувениры? Я просто обожаю сувениры! Но не всяядна, не хватаю всё подряд, каждую вещичку тщательно выбираю. Однако здесь я обнаружила, что много лет себя обкрадывала. Я не понимала, какое значение в поездках имеет музыка. Ты обратил внимание, наверно? Они здесь просто помешаны на музыке. Поют все, от мала до велика. Известные певцы тут — национальные герои.

— А может, ты преувеличиваешь? — подтрунил над ней он. — Веришь всему, что вдалбливают нам гид и шофёр? А я уже сказал тебе: на мой взгляд, это те ещё лиса Алиса и кот Базилио. Ты заметила, как у них всё безупречно отрепетировано? Он немногословен, но она постоянно обращается к нему, чтобы подтвердить свои мысли. И действительно, поневоле принимаешь всё за чистую монету.

Она поморщилась.

— Это отдельная тема. Конечно, они привирают, но насчёт музыки ты меня не переубедишь. Я уже купила пару кассет, а к концу поездки соберу целую коллекцию.

Он усмехнулся.

— Как я понял, у тебя по каждой поездке полный отчёт.

— Да, — гордо подтвердила она. — Я собираюсь прожить по меньшей мере до девяноста лет, и это будет для меня прекрасным развлечением в

старости. Ладно, вернёмся к нашим баранам — то есть к твоим проблемам. Что же так потрясло тебя сегодня, точнее, вчера?

2

— Соня, протри глазки, сколько можно спать?

Она деловито разложила на одеяле красочные буклеты.

— Ну вставай же, вставай. Я уже полностью продумала наш маршрут. Предупреждаю, день будет забит до отказа. Но, Господи, как же ты нечестно со мной вчера поступил! Поднял среди ночи, разбередил душу своим хныканьем, а когда я окончательно проснулась и сказала, что готова тебя выслушать, ты уже спал, как сурок. У тебя что, такая разновидность лунатизма? Я разволновалась, ты меня взбудоражил, я потом ворочалась-ворочалась, никак не могла уснуть. Еле дождалась утра, побежала за рекламками, сколько могла выудила информации у портье. Нет, с тебя причитается. И ужином, как вчера, ты не отделаешься. Даже не знаю, что у тебя попросить. Тем более что я новобрачная! Разве что кольцо с изумрудом?

Услышав стук в дверь, она трижды хлопнула в ладоши и торжественно провозгласила:

— Ладно, за кольцо с изумрудом можно и на полную катушку постараться. Кофе в постель! — И закричала уже в полный голос: — Prego! Entri!⁸

Официант, как в заграничных фильмах, ввёз в номер поднос с завтраком. Он с любопытством посмотрел на огромную кровать, усыпанную рекламными проспектами, и улыбнулся во все тридцать два зуба, получив чаевые:

— Grazie!⁹

И что-то приятное долго желал синьору и синьоре.

Она рассмеялась.

— Что больше всего его поразило, что ты в постели, а я, одетая, лебешю перед тобою. Обычно бывает наоборот, по крайней мере у молодожёнов. Я думаю, нам надо уравниваться в правах, я тоже хочу кофе в постель.

— Какие проблемы? — он уже более или менее пришёл в себя. — Есть даже старый, бородатый анекдот на эту тему: «Вам кофе в постель?» — «Нет, лучше в чашку!»

Она, быстро раздевшись, тут же вручила ему фотоаппарат.

— Нет, я никак не могу упустить такой случай! А теперь вместе — нажми на спуск и тут же ко мне бегом.

Когда они покончили с завтраком, она подложила повыше подушку и снисходительно оповестила его:

— Что ж, самое время продолжить вчерашний разговор. Поплакаться мне в ночнушку, поскольку жилетку специально для подобных целей я не захватила с собой.

Он отрицательно покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз. Сейчас не самое подходящее время для исповедей.

⁸ Прощу вас! Входите! (итал.)

⁹ Спасибо! (итал.)

— Ладно, тем более что, как я думаю, всё равно многое в твоих представлениях переменится после сегодняшнего дня.

3

— Вот видишь, — радостно улыбнулся он. — А ты говорила! Ты смотрела на меня так, будто я чужак или сумасшедший, но я не один такой. Эти люди приехали со всех концов света. Зачем? За тем же, за чем приехал сюда и я. И возраст тут не имеет никакого значения. Как видишь, здесь даже глубокие старики. Со своими старушками. Значит, есть она всё-таки, великая любовь?

Она скептически промолчала, не разделяя его воодушевления, но и не возражая ему. Затем «повернула» тему:

— Да, здесь полно психов. И ты прав, за ними даже интереснее наблюдать, чем осматривать эти замшелые руины. Я вот только одного не понимаю: зачем ты трогал за грудь Джульетту?

Он смутился.

— Ну, все так делают. Нельзя, но все так делают. Понимаешь, я просто сделал, как все.

— Понятно, прикрываешься стадным чувством. Эх ты, а говорил — любовь! Все вы, мужики, одинаковы. Вам только одного от бедных Джульетт и надо! О какой любви идёт речь? Ты мог бы поцеловать ей руку, встать перед ней на колени, произнести заготовленную ещё в России речь. Какой-то сувенир ей подарить — всё что угодно. Но трогать её за грудь...

— На счастье, — вздохнул он. — Я сделал это на счастье. Загадал, теперь буду ждать, когда исполнится.

Она пренебрежительно хмыкнула.

— А меня ты за грудь по ночам трогаешь тоже на счастье?

Он покраснел.

— Быть может.

— Это не одно и то же?

— Кстати, любовь Ромео и Джульетты, если верить Луиджи да Порто, первому, кто рассказал эту историю, вовсе не была платонической. Они занимались сексом каждую ночь и были очень счастливы.

— Но только после того, как их обвенчали, — глубокомысленно заметила она. — Или там не как у Шекспира было дело?

— Так, — согласился он.

Идём, идём, терять не будем время,
Вдвоём вас не оставлю всё равно,
Пока не свяжет церковь вас в одно¹⁰.

Она зевнула.

— Ладно, прощаю. Хотя, признайся, нехорошо было делать это на моих глазах.

¹⁰ Перевод Т.Щепкиной-Куперник.

— Ты ревнуешь?

— Нет, просто предупреждаю.

Она вдруг оживилась, глаза её зажглись новой целью.

— Я хочу побывать там, — она указала пальчиком на балкон Джульетты. Он равнодушно пожал плечами.

— Кто тебе мешает? Ради Бога!

— Никто. Просто я хочу побывать там вместе с тобой и думаю, как бы нам запечатлеть этот процесс на видеокамеру, иначе ведь никто не поверит. Если только кого-нибудь попросить...

— Сомневаюсь, что ты после этого когда-нибудь свою камеру вновь увидишь, — усмехнулся он. — Так что мне поневоле придётся остаться здесь и сыграть роль оператора.

Она в задумчивости сморщила носик.

— Интересная мысль! Вот только с кем тогда я там буду целоваться?

Однако в таком состоянии она пребывала недолго, тут же решительно шагнула к входной двери.

— Ладно! Как они там говорили, эти два кота Базилио в отеле? *Giovani sposi!* Молодожёны!

Через какое-то время она появилась вместе с местным служителем, которого она совершенно очаровала то ли своим нелепым итальянским, то ли суммой, которую она ему вручила.

— О, поздравляю! Мои пожелания счастья! — восторженно лопотал итальянец, делая ей тайные знаки: *perfetto, bellissimo!* Мол, с мужем она не промахнулась.

Торжественно держась за руки, они поднялись наверх и выглянули с балкона. Их, как и других, пунцовых от счастья, влюблённых (Р + Д), встретили аплодисментами. Служитель тоже махал им рукой, не отрывая глаз от видеокамеры.

Вернувшись вниз, она горделиво взглянула на то место, где только что побывала и испытала минуту триумфа.

— Ну вот, а ты говорил. Нельзя отступать перед трудностями, надо их преодолевать.

Настроение у неё улучшилось, теперь она была полностью в своей стихии.

— Ладно, предположим, что ты меня убедил, я тоже решила попробовать.

— Что именно? — уточнил он.

— Потрогать за грудь Джульетту. Может, мне это в самом деле принесёт счастье? Хотя вообще это ужасно. Посмотри, даже дети её лапают. Просто кошмар какой-то!

Они посетили дом Ромео и ещё много достопримечательностей, и повсюду он прилежно её снимал как на видео, так и на фото. Наконец они решили где-нибудь примоститься пообедать, а заодно и дать ногам немного отдохнуть.

— Смотри-ка, Гоголь! — неожиданно воскликнула она. — Гоголь в Италии! Так похож, с ума можно сойти!

«Гоголь» оживился, улыбнулся им и заговорил на чистейшем русском:

— Слава Богу, хоть вы меня признали. Все только языками прищёлкивают, завидев мой гардеробчик, но кого именно я изображаю, им и в голову не приходит. Вы откуда, ребята?

— Из Москвы.

— Ну так и я из Москвы. Правда, удачно я вырядился? Иначе бы никто и внимания не обратил.

Он тотчас вручил им афишку-рекламку, на которой по-итальянски и по-русски было напечатано приглашение на спектакль «Ромео и Джульетта», который привезли артисты из Москвы.

— Мы здесь проездом, — гордо проговорил мнимый автор «Мёртвых душ», — обкатываем наш вариант прочтения гениального Шекспира перед тем, как показать его во Франции, на фестивале в Авиньоне. Правда, здорово? А вы просто туристы?

— Да, — кивнул он. — Проездом. Но решили здесь задержаться.

— Что ж, будем считать, вам вдвойне повезло, — бодро отозвался «классик». — Сможете ещё и посетить наш спектакль. Театрик наш совсем маленький, точнее, даже театр-студия. Нам просто выпал счастливый лотерейный билет: один «новый русский» влюбился в нашу приму, вот она и вытянула из него эту поездку. С ума сойти! А у меня своя мечта — я бы очень хотел сыграть Гоголя в Италии. Представляете, как он жил здесь, вдали от Родины, писал второй том своих «Мёртвых душ». Это ведь необычайно интересно: почему именно здесь писал, почему сжёг после? Так что приходите, обязательно приходите. У нас даже своя фишка есть: герои у нас гораздо старше, чем у Шекспира, ближе к первоисточникам. Просто надо чем-нибудь выделиться. А может, это из-за нашей примы, уж на четырнадцать лет она никак не тянет.

— К сожалению, мы не сможем. Мы сегодня уезжаем. Догонять группу.

Актёр был искренне разочарован.

— Жаль. Вы, наверно, молодожёны?

Он не стал отрицать, кивнул головой.

Когда они отошли в сторону, она взглянула на него с недоумением.

— Странно. Почему ты отказался пойти на спектакль? Да ещё соврал, что мы уезжаем.

Он пожал плечами.

— Но ведь ты так хотела побывать во Флоренции. Неужели ты хочешь пропустить её, как Венецию?

Она поспешила согласиться.

— Нет, конечно. Но... ты узнал всё, что хотел? Так быстро?

— Ну, почти всё.

— Как-нибудь расскажешь?

— При случае...

Она уже была целиком во власти нового поворота в их маршруте.

— Ладно, надо бы посчитать, как там по времени...

Он сдвинул с затылка на лоб воображаемую шляпу.

— Может, я ошибаюсь, но по моим прикидкам всё сходится: ночь проводим в автобусе, а утром как раз успеваем даже позавтракать перед экскурсией. Мне больше всего хочется посетить галерею Уффици. А ты что по этому поводу думаешь?

Она взглянула на него с иронией.

— Ладно, не переживай, я же говорила: тебе за мной не угнаться. Не те возможности. Всё должно быть по справедливости: моя прихоть, я её и оплачиваю. Сам пойми: фирменный поезд, купе на двоих, когда ещё случится такое? Если уж тебе так неприятно, можешь заплатить как за автобусный проезд. Вообще, я даже благодарна тебе: обычно я всё время путешествую в группе, не погружаюсь в среду, считаю — так веселей и дешевле, но чтобы как сегодня... оказаться вдвоём в совершенно незнакомой стране, в незнакомом городе, ни бэ ни мэ на языке аборигенов. Прости, конечно же — на языке Данте и Петрарки. Приключение! Весьма интересное приключение. Мы с тобой ещё в вагон-ресторан пойдём. Пойми меня правильно: я вовсе не выпендриваюсь, не шикаю, но вся наша поездка — восемь дней, семь ночей... Не хотелось бы упускать ни минуты.

Она потянулась за видеокамерой.

— Ладно, не будем расслабляться. За тобой должок. Помнишь, о чём мы говорили утром? Конечно, я виновата, ночью не выслушала тебя, но я свою вину полностью искупила, ты получил возможность узнать всё, что хотел. Теперь расскажи, что тебя ночью мучило?

Она навела на него камеру и приготовилась нажать кнопку.

Он остановил её протестующим движением руки.

— Не о чем говорить. Это уже прокисший суп. Просто временно упал духом, но сегодня всё мне открылось. Я вполне всем удовлетворён.

Она уже снимала то, что он говорил.

— Так, и что же ты узнал? — спросила она, но как бы не от своего имени, а голосом за кадром.

— То, что не просто Верона — столица любви, страна любви — вся Италия. А значит, можно продолжать поездку и ждать, когда всё закончится.

— Нет, ты обманываешь меня, — нарочито актёрствующим голосом продолжала декламировать она. — Открой тайну, несчастный!

Он лишь беспомощно развёл руками.

Она опустила камеру.

— Ладно, не хочешь отвечать... В жизни не видела таких скрытных и в то же время улыбчивых людей. Впрочем... нет, сегодня ты от меня не отвертисься.

Она долго копалась в одной из сумок, затем торжественно водрузила на столик у окна купленную безделушку.

— Что это? — недоумённо спросил он. — Песочные часы?

— Нет, это не просто песочные часы, это часы правды, так мне продавец сказал.

Он ухмыльнулся.

— И как это конкретно выглядело? Что-то я не встречал пока здесь продавцов, говорящих по-русски. Может, это было в Москве, ещё в Шереметьеве?

Она посмотрела на него снисходительно.

— Обижает! Я была с гидом в Милане, покупала очки от солнца, ты знаешь, они здесь все помешаны на очках от солнца, а мне как раз очень

понравилась её модель, она сказала, что это как раз писк моды, а купить можно очень недорого.

— Понятно, — кивнул он, — всё та же сказка: лиса Алиса... Тебя обманули. Чего только они не сделают, чтобы всучить очередной бура-тинке какую-нибудь безделицу.

— А продавец из соседнего отдела... — она продолжала говорить, не слушая его.

— Очередной кот Базилио...

— Что-то прокричал мне, она перевела: он хочет, чтобы я купила у него эти часы. Я пожала плечами: «А зачем они мне?» А он всё нахваливает: «Это необыкновенные часы, часы любви». Ну, думаю, знай наших; спрашиваю у него: «А на сколько же они рассчитаны?» — «На пять минут!» Тут я и выдала ему по полной программе: «Пять минут? Фи, неужели итальянцы *любят* так быстро? Не ожидала! У нас, русских, так *любят* только тогда, когда уже у самих песок сыплется». И что ты думаешь? Естественно, эта сучка-гидесса, вместо того чтобы с умным видом промолчать, дословно ему всё перевела, да ещё так, что весь магазин слышал! Можешь себе представить, в каком этот итальяшка был шоке, но тут же вывернулся: синьора ошибается — это не те часы, не часы секса, а именно часы любви, они показывают, как быстро течёт у влюблённых время, когда они вместе, и напоминают, чтобы они не теряли его понапрасну. И ещё это часы правды. Если поставить их перед человеком, он не сможет солгать, вот только пользоваться ими нельзя слишком часто. «Не так часто, как люди занимаются сексом». Мне даже стало жалко этого продавца. Он уже не рискнул дальше со мной связываться, только качал головой и приговаривал: какая беллиссима, беллиссима синьора, но как она плохо знает итальянцев! И готов был тут же, не сходя с места, доказать мне, что я не права. Что мне оставалось? Я объяснила, что это шутка, чмокнула его в щёчку и часы купила. Теперь ты понимаешь? Я на всю жизнь запомню эту сцену, в трудную минуту найдётся над чем похохотать. «Ах, какая женщина, беллиссима! Но как она плохо знает итальянцев! Я обижен до глубины души и готов за всю Италию постоять! Но это не те часы, не часы секса, а часы любви, они показывают, как быстро течёт у влюблённых время, когда они вместе, и напоминают, чтобы они не теряли его понапрасну. И ещё это часы правды. Если поставить их перед человеком, он не сможет соврать, вот только пользоваться ими нельзя слишком часто. Не так часто, как люди занимаются сексом». Вообще-то я без всяких часов всегда в состоянии определить, обманывают меня или нет. Но что-то в этой штуковине есть, точно, обычно я не поддаюсь на пустые уговоры. Думаю, сейчас самый подходящий момент испытать её в действии, как ты считаешь? Предлагаю на спор: если эта штука действительно работает, ужин в ресторане оплачиваю я, если нет, платим поровну.

— Своеобразная логика! — усмехнулся он.

— На радостях! Вполне обычная логика — что-то делать на радостях, вообще делать себе и людям подарки, — парировала она. — Итак, слушаю тебя.

Он долго молчал, потом задумчиво проговорил:

— Знаешь, в своё время меня очень поразила одна фраза, не помню только, где я её вычитал: «В любви всё правда, но нет правды о любви». «Как

же так? — возмутился я. — Как нет правды? А Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Тахир и Зухра, Лейла и Меджнун? Разве это не правда?»

— Конечно, неправда, — фыркнула она. — Легенды, не более того. А ты просто мечтатель. Ладно, извини, я тебя перебила, продолжай.

Он едва удержался от того, чтобы не вспылить.

— Не буду. Не буду продолжать! С тобой совершенно невозможно на подобные темы разговаривать. Не понимаю, что ты за человек такой? Сама спрашиваешь и сама тут же отвечаешь на свои вопросы. Тебе собеседники не нужны. Что, тебя настолько достало твоё одиночество?

Она смутилась, но, верная традиционной женской логике, предпочла защите нападение.

— Да, я не права. По мне и в самом деле, наверное, дурдом уже плачет. Но как с тобой общаться иначе? Ты такой спо-о-койный, так надёжно укрыт за своей усмешечкой-бронёй, что хочется взорвать тебя любой ценой и посмотреть, какой ты есть на самом деле. Но вот так, без маски, ты ещё непонятнее и странней, даже страшней — такие рассуждения! И главное — на полном серьёзе! Неужто нельзя быть хоть немножечко поскромней? Но тебя ведь не устраивает что-то обыденное, серенькое. Лейла, Зухра, Изольда, а сам-то ты вытягиваешь на Тахира? Вот она, разница между нами: ты живёшь мечтой, несбыточной, великой мечтой, а я живу скромненькой сказочкой. Но итог, как ни странно, тот же: мы оба одни, оба в дураках. Ладно, не дуйся, продолжай!

Он пожал плечами.

— Не знаю, что тебе ещё сказать. Первое, что я обнаружил — что приехал сюда с теми же представлениями, которые у меня были четверть века назад, а как ты сказала — пора бы и повзрослеть. Второе: что любовь — это вовсе не приправа, как ты пытаешься выставить её; собственно, она больше всего похожа на то, что у меня уже было, кроме главного — счастья.

Она усмехнулась.

— Ладно, вот тут-то мы и проверим тебя. Скажи честно, неужели ты был такой святой? У тебя не было любовницы, какой-то отдушины?

— Не было, — вздохнул он. — Я не святой, но ты не представляешь специфики нашей работы. А она приблизительно такая же, как и у тебя: наваливаешь на себя столько, сколько не сvezти, когда тут, где, как знакомиться? Наверно, я просто слишком старомоден. Исход у нашего брата, как правило, один: старички женятся на молоденьких студенточках. Но не видел ни одного счастливого подобного брака. Тем более что я живу в общаге, жених во всех отношениях незавидный. И тем не менее не знаю, удастся ли мне убежать от своей судьбы: эти молоденькие — такие дуры.

— Не верю, — подвела итог она. — Плачешься, а наверняка на молоденьких слюни текут. Да и вообще зачем жениться при таком изобилии? Пожалуй, ты прав, итальяшка действительно провёл меня.

— А давай на тебе попробуем? Думаю, теперь как раз моя очередь!

Он хитро усмехался, но она пожалала плечами без тени страха:

— На мне? Да я уже всё рассказала тебе о себе. Это ты у нас человек-финкс, а я... я вот она, вся на блюдечке.

Он перевернул часы.

— Для начала о твоей сказке. Так ли уж удачно складываются у тебя отношения с мужчинами, всегда ли ты бываешь счастлива в поездках?

Она поморщилась.

— И это правда, которую ты хотел узнать? Конечно, я сильно приукрашивала, когда рассказывала тебе о своих «принцах». Не исключено, что и ты переметнёшься к какой-нибудь другой, более интересной для тебя женщине до конца поездки. Где-нибудь во Флоренции или в Риме. Я не обольщаюсь, и прекрасно пойму тебя. Я не настолько уж привлекательна внешне, со мной не о чем поговорить. Но я никогда не сдаюсь, всегда борюсь до последнего, даже если приходится идти на унижения. Ещё, если честно, мне никогда и ни с кем не было так хорошо, как с тобой. Дальше продолжать?

— Пожалуй, не стоит, — покачал он головой. — Главное, мы убедились — эта штука действует, определённо действует. Сомневаюсь, чтобы иначе ты отнеслась к себе столь самокритично. Беру свои слова обратно: итальяшка тебя не обманул. Так что там насчёт вагона-ресторана? Оплачиваем, как обычно, в складчину? Или я проиграл?

— Как обычно. Но пойдём чуть позже. Мне хочется ещё раз посмотреть на свою соперницу — Джульетту № 2.

Она взяла видеокамеру и, поиграв кнопками, быстро нашла нужное место. Они оказались возле небольшого дворика, густо обсаженного фруктовыми деревьями. Через некоторое время в него вышла девушка необычайной красоты, с чёрными как смоль волосами. Она улыбнулась им, признав в них туристов, и стала заниматься своими делами. Однако, увидев в руках у них фотоаппарат и видеокамеру, сделала запрещающий жест рукой и недвусмысленно пошевелила пальчиками, показывая этим, что снимать можно только за деньги. Камера бесстрастно отразила, как, взяв десять евро, девушка начала не просто передвигаться по двору, но даже позировать.

— Да, она действительно хороша, спору нет. И у неё на редкость удачный бизнес: просто ходи по двору и собирай с земли денежки.

— Бог любит её. Не зря же наделил её такой красотой.

— Южанка. Их смазливость так недолговечна!

— Кто знает! — возразил он. — Быть может, она победит на каком-нибудь конкурсе красоты и даже станет известной актрисой. К примеру, как Софи Лорен или Орнелла Мути.

— Ага, так ты нашёл что искал? Почему бы тебе не сделать ей предложение? Выучишь итальянский, станешь здесь уважаемым человеком, профессором. Так и проживёшь в этом тенистом дворике до конца дней своих. И будешь счастлив.

— Ты совсем не поняла меня. Я уже говорил тебе: самое страшное в любви — это влюбиться в любовь.

— Понятно — жениться на молоденькой. Так она реальна? Может, ты как раз сюда и убежал от неё? Или это пока только призрак, который порхает в воздухе? Подожди-подожди, теперь помедленнее!

Изображение плавно перетекло в обряд Обета Любви. Двое молодожёнов, то ли немцы, то ли скандинавы, в старинных костюмах, сопровождаемые многочисленной свитой, под звуки лютни вошли в зал Гварьенти

монастыря Святого Франциска, где, по преданию, были тайно обвенчаны Ромео и Джульетта. Камера прилежно фиксировала все перипетии захватывающего действия: торжественные речи, обращённые к молодым, обмен кольцами, то, как они ставили свои подписи в книге, как спустились затем к гробнице Джульетты и молодая положила на неё букет из белых лилий.

— Здорово! — вздохнула она. — Особенно мне понравилось, как они прошли к Дому Джульетты и поцеловались на балконе. Я так хлопала! Но наш с тобой поцелуй был ничем не хуже!

5

— Господи, — сокрушалась она, тараща глаза по сторонам. — Никогда не думала, что такое возможно. Я будто на другой планете. Ты посмотри, посмотри, как они одеты! Каждый! Пусть это даже простая маечка, но как она преподнесена!

Она вдруг расплакалась.

— И где здесь я со своим выпендрёжем? Мне стыдно даже на улицу выходить!

Он сокрушённо пожал плечами.

— Флоренция — город моды. Надо было знать куда едешь. Я, правда, ничего в этом не понимаю, но красота действительно вокруг неопишная. Хотя на меня, конечно, наибольшее впечатление произвела галерея Уффици, я много читал о ней, но эффект всё равно превзошёл ожидания.

— Да, но ты заметил, что наш экскурсовод там, старичок бог её знает какой волны эмиграции, несмотря на всю свою бедность, был так отутюжен, ни одной пылинки на штиблетах. Я не представляю, как он здесь живёт, здесь так всё дорого, так трудно соответствовать общему уровню.

Он пожал плечами.

— Ну, меня поразило в нём другое: как он нам подробно, доходчиво обо всём рассказывал, как будто школьникам. Понимая, что ценители из нас никакие, был на редкость доброжелателен. Мне даже трудно представить себе после этого старичка, что вот вернёмся мы в Россию, а там всё по-прежнему. Это уникальная страна, где все, буквально все друг друга ненавидят: бедный богатого, богатый бедного, продавец покупателя, покупатель продавца, клиент таксиста, тот той же монетой платит ему в ответ. А наши знаменитые кухонные ссоры! Сколько людей после них отправляется кто на небеса, кто в места не столь отдалённые. Ну а если ты инвалид, старик — ты вообще лёгкая добыча. Почти как по Ницше: «Падающего толкни!» Я вот только теперь понял этих людей, эмигрантов: для того чтобы любить родину и свой народ, надо обязательно уехать. Вблизи такое совершенно невозможно. Может, и мне уехать? Хотя не такой уж я и патриот.

Она поморщилась.

— У нас с тобой диалог глухого со слепым. Ты мне про Фому, я тебе про Ерёму.

— Да нет, я просто раскрываю тебе секрет, который ты не можешь понять. Ты посмотри, сколько вокруг тебя красоты, человеку поневоле

приходится ей соответствовать. Скульптуры, фрески, музеи, картины — это здесь на каждом шагу.

Она замолчала на какое-то время, затем отчаянно вскинула голову:

— Знаешь, мне здесь дорого каждое мгновение, даже в отель идти не хочется. Будешь сопровождать меня?

Он помялся.

Она вздохнула.

— Да я понимаю, путь к сердцу мужчины... Будет тебе и полдник, и обед, и ужин.

— Нет, я предпочёл бы другой, свой маршрут. Хочу, например, посмотреть ещё галерею Питти. Она не запланирована в экскурсии, но не побывать в ней было бы верхом идиотизма.

— Ладно, будет тебе и Питти. Кстати, как так получилось вчера, что мы не смогли воспользоваться всеми благами цивилизации? Я помню ужин в ресторане, помню, как мы вернулись, сидели — о чём-то болтали, вот-вот должна была начаться волшебная ночь, и тут мы вырубилась. Никогда себе не прощу!

Он почесал затылок.

— Ты знаешь, я сам не в курсе. Настроение у меня тоже было вполне подходящее, аналогичное твоему... Причём больше всего меня удивляет, что этой «волшебной» ночью нас не обокрали. У них здесь в поездах такое творится, мы могли вообще в Москву не вернуться: ходили бы, обивали пороги, чтобы выправить новые документы.

— Да, — вздохнула она. — Выходит, красота если и облагораживает, то лишь внешне. И мир надо чем-то другим спасать (устарел наш Фёдор Михайлович)? Например, любовью.

— Ну, — рассмеялся он, — может, ты и права, но где взять столько любви? На всех не напасёшься. Вот что я тебе лучше посоветую: пройдишь-ка ты по уценёнкам, в обычных магазинах цены здесь запредельные, как ты успела заметить, а там вполне можешь положить начало своей коллекции.

Она хмыкнула:

— Ну а как же «Ромео, милый мой Ромео!»?

— Я думаю, они тут и это предусмотрели, магазины у них достаточно рано закрываются. Конечно, если ты всю ночь потом не будешь нарядики примерять...

— Нет уж, не дождёшься! Но ты прав, вместе у нас действительно ничего не получится. Как в одной старой песенке поётся: «Тебе в метро, а мне ведь на трамвай».

6

Она всем своим видом изображала полное отчаяние.

— Господи, что же это такое? Ни на минуту человека нельзя одного оставить. Сам уговорил меня разделиться — и уже новую подругу себе нашёл. Кому письмо? «Ромео, милый мой Ромео!»?

Он благодушно усмехнулся.

— Ты не знаешь, как у них с почтовыми ящиками? Я что-то не обратил внимания. Так же, как и у нас?

Она с самым серьёзным видом протянула руку. У неё и в мыслях не было шутить.

— Кому письмо? Ты так и не ответил на мой вопрос! С дочками и бывшей женой ты вроде бы не поддерживаешь тёплых отношений, зазнобы у тебя нет, как ты утверждал. Кому же послание? На кафедру, в деканат, самому ректору от полноты чувств?

Он немного обиделся, но всё-таки удержал смешливую гримасу на лице.

— Кому ещё может писать бедный Ромео? — И повернул конверт лицевой стороной вверх.

— «Верона, Джульетте», — прочитала она адрес, написанный на итальянском языке. — Той Джульетте, что из тенистого дворика? Её, что, там, в Вероне, каждый знает?

— Нет, но ты же читала про Клуб Джульетты, мы даже мимо него проходили.

— Опять старая история, — вздохнула она. — Ты же говорил, что закрыл эту тему! Узнал всё, что хотел узнать. Врал? Или открылись вдруг какие-то новые обстоятельства?

Ему всё меньше и меньше нравился их разговор, но он продолжал источать любезность.

— Слушай, а мы не опоздаем? Пора уже вещи в автобус переносить. А письмо я и в Риме могу опустить. Ей-богу, в нём нет ничего особенно, я просто подвожу итог.

— Ну да, — хмыкнула она, — так я и поверила.

Он покачал головой.

— Не знаю, как тебе ещё объяснить. Просто я стремился приехать сюда, чтобы узнать о любви то, что я о ней не знаю. Я же говорил тебе — это была специальная, запланированная поездка. Но хоть я и говорил, что узнал здесь всё, что хотел узнать, однако вполне может быть так, что мой ответ неверен, что есть альтернатива. Я слишком путано всё объясняю?

Она покачала головой.

— Нет, как раз сейчас я всё поняла. Собственно, это твоё личное дело. Просто ты ведь в курсе, насколько я любопытна. А вот и почта, ящик, быстренько бросай и побежали.

Однако быстренько у него почему-то не получилось. Он долго то поднимал, то опускал руку, не мог решиться. Пока ей это не надоело. Выхватив у него конверт, она бросила его в щель ящика.

В автобусе он был то ли раздражён, то ли задумчив, во всяком случае совершенно не обращал на неё внимания, думая о чём-то своём.

— Ладно, — протянула она ему свою маленькую, но сильную ладошку. — Мир. Миру — мир! Мир во всём мире! Завтра наш последний день, а послезавтра с утра Фьюмичино, аэропорт имени Леонардо да Винчи. Не будем же мы отравлять себе такое удовольствие? Деньги свои я все истратила, так что теперь готова следовать за тобой как собачонка, смотреть все достопримечательности, которые тебя заинтересуют.

Но он уже спал, как засыпал обычно, как только начиналась какая-нибудь качка.

Аэробус оторвался от взлётной полосы и стремительно стал набирать высоту. Все приникли к иллюминаторам, наслаждаясь открывшейся панорамой Вечного города.

— Всё, сказка кончилась, — вздохнула она с грустью. — Впереди суровые трудовые будни. Тебя это не бесит?

— Нисколько, — спокойно покачал он головой. — Останутся воспоминания. Только теперь я понял всю мудрость твоего благоговейного отношения к подобного рода поездкам: деньги легко потерять — ограбят или разоришься, а вот такие воспоминания — они навсегда, их уже не отнимешь.

— Многое можно удержать в памяти, но у души свой выбор, — грустно прошептала она.

— Что-что? — удивился он. — Повтори, я не понял. Это цитата? Откуда?

Она усмехнулась.

— Нет, не цитата. Просто с кем поведёшься, от того и наберёшься. Твоё влияние. Я много чего везу с собой, чтобы оживлять периодически свою память. Но только одну вещь — для души.

Она кивнула на стоявшие перед ней на откидном столике «часы правды».

— Хорошая вещица. Я становлюсь с ней настоящей игроманкой, руки так сами и тянутся. Ты не против?

— Ради бога! — пожал он плечами.

Она привычным движением перевернула игрушку.

— Начну с себя. Каюсь, я врала тебе всю поездку. Рассказывала о своих похождениях, «сказках». Рисовала портрет этакой раскованной, современной женщины, а на самом деле я просто закомплексованная до непроходимой одури трусиха. Пуританское воспитание родителей, своя непомерная гордость... Я ужасно страдаю, оттого что приходится вот так как бы навязывать себя мужчинам, унижаться перед руководительницами, чтобы они посодействовали с «условиями», притворяюсь страстной, опытной в сексе, хотя мало что понимаю в этом вопросе и практически ничего не чувствую, такое впечатление, что меня по моей доброй воле насилуют.

Он не решился посмотреть на неё, но всё-таки уточнил на всякий случай:

— Так было и со мной?

Она кивнула.

— Да. Хотя несколько по-другому. Я стучалась, стучалась к тебе, но у меня ничего не получилось. Ты — тот ещё мальчик, на все пуговички застёгнутый.

Они надолго замолчали. Наконец она повернула в его сторону голову.

— Ладно, не будем о грустном. О своей сказке я рассказала. Ну а как дело с твоей мечтой? Ты сказал, что не зря ездил в эту поездку и узнал для себя всё, что хотел. Прости, так получается, я вновь завожу разговор на ту же тему, но что поделаешь, для меня это очень важно. Ты уже во многом мне помог, теперь я понимаю, что причина всех моих неудач в личной жизни, точнее, полного её отсутствия — только во мне самой.

Но, может, ты поделишься со мной и этой, последней тайной? Я готова заплатить любую цену, ты знаешь — у меня есть деньги, я от этого не разорюсь, а тебе они очень быгодились.

Он покачал головой.

— Мне не нужны твои деньги. Это сугубо личное, такими вещами не делятся. Уж извини.

Они снова долго молчали. Наконец она упрямо качнула головой.

— Хорошо, я ставлю на кон вот это, — она положила руку на «часы любви». — Как, подойдёт такой вариант?

Он задумался.

— Ты хочешь сказать, что ставишь на кон частичку своей души? Что ж... часики эти вполне бы мне подошли. Мы столько им вралы в течение поездки, но под конец они всё-таки сработали. Ладно, тебе решать. Что я понял? Ты помнишь ту фразу: «В любви всё правда, но нет правды о любви»? Как ты знаешь, я долго размышлял над этим выражением, но никак не мог разгадать его, а его всего-навсего надо было перевернуть, как вот эту игрушку. Нет единой, одной для всех правды, она неповторима в каждом конкретном случае. Так же и любовь, она как жизнь, сливается с жизнью. Непонятно? Ну есть ещё фраза, я её услышал в одном польском фильме: «Все хотят, чтобы их любили, но никто не хочет любить». Она тоже долго сидела во мне занозой, но сейчас, после поездки, я воспринимаю её по-другому: каждый любит как может, остальное — кино. Опять непонятно? Ладно, признаваться так признаваться. Ты свой «скелет из шкафа» вытащила, мне ничего не остаётся, как вытащить свой. Да, каюсь, ты была права, не веря, что у меня не было «кого-то». Естественно, молодая, где ж взять другую; естественно, студентка, теперь давно уже бывшая. Любимая, прекрасная, страстная — всё, о чём только можно мечтать. Мы умело скрывали наши отношения, и когда жена вдруг ушла (а мы с ней очень плохо жили, во всём полнейшая несовместимость), я, хоть и ощутил боль, концом света для меня наш разрыв не стал: в том месте, где я упал, соломка была давно подстелена. Радостный, я прибежал к своей ненаглядной и сообщил, что ничто нам отныне не препятствует и мы можем наконец соединиться. Ты, наверно, уже догадываешься, каким был ответ? Я более чем устраивал её в прежнем качестве, но в варианте мужа совершенно не подходил. Что мне оставалось? Я наговорил ей много обидных слов, обозвал предательницей и решительно порвал с нею. Какое-то время она звонила мне, говорила: мы были так счастливы, всё было так прекрасно, зачем ты всё портишь? Но я был непреклонен. Потом она вновь позвонила, сказала, что, если я ещё не передумал, она согласна выйти за меня замуж. Но теперь уже я задумался. Было время поразмышлять, целый год я предпринимал попытки найти себе другую женщину...

— Объявления? — с усмешкой прервала она его. — Ах, как знакомо! Я столько времени угробила зря на подобную чепуху, а как-то прочитала в «МК» замечательную фразу: давать брачные объявления — всё равно что писать письма в Нобелевский комитет с просьбой о присуждении вам внеочередной премии. Я чуть с ума не сошла: ребята, где же вы раньше были? Но всё равно не поверишь, пока сама в чём-то не убедишься.

— Ну, я ведь математик, — грустно вздохнул он, — значит, не только объявления, я отработал все варианты: клубы знакомств, брачные агентства, Интернет. Как ты сама догадалась, Нобелевскую премию мне не присудили. Тогда я подумал: я так одичал за годы супружеской жизни и в то же время как бы остановился в своём развитии, так, может, причина во мне и мои представления о любви, о современных женщинах, да и вообще о жизни — в корне неверны? Странно, чему же я учил, как воспитывал своих дочерей? Так и родилась эта мысль о поездке в Италию. Вот и всё, что я могу тебе рассказать. Понимаю, ты совсем другое хотела бы услышать, а тут всё слишком общо и в то же время слишком индивидуально. Я даже не знаю, как я конкретно поступлю со своей личной жизнью по возвращении, но точку опоры я нашёл. И многим в этом я обязан тебе, как ни странно.

Она кисло улыбнулась.

— Понятно, мой печальный опыт?

Появились стюардессы со столиками. Обед. Салон оживился. Все гадали, чем будут кормить: российским или итальянским.

Он тоже оживился. Отсутствием аппетита он никогда не страдал.

— Как ты думаешь, мы не мешаем им своими разговорами? — спросил он, воспользовавшись всеобщим гомоном. — Я так и жду, что на нас со всех сторон начнут шикать: когда же, мол, вы наконец замолчите?

Она привычно сморщила носик.

— Во-первых, мы не говорим, а шепчемся, а во-вторых, у всех здесь столько проблем! Кто спит, «утомлённый солнцем», кто прослушивает в плеере купленные диски, кто мыслями уже дома. Ну а если кому осталось что сказать друг другу — для них это последняя возможность поговорить. Как видишь, уже здесь многое переменилось, а в аэропорту все тут же в разные стороны разбегутся. Почти всех кто-то будет встречать, хотя бы в надежде на сувениры. Твои дочери...

Он фыркнул.

— Ну уж это вряд ли!

— Да, да, две твои дочери. Ты теперь вырос в их глазах: папа в Италии побывал. А ещё стройная фигурка в сторонке...

— Ты думаешь, она придёт?

— Конечно. Но тебя, наверно, уже утомили мои разговоры, тоже хочется поспать, отдохнуть?

— Нет-нет, — отрицательно мотнул он головой. — Сначала, конечно, я действительно был раздражён, подумал: «Господи, так было здорово, зачем она всё портит?» Сейчас думаю по-другому: то, что было прекрасно, так прекрасным и останется, но вот этот наш разговор тоже по-своему прекрасен, несомненно, он — одно из лучших воспоминаний из всей поездки. Как ты сказала: всё для памяти и кое-что для души. Это вот для души. Поэтому я и переживаю: можно ли продолжать? Ты знаешь, своим первым признанием ты меня просто убила. Зачем же ты притворялась тогда, изображала из себя нимфоманку?

— Да ты бы тут же сбежал от меня к другой. Кому нужны ледышки?

Она помолчала какое-то время, затем вздохнула.

— Зря я, пожалуй, тебе это рассказала. Тебе обидно? Нет, всё и в самом деле было прекрасно, но мне понадобится много времени, чтобы по-настоящему это осознать.

Он не смог удержаться, перебил её, хотя понимал, как важно было просто послушать, дать человеку выговориться.

— Пстой-пстой, опять что-то новое. Вот то: для памяти и для души, я усвоил, а здесь...

— Ладно, — улыбнулась она. — Придётся начать издалека. Залезем в меня поглубже. Мои родители — люди вполне обеспеченные. Прекрасная трёхкомнатная квартира в центре, элитная дачка. Брат и сестра прекрасно устроены, я у них младшенькая, самая любимая. Была я примерная, послушная, во всём отличница — и вдруг оказалась на обочине. Они давили на меня, мне захотелось свободы, самостоятельности. Остальное ты уже знаешь. Там отлаженный конвейер по воспитанию внуков и внучек, а с моей стороны никого нет. Конечно, по всем статьям я должна к ним вернуться и вместо зарабатывания денег, которых, как известно, всех не заработаешь, заняться поисками подходящего мужа. Все так делают, зачем я пытаюсь изобрести велосипед? Теперь я поняла, что причина во мне, а не в моих родителях. Это уже мой собственный максимализм. Я слишком высоко подняла планку. Которую, наоборот, с каждым годом надо опускать всё ниже и ниже: моложе я не становлюсь. Один пример, вот только я боюсь, что после него ты станешь считать меня шизофреничкой: как я уже тебе говорила, у меня полный отчёт по каждой поездочке, но... там нет и следа тех мужчин, с которыми я была вместе. Я постепенно память о них уничтожаю. Сначала эта фотография показалась неудачной, затем другая, вот этот кадр на DVD — Господи, как легко, один щелчок мышки на компьютере! Как ты считаешь, такое нормально?

— В смысле психики — да. А в остальном — прокрустово ложе.

— Ну уж скорее наоборот, — фыркнула она. — Всё сплошь недомерки.

— Конечно, — не согласился он, — если голову да ноги отсечь — не просто недомерки, полные уроды получаются.

— Так куда же мне теперь? К родителям под крылышко или и дальше — «с песней по жизни»?

— Не знаю, — покачал он головой, — на мой взгляд, тут многое от жира. Другим бы твои проблемы!

Она отвернулась к иллюминатору.

— Кто бы говорил! Ты знаешь, мне на какой-то момент показалось, что в этой поездке мы душами поменялись. С самого начала ты буквально доставал меня своими разговорами о какой-то необыкновенной, вечной любви, об общечеловеческих идеалах, но вовсе не тем, что я твоих взглядов не разделяла: это были мои взгляды, мои мысли. И что же теперь? Ты такой трезвенький, такой реалист. Так степенно, так умудрённо о тех же самых вещах рассуждаешь. Создаётся впечатление, что ты уже там, в Москве, убедил себя, а поездочка была чисто формальной?

Она бросила взгляд на стоявшие перед ней часы.

— Ладно, во всех случаях они твои. Считаю, что ты выиграл. Последний вопрос: ты так и не расскажешь, что написал Джульетте в том письме?

Он медленно покачал головой.

— Нет, не обижайся, это уж совсем интимно. Просто рассказал ей о своей жизни, и больше ничего. Бывает так — много людей вокруг, а поделиться самым сокровенным не с кем. Но я не один такой. Зачем бы люди иначе стали к ней обращаться?

Она удивлённо вскинула на него глаза, совершенно ошарашенная:

— Не верю. Чтобы ты — такой рационалист, расчётливый до мелочей, математик, вдруг решил душу раскрыть какому-то вымышленному персонажу. Выходит что-то одно: либо ты притворялся, либо я вообще ничего не понимаю в людях.

Он вздохнул, усмехнувшись:

— Да, я действительно так ни разу не поступал, ну и что? Знаешь, я очень изменился в последнее время, а эта поездка довершила процесс. Я вдруг понял: что я теряю, даже если в неверную сторону пойду? Всё равно к себе самому вернусь. Вот ты постоянно твердишь: мечта, сказка. То, что мы видели, чистойшей воды мечта. Что бы случилось с этими ребятами — Р + Д, если бы не досадная случайность? О них просто никто бы никогда не узнал. Для меня теперь в любви только один критерий — счастье. Всё остальное, как я тебе уже говорил, у меня было.

Она пододвинула к нему часы. Он взял их, подержал некоторое время в руках, вроде как внимательно рассматривая, а на самом деле искоса наблюдая за её реакцией, затем со вздохом убрал всю «правду и любовь» в кейс:

— Что ж, я уже сказал тебе: не откажусь.

Это я! Милан, Верона, Флоренция, Рим, Италия... Интересно, ты вообще хоть что-нибудь помнишь из той поездки? Во всяком случае, наверное, не меня!

Вот здесь я живу. Я не хочу, чтобы перед тобой постоянно маячила только одна моя физиономия, поэтому буду перемещаться, показывать тебе интерьер, стараясь по возможности, как в кино, не выходить из кадра.

Не знаю, пошлю ли я тебе этот диск, не думаю, чтобы это было очень удачной мыслью. Но я только что пришла со спектакля, который мы тогда так и не посмотрели в Вероне, и настолько потрясена, что не могу заснуть.

Помнишь «Гоголя»? Я подарила ему цветы, когда они все вышли раскланиваться, он узнал меня, мы потом немного поговорили. Он спрашивал о тебе, я сказала, что у тебя всё в порядке, просто допоздна лекции, поэтому ты и не пришёл. У них везенье пока продолжается, «прима» и дальше крутит своему неожиданному спонсору мозги и от ребят не уходит. Они даже получили какой-то там «оф» в Авиньоне, то есть в основной программе не участвовали, но чем-то их всё-таки наградили. Честно говоря, я думала, что ты не упустишь такую возможность: они специально устроили этот спектакль после своего приезда, хоть и не сезон, ребята выкладывались на полную катушку. Я даже плакала. Подожди, у меня до сих пор глаза на мокром месте, пойду хоть чуть-чуть их подправлю.

Ну вот, теперь всё в порядке, можно продолжать.

Меня даже звали на «междусобойчик», но я отказалась. Постеснялась, наверное. Хотя обычно стеснительной меня никак не назовёшь. Зря, конечно, не пошла, всё равно бессонница.

В моей жизни много перемен. Если они тебе неинтересны, просто прокрути диск дальше. Я всё-таки осуществила свою мечту: занимаюсь теперь женской одеждой, взяла в аренду небольшой павильончик, наладила связи с поставщиками. Но и прежний бизнес не бросаю — страшновато, не знаю, как пойдут на новом месте дела. Конечно, в полном раздрае, ни за чем не могу уследить, девчонки пользуются моментом, обкрадывают меня безбожно, мечтают вообще вытеснить из нашей клетушки.

Всё, куда отбегать больше не буду, так и смотри на меня, зарёванную, что ж, ты меня всякой видел.

Что ещё? Разрушилась моя сказка. Не знаю, когда соберусь теперь в новую поездку, и настроение ни к чёрту, и с работой дело пока ещё далеко от того, чтобы быть в полном ажуре.

Иногда, в качестве утешения, пересматриваю фотографии, плёнки из своего «архива». Вот только до Италии никак руки не дойдут. Но дойдут когда-нибудь.

Вот и всё. Не понимаю, как так получилось, но я думала, что мне десяти дисков не хватит для этого разговора с тобой, а уложилась буквально в пять минут. Что ещё? Вспоминаю те наши «часики», надеюсь, ты их не выбросил как безнадёжный хлам? Мне они очень дороги, если эта премиленькая вещица вдруг станет тебе не нужна, только позвони, я тут же примчусь за ней на крыльях ветра.

Нет, я вовсе не о том, что обмен был неравноценен, вовсе не прошу «игрушку» обратно. Но вдруг?..

Ладно, теперь действительно всё, пора закругляться.

У меня, конечно, есть твой адрес и номер твоего телефона (помнишь, как полезно дружить с руководительницами?), но я подумала: что можно сказать по телефону? Обменяться какими-нибудь дежурными фразами? И что потом?

Наверное, то же, что и сейчас. И что можно вообще сказать по этому поводу? Не там предохранялась? Как видишь, я даже усвоила твой чёрный юмор.

Что ещё я могу тебе сказать? Часто представляю себе одну и ту же картину: ты и молоденькая студенточка, которая пришла к тебе пересдавать зачёт. А может, она давно уже на кухне, готовит тебе ужин? Или, что ещё хуже, вернулась та прежняя, «многоопытная». А может, она никогда и не уходила?

Как видишь, мой ужасный характер не стал лучше.

«В последних строках» моих каракулей, точнее, карканий... «А напоследок вам скажу...»

Всё хочу написать письмо Джульетте (кстати, как там с ответом, ты не зря потратил свои денежки?), но, боюсь, она меня не поймёт. Их с Ромео чужие зависть, ненависть разлучили, а что разлучило нас?

9

Дорогая Джульетта!

Когда я узнал, что неизлечимо болен, я подумал: «Что я не успел сделать в своей жизни? О чём я мечтал и чего мне всегда в ней недоставало?» Пожалуй, только одного — Большой, я бы сказал даже — Великой, Любви.

И тогда я решил во что бы то ни стало посетить город, который считается Меккой влюблённых — Верону, чтобы своими глазами увидеть столь памятные для всех, «кто верит и любит», места.

Наверно, это можно объяснить только чудом, но мне повезло: я нашёл здесь всё то, что искал, так что поездка моя оказалась не напрасной.

Я видел девушку необычайной красоты, которая до конца дней моих останется для меня твоим символом. Она была так грациозна, весела, обаятельна, что я даже удивлялся, что столько людей проходило мимо, не замечая её.

Я посетил все памятные места, связанные с вашей прекрасной любовью — твоей и Ромео.

Я вглядывался в толпы людей, съехавшихся со всего мира, чтобы поклониться вам, их одухотворённые, счастливые лица, и сам был от этого необыкновенно счастлив.

Но мне повезло вдвойне: здесь, в нескольких тысячах километров от России, я встретил любовь, о которой грезил когда-то, но уже разуверился найти.

Что я могу сказать о моей Джульетте?

Она совершенно обыкновенна и вовсе не является эталоном красоты.

Очень любит наряжаться, хотя ей это явно не по средствам.

Умна, язвительна и в то же время беззащитна, легко ранима.

У неё уйма энергии, которую она порой не знает куда деть.

Необычайно ревнива: ту Джульетту, которую я ей показал, она буквально возненавидела.

Всю поездку мы скрывали, как могли, наше чувство, отгораживаясь друг от друга шуточками, пустыми, ничего не значащими словами, глубокомысленными разговорами о местных достопримечательностях. Мы стали физически близки в первую же ночь нашего знакомства, но это тот же занавес, как и всё остальное.

Завтра последний день нашего пребывания в Италии, потом мы сядем в самолёт и не увидимся больше никогда.

Зачем я пишу тебе? С одной только просьбой: чтобы ты переправила это письмо моей возлюбленной. Хочется, чтобы она знала, как она прекрасна, как достойна Большого Чувства, что счастье непременно ждёт её впереди.

Пойми меня правильно: сам я не могу этого сделать. Не хочу, чтобы она видела меня лысым, высохшим, сморщенным, как мумия, — ей так нравились, к примеру, мои волнистые волосы! Да, да, я хочу навсегда остаться в её памяти таким, каким она любила меня. Таким, каким любил её я. Так что сделай это после моей смерти.

Прощайте все трое: ты, моя любимая и та прекрасная девушка, которую я видел в Вероне, в тенистом дворике. Жизнь удивительно хороша. И есть лишь одна вещь сильнее смерти — Любовь. Она не проходит.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Меня зовут Ольга, Ольга Николаева. Мы с моим мужем Владимиром уже много лет являемся членами Клуба Джульетты, представляем здесь, в Вероне, его российский филиал. Трудно описать нашу радость, когда мы узнали, что в этом году один из призов «Дорогая Джульетта» получило письмо автора из нашей далёкой, снежной Москвы. Теперь, когда вы ознакомились с его текстом, вам ясно, почему мы так необычно подошли к его презентации. Понятен и этот портрет, вывешенный на самом видном месте, и наши голоса, звучавшие отстранённо, как бы за кадром. Владимир читал на языке оригинала, я, в меру своих способностей, переводила на итальянский. Надо

сказать, что мы с самого начала были поставлены в тупик необычностью этого послания и поэтому решили поступить так, как мы обычно не делаем: разыскать его отправителя. Мы нашли его в больнице, дело обстояло в точности так, как он описал в своём письме. Напоследок наш герой попросил передать своей возлюбленной вот эту вещицу. На первый взгляд в ней нет ничего особенного. Обыкновенные песочные часы — сувенир, который вы можете купить без труда здесь, в Италии, где угодно. Но продавец при продаже сказал, что это часы любви, часы правды. Эта вещица, столь импульсивно купленная нашей героиней, очень помогла нашим героям: когда они хотели узнать что-нибудь побольше друг о друге, они ставили её на стол и говорили только правду. Героиня подарила этот сувенир герою при расставании, сегодня мы его ей, по просьбе нашего лауреата, возвращаем. Но сначала подведём итог нашим изысканиям. Конечно, желание автора — закон. Но Джульетта не была бы Джульеттой, если бы не поступила по-своему: она не захотела ждать трагической развязки, она попросила нас передать письмо по назначению как можно скорее. Героиня, получив его, не раздумывала ни секунды, она забросила все свои дела, поставив себе целью во что бы то ни стало спасти своего возлюбленного. Сегодня они здесь, вместе, надежда на спасение столь же слаба, как и вначале, — не будем вас обнадеживать, но наши герои борются, они не сдаются. И мы, от своего и вашего имени, хотим пожелать им удачи. Нам хотелось бы проявить деликатность и поставить на усмотрение сегодняшнего лауреата, показаться ему или нет вам в том виде, в котором он сейчас, после долгого и не законченного ещё лечения, оказался. Итак? Да, вот они, наши герои, поаплодируем им и, главное, пожелаем им ещё и ещё раз удачи. Счастье и любовь у них уже есть.

Он глубоко вздохнул и опёрся на её руку:

— Ну что, встаём?

Она кивнула.

Он усмехнулся:

— Как жаль, что никто не снимает нас сейчас на видео. Такой триумфальный момент.

Она ехидно поджала губы.

— Не беспокойся, об этом я уже позаботилась.

Они со слезами на глазах принимали аплодисменты в свой адрес.

Ольгу Николаеву сменила Джованна Тамассиа, дочь председателя Клуба Джульетты Джулио Тамассиа.

— Дорогие друзья! Нас буквально потрясла судьба двух влюблённых из далёкой России, и мы рады сообщить вам, что администрацией Дома Джульетты они приглашены пройти церемонию Обета Любви. И, разумеется, от лица нашего Клуба мы ещё раз хотим пожелать им удачи и чуда, если ничто другое не в состоянии им больше помочь. И ещё одна новость: подружкой невесты на этой церемонии мы упросили стать Джульетту № 2 из письма нашего победителя. Просьба посмотреть на экран.

Она тихо прошептала, когда они уселись на свои места обратно:

— Хорошо хоть я вырезала начало. Интересно, как она поступит, останется ли верной себе?

Он усмехнулся и кивнул в ответ.

Между тем Джованна продолжила:

— Ну а теперь встречайте — Джульетта из тенистого дворика! Я удивляюсь, как этой девушке удавалось столь долго скрывать свою необыкновенную красоту. Мы решили восполнить этот пробел и предоставляем вам возможность сравнить подлинник с тем, что вы видели только что на экране.

— Ну всё, — вздохнул он. — Время нашего триумфа истекло. Теперь появилась новая героиня. Но надо отдать ей должное — сегодня она чудо как хороша.

Весь зал был действительно поражён красотой девушки, появившейся на сцене. Защёлкали фотоаппараты, застрекотали кино- и видеокамеры.

Она кивнула:

— Да, эта девочка пришла надолго.

Он покачал головой.

— Неужели она всё-таки позволит сегодня себя снимать бесплатно, не сделает свой знаменитый жест, не пошевелит двумя пальчиками?

Она отвернулась, уткнулась в его плечо и тихо прошептала:

— А знаешь, даже сейчас я тебя просто безумно ревную к ней.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Александр ДУДКИНУ — 60!

У каждого номера нашего ежегодника — своё пространство, свой «воздух»... И это воздушное пространство во многом создаётся трудом дизайнера. Но разве можно работу Александра Дудкина определить лишь техническим диапазоном? В своих композициях он достигает настоящей художественности. В строгих границах фотоотпечатка умещает и утренний туман, окутавший русскую деревню, и каменное молчание древнего города... При своём высочайшем профессионализме фотограф не чурается обыденной работы, чернового подготовительного труда, почти незаметного читателю. А ведь без этого труда альманах не обрёл бы своей неповторимости.

Дорогой Александр Михайлович! В год юбилея желаем Вам новых творческих открытий. Пусть не иссякает Ваша мощь: ведь Вы, словно легендарный Атлант, держите на своих плечах книжный космос «Коломенского альманаха»!

Коллектив редакции

Юрий БАРАНОВ

Юрий Константинович Баранов родился в 1933 году. До тридцати четырёх лет работал инженером-оборонщиком. В 60-е годы XX столетия стал профессиональным журналистом, работал в газете «Труд», в ТАСС, в «Экономической газете», в подмосковной прессе. Автор нескольких повестей, рассказов, шести поэтических книг.

Секретарь правления Союза писателей России.

Публиковался в «Коломенском альманахе».

Повесть печатается в журнальном варианте.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ШАНХАЙСКИЕ ИСТОРИИ

За десять лет до того как я принялся писать эту повесть, я опубликовал в газете «Подмосковье» заметку под заголовком «Новости из Шанхая». По жанру — зарисовка нравов. Её героями стали несколько жителей небольшого подмосковного посёлка (Копытин, Савельев, Крымов, Давлетшина), за которыми стояли конкретные прототипы, реальные лица. Зашифровать их фамилии пришлось потому, что факты, имевшие место в действительности, я изложил протоколно-точно. Оставь я подлинные имена, получилось бы неловко: ведь я не спрашивал у «Крымова» разрешения описать в газете его конфликт с начальством из-за «самозахватного» огорода, а у «Савельева» — его расправу с вором...

Автор

Утопление черносотенных кирпичей

Любую точку земного шара можно определить по-разному, в зависимости от того, откуда и чьими глазами смотреть. Мы считаем, что от нашего Посёлка № 2 недалеко платформа Товарищ. Дачники и прочие приезжие полагают, что Посёлок № 2 недалеко от платформы Товарищ. Дачников у нас немало, потому что мы не так далеко от Москвы. Правда, и не очень много: мы на краю дачной зоны, Россия совсем рядом. У нас, когда находятся на платформе Товарищ, так и говорят: Москва — налево, Россия — направо.

При таком рассуждении мы-то кто, мы-то где? Получается — не в России, так, что ли?

Раньше Посёлок №2 и платформа Товарищ назывались иначе: село Троцкое и платформа Благодать. Поэтому не обойтись без истории. Сначала о селе. Название его — не Троицкое, как пишут в краеведческих путеводителях, а Троцкое, потому как здешних помещиков фамилия была — Троцкие.

Троцкие отличались умом и редкой среди русских дворян способностью считать деньги: они раньше других окрестных помещиков осознали, что здесь лучше ставить мужиков на оброк, а не на барщину. И при умных барах мужики у нас отличались хваткой да смёткой — и сами неплохо жили, и господ кормили очень даже хорошо.

Ещё соображение: Белокаменная недалеко. Значит, туда можно товар возить. Какой товар? Не пшеницу же, которая у нас почти не родится, и не кукурузу, которая даже при полоумном Никитке Хрущёве не росла. Значит, надо овощи возить. И стали наши мужики огородниками, да такими, что гремели на пол-России. Особенно прославился здешний лук. Отличался он особой лёжкостью, его можно было подолгу хранить и на дальние расстояния перевозить. И у себя на подворьях мужики научились делать такие хранилища, что могли привезти на рынок свежайший товар в любое время года.

Неудивительно, что из нашего села вышло много купцов, из которых иные стали крупными воротилами. Савельев говорит, что если бы вели такую статистику да составляли такой рейтинг, наше село заняло бы почётное место в истории экономики, в истории российского бизнеса. Но у нас такой статистики не ведётся. Такие рейтинги не составляются. Наших Троцких ни в одном учебнике не найдёшь.

А жаль. Баре они были хорошие. Их мужики никогда не обижали: ни в Пугачёвщину, ни в реформу Царя-Освободителя, ни в Смуту 1905 года. Им, Троцким, никто ничего дурного не сделал, когда они срочно эмигрировали вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Говорят даже, что они уехали чуть ли не день в день с этим, как писали в учебниках, величайшим историческим событием XX века. Выходит, замыслили они отъезд ещё до того, ещё при Временном правительстве, а может быть, и сразу после Февральской революции. А задержка вызывалась, как говорят, делами денежными. В одной мемуарной книжке мне удалось найти беглое упоминание о том, что в 1914 году, в начале мировой войны, Троцкие вняли призыву царя Николая II и перевели все свои деньги из иностранных банков в Россию — так поступили тогда если не все, то очень и очень многие богатые русские люди. А после Февральской революции, когда в стране началась анархия и убожество «временных» стало ясно всем, кроме интеллигентов-психопатов, Троцкие перед собой поставили противоположную задачу — вывезти ценности из России куда-нибудь в безопасную за границу. Говорят, им удалось обратить бумажные деньги в брильянты и, что было умнее всего, в какие-то особо важные исторические рукописи. Продав эти документы, они смогли сравнительно безбедно прожить первые, самые тяжёлые годы на чужбине. А у нас даже при комбеде вспоминали своих помещиков добрым

словом. И никто не связывал их с товарищем Троцким, который делал революцию и Гражданскую войну, разъезжал на спецпоезде и расстреливал всех кого ни попадя.

Но из-за совпадения фамилий пришла первая беда в самом начале Гражданской войны. Налетели белые, спрашивают: почему вы, сволочи, назвали своё село именем главного красно-жидовского вождя? Почему в его честь церковь воздвигли? Там на доске, мол, так и написано. Учитель тут был, старый уважаемый человек, он объясняет: мы, мол, никакого отношения к Лейбе Давидовичу не имеем. Троцкими здешних помещиков звали, а красный-то Троцкий, надо бы вам знать, вовсе и не Троцкий, а самый что ни на есть Бронштейн. Вежливо, спокойно так всё объяснил, да офицеры оказались то ли пьяными, то ли кокаину нанюхавшимися — зарубили шашками учителя, перестреляли кто рядом оказался, а церковь взорвали: не бывать, кричали, на русской земле жидовскому храму. Так вот с тех пор и нет у нас церкви. Наш посёлок, говорит Копытин, записать бы в Книгу Гиннеса: только у нас церковь белые взорвали назло красным, а не наоборот.

Потом, когда советская власть утвердилась, приезжали в село (впрочем, какое ж это село, если церкви нет?) ответственные начальники и велели назвать его именем красного героя-командира товарища Муравьёва. А через месяц нарочный скачет из Кремля: товарищ Муравьёв оказался изменником, вертай старое название. Старое, да на новый лад — будете называться так: Посёлок имени председателя Реввоенсовета Республики товарища Л.Д. Троцкого. Мужики только посмеивались: последнего помещика звали Леонтий Дмитриевич. И памятная-то доска на взорванной церкви означала, что на его, Л.Д. Троцкого, средства был перестроен наш храм.

А под Новый, 1928 год прибыла из Москвы комиссия: левый уклон разгромлен, а вы, сволочи, до каких пор будете носить чёрное имя мерзавца товарища иудушки Троцкого? Надо переименовать вашу дыру и назвать её так: Посёлок имени верного ленинца товарища Николая Ивановича Бухарина. Был тогда в здешней школе учитель — безногий, воевал в Первой конной армии товарища Будённого. Он говорит: а стоит ли историческое название менять? Люди привыкли — Троцкое так Троцкое. Реввоенсовет с печати соскребём, и все дела... Комиссия забрала учителя как злостного троцкиста, мечтающего восстановить капиталистический и помещичий строй. Загнали его куда-то в Сибирь, где он, будённыйский ветеран, и сгинул. Заодно вместе с учителем арестовали тогда пять человек.

Ещё больше народу арестовали через год, в двадцать девятом, когда разгромили правый уклон и попёрли из Политбюро верного ленинца товарища Бухарина, гнусное имя которого еле-еле успел поносить наш посёлок.

Когда гнусное имя верного ленинца товарища Бухарина стёрли с нашей вывески, нового временно не дали. Не до того было. Началась коллективизация. И тут мужикам, можно сказать, повезло. Нигде в списках безымянный посёлок не значился, поэтому развёрстки по кулакам и подкулачникам сюда не спустили. И если в соседних деревнях и сёлах по-

гром был страшный, то здесь почти никого не забрали. Ну, не больше десяти человек, что по меркам русских деревень репрессиями и не считается.

Словом, ужасы коллективизации, считай, обошли посёлок стороной. Но как раз в то время мы обрели новое и, как оказалось, постоянное название. Дело в том, что неподалёку отсюда, за соседним селом Рождественским, развернулось строительство канала Москва—Волга с водохранилищем. Вот тогда наш временно безымянный посёлок назвали Посёлком № 2 (много таких номерных населённых пунктов появилось вдоль трассы канала). Копытин считает также, что в названии нашего посёлка скрыт глубокий намёк или даже философский смысл. Дескать, все вы тут — люди второго сорта. И это лишь с первого взгляда ерунда. Факты полностью подтверждают данную версию.

А теперь о названии железнодорожной платформы. Оно тоже менялось. Легенда гласит, что когда открылось движение по линии Москва—ЮБЛО, то есть Южный Берег Ледовитого Океана, в первом же поезде совершил поездку сам государь император Александр III. Проезжая нашу местность, он будто бы взглянул в окно и воскликнул: «Благодать!» Сопровождавший царя министр граф Витте велел на этом месте построить платформу, а рядом — памятную часовню. Платформу так и назвали: *Благодать*. Для жителей нашего села это была большая удача. Тут время сказать, что село (ныне посёлок) от «железки» отделяет широкая полоса исключительно, необычайно красивого, особо ценного леса, с незапамятных времён имеющего статус заповедной зоны, и болото. Мужики быстренько протоптали дорожку через лес, а на болоте поставили мостки на сваях. Кроме нашей лесной дорожки к платформе ничего не подходило: с другой стороны «железки» в те времена здесь простирались одни болота.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции около нашей Благодати остановился знаменитый спецпоезд председателя Реввоенсовета Республики товарища Льва Давидовича Троцкого. Звероподобные латыши в чёрной коже и с маузерами прошли по единственной дорожке, отходившей от платформы, и обнаружили наше село. Угрожая оружием, народ погнали на митинг. Товарищ Троцкий произнёс краткую речь и велел разрушить часовню, поставленную в память о кровожадном и реакционном царе-черносотенце Александре III. Окончив речь, председатель Реввоенсовета Республики отёр лоб красным платком и махнул рукой: «Приступайте!» Наши селяне перетапывались в ожидании, потом дед Крымов буркнул: «Вам надо — вы и разрушайте...» Товарищ Троцкий изобразил полное изумление и обернулся к своему главному телохранителю, товарищу Эфраиму Дрейцеру, и другим мрачным товарищам, полукольцом стоявшим вокруг него: «Как? Здесь, в двух шагах от красной Москвы, ещё не выжгли контрреволюцию?» Товарищ Эфраим Дрейцер махнул рукой, деда Крымова схватили под руки, оттащили на пять шагов от толпы, и один из охранников председателя Реввоенсовета Республики, по виду китаец, застрелил его. «Так будет со всяким, кто станет на нашем пути, то есть на пути революционного народа!» — воскликнул

товарищ Троцкий. После этого никто уже не сопротивлялся, стали ломать часовню. Мужики хотели взять кирпичи (в хозяйстве, мол, пригодятся), но товарищ Троцкий не разрешил. «У тёмного элемента они могут стать предметом религиозного культа», — сказал он и велел утопить черносотенные кирпичи в болоте.

Что касается платформы, то родившаяся из восклицания государя императора Александра III «Благодать» новую власть, конечно, не устроила. Переименовывали село — переименовали и платформу. Сначала проезжавшие по линии Москва—ЮБЛО могли прочесть вывеску «Имени товарища Муравьёва», потом «Имени товарища Бухарина», а потом просто «Товарищ». Так оно и осталось, все привыкли и не возражают. Даже товарищ Горбачёв решил не восстанавливать историческое название. В самом деле, какая уж тут теперь благодать...

Шанхай

Шанхай возник на месте Свалки. А свалку сделали возле нашего посёлка в самый разгар социализма. Почти вплитык к домам.

Нашу Свалку начали возводить на месте Хороводного луга. Так ещё в царское время называлась огромная лужайка за барским домом, где молодёжь водила хороводы. А господа с веранды второго этажа любили на них смотреть. Совсем как Тургенев — поясняет Савельев: Иван-то Сергеевич, как приезжал в Спасское-Лутовиново на побывку из Парижа, распоряжался сгонять крепостных парней да девок, чтоб они водили хороводы под его окнами. Любовался и приговаривал: это вам не Буа-де-Булонь! А после революции хороводы у нас водить престали: велено было избавляться от пережитков.

Очень быстро Хороводный луг превратился в мусорный холм, и машинам стало трудно въезжать на него. Они начали ссыпать свой зловонный груз у его подножья, то есть Свалка стала разрастаться в сторону шоссе.

Много лет Свалка отравляла у нас воздух. Выросло целое поколение, которое не знало, как пахнут ландыши и парное молоко: всё было пропитано, как выражается Копытин, миазмами. В этом наш философ усматривает причину резкого роста пьянства при развитом социализме, готовом для перерастания в коммунизм. Когда же ему говорят, что пить стали больше не только у нас, но и в других местах, где помоечных миазмов не было, Копытин философски замечает: ерунда, они были повсюду. А прекратилось пополнение нашей Свалки совершенно внезапно. Копытин говорит, что уже много позже он догадался: это означало, что социализм пошёл на убыль. Но тогда, самокритично признаёт наш философ, этого не понял даже он. Как и начало Свалки, так и её конец мужики восприняли как очередное сотрясение природы: вдруг перестали заезжать к нам машины с мусором, и всё.

Вскоре после этого пришло разрешение разделить территорию Свалки между жителями посёлка на участки для ведения подсобного хозяйства. Это было начало Шанхая, хотя тогда никто и слова такого не употреблял.

Надо ли добавлять, что никакой помощи народу в превращении Свалки в цветущую землю власти не оказали. Мужики сами ишачили, как черти, никого подгонять не надо было. Каждый знал: чем сильнее ты будешь жилы рвать, тем скорее твой участок перестанет вонять и начнёт благоухать окультуренной, возделанной землёй и всем, что на ней произрастает. Как радовались люди, когда дурные запахи городских отходов стали отступать, а потом и вовсе выветрились! Ей-богу, взрослые мужики радовались, как дети.

Напоминаю: Шанхай возник на месте нашей Свалки, когда пришло разрешение разделить её на участки для ведения подсобного хозяйства. Заметьте — не для сада-огорода, а именно для подсобного хозяйства. Эта разница имела огромное значение в советские времена. Во саду-огороде можно было ставить только неотапливаемое лёгкое небольшое строение. В то же время на участке для подсобного хозяйства можно было строить хоть из кирпича: предполагалось, что это как бы тёплый хлев для скотины, в котором она будет жить круглогодично.

Тут надо сказать, что возможность построить хороший домик (якобы для скотины) и в какой-то степени вырваться из малогабаритной кубатуры хрущоб особенно притягивала мужиков к Шанхаю.

Я считаю, что Шанхай в какой-то степени восстановил деревенский образ жизни. Потому что здесь всё видно. В пятиэтажке, приперев задницей дверь и не впуская соседа, можно наврать, что тёща слегла или что дочка уроки делает. А в Шанхае все обычно на участках, и если даже не работают, то сидят не под крышей, а снаружи.

Как я уже говорил, Шанхай появился на закате социализма, но никто ещё не знал, что это закат. И тогда мужики видели в нём прежде всего возможность зажечь посвободнее, нежели в хрущобах, а участки шанхайские считали делом хоть и хорошим, но второстепенным. Вскоре, однако, всё кругом стало рушиться. Сначала на нашем сельхозпредприятии закрыли цех переработки сельхозпродукции. Это затронуло немногих, но потом прекратил существование ещё один цех, где из отходов делали корма для животных. Затем ликвидировали ферму. А потом рухнуло всё сельхозпредприятие. Как ни странно, даже это не осознавалось многими как катастрофа: дескать, перебьёмся, работая на стороне. И вдруг остановился некогда прославленный, получавший в царское время золотые медали на парижских выставках, позднее флагман советского Легпрома текстильный комбинат в райцентре (это от нас две остановки на электричке). А там работало много женщин из нашего посёлка, особенно молодых, которые не хотели «пачкаться в навозе». Следом закрылись железнодорожные мастерские, где работали многие мужчины. Наконец, прекратил существование «за ненадобностью» оборонный «почтовый ящик», расположенный в лесочке у райцентра, где тоже многие наши работали. И в последние годы XX века перед мужиками встал вопрос о том, чтобы не умереть с голоду. Не — как жить, а — как не умереть.

Коснулась эта проблема и тех, кто работал и жил где-то далеко. После самоубийства СССР вернулись в Посёлок местные уроженцы-офицеры, вернулись жёны, изгнанные мужьями-инородцами из бывших братских республик. Вернулись многие, работавшие в Москве. Все эти люди оказа-

лись, грубо говоря, на мели. Вот тут-то Шанхай и повернулся, можно сказать, спасительной стороной.

Некоторые, правда, решили, что Шанхай даёт полную свободу, но их поставили на место. Вот, например, что произошло с отцом нашего Савельева, ныне покойным. Он был, царство ему небесное, заядлым рыбаком, но в старости у него постоянно болели ноги, ходить стало затруднительно, и он решил хоть как-то утешиться, заведя рыбалку на своём шанхайском участке. Чуть ли не четверть территории он отвёл под пруд. С водой проблем не было: рядом ключ. Савельев-старший даже водоросли привёз, пересадил, запустил мальков и рыбёшек и, как дитя, радовался, глядя на своих питомцев. Радовался до того дня, пока не появился у него на участке милицейский офицер, лейтенант, и не приказал пруд засыпать. Почему, на каком основании — особо не объяснял. Низ-зя — и всё тут. Савельев отказался, тогда лейтенант, наслаждаясь своей властью, пригрозил: сожри своих рыб сам, а пруд ликвидируй; не то я пригоню бульдозер, пруд засыплю вместе с живностью, ещё чего-нибудь по дороге поломаю. Назавтра Савельев поехал в район, но его даже не приняли, ссылаясь на то, что данный вопрос — в компетенции товарища, который сейчас в отпуске. Когда он вернулся домой, увидел шумное сборище возле своего участка. Лейтенант действительно пригнал бульдозер, но перед савельевским забором стеной стали Копытин, Крымов, Давлетшина и другие соседи, стали срамить лейтенанта и возмущаться его произволом. Офицер, однако, оставался непреклонным. Он составил протокол о сопротивлении действиям законной власти и сказал, что завтра приедет с ОМОНОм и уничтожит, как он выразился, гнездо частного производства.

— Много на себя берёте, — злобно шипел лейтенант, — я вам не позволю капитализм разводить.

Тут как раз подоспел хозяин участка.

— Слушай, лейтенант, — сказал Савельев миролюбиво, всё ещё надеясь на благополучный исход, — почему коз или поросят можно разводить, а рыб нельзя? Скажи, в каком законе это написано?

— Для тебя, мужик, закон — это я, больше тебе ничего знать не положено, — отрезал лейтенант.

Многие наши тогда его видели впервые, и Копытин спросил: а как твоя фамилия?

— Молдавченко, — отдельно произнёс враг народа. — Советую всем запомнить.

— Я хорошо запомнил, — в тон ему отозвался Копытин, — так хорошо, что ты даже не представляешь.

— Это что, угроза? — ощерился лейтенант. — Кому грозишь, кулацкий защитник? Советской власти?

— Будь ты проклят! — вдруг неожиданно для всех выкрикнула обычно сдержанная Давлетшина. — Да не будет счастья в доме твоём!

И так это она произнесла, что даже наглый мент не нашёлся, чем ответить. В результате Савельев предпочёл своими руками ликвидировать пруд. Сын его, наш нынешний Савельев, тогда был в длительной командировке за границей. После этой истории Савельев-старший вскоре занемог и умер. Общее мнение было такое, что доконала его обида...

Я уже говорил, что шанхайские участки, в общем-то небольшие, оказались очень полезными, когда стало ясно, что кормиться придётся теперь практически только с огородов. А дальние огороды оказались, как выражается Копытин, под прицелом *демократии*, то есть *воров*. Стали, так сказать, зоной рискованного земледелия, но не в климатически-географическом смысле, а в уголовно-организационном: в любой момент ваш урожай мог кто-то снять.

Кроме того, надо сказать, что после горбачёвско-ельцинского погрома роль дачников в нашей экономике существенно возросла. Некоторые семьи просто концы с концами не смогли бы свести, если бы не дачники. Так что возблагодарим Шанхай! И надо отдать справедливость Копытину: он первый нацелился на то, чтобы свою квартиру в хрущобе-пятиэтажке сдавать москвичам, а самому всё лето жить в Шанхае.

При этом Копытин и все мы, конечно, понимаем, что наши дачники — это люди определённого слоя. Как Савельев выражается, везунчики. Считающих каждую копейку инженеров или учителей среди них нет: наши цены им не по карману. Крутых тоже нет — крутые снимают не квартиры в пятиэтажках, а коттеджи. У нас проводят отпуска либо мелкие госслужащие, которым ещё не положена казённая дача, либо квалифицированные, хорошо зарабатывающие специалисты, либо те, кто получает подпитку от заграничных родственников. Встречаются среди наших постояльцев и скромные родители, которых стыдятся их детки, пошедшие наверх и снимающие дачу для «предков» у нас, подальше от своих летних резиденций. Ещё чаще у нас квартируют дубль-жёны с детьми, немало и просто странных личностей.

Савельев, Давлетшина и товарищ Пельше

Савельев любит посмеяться над наивностью и невежеством дачников. Помню забавный спор в то время, когда Савельев строил свой шанхайский дом. А строил он его позже других, вернувшись из длительной заграникомандировки. Савельев позвал кореша-экскаваторщика, и тот выкопал ему очень глубокий погреб. Конечно, у нас все, кроме пьяни, рыли погреба, но такого глубокого и обширного никто не делал. На вопрос одного дачника, который, гуляя, увидел стройку и поразился её масштабу, Савельев только усмехнулся: гарью пахнет. И пояснил: смекай, дело идёт к гражданской войне, может, она и не так будет называться, как та, послереволюционная, а терроризмом или ещё как, но в надёжном электроснабжении я не уверен. А столбы взорвут, напряжение отключат — и потекут холодильники. У меня же в погребе сало два года пролежит без всякой порчи.

Тут дачник (дело было при мне, я хорошо помню) имел глупость усомниться: мол, так уж два года и пролежит сало-то... По тому, какой взгляд метнул в него Савельев, я понял, что сейчас последует избиение младенцев. Надо заметить, что москвичи, за небольшим исключением, не знают и знать не хотят, кто сдаёт им дачи. Где-то внутри у них сидит убеждение, что копошащиеся на своих грядках мелкие людишки — беспросветная

темнота. Они не интересуются профессией своего квартирохозяина, полагая, видимо, что такой вопрос лишён смысла: селянин и есть селянин, иначе говоря — мужик он мужик и есть. При этом сами они ревниво отстаивают точность представлений о себе. Помню, Копытин как-то спросил одного такого типа, в чём заключается его работа. Тот начал что-то молоть о специализации в области координации, унификации и рационализации документооборота, на что Копытин сразу же сказал: ясно, бумажки перекладываете. И «специалист» жуть как обиделся.

И ещё, подметил Копытин, столичным жителям делается обидно, когда мужики обнаруживают какие-то знания, выходящие за пределы бытовых проблем посёлка. Так вот было и в разговоре москвича с Савельевым по поводу глубокого погреба и возможности сохранения там сала в течение двух лет. Усомнился дачник в такой способности простого погреба, и тогда Савельев его спросил: а как, по-вашему, доставляли в тот петербургский ресторан (Тальони, кажется), куда Пушкин хаживал, страсбургский пирог, устрицы или, к примеру, лимбургский сыр? В телегах, набитых льдом, дорогой мой. Ведь электрорефрижераторов ещё не было, а путь от Лимбурга до Петербурга неблизкий.

Дачник уловил слова из «Евгения Онегина» и воззрился на Савельева с изумлением. А чтобы показать своё превосходство, сказал — о да, Лимбург, я там был, это город в Западной Германии, недалеко от Бонна. На что Савельев, усмехнувшись, ответил:

— Да нет, вы назвали не тот адрес: сыр везли не из этого немецкого города, а из одноимённой голландской провинции Лимбург. Большие мастера по части сохранения продуктов были тогдашние купцы, и я считаю себя их потомком.

Я уже знал наизусть эту савельевскую провокацию и ждал, купится ли на неё этот москвич. Купился.

— Ну а я, — сказал он, — считаю себя потомком Пушкина, который ел деликатесы у Тальони!

— С какой стати? — с нескрываемой насмешкой спросил Савельев. — В тот ресторан многие ходили. Пушкин не только этим известен, он ещё писать умел...

Савельев может отбрить не хуже Копытина, недаром он его ученик и родич.

Теперь надо рассказать о Давлетшиной. Она не местная, они с мужем приехали к нам по распределению после института. Он — ветврач, она — учительница. Кто-то может подумать, что из дальних краёв они пробивались поближе к столице — да ничего подобного! Просились оставить их на родине, но — партия лучше знала, кого куда, так она ковала единый советский народ. Потом выяснилось, что на родину Давлетшиных послали ветврача родом из нашего посёлка — брата Кириянова. Два специалиста познакомились и обратились к начальству с просьбой поменять их местами. Лучше бы они этого не делали! Заявление двух ветеринаров каким-то образом попало в КПК (Комиссию партийного контроля), которую тогда возглавлял видный деятель Коммунистической партии и Советского государства товарищ Арвид Янович Пельше. И он решил устроить показательную порку двух, как он счёл, врагов пролетарского ин-

тернационализма. Комиссия партийного контроля была учреждением не менее грозным и всемогущим, чем КГБ, и к тому же более иезуитским. Там физических пыток не применяли, но душу выворачивали так, так в неё плевали, так глумились над личностью человека, что иные не только заболели после «товарищеских собеседований» с товарищем Пельше и его подручными, но и с ума сходили. Когда наших, то есть Давлетшина и Кирьянова, вызвали в Москву на заседание КПК, товарищ Пельше, взяв поначалу обманчиво-мягкий тон, почти ласково (как Ленин из какого-нибудь кинофильма для пионеров) спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Давлетшин, почему вам не нравится Подмосковьё?

— Помилуй Бог, — ответил тот, — оно мне очень нравится, но я хотел бы жить и работать на родине, среди людей, говорящих на моём родном языке...

— Но вы же отлично, без акцента, говорите на русском, который в нашей стране является языком межнационального общения, — прервал его товарищ Пельше, в голосе которого уже появилось немного металла.

Давлетшин, однако, не понял, куда он попал, и продолжил:

— Да, я хорошо говорю по-русски, но я хотел бы жить среди людей своей крови.

— Но почему, почему?! — товарищ Пельше всё наращивал экспрессию.

— Очень просто, — ответил Давлетшин, — потому что жить на родине — это нормально, и если есть возможность, нужно жить на родине.

В зале заседаний повисла напряжённая тишина. И тогда наш прямой и предельно честный Давлетшин, не только не чувствуя за собой никакой вины, но и будучи убеждённым в своей правоте, возьми да и скажи:

— Конечно, я сочувствую беженцам, которые вынуждены покидать родину, если там, допустим, пришла к власти шайка негодяев и жить стало невозможно; но я презираю тех, кто меняет страны ради более сытной жратвы...

Потом, вернувшись в Посёлок №2, он рассказывал мужикам, что имел в виду беженцев от Гитлера и начавшуюся в те, 60-е годы «колбасно-джинсовую» эмиграцию из СССР, но товарищ Пельше понял всё совершенно не так. Престарелый коммунистический вождь 1899 года рождения решил, что «подсудимый» намекает на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и термином «шайка негодяев» обозначил Владимира Ильича Ленина и его соратников. А слова ветеринара о презрении к едущим на чужбину ради сытой жизни он принял на свой счёт. В 1918-м товарищ Пельше в числе других латышской-наёмников приехал в Москву и поступил в ЧК к товарищу Дзержинскому. Там ему очень понравилось. Можно было сколько угодно бить, пытать и убивать русских. Волновали молодого чекиста все стадии его работы. С удовольствием обыскивал он молодых контрреволюционеров, заставлял раздеваться догола, чтобы осмотреть все детали туалета, дотошно ощупывал дрожащие от стыда, страха и отвращения девичьи тела, приговаривая: знаем-знаем, где вы прячете бриллианты, нажитые эксплуатацией трудящихся. Ну и расстреливать, конечно, любил, ох как любил! При этом не брезговал

самыми неприятными операциями, например, погрузкой трупов на фуры, а ведь от многих воняло — некоторые контрреволюционеры перед казнью от страха испражнялись прямо в штаны. Можно было даже испачкаться об этих русских свиней, что чистоплотному Арвиду Яновичу как представителю цивилизованной, почти западной латышской нации доставляло моральные страдания. Однако чего не сделаешь ради победы мировой революции!

Усердие товарища Пельше было замечено, он уверенно пошёл по карьерной лестнице вверх и поднялся на самый высший этаж коммунистического Олимпа — стал членом Политбюро ЦК КПСС. А теперь какой-то ничтожный сельский ветеринаришка намекает на то, что он из корыстных соображений приехал в Москву.

— Если ты метишь в меня, латыша по происхождению, — голос товарища Пельше гремел, — то ты оскорбляешь всех интернационалистов. У нас была одна корысть — мировая революция! Ты понял? Партбилет на стол и вон отсюда!

Потом товарищ Пельше повернулся к другому возмутителю спокойствия, Кирьянову: ну, а ты что скажешь в своё оправдание? Но второй ветеринар тоже не считал себя виновным и спокойно ответил: оправдываться мне не в чем, я полностью разделяю точку зрения уважаемого товарища Давлетшина.

— Не точку зрения, а взгляды, — взревел товарищ Пельше, — враждебные, националистические, а значит, антикоммунистические взгляды! Вот ты и сознался, Кирьянов, — если для тебя Давлетшин «уважаемый», значит, ты, он и тамбовский волк — одного поля ягоды! А теперь давай колись — давно ли тебя Давлетшин завербовал?

Кровь ударила в голову товарища Пельше, почудилось ему золотое время борьбы с контрреволюционными заговорами. Ах, с каким удовольствием он лично расстрелял бы этих мерзавцев-ветеринаров! Увы, пошли подлые, слюнявые времена, контру шлёпнуть нельзя... Товарищ Пельше схватился за сердце и осел в кресле. Помощники засуетились вокруг шефа, замахали руками Давлетшину и Кирьянову — уходите, уходите скорее! Помощники понимали, что за такое заявление, которое написали два сельских простака, по нынешним временам партбилеты не отнимешь, и воспользовались возможностью прекратить балаган. Тем более можно было с 99-процентной уверенностью предсказать, что Арвид Янович завтра и не вспомнит об этом деле — его склероз давно уже стал источником множества анекдотов во внутривнутрипартийной, вернее, во внутрицековской среде. В результате «на места» были отправлены довольно мягкие бумаги. Без всяких последствий и оргвыводов, так сказать, в порядке констатации Кирьянову пришили великодержавный шовинизм, а Давлетшину — буржуазный национализм, на просьбу поменяться местами работы ответили «низ-зя». На том дело и кончилось.

А товарищу Пельше, которого кремлёвские врачи уложили в постель после «стрессовой ситуации» на заседании КПК, чудилось, что он, раскрыв заговор ветеринаров, подавил очередной антикоммунистический мятеж. Невольно мысль его обратилась к прекрасной революционной эпохе, когда контра ежедневно поднимала голову то там, то здесь, а они,

верные стражи революции, ежедневно её давили. Вспомнился почему-то один эпизод ещё из тех времён, когда он состоял в охране председателя Реввоенсовета Республики товарища Троцкого (позднее влиятельный чекист-латыш товарищ Стырне подчистил бумаги своего земляка товарища Пельше и убрал из них упоминание о службе в личной охране товарища Троцкого). Так вот, вспомнил товарищ Пельше, как Лев Давидович Троцкий внезапно приказал остановить спецпоезд на каком-то полустанке, где ничего не было, кроме часовни. Видимо, он заинтересовался, почему она, как бельмо, торчит здесь, в пустынной местности, — слева от дороги сплошное болото, справа — сплошной лес. Товарищ Петерсон, командир спецпоезда, послал его, молодого тогда бойца, разузнать, почему она здесь построена. Товарищ Пельше побежал и прочёл на табличке, что часовня построена в память о проезде по сим благословенным местам государя императора Александра III. Когда об этом доложили товарищу Троцкому, тот ужасно разгневался и решил провести агитационно-политическое мероприятие среди местного населения. От платформы направо, в лес, отходила вымощенная досками дорожка, и группа бойцов, товарищ Пельше в том числе, отправились по ней искать местное население. Неподалёку обнаружилась деревня; мужики не хотели идти на митинг, пришлось применить силу. (Такие моменты товарищ Пельше тоже очень любил: сначала мужик хорохорится, но кольнёшь его легонечко штыком или просто направишь маузер на люльку с младенцем — делается как шёлковый! Многие товарищи говорили Арвиду Яновичу, что это поистине наслаждение — видеть, как судорога страха меняет лицо мужика, и он полностью разделял их мнение.) Тогда из деревни, что спряталась за лесом, пригнали к платформе человек тридцать-сорок. Товарищ Троцкий сказал прекрасную речь, но тупые русские мужики не вдохновились. Они даже отказались выполнить приказ председателя Реввоенсовета Республики разрушить отвратительный и безобразный символ уничтоженной старой России — часовню. Один из мужиков, какой-то тёмный бородач, посмел даже перечить самому товарищу Троцкому! Тогда товарищ Дрейцер велел его пристрелить, что и сделал, кажется, товарищ Пэнь. Как романтично всё это было! О, наивность юности, когда казалось — вот подавим ещё этот мятеж, вот перестреляем ещё этих заговорщиков — и грянет мировая революция! А теперь что за жизнь — парочку диссидентствующих ветеринаров расстрелять нельзя...

...После истории с вызовом в Москву, на заседание КПК, начальство со вздохом облегчения отпустило Кирьянова, когда он выразил желание завербоваться на Север. Там он поработал несколько лет, накопил денег, купил машину, вернулся в родные края и стал главным ветеринаром района. А Давлетшины прижились в Посёлке № 2, притёрлись, сроднились, стали совсем свои. Перед пенсией глава семьи умер, и Фаридовна уж никуда не уехала. У нас её очень уважают — почти вся молодёжь у неё училась, а училка она была любимая. В беседах с ней, как раньше в беседах с её супругом, Копытин любил вспоминать разбор «заговора ветеринаров» у товарища Пельше.

Когда стали давать шанхайские участки, с Давлетшиной вышла целая история. Директор упёрся и вычеркнул её из списков. Все у нас, конечно,

знали, в чём причина. Приезжала к Фаридовне погостить племянница, красотка редкостная, и запал на неё директорский сынок (парень, надо сказать, мерзкий). Предлагал жениться и подмосковную прописку, но красотка ни в какую: оставьте, говорит, меня в покое, и всё. Директор тогда к Давлетшиной в гости пришёл, хотя он никогда ни к кому не ходил, важный такой начальник, стал расспрашивать — почему, дескать, сыну моему отлуп, нет ли у девушки жениха, если же есть, может, он отступится, если, скажем, ему прописку московскую устроить. Фаридовна эти глупости быстро пресекла, директор ушёл злой. Вот после этого он и вычеркнул Давлетшину из шанхайских списков. Куда ей идти? Конечно, к Копытину, тем более они в давней дружбе состояли, и мужа её покойного наш философ очень уважал. Надо всё сделать за день-два, решил тогда Копытин, затынем — землю разделят, а директор вывернется, скажет: ошибочка вышла, извиняйте, но участков уже нет. А что вся история заварилась из-за слюнявого сынка директорского, мы не докажем, надо другую причину выставлять, лучше не бытовую, а политическую.

Копытин думал-думал и, допивая второй стакан чаю, придумал: «Поезжай-ка ты, Фаридовна, немедля в Москву. Там сейчас идёт Религиозный съезд, пробивайся к большому мулле или как он там называется — шейх, муфтий, — и жалуйся на религиозные гонения. Мол, обижают вдову-мусульманку. Я думаю, что он тут же выразит протест какому-нибудь большому попу, епископу или митрополиту, а они не потерпят дискриминации». Давлетшина засомневалась: вряд ли мне помогут, я ведь неверующая... «А ты не исповедуйся!» — напутствовал её Копытин и проводил на электричку. Признаюсь, я тогда не поверил в успех копытинского замысла, но, к счастью, оказался неправ. Буквально на утро следующего дня к нам в посёлок приехал начальник местной власти со всеми замами, мулла и два попа. Все они завалились в контору к директору, и тот оттуда вышел едва ли не на карачках. И теперь Давлетшина — соседка Савельева по Шанхаю.

Очень выручило её это соседство, когда полезли к Фаридовне вору. Савельев отсыпался после дежурства и не сразу расслышал чужие шаги. Но гагакнул гусь — и он сразу понял, что происходит (из ближайших соседей одна Фаридовна гусей держала). Савельев стрелял в темноте на звук и не промахнулся: недаром в спецназе служил. От выстрела проснулся Копытин и тут же включил мощную лампу у себя на столбе. Стало видно, что в сторону дороги, пригибаясь, как будто скрывая лица, бегут двое, волоча третьего — видимо, убитого выстрелом Савельева: волокли его за ноги, не обращая внимания, что голова бьётся о неровности почвы. Впрочем, он мог быть ещё жив, но сообщники ни за что не хотели оставлять его на месте преступления: они, судя по всему, были известными здесь и боялись опознания. Савельев трижды выстрелил им вслед. Тут же послышался шум отъезжающей машины — видимо, её подкатили с выключенным мотором поближе к Шанхаю. А через пару минут раздался взрыв, и над дорогой поднялось пламя. Хоронясь на всякий случай за кустами, Савельев подобрался поближе и увидел догорающий пикап. «Давайте-ка не будем подходить и следы оставлять», — посоветовал подошедший Копытин. Разбирая происшедшее, они пришли к выводу, что

Савельев, скорее всего, пробил колесо, и два вора сожгли машину с трупом третьего.

Наутро приехал наш старый друг лейтенант Голубцов из милиции и косвенно подтвердил эту версию: в том, что осталось от машины, он обнаружил сильно обгоревшие человеческие кости. На участке Давлетишиной возле птичьего вольера Савельев заметил следы крови, но не стал сообщать даже Голубцову. Самой Фаридовны не было: она на пару дней уехала к родственникам, поручив Савельеву приглядеть за её живностью. Следов того, как преступники волокли труп, не осталось: на рассвете прошумел сильный ливень.

А потом случилось одно дело, после которого Фаридовна сказала, что теперь-то уж точно никуда отсюда не уедет. Она слышала, как я со слов своей матери рассказывал о строительстве канала, в частности о том, что непривычные к холодам эски из южных республик СССР быстро замерзали, простужались и умирали; кроме того, они не имели опыта работы на лесоповале и нередко гибли под падающими деревьями. Маме довелось как-то слышать, что начальник строительства товарищ Коган пожаловался на это приехавшему с инспекцией начальнику ГУЛАГа товарищу Берману (тогда ещё никто не знал, что товарищ Коган окажется врагом народа и его посадят, а на его место пришлют товарища Бермана). Выслушав начальника строительства, товарищ Берман обещал улучшить состав контингента и пригнать, как он остроумно выразился, морозоустойчивых русаков с Вологды и с Перми. А вскоре после этой нашей беседы Фаридовна получила с родины письмо. Ей сообщили, что стала известной судьба её деда, арестованного в 1933 году. Он был хорошо известным во всей округе учёным, уважаемым человеком; незадолго до Первой мировой войны он совершил хадж — паломничество в Мекку. И вот теперь в архивах спецслужб нашлись документы, что он, оказывается, «был направлен на строительство канала Москва–Волга, где погиб в результате несчастного случая». И Фаридовна сказала мне: «Я сразу вспомнила рассказ твоей мамы и подумала, что, может, и деда моего задавило падающей сосной. Теперь я знаю, что где-то здесь его могила; значит, это и моя земля...»

Воры и воровки

Конечно, большая часть наших «воровских» историй связана с похищением урожая. Они похожи одна на другую, рассказывать о них не так интересно.

Довольно скоро на ближайших базарах распространилось мнение, что в Посёлок № 2 лучше не соваться. А после драки на рынке в райцентре уголовный элемент сообразил, что наших поселковых лучше не трогать нигде. Как ни странно, мне кажется, что желание оставить Посёлок № 2 в покое особенно окрепло даже не после мордобойно-кровавых инцидентов, а после истории с двумя воровками. Впрочем, чего тут странного: история эта показала, что против воров у нас встают не только крутые мужики, но и старые бабы.

...Тех двух воровок поймали женщины и, окружив кольцом, не дали вырваться и убежать. Если бы воровки покаялись или хотя бы притворились плачущими, их по вечной доброте наших людей скорее всего и отпустили бы, но они повели себя агрессивно и стали оскорблять хозяев: куркули, кулаки, лопнете от жадности и т.д. Особенно возмутили женщин слова воровок о том, что они голодают и приехали за картошкой и капустой, чтобы спасти от голодной смерти своих детей (именно приехали — они прикатали большую тележку, на которую грузили набитые мешки). Между тем это были пышущие здоровьем тётки, ухоженные куда лучше наших деревенских. Кроме того, обеих знали в лицо как постоянно торгующих на базаре в райцентре то яблоками, то пивом, то несъедобными пирожками. Кончилось дело тем, что воровок раздели догола, связали проволокой руки за спиной, всунули ноги в резиновые сапоги и вывели на Транзитное шоссе: ступайте восвояси! Мальчишки улюлюкали, описывая вокруг них круги на велосипедах. Говорят, воровки прошли несколько километров под гогот водителей, пока некая сердобольная дачница не остановила свою машину, не развязала преступниц и не дала им какую-то ветошь прикрыться. Савельев тогда пожалел, что не стал тому свидетелем, а то, сказал он, я бы и дачницу-правозащитницу голой по шоссе пустил...

Об этой истории долго судачили в райцентре. Знали о том и в милиции, но никакого расследования не проводили. Савельев, который давно дружил с капитаном Голубцовым, говорил нам, что полковник Молдавченко (эта толсторожая сволочь уже дослужилась до папахи) не склонен заводить дела, если речь идёт о том, что побили каких-то бомжей (на наше счастье, он презирал огородных воров, считая их бомжами).

Но как только наша самооборона затронула сильных мира сего, позиция власти переменялась, и полковник Молдавченко рьяно взялся за дело. Вот такая история произошла. Наша почти столетняя Мироновна живёт на первом этаже пятиэтажки и под окнами разводит цветы на продажу. Этот участок у неё больше, чем у других, но никто не возражает: старая она, старая, лишний шаг для неё целая проблема. А цветы у Мироновны очень хорошо получаются. Помню, как один копытинский дачник-художник постоянно у неё набирал букеты для натюрмортов, нахвалиться не мог.

Однажды поздним вечером, в темноте, возле дома вдруг остановилась иномарка с пьяной компанией — видимо, не на том повороте съехали с Транзитного шоссе и заблудились. В свете фар городские пижоны увидели цветы и с криками «Девчонкам — по букету!» начали разорять хозяйство Мироновны. Случайно Копытин был не в Шанхае, а в своей квартире: он высунулся из окна, крикнул и засвистел в милицейский свисток — у него всегда всё под руками. Один из пижонов загоготал: «В этой сраной дыре даже менты водятся!» На шум выскочили пацаны из соседних квартир, и Копытин дал им ориентировку: один пацан выхватил ключи зажигания, а другой стал снимать номер. Пижоны бросились к машине, но путь им преградила собака, которая по странной команде «Кац!» свирепо зарычала и прижала их к стене дома. В машине истерически визжали пьяные девки. Пацаны разбили ветровое стекло «мерседеса», порезали

дверцы и растворились в темноте. Тут из подъезда вышел Копытин на костылях и спокойно сказал:

— За цветы придётся заплатить.

— Но у нас разбили стекло, — попытался возразить один из воров, на что Копытин так же спокойно спросил:

— Вы утверждаете, что это я разбил стекло?

Пижон несколько поостыл: нет-нет, но это, видно, ваши дети...

— Я представлю в суд документы, — продолжал Копытин, — что я проживаю здесь один.

— Сколько? — спросил пижон, доставая бумажник.

— Тысячу долларов.

— Что за цена! — Пижон совершенно протрезвел.

— Надо было спрашивать до того, как разорили клумбу.

Пижон возмутился — это грабёж, и тогда Копытин так же спокойно сказал:

— Время пошло, теперь уже полторы.

Кончилось дело тем, что компания, сопровождаемая лаем копытинского пса Шурика, покатила машину руками на Транзитное шоссе, а наутро Копытин вручил Мироновне две тысячи долларов. Потом он мобилизовал пацанов, они собрали осколки мерседесовых стёкол, перекопали затоптанную клумбу под окнами у Мироновны и укрыли её еловыми ветками, как делают при посадке под зиму (дело было уже в сентябре). И ещё Копытин на том самом месте, где накануне Шурик облаивал пижонов, вкопал два бросовых раскидистых куста. «Так надо, — успокоил он Мироновну, — скоро я их заберу». Шурика он отвёл в Шанхай и посадил на цепь в будке, а сам, проинструктировав пацанов и взрослых, залёг в квартире и стал ждать развития событий.

«Мерседес» появился перед вечером, но не тот, конечно, побитый и порезанный накануне, а бело-голубой, милицейский. Он медленно, очень медленно ехал между домами, как будто пассажиры что-то искали; потом остановился около подъезда, где живёт Мироновна. Из него вышел милицейский полковник Молдавченко, капитан Голубцов и парень в джинсовом костюме, в котором Копытин, наблюдавший за всем этим в бинокль из-за занавески, узнал ночного пижона. Понятно, что при ярком дневном свете парню всё казалось не таким, как ночью. Он неуверенно озирался:

— Вроде бы здесь, но вот кустов, кажется, не было... Дома, что ли, одинаковые? Точно помню, что рисунка на стене не было...

Копытин усмехнулся: утром пацаны по его команде изобразили на стене спартаковский символ.

— Позвольте доложить: дома у нас абсолютно одинаковые, — почтительно вмешался капитан Голубцов. — А что касается мужчины на костылях, то здесь никого такого нет. Была женщина Пивоварова Анна Семёновна, да она померла месяца три назад.

— Напрягите память, уважаемый, иначе мы не сможем вам помочь, — сказал полковник Молдавченко, и Копытин отметил, что он на «вы» обращается к джинсовому сопляку.

Совсем иной тон у него был при обращении к капитану Голубцову, хотя у того уже голова поседела:

— А ты что стоишь чучелом? Кто владелец участка? Какая Надежда Мироновна? Ведь был мужчина на костылях! Что за чёрт у вас здесь творится — порядочным людям мимо проехать нельзя! И где жители? Почему никого нет?

Тут объявился дед Алексей Алексеич и начал многословно пояснять, что в сельхозсезон люди большей частью живут в Шанхае, а дома он, старик, да Мироновна, которая ещё старее. Потом он принялся рассказывать, что такое Шанхай и откуда пошло такое наименование чисто русского места.

— Ты совсем из ума выжил? Не о том тебя спрашивают! — Молдавченко начинал откровенно злиться. Он понимал, что никакой информации от этих людей ему не получить.

— Будьте внимательны, товарищ полковник, туфли у вас могут запачкаться: здесь грязь такая, конечно, моя недоработка, — сконфуженно сказал капитан Голубцов и, нагнувшись, стал очищать свой сапог.

Тут из соседнего подъезда вышел Савельев в форме секьюрити: что за шум?

— Расследуем повреждение иномарки, — сказал капитан, не разгибаясь и продолжая драить сапог, — вы что-нибудь можете сообщить следствию?

Копытин, скрытно следивший за ходом дела из окна, отметил, что Голубцов обратился к Савельеву на «вы», хотя они были старые кореша.

— Какой иномарки? Вот этой? — Савельев похлопал по капоту милицейского «мерседеса». — Чегой-то я не врубился.

— Ты брось дурочку строить! — ощерился Молдавченко. — Что знаешь, говори, а нечего сказать — вали отсюда.

Савельев в упор посмотрел на врага, которого он считал убийцей своего отца:

— Во-первых, ты мне не тычь, а во-вторых, это мой дом, а не твой, и вали сам.

— Ты что сказал?! — заревел полковник. — Как говоришь с начальством?! А ну документы! Живо!

— Ты мне не начальство, — спокойно парировал Савельев, — я не на госслужбе состою, работаю в частной фирме. А насчёт документов — не знаю, кому их показывать: ты мне не козырнул и не представился, может быть, ты ряженный какой, мы на прошлом дежурстве одного такого задержали.

— Не хочешь по-хорошему, в отделение на допрос вызову, — пригрозил полковник. — Вижу, вы все тут заодно. Всех вызову. Приказываю не расходиться...

В этот момент, тяжело опираясь на палку, из дома вышла Давлетшина (ноги у неё стали сдавать).

— Ну а ты, бабка, расскажешь, как хулиганы иномарку гробили, или тоже ослепла-оглохла, как вся эта пьянь? — зарычал Молдавченко и на неё.

Реакция Фаридовны была мгновенной и неожиданной. Она ткнула своей палкой в грудь полковника и жёстко его отчитала:

— Ты мне не тычь и не хаами. Я тебе не бабка, я заслуженная учительница...

Рожа Молдавченки налилась кровью:

— Ты в своём уме? Как говоришь с полковником...

— Завтра можешь папахи лишиться, — язвительно засмеялась Фаридовна. — Твои начальники, генералы Сметанин и Куликов, — мои ученики. Позвоню им, и поедешь ты служить туда, куда Макар телят не гонял...

— Прошу прощения, ежели что, не разобрался, — полковник мгновенно обмяк.

— Как все хамы, ты ещё и трус. — Фаридовна была само презрение. — А что если я пошутила насчёт генералов? Но дело не во мне. Ты со всеми хамски разговариваешь, Молдавченко, ты людей стараешься ущемить, и тебе за это воздастся. Помнишь, я тебе когда-то сказала, ты ещё лейтенантом был, что не будет счастья в доме твоём? Сбылось. Рассказать всем про твою жену? Могу рассказать...

Полковник схватился за горло, а Давлетшина продолжала:

— Вот тебе ещё одно моё проклятие — да пойдут прахом все твои деньги!

Повисла напряжённая тишина, которую сломал джинсовый парень. Он коротко матюгнулся, безнадёжно махнул рукой и полез в машину. Был рад покинуть поле боя и полковник. Бело-голубая иномарка уехала.

Капитан Голубцов потоптался у дома, навестил Мироновну и не спеша двинулся по дороге к платформе. Как он и ожидал, его нагнал Копытин:

— Привет, Шерлок Холмс!

— Привет, каскадёр хренов! — отозвался капитан.

— Пошто лаешься?

— Работать надо чище, — засмеялся Голубцов. — Держи сувенир: видишь, я его завернул в носовой платок, когда им у тебя под окнами сапоги чистил. Что это? Осколок мерседесова ветрового стекла. Хорошо, что эти козлы его не заметили.

— Так ты в курсе? — опешил Копытин. — Каким образом?

— У тебя своя разведка, у меня своя. Ладно, бывай.

Капитан пошёл на электричку, а Копытин направился к Давлетшиной. Подошёл и Савельев.

— Я знала, что вы придёте, чайник уже готов... Знаю, о чём хотите спросить.

— И что ты ответишь? — засмеялся Копытин.

— Отвечу, что сама не знаю. Что-то на меня нашло. Необъяснимое...

— Ты знала, что у Молдавченко жена спивается? — спросил Савельев.

— Нет, — вид у Фаридовны был встревоженно-удивлённый.

— А что сын картёжник, а теперь и в казино ходит?

— Тоже не знала.

— Я тебе верю, — задумчиво проговорил Копытин, — только от этого не легче ни тебе, ни мне. Откуда к тебе приходят предсказания? Всегда ли они сбываются?

— Друзья, не надо экстраполяций, — сказал Савельев. — Пока что было одно предсказание — оно сбылось, и это хорошо. Дай бог, сбудется и второе.

Виктор Семёнович Мельников родился в мае 1948 года в Казахстане. Но детство и юность прошли в Сибири. Суровая красота этого края и мужественность людей сформировали твёрдый и целеустремлённый характер, который очень пригодился в дальнейших странствиях. Мельников исколесил весь Союз от Казахстана до Прибалтики, сменил много профессий, прежде чем нашёл себя в журналистике. Романтика Старой Риги оказала большое влияние на творческое развитие. Но пришло время по известным причинам расстаться с Латвией... И это казалось бы трагическое обстоятельство, способное сломать жизнь любому человеку, способствовало превращению журналиста в писателя.

Виктор Мельников — лауреат премии им. И.Д. Сытина (2002), дипломант областной литературной премии имени М.М. Пришвина (2006), автор восьми книг прозы.

РАССКАЗ

СЫН РОДИЛСЯ!

Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей —
От всех, кого любила —
Всех видов и мастей...

Вероника Долина

1

На Руси извечно строились деревянные крепости. Бревенчатые стены, вкопанные в плотный земляной вал, сплочённо высились вокруг крепких дубовых срубов. Эти крепости-поселенья охраняли ещё и ворота с коваными створами...

Вот с такой крепостью любила сравнивать Антона Косарева его жена. Антон посмеивался: «Что же это за крепость при таком малочисленном гарнизоне? Давай скорей сыновей нарожаем!» В том, что сможет защитить и её, и будущих детей от любой беды, он ни на минуту не сомневался.

Судьба жестоко ударила его всего через год после свадьбы: весной они с друзьями-экстремалами отважились сплавиться на катамаранах по реке Белой. Где-то у высоких скалистых берегов Урала их судно перевернулось, и пенная бурлящая река утянула за собой его жену. Долго после этого Антон жил с постоянным ощущением своей вины: как же так, не смог уберечь, оказался бессилён перед нелепой случайностью! Мучительными бессонными ночами ему чудилось, что мутный водоворот подхватил его самого и крутит, не давая вздохнуть. Но в одну реку нельзя войти дважды. Уж такова она, жизнь наша родимая, что в конце концов её поток обязательно вынесет человека к твёрдому

берегу. А здесь, на суше, она предложит свои, совершенно неожиданные сценарии...

Антон редко ходил на семейные вечеринки к друзьям. Нельзя сказать, что он завидовал чужому счастью, но обида, что у него жизнь не сложилась, жгла сердце, и праздник был не в праздник. На этот раз он не мог отказаться от приглашения: был день рождения его крестника. Виновника торжества за столом не оказалось — набегался, устал, спит. Посидев немного за столом, Антон пошёл в Виталькину комнату. «Положу машинку под подушку и потихоньку уйду», — решил он. Но ушёл одним из последних.

...Она стояла у окна с его крестником на руках. Лицо незнакомки озарял мягкий вечерний свет. Прижавшись щекой к пушистой головке ребёнка, она сияла чистотой материнства. Мадонна с младенцем... У Антона встрепенулось и словно воскресло сердце, как оживает порой подбитая птица. Она медленно повернулась, и взор её, немного печальный и ясный, заморозил Антона. Весь вечер он поглядывал на неё издали, словно боясь спугнуть. А когда зазвучало танго — медленный и вполне доступный Антону танец, он пригласил её. Несмело приобнял большими ладонями тонкое тело и почувствовал под белым пушистым свитерком биение её крови. Одинокой крови — почему-то подумалось ему.

Она первая, улыбаясь, но не поднимая глаз, спросила:

— Как вас зовут?

— Антон, — волнуясь и подавляя дрожь, ответил он. И не успел узнать её имя: танец закончился.

Незнакомка ухватила его за руку и потащила к хозяину дома.

— Включи караоке! — попросила она. — Вот! Тридцать седьмой номер!

Под смех и шуточки собравшихся дуэтом исполнили детскую песенку «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку!».

— Неправильно, неправильно поёте! — закричал кто-то из гостей. — Не «Тили-тили, трали-вали», а «Тили-тили тесто, жених и невеста»!

Он уже оправился от смущения. На душе стало легко и светло. А она, продолжая игру, улыбнулась:

— А вы не боитесь? Может, у нас с вами любовь с первого взгляда?

Антон посерьёзней. В её интонации ему послышались такая доверчивость, такая незащищённость и открытость! Задумчиво глядя в её глаза, кивнул:

— Это не любовь — это судьба. Хотя я даже не знаю, как вас зовут.

А звали её очень красиво. Лизой. Елизаветой.

2

Через неделю они случайно встретились на трамвайной остановке. День был весенним, солнечным. Клубился под солнцем асфальт. Плыли над головой кучевые облака. Хрустел под ногами отошавший снег.

Антон обрадовался, а Лиза почему-то испуганно взглянула на него. Нет, она не его испугалась, а странного толчка в груди. Загорелось что-то

внутри, зажгло. Сразу вспомнилась та вечеринка. Её шуточный разговор про любовь, закончившийся банальным поцелуем. Тогда ей просто хотелось пококетничать, ощутить себя желанной, обаятельной, счастливой. Кажется, это удалось... Но если это была игра, чего же сейчас сердце так волнуется, почему щёки так горят? «Неужели и взаправду влюбилась? — запело что-то внутри. Но она тут же оборвала эту счастливую мелодию: — Нет. Так не должно быть. Так нельзя. Эта блажь должна пройти. Обязательно».

— Здравствуйте, Лиза.

Ну вот, всё нормально, снова они перешли на «вы».

— Здравствуйте, Антон.

— Я много раз звонил вам на работу, но каждый раз мне отвечали: скоро будет, скоро будет... Как хорошо, что мы с вами всё-таки встретились!

Антон радовался, как ребёнок.

— Город наш маленький: где-нибудь и увиделись бы.

— А вы какой трамвай ждёте?

— «Копеечку».

— Далеко вам?

Лиза, вздрогнув, взглянула на Антона.

— Мне в военкомат...

И она рассказала ему о том, как они дружили с Вадимом с пятого класса, как всё между ними было определено и ясно. Вместе поехали в Москву поступать в институт. Она поступила, а он нет. Той же осенью его забрали в армию, а уже зимой короткими автоматными очередями стали пробиваться письма из Чечни. Одно, второе, третье... Потом около года письма шли только в один конец. Ждала, ждала с надеждой. Может, в госпитале где, может, в плен попал... Уже начали возвращаться ребята с войны. Возвращались по-разному: кто целёхонький, кто без руки, без ноги, а кто и вовсе в цинковом гробу. Только не было среди них Вадима. Словно вообще его не было на той войне. И вот седьмой год Лиза ждёт его. Ходит каждый месяц в военкомат. Как на свидание. И каждый раз ответ один и тот же. Сколько за эти годы их прозвучало! Целая тетрадка бы уже исписалась! И Лиза согласна ходить ещё столько же, лишь бы отыскался её Вадька...

Лиза выплескивала свою боль, а Антон каждой клеточкой впитывал её. Не заметили, как проехали остановки «Пионерская», «Комсомольская», «Площадь Двух революций». Сердитая кондукторша вернула их к действительности:

— Конечная! Выходите, молодые люди!

Выйдя из трамвая, растерянно потоптались на остановке, будто не зная куда идти.

— А я тоже воевал в Чечне, — горько улыбнулся Антон.

— Вы были там? — удивилась Лиза.

— Пришлось...

— Скажите, Антон, — Лиза оживилась. — Ведь никто не видел, как он погиб. Значит, он жив? Ведь правда?

— На войне всякое может быть, — уклончиво ответил Антон. — Могли, конечно, и в плен взять. Но война уже давно закончилась. Даже кто

в рабстве у них был, и те вернулись. Впустую вы ждёте. Если бы он был жив, вы бы давно какую-нибудь весточку получили.

— Ну как, как мне хоть что-то узнать! Хоть бы какая-то определёность... Годы прошли — не дни, не месяцы... Все твердят: семью надо создавать, детей заводить... А я как подумаю, что вот выйду за кого-нибудь замуж, а он вернётся...

— Напрасно вы терзаете себя. Если так и случится — он вас не осудит. Ведь вы его столько лет ждали. Вы молодая, красивая... перестаньте жить прошлым. — И тут же, внезапно: — Выходите за меня замуж...

Лиза удивлённо посмотрела на него.

— Но я же вас не знаю... не люблю...

— Зато я очень люблю, — твёрдо ответил он.

Они стояли у высокой крепостной стены древнего кремля. Слева шурилась пыльными бойницами на перекрёсток Астраханского тракта и Владимирской дороги Грановитая башня. Справа устремился ввысь шатёр Маринкиной башни, где когда-то томила гордая полячка — венчанная царица московская, ставшая узницей, — Марина Мнишек.

— Вы что же, хотите заточить себя тоже навеки в крепость?

Лиза ничего не ответила.

3

Осенью они сыграли свадьбу. Две беды, два горя соединились вместе. И снова жизнь обрела свою цену. Но чего так боялась Лиза, то и произошло: именно накануне вернулся Вадим. Подоспел на самую свадьбу.

В ресторане, где шло торжество, взъярённый парень прорвался прямо к столу. Лиза в полубомбочном состоянии глядела на него. Не побежала навстречу. Не сорвала голоса. А только отшатнулась, словно в неё ударила молния, побледнела и схватилась за грудь... Вадим стоял перед ней. Целый, невредимый, но с каким-то другим лицом, чужими глазами... Они сцепились с Антоном за грудки. Затрещали рубашки, посыпались на пол оторванные пуговицы. Охранники еле растащили соперников. Рассвирепевший гость, вырываясь, всё же выкрикнул на весь зал:

— Ты вор! Но я её всё равно верну!.. Всё равно!..

Снимая развязавшийся галстук, Антон Косарев только ухмыльнулся: что взято, то свято... Однако заноза в сердце всё же осталась. Подпортил Вадим его торжество.

4

Но всё вроде бы улеглось. Лиза перешла жить к Антону, они вдвоём произвели в квартире полный ремонт, и их жизнь сделалась одной непрерывной песней. Иногда Антон с горькой иронией думал: «Новые стены, новая мебель, новая жена... Всё с чистого листа». Прежняя острая боль осталась в прошлом. Для них не было пасмурных дней — каждый день

был согрет солнечными лучами взаимной любви, а тоскливое, чёрное одиночество, которое так терзало каждого ночами, сменилось сладостными, «медовыми», как они называли, ночами...

Когда Лиза сказала Антону, что забеременела, Антон бросился искать календарик.

— Зачем тебе? — удивилась Лиза.

— Давай посчитаем, когда он родится! Сколько уже?

— Врач сказала: недель восемь... Но это пока не точно. На ранних сроках всегда ошибаются.

Когда же, в какую счастливую ночь зародился их ребёнок? Антон мысленно промотал время назад и опешил: выходило, что он был тогда в дальнем рейсе. Везил кирпичи из Белоруссии. Он выскочил на кухню, пытаясь успокоиться. Ну ошибаются врачи, ошибаются: неделей больше, неделей меньше — как определишь? Лизе он ничего не стал говорить: всё равно невозможно выяснить, где правда, где ложь и измена, а где плод большого воображения...

Но всё-таки однажды, пряча глаза, Антон предложил жене:

— Лиза, послушай... У тебя такой сильный токсикоз... Может, лучше аборт сделать?

И сразу пожалел.

Такой он Лизу никогда не видел. Она вскочила с дивана, отбежала к окну, замоталась в длинную белую тюлевую штору. И, помолчав, сдавленно, как-то загробно, прошептала:

— А давай я рожу, а ты убьёшь его.

— Ну что ты!.. — Антон был потрясён не меньше жены. — Это я так... Наоборот хорошо, что у нас с тобой так быстро получилось, — добавил, пытаясь улыбнуться. — Я не против и второго ребёнка. К тому же и президентские получим. Двести пятьдесят тысяч на дороге не валяются.

— Я тебе его обязательно рожу, — успокаиваясь, не то в шутку, не то всерьёз сказала Лиза. Она подошла к мужу и положила голову ему на грудь. Конфликт был исчерпан.

Лиза добрела и округлялась как на дрожжах. Живот уже выпирал вперёд, словно колокол. Всё чаще и чаще дитя било в утробе ножками.

Однажды во время прогулки, где-то в углу городского сада Лиза наткнулась на яркую красную сыроежку. Она обрадовалась грибку и вырвала его вместе с корнем.

— Значит, сын будет, — объяснила тёща Нина Сергеевна, когда молодые рассказали ей о находке.

Лиза поджала губки:

— А я больше девочку хочу.

Антон интуитивно догадался, что в этот момент жена думала о войне, которая забирает сыновей, о Вадиме. И наигранно-сурово спросил:

— А что — сына любить, что ли, не будешь?

— А вы не заглядывайте вдаль. Не надо, — высказалась Нина Сергеевна. — Ты же дитя из собственного тела родишь. Твоя кровинушка в нём течь будет. А сын или дочь — какая разница! Лишь бы родить!

И Антон на этот раз был согласен с тёщей на все сто процентов.

Была пятница. Конец рабочей недели. Нагруженный свёртками и пакетами, Антон возвращался с работы домой. На дворе было то самое прекрасное время, когда из-под толщи снега стали появляться проталины, пробиваться пяточки земли с прошлогодней травой, и повеселевшие воробьи с громким чириканьем деловито обследовали их, находя там какую-то поживу. И воздух был уже по-весеннему ароматен и свеж. Наступало новое время, дарящее новую жизнь. «Как всё-таки здорово, — думал Антон, — идёт весна, обновляется природа, а у меня родится сын и... обновит породу!» Во как! Он громко рассмеялся — куда его занесло: вон в какие философские дебри, да ещё и стихами! На сердце у него было радостно и торжественно, не раздражало даже карканье ворон.

Лифт в доме, по своей постоянной привычке, не работал. От него пахло, как от привокзального туалета. Сигнальная красная кнопка, прожжённая каким-то обалдуюем, зияла дырой, словно незапломбированный зуб. Пол, липкий, вероятно, от пролитого пива, противно цеплял подошвы.

Антон тихо ругнулся и, перехватив поудобнее тяжёлые пакеты, пешим ходом отправился покорять лестничные пролёты.

Дверь в его квартиру была почему-то приоткрыта. Свет горел во всех комнатах. На полу темнел свалившийся с вешалки тёщин плащ. Он поднял его и повесил. И, уже тревожась, вошёл в большую комнату. На диване лежала Лиза, поджав к животу колени. Рядом сидела Нина Сергеевна. Её взгляд резко метнулся в сторону зятя.

— Наконец! Объявился! — Она встала. — Уже и ждать устали!.. Жена вот-вот родит, а его где-то носит... И что вы, мужики, за народ!

— Что, началось, что ли? — испугался Антон.

Тёща только руками всплеснула. А Лиза еле слышно проговорила:

— Плохо мне... Больно...

— Её же в больницу надо! — воскликнул Антон. — В больницу!

— Конечно, не в церковь! — раздражённо выкрикнула Нина Сергеевна. — У неё воды отошли. — И она начала складывать заготовленные вещи в сумку. — Это плохо: держать младенца посуху. Кабы чего плохого не вышло.

В комнате стоял какой-то непонятный дух. На полу лежали мокрые, запятнанные простыни.

— Так чего ж до сих пор «скорую» не вызвали? — удивился Антон.

— А ты попробуй сам вызови! Весь дом без телефона сидит. С утра где-то авария... Сколько раз говорила: купите сотовый. Всё денег жалко!

— А вы что? На необитаемом острове, что ли, живёте? К соседям нельзя сходить? На улицу выбежать?

— Вот и сходи сам к соседу, — огрызнулась тёща. — У него же машина. Пусть до роддома довезёт.

Но разговоривать с Семёном оказалось делом бессмысленным. Тот, шатаясь, держался за дверной косяк и ухмылялся пьяной, кривой улыбкой.

— Тебе чего... сосед? Разбираться, что ли, пришёл? Поздно...

Антон глубоко, с сожалением вздохнул. И пошёл к своей двери.

— Ты чего приходил-то? — с трудом выдавил из себя хмельной Семён. — Чего надо было?

Косарев, не оборачиваясь, махнул рукой.

А Лиза, уже одетая, сидела на диване, обеими руками бережно обхватив живот. Рядом — тёща с сумкою на коленях. Они обе вопросительно смотрели на Антона.

— Пьяный он... Надо самим как-то добираться... Может, такси или попутку ловить.

— Час от часу не легче, — с досадой, резко бросила тёща.

— Что вы на меня кричите?! — не выдержал Антон. — Я его, что ли, напоил?

— Ты, не ты... какая разница? — не сдавалась тёща.

— Мама, — голос у Лизы был слабый, какой-то чужой. — Ну зачем ты так? Чего на него нападаешь? Он и так по две смены вкалывает.

— Знаем мы эти две смены...

На этот раз Антон сдержался. Хотя из души так и рвался крик ярости.

— Антон... Помоги мне, — услышал он тихий голос жены. — Совсем сил нет. И живот болит.

Антон протянул Лизе свою сильную руку. Она оперлась на эту твёрдую, надёжную крепость, и они медленно вышли из квартиры. Ступенька за ступенькой спустились вниз. И Лизе показалось даже, что боль как-то отступила, утихла — хоть домой возвращайся. В ней по-прежнему легко и свободно бились два сердца.

6

К вечеру похолодало. Сильный апрельский ветер словно вымел их узкую улочку — ни людей, ни машин. Антон, оставив женщин у автобусной остановки, метался на дороге в надежде поймать попутку. Но за всё время проехал только один мотоциклист. Мать и дочь сидели на лавочке под стеклянным навесом. У Лизы снова начались боли, она уже не только стонала — порою не могла сдержать крика.

— Антон! — позвала тёща. — Антон!

Он подбежал, продолжая оглядываться на дорогу. А ветер меж тем всё крепчал, и талый снег под ногами расползался, как глина.

— А может, взять у соседа? — громко спросила Нина Сергеевна.

— Чего взять? — не сразу понял Антон.

— «Чего, чего», — передразнила тёща. — Машину! Вот чего. «Жигулёнок» его.

— Как это взять?

— А так... сейчас возьмём, а потом обратно поставим. Благо у подъезда она стоит. Права у тебя есть, — совсем уж ласково уговаривала тёща. — И риска никакого. Пока Семён проспится, она уже на месте будет. Только туда и обратно...

Антон замер в раздумье.

— В принципе, можно, конечно... — нерешительно произнёс он. — Но всё-таки это угон. За это и в тюрьму недолго...

— Ну какой угон? Не у чужих же берём, — возразила тёща. — У соседа! На время!..

Антон оглянулся на пустую, темнеющую улицу. В окнах домов уже зажигались огни. Даже прохожих не было. И помощи ждать неоткуда.

Антон мгновенье молчал. Словно прислушиваясь к себе. Потом решительно сказал:

— Хорошо. Ждите. Сейчас приеду.

7

Оранжевый «жигулёнок» с ночными угонщиками на борту, рассекая ещё не замёрзшие лужи, спешил в сторону родильного дома. Навстречу дул сильный апрельский ветер. Антон вёл машину умело — аккуратно и мягко объезжая колдобины. Он считался шофёром опытным, да и «жигулёнок» был послушен и лёгок, не то что его большегруз с прицепом. Когда попадались ямы, Антон переключал и гасил скорость. А потом снова выжимал газ до отказа и гнал машину со стовёрстной скоростью. Когда Лиза начинала стонать, тёща причитала горестно:

— Ну быстрее, ради Бога, быстрее!..

Антон молчал. Сдерживался. Ну куда, куда ещё быстрее? Зачем на себя кликать беду? Не дай Бог, гаишники попадутся. Сейчас он для них слаще любого пирога. Так что тише едешь — дальше будешь. Антон был рад, что всё так здорово получилось. Угнал машину! Да что там машину — он бы и самолёт похитил! Жена сына рожает!.. И всё, что он сейчас делал, — для неё, для его Лизы, его Лизоньки. Вон как она, бедная, свернулась комочком на заднем сиденье, стонет тихонько.

...Пьяного мужика Антон увидел ещё издали. Тот стоял у обочины, обхватив руками металлическую стойку рекламного щита. Его тело, обмякнув, чуть сползло вниз, но он упрямо старался держаться, прижавшись щекой к ледяному шесту.

Когда Антон почти поравнялся с ним, мужик вдруг оторвал руки от своей опоры и на полусогнутых выскочил на дорогу. Косарев резко крутанул руль влево, но ночной сумасшедший всё-таки ударился всем телом о дверь. Антон услышал этот глухой удар и боковым зрением увидел искажённую ухмылку пьяного лица. Это был Вадим. Но не тот красавец-молодец, который ввалился на его свадьбу, а обрюзгший, опухший, с давно не бритой щетиной.

Косарев ударил ногой по тормозам. Машина резко остановилась. Без признаков жизни мужчина лежал на снегу. «Надо же, снова встретились», — горестно подумал Антон.

— Что ты собираешься делать? — На лице тёщи застыл ужас.

Косарев, вцепившись в руль, молчал. Крупные руки его подрагивали, перед глазами в свете фар всё плыло. «Надо выйти, помочь, — думал он. — Может, не насмерть... Может, он жив...» Но руки, словно чужие, нащупали рукоять скорости и включили, сперва первую... потом вторую... и третью.

И вот машина уже бешено мчалась вперёд.

— Что это? Что это было? — спросила Лиза. Она лежала на заднем сиденье, голова — на коленях матери.

— Кажется, собака попала под колесо, — словно проснувшись, отозвался Антон.

И больше до больницы никто не проронил ни слова.

8

Пятиэтажное здание родильного дома, как громадный корабль, выплыло из ночной темноты. Свет в окнах горел только на первом этаже. Антон выскочил из машины и побежал к парадному подъезду. Стал колотить кулаками в дверь. От ударов сыпалась штукатурка, весь косяк ходил ходуном. Медленно подошли тёща с женой. У Лизы было страдальческое, измученное, очень бледное лицо. Одной рукой она держалась за мать, другой поддерживала живот.

Ожидание показалось Антону вечностью. Наконец за старыми дверями родильного храма послышались чьи-то шаги. Дверь распахнулась, и на пороге выросла тучная фигура пожилой нянечки в белом халате. Слово холодильник в дверях поставили.

— Ты чего ломишься? Звонок-то на что? Вот деревня.

— Жену привёз, — выдохнул Антон. — Плохо ей.

Женщина смерила всех опытным взглядом, давая понять, что в эту минуту именно она здесь — главное лицо. Антон вдруг вспомнил: надо было прихватить коробку конфет из серванта. Она бы здесь очень пригодилась.

— Переполошил всю больницу, — бурчала между тем нянечка. — Проходите. Прямо по коридору и направо. Посидите там, я пока врача вызову.

— Пожалуйста, побыстрее, — Нина Сергеевна умоляюще сложила руки. — Дочь уже рожает.

— Врач сама разберётся — рожает она или нет. Тоже мне, профессора нашлись! — осадила тётка. И уже добрей добавила: — Раз привезли, то нечего беспокоиться. А лучше возвращайтесь домой. Нечего вам здесь без дела болтаться. Только мешать будете.

— Нет, нет... мы дождёмся доктора, — запротестовала тёща.

— Ну, коли есть такая охота, ждите, — согласилась нянечка и не спеша заколыхала в другой конец коридора.

Антон находился в каком-то странном оцепенении. Ожидание было мучительно. Врач всё не появлялся. Они сидели втроем на топчане в коридоре и, словно сговорившись, смотрели на большие часы на стене. Тяжесть не покидала душу Антона. Перед глазами то и дело всплывал сбитый им Вадим, его выпученные от страха глаза и распротёртые руки. Всё это расплывалось в огромное чёрное движущееся пятно и давило на глаза. «А вдруг он умер? Надо было остановиться, подобрать. Всё равно в больницу ехали... А если не умер?.. Нет, теперь всё равно тюрьма будет... Вот ведь как в жизни бывает: чтобы родиться одному, понадобилось погнубить другому... А впрочем, чего это я его хороню? Может, он ещё жив?» — спасительная мысль встрепенулась в душе Антона. Он вскочил и громко, на весь коридор, спросил появившуюся вдали нянечку:

— А можно от вас позвонить? Мне в ГАИ надо!
— Посторонним не положено, — донеслось из конца коридора. —
Домой приедешь и звони сколько хочешь!

9

Врач оказалась женщиной пожилой, высокой и стройной. Взгляд её ясных пронизательных глаз внушал уверенность и спокойствие. Она улыбнулась, оглядев Лизу:

— Ну что, мадонна, рожать будем? Ишь какая красивая.

Лиза ничего не ответила.

— Или я не права? — Доктор повернулась лицом к Антону. — Вы, мужчины, настолько привыкли, что вокруг вас все женщины красивы, что этого даже не замечаете. А ведь какая красота! Какие лица! Даже у простой женщины прямо-таки царское величие. Впрочем, для вас, мужчин, мы всегда загадка и непостижимая тайна. Я правильно говорю?

И она снова повернулась к Лизе.

Лиза с трудом улыбнулась.

— Какой срок, мамочка? — спросила врач.

— Тридцать две недели, — ответила за дочь Нина Сергеевна. — Всё проходило нормально, доктор, а сегодня вечером вдруг начались схватки. И воды отошли. Вот что плохо. Я так боюсь за неё...

— Ничего, милочка. Всё будет хорошо, — бархатным голосом успокоила врач. — Пойдёмте за мной. Может, придётся готовиться к операции. Не исключено и кесарево.

— Ой... — испуганно вырвалось у Нины Сергеевны.

— Ничего страшного, некоторые сами просят, — успокаивала доктор. — Доченька ваша будет лежать в отдельной палате. Как королева. Вы можете тоже остаться, только возьмите у няни халат и бахилы. Но постарайтесь не шуметь. Время позднее, наши девочки уже спят. А они народ привередливый. — И врач увела Лизу, ступающую медленно и осторожно, словно она шла не по ковровой дорожке, а по скользкому льду.

Когда они остались в коридоре одни, Антон вдруг спросил Нину Сергеевну:

— Как вы думаете, что с тем случилось?

— Да что с ним сделается?! — с досадой отозвалась тёща. Ей было обидно, что зять в такой сложный момент думает не о Лизе. — Ты же на него не наехал. Он сам виноват: как леший, вылетел на дорогу. А может, специально на тебе хотел подзаработать? Сейчас так делают. — Она помолчала. — Я дверцу поглядела — на ней даже вмятины нет. Так что не бери в голову — всё обойдётся. Ты лучше про жену думай. У тебя дитё скоро будет.

— Сын, — уточнил Антон.

— Ну это как получится, — не стала уточнять Нина Сергеевна.

В конце коридора зажгётся яркий свет, задвигались фигуры в белых халатах. Захлопали двери. Послышались голоса.

— Но он мог удариться головой об асфальт, — тихо продолжил Антон. — Пьяный ведь.

Что это был Вадим, Антон не стал говорить теще.

— Тем более, — поддержала она. Нина Сергеевна не выпускала из рук сумки. — Этих пьяниц ничего не берёт. Они в огне не горят и в воде не тонут. Небось отлежался да и хлещет сейчас с дружками пиво.

Антон только вздохнул.

Наконец дверь предродовой палаты открылась, и к ним вышла врач. Только другая, уже помоложе.

— Вы мать роженицы?

Тёща, поднявшись, кивнула.

— Пройдите к дочери. А вы, мужчина, останьтесь.

Нина Сергеевна стремительно вбежала в палату. Здесь всё сияло белизной — потолок, стены, пол. Лиза лежала на высокой кровати под ярким светом, вытянув руки вдоль тела. На простыне её пальцы слегка подрагивали. Сестра собирала в чемоданчик какие-то инструменты. Когда она вышла, мать села возле дочери.

— Мне сделали укол, — голос Лизы был тих, губы бледные.

— Ты не волнуйся, — Нина Сергеевна взяла руку дочери в свои ладони. — Всё будет хорошо. Скоро появится твой малыш и закричит на весь мир.

Лиза прикрыла глаза, но потом снова поглядела на мать.

— Мама... послушай меня... — Её голос был слаб. — Я чувствую, как жизнь уходит из меня... Может, я всего этого и не увижу. Поэтому хочу признаться тебе...

Мать остановила её:

— Ты и в детстве от зубной боли всё собиралась умирать. Помнишь?

— Не перебивай, — вздохнула Лиза. — Слушай, что я скажу. — Она помолчала. — Этот ребёнок... понимаешь, он не от Антона...

Нина Сергеевна испуганно обернулась на дверь.

— От Вадима, что ли? — догадалась она. — Но он ведь совсем, говорят, спился. Где же вы с ним схлестнулись?

— Он меня силой взял. Зашёл в гости к нашему соседу. Они, оказывается, вместе работают. Прямо как в плохом кино получилось...

— Ну и зачем ты это сделала? — осуждающе спросила мать. — Обрубила один раз концы, значит — всё, нет к прошлому возврата. Теперь что? Так и будешь бегать от одного к другому?..

— Он налетел, как с ума спрыгнувший... Да ты же знаешь, я перед ним виновата, — призналась дочь.

— В чём виновата? Ждала столько лет... Никакой твоей вины нет.

— Решила: потом второго обязательно от Антона рожу... Но видишь, как получается... — Дочь высвободила руку из материнской ладони. — Только очень тебя прошу: не говори Антону... А теперь иди... иди... — И Лиза устало прикрыла глаза.

«Значит, всё-таки сдержал слово, стервец, — Нина Сергеевна была в смятении. — Ну ничего... Чей бы бычок ни скакал, а телятко наше».

В коридор она вышла внешне вполне спокойная.

— Ну как она? Что там? — бросился к ней Антон.

— Всё нормально. Обычные женские страхи. Готовят её к операции. Конечно, волнуется...

Нина Сергеевна старалась на зятя не смотреть, словно была виновата перед ним.

— Я... это... наверно, пойду, — нерешительно сказал Антон. — Вы тут как-нибудь без меня.

— Ты куда? — испуганно спросила тёща.

— Поеду... Может, он там ещё лежит.

И Нина Сергеевна впервые не возразила ему:

— Конечно, езжай-езжай... А я посижу до утра. Подежурю.

Антон вышел во двор с тяжёлым чувством. Может, Лизе плохо, а тёща скрывает от него? Уж больно подавленным был у неё голос. Посмотрел в ночное небо. Звёзды сияли над грешной землёй ярко и бесстрастно. Антон полюбовался звёздной россыпью и мысленно подбодрил себя: «Ну что ж, братишка, иди... Теперь твой ход...»

10

Белая луна висела над городом. Ночь ещё царствовала, хотя на востоке уже начал брезжить рассвет.

Антон Косарев старался не гнать машину. Ему было страшно подъезжать к тому месту. От всего пережитого взгляд его стал сумрачным, черты лица обострились. Искуренную папиросу он уже всю изжевал, и та только чудом держалась на его толстых губах. Антон буквально холодел, думая о том, что с завтрашнего дня вся его жизнь изменится. Его, конечно же, арестуют. Потом будет суд. Лет десять в совокупности ему наверняка дадут. И угон зачтут, и наезд, припомнят ещё бегство с места преступления. Преступник... Это сколько же ему будет, когда он отсидит? Лет сорок, сорок пять, не меньше. А самое главное — сын будет расти без него. Не придётся ему сбрасываться с постели по звонкому его крику, не услышит он его первых слов, не увидит первых шагов... Всё это, конечно, будет, но... Вот такие, Антоша, невесёлые твои дела...

Рассуждая так, Косарев чуть было не проехал мимо рекламного щита. Остановился. Кругом разливалась мёртвая тишина. Город спал. Он осмотрелся по сторонам и только потом вышел из машины. Под фонарём у щита было светло. Но никакого тела не было. Антон присел на корточки, погладил корочку заледеневшего снега рукой: ладонь почувствовала его ледяную жёсткость и холод. Там, где должен был лежать человек, снег был заметно примят. Но ни следов крови, ни его самого не было. Антон вышел на тротуар и крикнул:

— Вадим! Вади-и-им! Где ты?!

Ответом ему была тишина. Тогда Косарев позвал ещё раз, уже громче. Опять никто не откликнулся. Антон посвистел. Но и на свист не гавкнули даже окрестные псы. Вокруг стояла оглушающая тьма. Антон постоял в раздумье и решительно пошёл к машине. Но поехал не в сторону дома, а к городской милиции. И чем ближе он подъезжал, тем легче становилось у него на душе.

Милицейский двор, уставленный машинами, был залит ослепительным неоновым светом. Антон позвонил у входной двери.

Засигналил зуммер вызова.

— Входите, — раздалось из микрофона, и дверь со щелчком открылась.

Косарев, миновав тамбур, оказался в полуосвещённом коридоре. За стеклянной перегородкой сидел дежурный офицер. Склонившись к окошку, Антон негромко заговорил:

— Я это... по поводу дорожного происшествия. На улице Лазарева. Ну это... со сбитым человеком... У рекламного щита.

Дежурный спросил безучастно:

— На улице Лазарева? А когда? Во сколько?

Антон задумался:

— Часа три назад.

Милицеонер оглядел сводку происшествий.

— Нет... ничего сегодня такого не было. Ни наездов, ни изнасилований. На улице Лазарева?..

Он поднял глаза на Антона.

— А чего это ты вдруг спрашиваешь? Сам наехал или видел, как это было?

Антон не был готов к такому вопросу. Поэтому чуть задумался и только потом ответил:

— Мимо проезжал и видел, как встречная машина шандарахнула мужика. Но когда потом назад возвращался, никого там уже не было.

— Чего сразу-то не остановился? — сделал вид, что поверил, спросил дежурный.

— Торопился очень.

— А сейчас тебя, значит, совесть заела?

— Конечно, нехорошо получилось, — согласился Антон.

— Понимаю... — насмешливо улыбнулся офицер. — Смешанные чувства покоя не дают?

— Как понять? — не сразу сообразил Антон.

— А это когда твоя тёща падает в пропасть на твоей новой машине, — объяснил дежурный.

— Тоже мне сравнение, — не оценил юмора Антон.

— А тут и сравнивать нечего. Сбил того мужика ты. Тебе повезло, что тот оклемался, а так бы тебе дорога одна — на нары...

— И что мне теперь делать? — испуганно спросил Антон.

— А ничего, — коротко ответил офицер. И потом назидательно добавил: — А что сам пришёл, это молодец. Значит, есть совесть ещё...

Косарев понимающе кивнул и неожиданно для себя сказал:

— Я жену в роддом отвозил. Наверно, она сейчас рождает. А может, даже и родила.

— Повезло тебе сегодня, парень. Видать, в любимчиках у Бога ходишь, — дежурный внимательно поглядел на Антона.

Косарев промолчал, но у двери всё же обернулся и сказал:

— А тёща у меня хорошая...

Во дворе милиции он задерживаться не стал. На душе было как-то странно. Хотя немного уже и повеселее. Но всё же хотелось уяснить всё

до конца. Ведь сбил же он Вадима! Не придумал же всё это сам! Антон поехал на станцию «скорой помощи».

Однако и там ему ничего не сообщили. С удивлением сказали, что на ДТП сегодня не выезжали и сбитого человека не доставляли. Сигналы поступали, но только от гипертоников и сердечников.

— А можно позвонить от вас?

Строгая операторша опешила от Антоновой наглости и пыталась подбирать слова, чтобы дать ему достойную отповедь.

— Я понимаю, что у вас телефон занимать нельзя, но это как бы по вашему профилю... В роддом... Жена рожает.

— Да позвони, Петровна, — засмеялся старенький фельдшер из дежурной бригады. — Действительно ведь по профилю!

Петровна недовольно поджала губы, но начала набирать номер.

— Фамилия, имя?

— Косарев Антон.

— Ну что же, так и спросим: Косарев Антон не родил ещё?

— Лизой её зовут, — исправив свою оплошность, быстро добавил Антон.

На другом конце провода долго молчали. Наконец лицо женщины растянулось в улыбке, и она медленно, по слогам произнесла:

— Сын у те-бя ро-дил-ся. С ма-те-рюю то-же всё хо-ро-шо. Позд-рав-ля-ем!

Антон перекинулся через перегородку, поцеловал операторшу, потом перецеловал всю дежурную бригаду и выбежал на улицу. Сел в машину и какое-то время, не шелохнувшись, опустив голову на руль, пытался справиться с мыслями.

«Сын... Сын родился... Сын родился! Неужели Вадим остался жив? Неужели, неужели закончился весь этот кошмар? И с Лизой, его дорогой Лизой, всё в порядке...»

В памяти Антона мелькнула озорная весёлая песенка: «Лиза-Лиза-Лизавета, я люблю тебя за это... и за это и за то...» А собственно, за что «за это и за то»? Дальше он слов не знал.

Он вдруг вспомнил о том, что осталось ещё одно тревожное, но несложное дело — вернуть соседу машину. Маленький лихой «жигулёнок», который так выручил его в трудный момент. Семён, конечно же, простит его. Он хоть и пьяница, а человек добрый. Антон купит ему водки, и они славно посидят вдвоём...

На душе стало как-то светлее, теплее. И он, нажав на газ, тронул машину.

Лунный свет, словно белый портвейн, кружил голову. Чертовски хотелось спать. Неожиданно повалил мокрый снег. Одна снежинка, другая... И вот уже на лобовом стекле нависла снежная паутина. Антон включил «дворник». Будто пчёлка, зажужжал старый моторчик. Впереди блестела в ночи разделяющая полоса, словно линия чьей-то судьбы. «Дворники» не успевали полностью смахивать снег со стекла.

Антон устал бороться с тяжёлым сном и провалился в сладкую дремоту. И даже увидел сон — яркий и светлый. Большая поляна, словно море. Он стоит по грудь в ромашках и высоко поднимает над собой сына. Мальчик улыбается и тянет к нему ручки. И Антон кружит с ним, кружит, кружит, кружит...

Вдруг — откуда ему взяться? — зазвонил телефон. Мелодия какого-то знакомого шлягера звучала из бардачка. Антон испуганно проснулся. «Жигулёнок», виляя то вправо, то влево, разгуливал по встречной полосе. Впереди, беспрерывно сигналив и освещая дорогу дальним светом, накачивал на него тупорылый «КамАЗ». У Антона уже не было времени выезжать на свою сторону, и он с силой крутанул баранку влево. Машина съехала в кювет и уткнулась носом в заледеневшую землю.

А телефон всё звонил. Антон открыл бардачок и вытащил мигающую коробочку. Нажал на кнопку. Прямо из его ладони наружу вырвался грубый и сиплый голос:

— Семён! Это я, Вадик! Ты чего трубку-то не берёшь? Спишь, что ли? А у меня после вчерашнего трубы сохнут. Ну мы с тобой вчера и врезали! А помнишь, как ты меня ночью чуть не сшиб? Я, конечно, после нашего ещё добавил. Но ясность в голове имел. Стою это на дороге, ноги подкашиваются, внутри мутит. Ну, думаю, точно менты загребут. И вдруг вижу: ты едешь. Я вылетаю на дорогу и машу руками. А ты прёшь на меня, как танк. Хорошо хоть только боком зацепил. Это твоя, что ли, тёлка была, или кого подсадил? А ну колись, Семён...

Антон нажал кнопку. А в лобовое стекло улыбалась ему милосердная луна.

БИБЛИОТЕКА

Новый мир Сергея Малицкого

Малицкий С. Оправа для бездны: фантастический роман. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008. 569 с.: ил. (Фантастический боевик)

Книги Сергея Малицкого из серии «Фантастический боевик» уже нашли своего читателя — любознательно-го и вдумчивого, готового к сложным поворотам сюжета, интриге, сохраняющей свежесть до заключительных строчек, извечной борьбе добра со злом не по традиционно-сказочным законам, а по правилам Мира, созданного автором.

Вместе с героями романа «Компрессия» и трилогии «Арбан Саеш» мы теряем ощущение реальности и погружаемся в атмосферу загадочных предсказаний, мистических потрясений и без того сложного миропорядка, вмешательства в жизнь простых смертных разномастных магов, колдунов и демонов. Сбываются страшные пророчества, гибнут люди, рушатся цитадели. Но

появляются герои, самоотверженно борющиеся с врагами, не опасаясь колдовских заговоров и заклятий.

Книга «Муравьиный мёд» открывает новый цикл из четырёх романов Сергея Малицкого под названием «Кодекс предсмертия». Философский подтекст названия цикла одновременно и прост и сложен: у восточных философов есть учение о том, что, только родившись, человек начинает движение к смерти. Сложность — привязать этот путь к Жизни — тихой — уютной — яркой — оглушительной, но обязательно живой. Вероятно, для этого и нужен Кодекс.

«Оправа для бездны» — вторая книга цикла — продолжает вслед за «Муравьиным мёдом» знакомить читателя с новым миром. Сразу несколько бед обрушилось на Оветту, населенную различными племенами: нападение степного воинства, исход мертвецов, превращение вчерашних безобидных крестьян в лихих людишек... Спасти земли от гибели можно, соединив осколки зеркала судьбы, захваченные тремя колдунами, борющимися за власть над миром. Новый герой готов испытать судьбу, но жребий его пока не известен ему самому...

БИБЛИОТЕКА

Охота за призраками

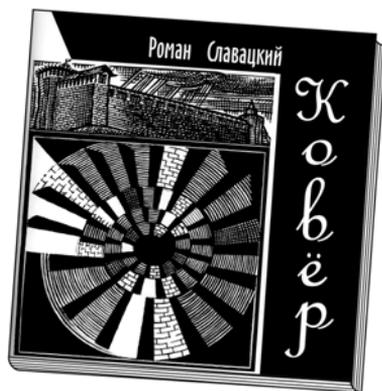
Славацкий Р. Ковёр: Стихи. Коломна: Издательский дом «Лига», 2008. 64 с.: ил.

Неспроста наша Коломна была избрана в позапрошлом году столицей Всероссийского дня славянской письменности и культуры! Древний город пронизан веянием веков, влиянием Греции и Рима, Византии и Высокого Возрождения. Коломенский кремль переполнен прекрасными призраками прошлого.

Роман Славацкий, один из самых талантливых поэтов Коломны, — профессиональный охотник за этими призраками. Золотыми сетями фантазии он ловит отзвуки времени и заплетает их в изысканные полотна своих сонетов. Отсюда и название книги его стихов — «Ковёр». И действительно, строки сборника напоминают шёлковое и золотое шитьё.

Утончённая звукопись, яркое и пышное плетение образов отразились и в иллюстрациях. Каждый сонет сопровождается графикой Василины Королёвой. Творчество художницы отличается удивительным умением сочетать выразительность миниатюры с величавой монументальностью. В её оформлении книги чувствуется стилистика средневековых шпалер и гравюр эпохи Ренессанса.

Элегантный, в духе «Мира искусства», макет сборника подготовлен издательским домом «Лига». Издание осуществлено при поддержке Благотворительного фонда «Коломенский кремль».

Евгений Юрьевич Юшин родился в 1955 году в городе Озёры.

Жил на Рязанищине, в Коломне (Шурово), в Забайкалье. Окончил Бурятский педагогический институт в Улан-Удэ. Член Союза писателей России. Живёт в Москве. Главный редактор журнала «Молодая гвардия».

Автор семи поэтических книг. Лауреат премии имени А.Т. Твардовского (1998), лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени А.С. Пушкина (1999), лауреат Литературной премии имени Александра Невского (2002).

Читателям альманаха знаком Е.Юшин-поэт. В этом номере мы представляем его прозу.

РАССКАЗ

ХУЛИГАН

1

Воскресным вечером городок затихал. Дневные труды по огородам завершались, и тёплая усталость собирала семьи к ужину. Один только автовокзал шевелился, поскрипывал фанерными скамейками и монотонно гудел. Дачники из окрестных сёл и из самих Клепиков стекались сюда в ожидании автобусов. Уставшие от грядок и горячего августовского солнца люди лениво поглядывали на часы в ожидании нужного рейса. Мужчины от скуки курили, женщины одёргивали непоседливых детей и оглядывали свои многочисленные сумки, тележки на колёсах. Около мусорной урны крутилась удивительная собачонка. Крупная, как у овчарки, морда с добрейшими глазами, ослиные уши, толстое туловище и коротенькие ножки делали её очень трогательной, неуклюжей и грустной. Тоскливо стало мне: устал, а ещё ехать и ехать. Жара немного отлегла, и розовое тепло недвижимо лежало на окнах, на подзаборной крапиве.

Подъехавший из-за угла «Икарус» резко остановился, встревожив купающихся в пыли кур. Народ встрепенулся.

— Касимовский, что ли?

— На Москву!

— Смотри-кась, полон!

— В касе делать нечего — пойдём к водителю.

Поспешил к автобусу и я.

— Погоди, погоди! Куда? — остановил водитель. — Мест у меня свободных нет. Сколько вас?

— Двое.

— А вас?

— Нас трое.

— Стоя поедете... Да куда ты, бабка! Глухая, что ли? — придержал он старушку, настырно пихающую впереди себя сумку навстречу выходящим из автобуса людям.

— Да я ж, милоч, пока здесь.

Народ послушно и понуро перетаптывался у двери, каждый старался протиснуться поближе к входу, а те, кто уже давно ехал и вышел поразмяться, с барским удовольствием оглядывали потенциальных пассажиров. На просящих чаще всего смотрят именно по-барски.

Пожилой мужчина, лет шестидесяти, сухонький, невысокий и юркий, натянул кепку и подошёл к плотному высокому молодому человеку.

— Поговорите с водителем, — начал он, — может быть, высадит этого. Ну нельзя же такое терпеть! Два часа едем — спасу нет!

— Вот сам и поговори, — ответил молодой.

— Правильно! — вступила в разговор дама в белой кофточке. — В Туме на остановке его предупреждали, что в милицию сдадим, — не угомонился. Мазурик! Всех замучил.

— Вот, — обратился к подошедшему водителю пожилой мужчина, — люди возмущаются: надо бы высадить хулигана.

— Сами думайте.

— Тут же дети, а он всё мат-перемат, — вновь поддержала разговор дама. — Уши вянут.

Но так ни на что и не решившись, народ стал рассаживаться по местам.

— Ну, бабка, теперь тащи свою сумку, — улыбнулся водитель.

Вслед за дамой в белой кофточке вошёл в автобус и я, поставил под ноги рюкзак и приготовился к утомительному четырёхчасовому стоянию.

2

«Икарус» мягко, словно под гору, покатил к Москве.

Девушка, сидящая у окна, загляделась на заревые облака, легко потянувшиеся над лесом. Она смотрела так очарованно, словно видела эту красоту впервые. «А ведь действительно, — подумал я, — именно впервые. Краски меняются каждую минуту! Жаль, что не обращаем внимания, проводим свои дни, ничего не замечая на пути, и ничего не происходит с нами, терпеливо привыкшими к повседневности. Так и жизнь можно прожить, монотонно, тихо, словно всего лишь один день!»

Размышления мои прервал нахальный голос стриженного под ёжик мужчины. На вид ему было лет тридцать пять. В расстёгнутой почти по пояс белой рубашке с короткими рукавами, в белых же брюках, плотный и невысокий, он был похож на всклокоченного белого петуха. Круглые, пьяные глазки его вращались медленно и бестолково. Почти постоянно он шаркал ногами, словно не мог усесться, вращал головой, пытаясь поймать чей-нибудь взгляд, зацепиться за него и тогда уж развернуть беседу. Я понял, что это именно тот тип, которого предлагал высадить пожилой мужчина, и потому отвернулся, чтобы не вступать с ним в разговор, а следовательно, и в конфликт.

— Мы что? А? — с дурной хрипотцой прозвучал его голос. — Уже поехали? И — вперёд! Правильно я говорю? Эй, водила! — заорал он на

весь автобус. — Гони, блин, скорее! Не можешь, что ли? Гони! Бензин кончился? Ша подолью! — И он, привстав, стал расстёгивать ширинку.

— Сядь, чудо болотное! Совсем, что ли? — осадил его стоящий рядом с дамой в белой кофточке парень. Его внушительный вид и орлиный взгляд не произвели на буяна впечатления, но пьяные ноги сами подкосились, и он рухнул в кресло.

— А ты не возникай! — продолжал бузотёр. — С тобой не разговаривают. Я вон говорю с кем. С водилой. Понял? Водила — человек! Понял? Быстро мне! На, купи две пачки курева... Хороших, — обратился он к пареньку, сидящему рядом.

Довольный сам собой, он развалился в кресле и наслаждался возможностью поиздеваться над слабым, упивался своим ничтожным могуществом.

— Не хочешь купить? — продолжал он. — Ну и хрен с тобой. А у меня есть. — И он достал из нагрудного кармана рубашки помятую папиросу. — Я заначил.

Он попытался несколько раз чиркнуть спичкой и наконец зажёл её. Потянуло дымком.

— Что же это такое? — возмутился сидящий на два ряда впереди пожилой мужчина. — Духота, у человека валидол под языком. Неужели никого не найдётся, чтобы высадить хулигана?

Народ загудел.

— Кончай бузить! Высадим...

— Надоел, мужик!

— Достал уже всех!

— Успокойся, — ровным голосом попросила пожилая женщина, сидящая сзади. — Погаси папиросу и успокойся. Высадят — что хорошего? Сиди себе тихо, скоро приедем.

Как ни странно, слова подействовали на бузотёра. Он потушил окурочек и достал билет.

— А кто меня высадит? Вот билет. Это мой билет! А эти стоят без билетов — пусть и выходят. Понятно?

— Понятно, понятно... — продолжала успокаивать пожилая дама. — Сядь себе и поспи.

— Сама, дура глупая, спи!

— Ну отдохни, отдохни...

— Ты знаешь ты кто? Ты дура глупая. Поняла?

Дама не обиделась, но мягко осадил буяна:

— Я в матери тебе жохусь. Ты мать свою разве так называешь?

— Я всех так называю. Вот так вот. Не мешай. Я, может, отдохнуть собрался. Поняла?

Минут на пятнадцать бузотёр успокоился, но потом вновь завозился, заёрзал, достал свою сумку и долго ковырялся в ней.

— Слышь, — он толкнул локтем своего соседа, — будем пить и закусьвать. Держи огурец. Держи, говорю! — Достал початую бутылку водки, прямо из горла осушил её на треть и протянул бутылку соседу.

— Не буду, — ответил тот.

— А я говорю — пей! — скомандовал бузотёр и, опрокинув бутылку, стал, приматюгивая, обливать парня водкой.

— Всё! Предел! — не выдержал один из пассажиров. — Водитель, останови! Высадим!

— Сколько терпеть? — подхватил пожилой мужчина.

«Икарус» притормозил. Что-то всё-таки сообразив сквозь свою пьяную одурь, хулиган притих и уставился в окно.

— Он больше не будет, — вступилась за него пожилая дама сзади. — Ты будешь спать. Да? — обратилась она уже к нему.

Тот кивнул.

— Мы поедем, и ты больше никому не будешь мешать.

Тронулись дальше. Смеркалось. Лес по обе стороны дороги слился в одну тёмно-зелёную стену, и небо над ним светилось уже неуверенно, жидко.

Некоторое время бузотёр в обнимку со своей бутылкой сидел тихо. Потом отхлебнул остаток, помотал головой и оживился.

— А кто это едет? — он наклонился к девушке, сидящей впереди него. — А-а-а. А я знаю. Я тебя видел. Тебя как зовут? — и попытался сзади обхватить её.

— Отстаньте! — девушка брезгливо отпихнула его руки.

— Не дёргайся, дура глупая. Я, может, тебя полюбил. Я если кого люблю — от меня фиг скроешься. Поняла? У нас с тобой радость будет...

— Опять, что ли, начинаешь? — с нотой угрозы в голосе произнёс парень, стоящий рядом с дамой в белой кофточке.

Бузотёр привстал, потянулся рукой мимо меня и схватил даму за ногу чуть выше колена.

— Ах ты, мразь! — оттолкнул его парень.

— Уйди вон! — не унимался хам. — Я твою козу... — и попытался ударить парня, но промазал.

— Тормози! — скомандовал кто-то из пассажиров.

Как по команде, мужики подняли бузотёра и почти что понесли из автобуса. У дверей подтолкнули к выходу, он споткнулся, ударился носом о дверь и вывалился в кювет. Поднялся. Из носа текла кровь. Затем он опустился на четвереньки, качнувшись, повалился в траву. В голове совсем помутилось. Допитая водка догнала предыдущую, перекрыла мозги и утянула в тяжёлый, болотистый сон.

3

Первые минуты ехали молча. Дама в белой кофточке уселась на освободившееся место. Пассажиры перекусывали, дремали, равнодушно смотрели в залепленные темнотой окна. И всё-таки на лицах, в глазах, в подчёркнутом молчании чувствовалось напряжение. Первой не вынесла тишины пожилая дама.

— Высадили, а как он теперь? — вздохнула она.

— Проспится, тогда поймёт как. Наука будет, — ответил парень.

— Комары-то его загрызут, — участливо вздохнула дама в белой кофточке.

— Ну ты вообще! — удивился парень. — Вправду дура глупая. Мало он тебя хватанул...

— Не дело, конечно, — вступил в разговор пожилой мужчина. — Лежит пьяный в кювете. Ночи теперь холодные.

— Ты-то, мужик, чего? — удивился парень. — Сам больше других орал, чтоб высадить.

— Я говорил-то... Думал, до дела не дойдёт. Думал — одумается... Попугать хотел.

— Горбатого могила исправит, — махнул рукой парень.

— Может быть, и надо было высадить, но не в лесу, а в милицию, — поддержала разговор ещё одна пассажирка.

— Где она, милиция-то? — возмутилась девушка у окна. — По всей дороге только лес.

Постепенно в разговор втянулось пол-автобуса.

— Высадили и правильно сделали. Тут до Егорьевска километров десять будет. Проснётся и дотопаёт.

— Пьяный он, как вы не понимаете? Пойдёт по дороге — сшибить могут.

— Он всех нас сшиб! Пусть теперь отдохнёт.

— А всё-таки жаль мужика. Каково ему теперь? Как бы чего не случилось.

Разговор то угасал, то вновь разгорался. И чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше становилось у нашего террориста сочувствующих.

Ночь уже приглушила городские звуки, когда вдали показалось здание Московского автовокзала. После всего случившегося настроение у пассажиров было такое, словно не хам и пьяница измывался над нами, а мы учинили над ним несправедливый суд. На душе у каждого было неприятно и хотелось лишь одного — скорей, скорей покинуть этот автобус, этих людей, раствориться в толпе, вернуться к своей обыденности, только бы не стоял над душой совестливый вопрос: во всём ли мы правы?

Два тополя в ночной тишине протянули друг к другу ветви, словно желая обняться. Что же это мы, люди, не можем понять друг друга, найти общий язык, забывая, что зло порождает только зло...

4

Дома я лёг спать. Но то ли блатное гитарное брэнчание и пьяная перебранка соседей, то ли переутомление мешали мне уснуть. Невольно вспомнились события дня: дорога, террорист. «А действительно, как он там?» — подумал я и стал представлять себе, что с ним могло бы произойти.

Вот он в кювете, в лесу под Егорьевском продрал глаза. Почувствовал, как тяжело давит в голове, ощупал припухший нос. Высокие деревья скрыли луну, и отсвет её лишь зыбко обозначил небо над дорогой. В такой ситуации можно почувствовать себя только букашкой в огромной траншее: справа — стена, слева — стена. Террорист оглянулся — жутко. Жутко потому, что вспомнил, как садился в автобус, чтобы ехать в Москву, как провожала жена... но почему и как он оказался на какой-то дороге среди леса — из памяти вышибло. Немного пройдя в одну сторону, он остановился, помялся на месте и неуверенно поплёлся в обратном направлении. Вновь остановился. В какую сторону идти?.. «Наверное, — подумал он, — на остановке вышел и уснул». Непродолжительные мысли, пихаясь, крутились в его голове, повторялись, как на заезженной пластинке, и от всего этого становилось безысходно. Редкие машины катили по шоссе,

но никто, конечно же, в столь поздний час не решался подвезти одинокого путника. Только часа через полтора еле-еле плетущийся трактор притормозил у обочины. Наш террорист не раздумывая забрался в кабину. Здесь хоть было и грязно, хоть и воняло соляжкой и силосом, а всё-таки чувствовалось тепло, да и двигаться было быстрее.

— Далеко? — добродушно спросил тракторист.

— Надо бы... в Москву... — подавленно промямлил наш пьяница.

Тракторист захохотал:

— А чего не в Париж? Я как раз туда за девками еду. — И уже серьёзно добавил: — Москва в другой стороне.

— Д-да?.. Ну... всё равно уж... Куда-нибудь до жилья.

— Видать, погулял ты, братец, — улыбнулся тракторист.

— Ага. Вырубился... Так, ёлки, получилось, блин... Главное, в автобусе ехал. Вышел перекурить, видно... и задремал. У тебя курить есть?

— Нет. Всё выкурил, — хлопнул по карману тракторист. — Ездил вот, да сломался, зараза. Через день его чиню. То одно, то ещё что-нибудь. Направил вот кое-как до дому доехать.

— А тут... Где мы?.. Место-то?

— От Москвы — девяносто.

Тракторист свернул с шоссе на просёлочную дорогу.

— Переночуешь у меня. Тут километра три от шоссе. А завтра направишься.

— Ага, — благодарно посмотрел на тракториста наш бузотёр. — Меня Василием зовут.

«Нет! — остановил я ход своих мыслей, — Василий на Рязанщине имя почитаемое. Этому гаду не подойдёт... Толик?.. У меня друг Анатолий — негоже равнять... Игорь?.. Тоже не подойдёт. Игорь — героическое имя. Вот как непросто, оказывается, подонку человеческое имя дать! Ну и фиг с ним, без имени обойдётся. А тракториста назову... Михаилом». Я вновь стал представлять ту картину, что могла бы произойти.

Ухабы качают, вертят полуночный трактор, и наконец дорога вытаскивает его к небольшой деревеньке в лесу.

— Приехали! — заглушил мотор Михаил. — Здесь и живу.

Террорист не торопясь вылез из кабины.

— А что сломалось-то?

— Да всё у него сломалось!

— Давай гляну. Я в этом деле пятнадцать лет пропахал. Кумекаю.

— Глянь, — согласился Михаил. — Пока умоюсь да пожрать сварганю. Фонарь у меня мощный — работать позволяет, — он глянул на столб. — Или ручной ещё принести?

— Неси. Мало куда тень ляжет.

Вышел пёс, поводил по воздуху своим кирзовым носом и нырнул под крыльцо. В свете фонаря террорист успел разглядеть узорные наличники на окнах, свежевыкрашенные ступени, резные столбушки и чёрную, как голенище сапога, шею хозяина дома. Он рад был хоть чем-то оказаться полезным этому доброму человеку, не требующему от него ничего, но пришедшему в трудную минуту на помощь. Набросил на себя халат, принесённый Михаилом, и полез в мотор. Потом уже, вымывшись, он сел за

стол, на котором дымилась картошка в мундире, а из керамической чашки выглядывали, как лягушата, огурцы в пупырышках; рядом светились в подсолнечном масле грибы, колечки лука, половина селёдки. Михаил навалился на стол и стал уплетать.

— Да, трактор у тебя мёртвый, — сочувственно произнёс террорист. — Но после моей профилактики недели две-три без ремонта гарантирую.

— Ишь ты, — ухмыльнулся Михаил. — Посмотрим. Да ты ешь, чего сидишь?

— Нутро... пишу не принимает. А вот чайку попью. Пить охота.

— Тебе сейчас опохмелиться... — Михаил встал из-за стола, сходил в соседнюю комнатку и вернулся с бутылкой самогона.

— И мне с устатку не повредит.

Террорист обрадовался. Выпили по рюмке, по второй, террорист стал закусывать, и внутри у него потеплело, пообмякло. А когда закурили, и вовсе сделалось спокойно, мягко на душе.

Он упёрся носом в кулак, и неожиданная, резкая боль пронзила его, а принятая порция самогона словно пробила мозги, — и всё вспомнилось... В одну секунду он вспомнил и словно вновь увидел, как пытался ударить какого-то парня, как мужики все разом нажились и почему-то вытолкнули его из автобуса.

— А-а!!! Так вот в чём дело! — прокричал он.

Обида и негодование хлынули в его душу. Он поднялся, не замечая изумлённого взгляда Михаила.

— Они выбросили меня из автобуса! Ты понял? Они выбросили меня! Суки!.. Я их достану!

И террорист рванулся на улицу. Он побежал по дороге в невозможной надежде отомстить обидчикам. Он бежал и бежал, но не в ту сторону, откуда приехал, а в противоположную, всё дальше и дальше от шоссе. Потом дорога сузилась, перешла в тропинку. Под ногами зачавкало, земля стала вязкой. Он остановился — впереди было болото. Отдышавшись, он пошёл назад, но и сзади тоже оказалось болото. И куда бы ни пошёл он — везде ноги тонули в вязкой жиже, готовой поглотить его целиком.

Наконец он добрался по кочкам до невысокой берёзы, и здесь, около неё, решил дождаться зари, чтобы уж потом, по свету, найти дорогу. Бег и рассветная свежесть сделали своё дело — в голове у террориста посвежело, и, успокоившись, он внимательно осматривался вокруг. Он видел, как рождаются над болотом туманы, как они по-кошачьи осторожно, пробуя под собой почву, кочуют друг другу навстречу, потом, словно в прыжке, устремляются в небо, оседают и вновь уплывают неизвестно куда, словно заползают под трухлявые пни и укутываются в мох. А когда поднималась заря, он совсем обалдел: живые струи сочились сквозь слоёные облака, которые растянулись, как губы в хохоте. Это над ним, дурным, хамливым и глупым человеком, смеялась природа. Так нелеп он был здесь, среди вольного и красивого, в своей белой, уже изрядно заляпанной рубашке, белых, по колено мокрых брюках, озябший, запутавшийся в дороге и в себе самом.

Заря поднималась красиво, выбирая самые неправдоподобные цвета, — надрезала облака, лепила из них то корабли, то невероятные небесные айсберги, и ломала ночь.

Он смотрел на всё это и никак не мог понять: что же так поразило его сегодня? Ведь сколько раз он видел утреннюю зарю, но чтоб так... И вспомнились ему те, прошлые зори. Последний раз он видел их в детстве, когда жив был ещё его закадычный друг Васька, погибший в Афганистане, не сели ещё за ограбление киоска Костя с Игорем, не утонул по пьяни Семён. Все, все друзья его детства были с ним, были открыты ему, памятливы и близки. Были живы тогда и мать с отцом, и бабушка... Те зори летели навстречу, жгли росой, и ему впервые за много-много лет стало так хорошо, что он уже готов был закричать от радости и благодарности тем людям, что высадили его из автобуса. Ведь не случись этого, разве стоял бы он теперь тут, в этом знобящем зареве, счастливом зареве, вместе со всем своим прошлым и будущим...

БИБЛИОТЕКА

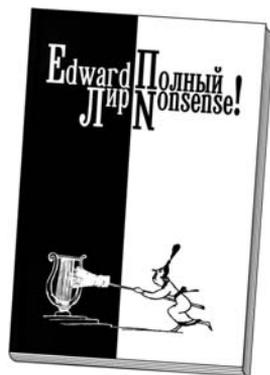
«Полный Nonsense!» Бориса Архипцева

Лир Э. Полный нонсенс! / На англ. яз. с параллельным рус. текстом / Пер. Б.Архипцева. М.: Изд-во журнала «Москва», 2008. 288 с.: ил.

Эта изящная, стильно оформленная книжка носит оригинальное — под статью содержанию — название. «Edward Лир. Полный Nonsense!». Аннотация к сборнику представляет автора-переводчика так: «Борис АРХИПЦЕВ — поэт, лидер коломенской переводческой школы, достойный продолжатель С.В. Шервинского и А.Г. Ингера».

Кроме того, мы узнаём, что Б.Архипцев — лауреат национального конкурса «Золотое перо Руси». Его работы неоднократно публиковались в отечественной и зарубежной периодике («Иностранная литература», «Русская мысль», «Новый берег», «Зарубежные записки», «Дети Ра» и др.). Переводил Саклинга, Байрона, Лонгфелло, Хьюза, Хаусмана. «Но настоящую славу Архипцеву принесло воссоздание на русском языке наиболее полного на сегодняшний день корпуса поэзии Эдварда Лира. За шестнадцать лет упорного труда Архипцев добился академической точности, сохранив при этом мелодию и строй английского стиха, а главное — неповторимое очарование британского юмора».

Книга «Edward Лир. Полный Nonsense!» прекрасно оформлена, богато иллюстрирована авторскими рисунками Э.Лира и снабжена параллельными английскими текстами, являясь, таким образом, не только высокохудожественным изданием, но и своего рода образовательным пособием.

Николай Иванович Гуцин родился в 1932 году в деревне Сельниково Коломенского района. В 1950 году окончил Коломенский паровозостроительный техникум. С 1957 года, после окончания Рязанского радиотехнического института, работает в Конструкторском бюро машиностроения (г. Коломна). В 1989–2003 годах — начальник — главный конструктор предприятия. Доктор технических наук, профессор, академик Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Лауреат Государственных премий СССР и РФ, награждён орденами Ленина, «Знак Почёта». В 2000 году удостоен высокой общественной награды России — национальной премии имени Петра Великого.

Сейчас Николай Иванович работает над книгой воспоминаний «Окский проспект». Эта книга — о коломенцах и о своём предприятии, которому главный конструктор отдал более полувека.

БЫЛЬ

ВЕРА

От станции, на которой я сошёл с поезда, до родительского дома было около двадцати километров. Давно не приходилось встречать Новый год в деревне: сразу же после праздников у нас в политехническом начиналась сессия. Не до поездок. Но в ту зиму я решил побывать у своих. Лёгкий предновогодний морозец, укатанная зимняя дорога и ощущение предстоящей встречи с родителями — от всего этого бодрее билось сердце и ноги шагали веселей.

Вьюга налетела невесть откуда. Всё закружилось в слепящем буране. Стало темнеть, и от одиночества в этой стихии стыла душа. Сельский зимник быстро сравнялся с заснеженным полем; телеграфные столбы еле различались. Встречный ветер стрелял снежной шрапнелью.

Закрыв лицо воротником пальто, я не сразу заметил нагнавшую меня легковушку: она каким-то чудом выросла рядом со мной из белесой мути. Дверца открылась, и звонкий девичий голос, стараясь перекричать бушующую вьюгу, скомандовал:

— Быстро садись в машину!

Крепкую фигурку девушки плотно облегал серый полушубок. На ногах — ладные валенки. Белый оренбургский платок, словно сказочное снежное кружево, покрывал голову.

Неистово завывавший ветер остался за бортом, но в машине всё равно было холодно.

Шофёр, мужчина средних лет, оказался балагуром:

— Как величать-то тебя?

— От рождения вроде звали Николаем.

— Ишь ты, юморной какой!.. Откуль взялся-то, весельчак?

— Студент. Тороплюсь на Новый год к родителям.

— Студент? Ну да, сразу видать: длинный и тощий. Наверное, шибко хорошо учишься, — зубоскалил водитель.

— Петрович, прекрати, — заступилась девушка.

Мы сидели с ней на заднем сиденье машины.

— Вера, ты придвинься к студенту поближе, а то ведь я его живым не доведу, в городском-то пальтеце! — не унимался Петрович.

Его советы были ни к чему. Вера сидела чуть на расстоянии. Но от неё шло обжигающее тепло. Близость девичьего тела, по-деревенски пышно-го и упругого, заставила учащённо пульсировать кровь.

Село, где она жила, было именитым, древним, зажиточным. Оно раскинулось по обе стороны от Оки: просторное, с тремя нарядными церквями.

Машина остановилась.

— Приехали, Вера, — сообщил Петрович. — Вот и твоя улица.

Девушка вышла, а я, достав купюру, попытался расплатиться с шофёром.

— Эх ты, студент! В честь Николая-угодника назван, а простых вещей не понимаешь. Человека-то не из-за денег спасают, а за живую душу. Ты лучше вот что: покрепче обними Веруню!

И машина его растаяла в темноте, словно это была не потрёпанная легковушка, а сказочные сани Деда Мороза.

Мы прощались с Верой на крыльце её дома. В свете фонаря таинственно блеснули светло-голубые глаза. За селом начинались леса, торфяники и болота. Там жили призраки древних ведуний, способные заманить в гиблое место или, напротив, спасти от смертельной опасности. Духи с таинственными очами цвета влажного неба.

— Кто подарил тебе такие красивые глаза? — спросил я.

— Мама, — ответила она.

На какое-то время мы перенеслись в другой мир: буря, дорога, родительский дом — всё отделилось от нас прозрачной стеной, стало миражом. Я тонул в потоке голубого света. А он лился нескончаемым потоком, поднимая меня над землёй в безоблачную высь.

— Куда же ты пойдёшь в такую погоду? Оставайся у нас: встретим Новый год с моими подругами, — мелодичным голосом вроде бы не предлагала, а просила девушка.

Хрустальный колокольчик слов рассеял колдовство, и вновь вернулись дорога, стужа и снег. И чёрный свод над головой, запорошенный белой пылью, без единой звёздочки, и вопли свирепой бури.

— Меня ждут родители... Надо идти, Вера! — с сожалением ответил я.

Её лицо приблизилось к моему.

— С Новым годом! — прошептала она и вдруг поцеловала: жарко, зовуще.

— С новым счастьем! — ответил я, с острой пронзительностью понимая, что в эту самую секунду моё счастье уходит.

Вновь метель поглотила меня. Дорога шла через вековой лес. Громадные дубы, которые в разливы Оки стояли в воде, будто заколдован-

ные исполины, слились в сплошную корявую изгородь. Темнота этого места наводила ужас, и я невольно вспомнил, что в войну здесь водились волки. Казалось, не будет конца этой дороге, этой буре. Тепло и солнце остались там, где Вера. Наверное, её молитвами метель стихла, и на возвышенности обозначились силуэты бревенчатых срубов. Родная деревня...

До начала Нового года оставался час.

Родительский дом встретил темнотою окон. Я долго возился с ключами, пока наконец вошёл... Никого. Всё ясно: уехали на праздник к бабушке, не дождалась. Как радостно трепетало сердце от предчувствия встречи! И каким постылым и обыденным оказался знакомый дом... С досадой забрался я на остывающую русскую печь. Её уже уходящее тепло согрело меня, но на душе было совсем невесело.

Зачем, зачем я не послушался Веры, почему не остался у моей спасительницы? Отказался от праздника, от счастья — и ради чего?

Только память жарких губ, только вкус незабываемого прощального поцелуя — вот и всё, что осталось от того Нового года.

Бывают мгновения, над которыми даже время не властно. Точно зачарованный притяжением спутник, они появляются в памяти снова и снова, вспыхивают ярко, словно кометы. Вера часто возникала в моём сознании. Её лицо, глаза, тело были почти реальны. А голос, бархатный и тихий, я слышал будто наяву: «Останься со мной, останься...»

* * *

Давно я собирался навестить родные края, да только во сне выпадало такое счастье. Вдруг привидится иногда деревня, далёкая юность, та волшебная новогодняя ночь... Но город со своей бестолковой суетой и сутолокой, с мелочными заботами и хлопотами не отпускал. То одно, то другое... И вот как-то мне удалось наконец оторваться от его душного серого асфальта.

На чёрной служебной «Волге» проехал по родным местам. Машина неторопливо катила по знакомому селу, спокойному и солидному.

Был тёплый июльский полдень. И вдруг меня обдало январским морозом. Это же — та улица! Верина улица...

— Влад, погоди, тормозни здесь! — крикнул я шофёру.

Машина остановилась.

Возле дома с богатым резным крыльцом мужчина в выжженной солнцем рубахе отбивал косу. «Вжик-вжик!» — звонко неслось по селу. Мужчина был невысокий, жилистый; коса на полголовы возвышалась над ним, но он умело и ловко управлялся с нею. Тучные шмели кружили над высокой цветной травой. По лугу перед домом, наперегонки с рыжей весёлой дворняжкой, бегали двое светловолосых мальчишек — видно, сыновья.

Увидав незнакомую машину, мужчина, оторвавшись от дела, глянул вопросительно, со спокойным достоинством.

— Молочка холодненького не найдётся? — спросил я.

На лице, прокопчённом летним солнцем, появилась скупая улыбка:

— Подождите, позову хозяйку.

Его коренастая фигура, по которой узнавался мастеровой человек, исчезла в доме. Хозяйка, располневшая женщина лет сорока, светловолосая, в простеньком ситцевом платье, появилась с кринкой молока. Разлила его по кружкам и пригласила к столу.

— Пейте на здоровье, — прозвучал мелодичный голос, и внимательный взгляд остановился на «городских» гостях...

Глаза... Такие знакомые глаза, цвета местного летнего неба, встретились с моими глазами.

— Как вас зовут?

— Вера Павловна я, — ответила она, и голос её слегка дрогнул, а взгляд повлажнел.

Всё смешалось в душе моей. Сквозь черты дородной женщины с первыми морщинками на лице проглянула юная девушка с такими же глазами, как в сказочную предновогоднюю ночь.

...Машина мчалась по приокской пойме, распластавшейся почти до горизонта. Справа оставались дома старинного села.

— Что-то вы погрустнели, шеф... — заметил шофёр.

Я рассказал ему всё — о той давней таинственной встрече, о прекрасном воспоминании и о том, как внезапно и прозаично столкнулось оно с реальной жизнью.

В ту ночь, ворочаясь в своей одинокой постели, я, против обыкновения, долго не мог заснуть. Простая деревенская женщина в лёгком ситцевом платье, светловолосая, вставала перед глазами. Полузабытая студенческая юность глядела на меня из далёкого далека. «Вера и не Вера... Похожа и непохожа...» — думал я. Вспомнился тот давний вечер, прощание на её крыльце... И лёгкая обида: вот ведь, сделала вид, что не узнала! А разве могло быть иначе? Конечно же узнала: и голос дрогнул, и глаза опустила... Но жизнь-то уже прожита — и у меня, и у неё... Двое ребятшек бегают, такие же светловолосые... и глаза, наверное, как у Веры — голубые. Их отец — мужик обстоятельный, мастеровой: если и пьёт, то редко, и в доме достаток... Эх, да что было, давно уж прошло! «Отоснилась ты мне навсегда»... Она, вернее, её мудрость «не узнала» меня, а я — оробел...

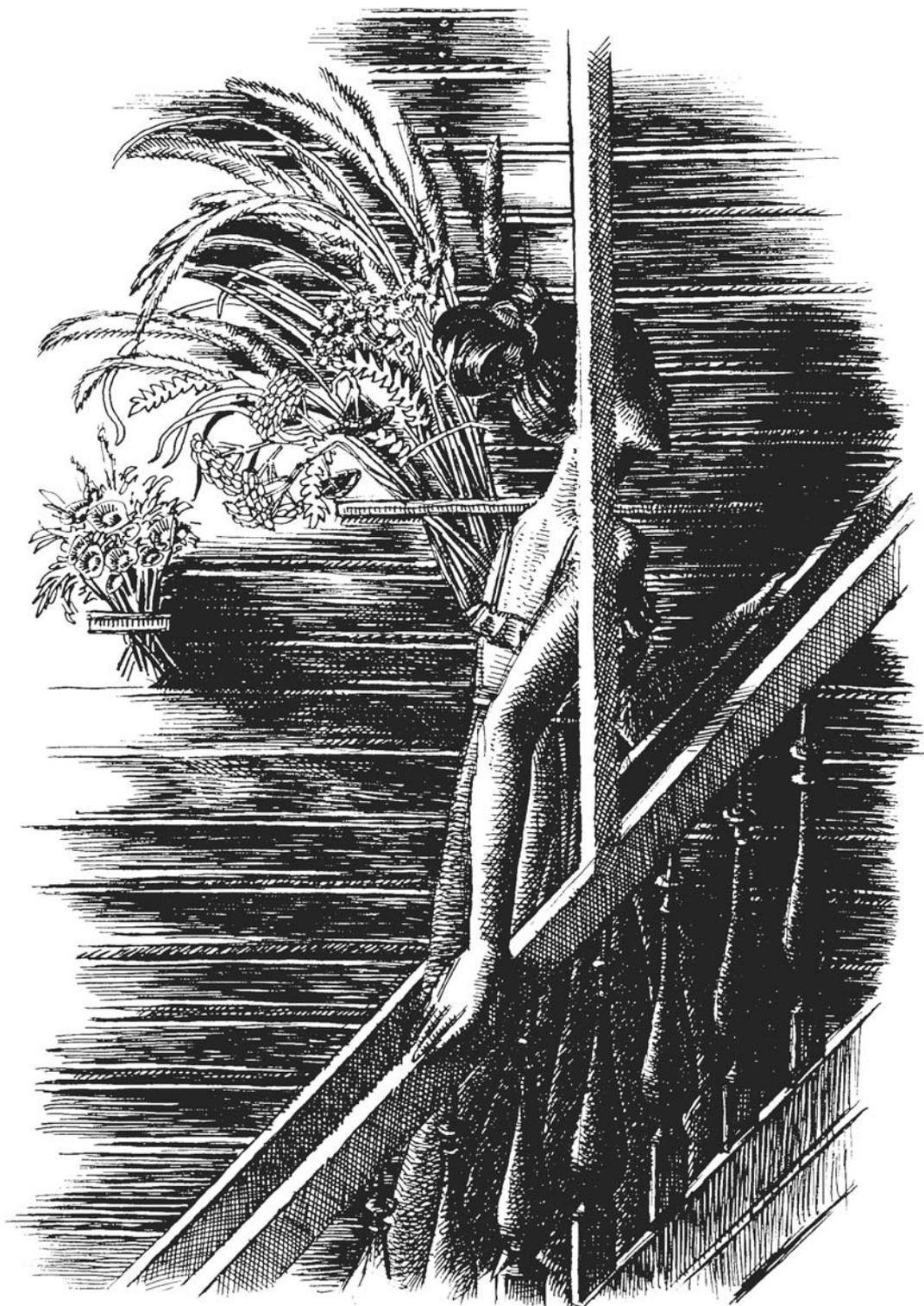
Начинающийся новый день, прохладный, бесцветный, уже заглянул ко мне в окно.

Тоскливо защемило сердце, плача о несбывшемся. Почему мы упускаем самое главное, самое важное, что дарит нам жизнь? Почему растопыриваем пальцы, когда судьба кладёт нам в ладони полувоздушную субстанцию великой радости?

ПОЭЗИЯ

Графика Василины Королёвой

ЗДЕСЬ ЕДИНЫЙ ОТЕЧЕСКИЙ ДУХ

Удивительно, что в наш прагматичный, компьютерный XXI век не исчезла в душах людей способность откликаться на всё волнующее стихотворной строкой. Создатель их причастен ко всему существу: малому цветку, высокому чистому облаку, прохладной речной волне.

В этом номере альманаха мы представляем не только коломенцев, но и авторов из самых разных уголков России. Огромна география нашей страны, и отраднo, что во всех её городах и весях, как вблизи от столицы, так и очень далеко от неё, бьётся живое, чуткое сердце Поэзии, рождается волнующее душу слово. И перелистываются, и светятся на плотной парче русской речи мерцающие и тёплые перлы стихов...

Татьяна БАШКИРОВА,
г. Коломна

* * *

Время летит в колеснице веков,
Вёрсты уносятся в синюю небыль.
Тают эпохи, как дым облаков,
Перед глазами огромными неба.

Бомба ли вниз или стрелы о щит —
Тело Земли всё в пожарах и ранах.
Небо бесстрастно... Небо молчит
И незабудки растит на курганах.

Графика Василины Королёвой

Юрий БАРАНОВ,

г. Москва

* * *

Пиджак влетел в немалую копейку,
Но это — внешние круги.
Моя душа одета в телогрейку,
В резиновые сапоги.

Она идёт российским бездорожьем,
Да хоть бы и по целине;
В любой ненастный день и в день погожий
Она своя в своей стране.

В таком наряде можно лечь на землю
И небесам в глаза взглянуть.
Его мудрец, его пастух приемлет,
С поэтами уж как-нибудь.

А если кто чего, так в душу глянешь
И чётко видишь все дела:
Та чучелом в смешной заморской дряни,
Та неприлична и гола.

У нас ведь как — обычно с третьей рюмки
На стол выкладывают суть,
И всё понятно даже недоумкам,
Поэтому — не обессудь.

А у меня — весьма высокий рейтинг,
Друзья признали и враги —
Моя душа одета в телогрейку,
В резиновые сапоги.

Алевтина БОНДАРЕНКО,

г. Коломна

ПОДСНЕЖНИК

А весна, как рождение мира,
От проталин следы пролегли,
Ещё холодно, ветрено, сыро,
Но подснежник стрельнул из земли.
Он рванулся из тёмного мира,
Тонкий лёд раздвигая плечом,

И надо всем — словно вечные странники —
Низко и плавно летят журавли.

Песню роняют, а песня печальная.
Родина, это прощанье с тобой.
И не печальная песня — прощальная,
Словно крыло над грядущей судьбой...

Помню — такая же осень стояла,
И — паровоз, и — сомненье в душе,
Сердце болело, и слов не хватало,
И журавли отлетели уже.

Хоть бы единый отбилса-остался,
Хоть бы не песню, а слово пропел...
Плакать бы надо, а я постеснялся,
В голос бы надо, а я не умел.

Михаил ВИШНЯКОВ,
г. Чита

* * *

Я родился для песен
в непесенный полдень России,
Тяжело дозревали
намокшие в ливень хлеба.
И крестьянские вдовы
в несжатых полях голосили
и ссыпали зерно
в непроветренные погребя.
Над большими дорогами
шли косяки перелётных.
Возвращались солдаты в шинелях,
как небо, седых.
Их встречали в полях.
Обступали устало и плотно.
И так долго глядели,
так жадно глядели на них.
Эта послевоенная осень.
Как нивы сырые,
с молоком материнским
впитал непонятливый я
боль несжатых хлебов
и протяжные всхлипы России
с её грозной судьбой,
с драматизмом её бытия.

Татьяна ВОРОБЬЁВА,

г. Коломна

НУ ЧЬЯ ВИНА...

Ну чья вина, что ты мне не отец,
И двадцать лет меня боишься тайно
За то, что я — неведомый птенец,
Дарованный семье твоей случайно.

Дарованный — чьей милостью, скажи,
Аллаха и Христа не поминая?
Но дважды мне подаренную жизнь
По горсти встречным людям отмеряю.

Люблю мужчин, доживших до седин,
Ищу того, что в детстве не хватило.
Но все мои герои, как один,
С тобою схожи — нежностью и силой.

Моя судьба — бродяжить и любить,
И провожать чужих отцов до гроба.
Но нам с тобой вдвоём не позабыть,
Что стрелки на часах завёл Чернобыль.

Отец, я жизни больше не боюсь.
Под нами мостик до безумья узкий.
Но отчего по-русски я молюсь?
И русский крест ношу, и пью по-русски...

Юрий ВОРОТНИН,

г. Дедовск Московской области

* * *

Край родной! Прозрей и внемли.
Паром тянет от земли.
Деревянные деревни —
Вот где крепости твои.

Было худо, будет хуже,
Будет лютая зима,
Но спасут тебя от стужи
Деревянные дома.

Горечь споров и раздумий,
Ледяные голоса
Растворят в зелёном шуме
Деревянные леса.

Путь наш после вознесенья —
В чернозёмные пласты.
Но как память и спасенье —
Деревянные кресты.

И в веках над снежным краем,
Над чертогами из льда
Всё горит, не догорает
Деревянная звезда.

Геннадий ГРИГОРЬЕВ,
г. Санкт-Петербург

* * *

Бога нет...
Ну что ж, и слава богу...
Без Него достаточно хлопот.
Сея в сердце смутную тревогу,
над землёй
пасхальный звон плывёт.

Бога нет...
Но так, на всякий случай,
позабыв про деньги и харчи,
затаи дыхание и слушай,
как пасхальный звон плывёт в ночи.

Всё сильней, всё праведней, всё выше
золотой
звучащею стеной
движутся колокола,
колыша
чёрный воздух
над моей страной.

Бога нет...
Ну что ж, я понимаю...
И, влюблённый в белый, бедный свет,
я глаза спокойно поднимаю
к небесам,
которых тоже нет.

Владимир **ДАГУРОВ**,
г. Москва

КОЛОМНА. ТРОИЦА

Мчит электричка меня с ветерком.
Боль возникает в душе от укора,
что не прошёл я ни разу пешком
от Хорошова до Конева бора.

Не оторвут от меня родники
невыхаемо-синего взгляда.
Место слиянья Москвы и Оки
предполагает величие града.

Город Коломна сияет огнём —
храмы вдали золотые, как митры.
Вижу окрест я такой окоём,
видел какой и московский Димитрий!

Сам он в кольчуге на белом коне
рать объезжает на Девичьем поле.
Родина вся на ладони, зане
это не просто простор, а раздолье!

Радуга с солнцем — как Господа взгляд.
Троица твердь голубую объемлет.
Если в земле этой родичи спят —
как мне назвать эту тихую землю?!

От родниковой воды я горю,
странником пешим иду по просторам —
прямо к Бобреневу монастырю,
прямо к коломенским древним соборам!

Андрей **ДЕМЕНТЬЕВ**,
г. Москва

* * *

Рублёвка живёт от России отдельно.
Она — как особое княжество в ней.
И столько князей расплодилось удельных!
И каждый гордится судьбою своей.
А где-то поодаль ютится Россия.
Растит урожай, ловит рыбу в прудах.

Она никогда за себя не просила,
А всё добывала в нелёгких трудах.
И русский народ — не князья и дворяне.
Не вхож он в чванливое царство господ.
Но что-то такое он знает заранее,
Что дарит надежду и силу даёт.

Наталья ЕВСТИГНЕЕВА,
г. Коломна

КОНСТАНТИНОВО

Украл, увёз от всех друзей
На родину Есенина.
В краю разбитых фонарей,
Где жизнь течёт размеренно,
Где речка, сад и старый дом
Да старики «с чудинкою»,
Как в измерении другом,
Что значит «глубинкою»,
Промчалось время, словно миг,
Нелепо, странно, сказочно...
Нам долго вслед глядел старик
Тоскливо и загадочно.

Что думал он? «Встречать рассвет
Приехали из города?»
Конечно, блажь... Он стар и сед,
Всё чаще пьёт без повода.

Но почему-то лишь сейчас
Вдруг ощутил беспомощность.
Рассвет ли старого потряс,
Иль вспомнил свою молодость...

Он отдалялся всё быстрее,
Став чуть заметной точкою,
Оставшись в памяти моей
Неповторимой строчкою,
Где речка, поле, старый дом
В деревне Константиново,
Над лесом сказочным костром
Рассвет горел малиново...

Владимир ЖИЛЬЦОВ,

г. Нижний Новгород

* * *

Солнце — на лето, зима — на мороз,
Сыстари так на Руси повелось.

Бьётся об лёд окушёк-краснопёр,
Катит зима из-за сказочных гор.

Сердце — на лето, душа — на мороз,
Хруст примороженных вечностью звёзд.

В латах из ваты бредут рыбаки
В сумерках сизых горячей зари.

Платья — на вырост, тела — на погост...
Мир, как и прежде, разумен и прост.

Коротко, ясно. Просить не проси —
Так и живут на великой Руси.

Николай ЗИНОВЬЕВ,

г. Москва

* * *

В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.

А мимо шел Творец Вселенной.

Остановившись, он изрек:

«Я друг униженных и бедных,

Я всех убогих берегу,

Я знаю много слов заветных.

Я есмь твой Бог. Я все могу.

Меня печалит вид твой грустный,

Какой нуждою ты тесним?»

И человек сказал: «Я — русский»,

И Бог заплакал вместе с ним.

Диана КАН,

г. Новокуйбышевск Самарской области

* * *

Молотила, косила, пахала,
и молилась, и шла в смертный бой...

Спит Россия... Россия устала.
Отдохни, чтоб проснуться — собой!

Зацелована жгучей метелью
до крещенского сладкого сна,
почивай на лебяжьей постели.
Да пребудет в тебе тишина!

Под своим покрывалом пуховым
ты заспишь и усталость, и грусть.
Ни упрёком, ни вздохом, ни словом
потревожить твой сон не решусь.

Ты пленительной юной царевной
возрождалась, как в сказке, не раз.
Твой уклад целомудренно-древний
обозначен морщинкой у глаз.

Голубая славянская жилка
чуть пульсирует возле виска...
Жив ли, жив ли твой витязь-курилка?
Иль его залучила тоска?

Сергей КАРГАШИН,
г. Борисоглебск Воронежской области

* * *

Горька полынь... Горька тоска-крапива...
Плывут... Плывут над Ситью журавли.
И так рыдают жалко, некрасиво,
Оторванные ветром от земли.
Куда теперь?! Вокруг поля пустые.
Дымят костры — жгут что-то пастухи.
Летите с Богом, милые, родные!..
Горька полынь... И вёрсты так горьки!..

Вадим КВАШНИН,
г. Коломна

* * *

На старом далёком кладбище,
Где воздух отстоян и чист,
Кружится, пристанища ищет
Последний берёзовый лист.

Снижаясь в закатные тени,
Рябин облетая семью,
Опустится мне на колени,
Присядет ко мне на скамью.

Рябиновый ветер застонет.
Далёкие звоны звонят.
Сюда и меня похоронят,
Сюда, где отец мой и брат.

Не знаю я, сколь ещё жить мне?
Прощай, дорогая родня.
Покой вам, а место держите,
Здесь место моё, для меня.

Вдохну этот воздух глубокий,
Как он удивительно чист!
Ну что же, пока, одинокий,
Последний берёзовый лист...

Евгений КИРСАНОВ,

г. Коломна

* * *

Пропало лето.
И пропало детство.
Упало ласточкой
с обрыва в глубину.
Мир ярок был —
Ну как не заглядеться?
Мир пёстрым был —
рисунка не пойму.
Заплатой жёлтой пляж —
а синей — море,
и голубое — небо.
Те цвета
просты, как струны
в жёстком разговоре,
Чисты,
как ледниковая вода.
Как счастлив пастушок,
послушно стадо,
и как поёт
зубчатая звезда,
распарывая небо
так, как надо,

чтоб обнажилась сути нагота,
Чтоб стёк рассвет
за чёрный край равнины
Великорусской,
данной ране нам.
Пропало детство.
В сердце, как в пустыне,
иду я по своим следам.

Валерий КОВАЛЁВ,
г. Коломна

ЖИВОЙ КОМЕТОЮ ЛЕТИМ...

Мы часто ропщем на природу,
Ступив за дверь,
Прильнув к окну.
Ругаем злую непогоду,
Дождей густую пелену,
Грозу, заставшую нас в поле,
Ворчим на слякоть
И метель,
И словно свет
Не мил нам боле,
Клянём ненастья канитель.
А далеко, за стратосферой,
Грустят планеты на лету.
Там ни воды, ни атмосферы,
Там перепад температур.
И жизни нет.
Мертво сознание.
Нет ни любви, ни доброты.
Лишь царство вечного мерцанья
И мрачной чёрной пустоты.
Лишь мы в безжизненном пространстве
Живой кометою летим,
В осеннем,
В зимнем ли убранстве,
Цветут иль отцвели цветы...
Мы родились
В прекрасном чуде!
Забыв про хмурь,
Отбросив зло,
Мне крикнуть хочется:
«О люди!
Нам так чертовски повезло!»

Сергей КОЗЛОВ,

г. Ханты-Мансийск

* * *

Отчего не поёт Россия?
Но зато беспробудно пьёт...
Раньше, помню, траву косили:
Хоть один вдруг да запоёт...
И в автобусе песни пели,
Если долгий случался путь.
Что же вдруг так все онемели?
Что же песня не ломит грудь?
Пели в поле, в лесу и в клубе,
Пели дома и у станка,
А теперь лишь кусают губы
Да катают в руках стакан.
И романса вечерней зорькой
Не поймать золотую нить.
Молодёжной скороговоркой
Песен русских не заменить.
Как бы мир ни казался тесен,
Но не сдвинешь плотней ряды.
Точно знаю, народ без песен —
Он как море, но без воды.
То ли русское небо меркнет,
То ли жить уж не вмоготу...
Слава Богу, хоть в русской церкви
Вместе с ангелами поют.

Леонид КОРНИЛОВ,

г. Москва

* * *

Моя прама-терь — амазонка
В седле расшитом. Меч в руке.
А за спиной — колчан с ребёнком.
И конь, распластанный в броске.
Простор качается под нами.
И я в разрывах дымных лет
Играю первыми словами,
Зажав коленками Тибет.
Сквозь пальцы лью янтарь варяжский.
И север пью, как молоко.
И слышу лук на вздохе тяжком,
Стрелу пускающий легко.
Взметнётся снег, прикрыв собою.

Ударит стремя по земле.
Но я, усыновлённый боем,
Как в зыбке, вырасту в седле.
И вновь увижу: в вихре конном,
Планету превращая в путь,
Несётся скифская мадонна
С младенцем русским, взявшим грудь.

Владимир КОРОБОВ,

г. Москва

* * *

В Москву! В Москву!
А что в ней делать?
Москва такая ж глухомань...
Заря за окнами зарделась —
Больная чахлая герань.
Об этом грезилось нам разве
В лугах, где травы и цветы?
В столице суетной погрязли
Провинциальные мечты.
Нет, лучше бы, чем здесь скитаться,
Лысеть и стариться, друг мой, —
В цветущей юности болтаться
В петле курчавой головой.

Лев КОТЮКОВ,

г. Пушкино

* * *

Все ушли — кто в закат, кто в рассвет.
Кто пришёл вслед за ними — не звали.
За снегами ни слова в ответ,
Только эхо последней печали.

Только эхо несказанных слов —
Бесконечное, страстное эхо.
Сон любви среди вечных снегов
В ожидании первого снега.

Мы забудем незваных навек,
И в любви мы воскреснем до срока.
Мы услышим во сне первый снег,
Снег, летящий на Запад с Востока.

Доживём до рассветной звезды
И в любви доживём до заката,
Где по первому снегу следы
Всех ушедших от нас без возврата.

Олег КОЧЕТКОВ,

г. Коломна

СУЩНОСТЬ

Васильки, как собачка — к ногам,
Так и ластятся, ластятся, вьются...
Не молился чужим ты богам,
Но свои — в стороне остаются...
Беспредельное поле вокруг...
Всяк здесь равен: чернявый ль, белёсий!
Здесь единый отеческий дух
Оседает в душистые росы!
Здесь едино: молиться кому,
В стороне от бетонки ревущей,
В травянисто-цветочном дому,
Сокровенною благостью сущей
Целиком растворяешься ты
В этом единоначалии вечном:
Облака, и трава, и цветы —
Этим, в сущности, станешь, в конечном...

Евгений КУЗНЕЦОВ,

г. Коломна

* * *

Бед было много, но песен не менее,
Светлых и прямо живых.
Новое в творчестве: свет, озарение
В городе злых постовых.

Что тебе надобно, грешная родина?
Многое требуешь зря!
Много изъезжено мною и пройдено,
Но пред глазами — заря!

Что тебя мучит, земля пани Моники?
Ну же, ответь от души!
Я и сыграю тебе на гармонике
Быструю пляску. Пляши!

Я подарю тебе песню заветную:
Звёздочку, зорьку с небес.
Только прости за любовь безответную,
Коей болею, балбес.

Станислав КУНЯЕВ,
г. Москва

* * *

Весенняя грязь на обочинах,
сплетенье намокших ветвей,
ужимки домов, озабоченных,
как вывести в люди детей...
Но мне совершенства не надобно —
пускай разворочен пейзаж:
ведь запахом тлена и ладана
грядущее не передашь.
Я лучше присяду на лавочке,
Где в юные годы грустил,
чтоб запах цветов мать-и-мачехи
всю память мою воскресил.

Михаил МАНОШКИН,
г. Коломна

ЗАПОВЕДЬ

Не гордись, что ты такой кудрявый, —
Поживёшь на свете — облысеешь.
Не гордись, что ты обласкан славой, —
Слава — дым: растает — пожалеешь...

Не гордись своим высоким ростом —
В старости находишься с клюкою.
Не хвались, что всё даётся просто, —
Будет время — не найдёшь покоя.

Но гордись своею добротою:
Доброе нетленно, бесконечно.
Самой изощрённой клеветою
Не унижить то, что человечно.

Но гордись, что не унижил чести,
Что святая правда за тобою,

Что был чужд высокопарной лести,
Что остался в суете собою...

Михаил МЕЩЕРЯКОВ,

г. Коломна

СТАРАЯ КОЛОМНА

А.Фёдорову

Не ту, где строгие колонны
парадный стерегут фасад, —
люблю я старую Коломну,
особенно её Посад.

Я не устану восхищаться,
когда в весенний светлый день
сады в заборах удержаться
не могут, выплеснув сирень.

Люблю покой его, и даже
бурьян на пустырях и хлам,
весь тот мирок малоэтажный,
куда легко по вечерам,

вдали от улиц оживлённых,
который день со всех сторон
от колоколен отдалённых
тягучий доплывает звон.

Мне часто видится: в апреле
среди разливающихся вод
взлетает монастырь Бобринев
и тихо над рекой плывёт.

Но вот светило на востоке
взошло, и растекался свет,
не задевая новостроек,
как будто их и вовсе нет.

Как будто маятник старинный,
раскачиваясь взад-вперёд,
взлетая, распрямляет спины,
спускаясь, за душу берёт.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО,

г. Сыктывкар

ГРОЗА

Люблю грозу. Навыворот душа.
Да больно страсть природы хороша.
Да этот гром и молния. И ливень.
И чистый до прозрачности перрон.
Да можно ли на свете быть счастливей,
Чем в этот миг, что светом оперён.

Люблю грозу и книги Гончарова.
Обрыв. Обломов, понятый едва.
Сегодня ночью, ровно в полвторого
Я повторяла русские слова.

Обрыв, Обломов. Как всё это рядом.
И хорошо, что их не извели.
Не поняли, списали на досаду,
На русскую бесхитрость земли.

А ливень лил, а молнии сверкали.
А бес бесился, а клубился мрак.
Но ангелы бесшумные слетали.
И гром под их бесшумностью иссяк.

Валерий МИХАЙЛОВ,

г. Алматы

* * *

Ветер, ветер... дыхание Бога...
То не лист ослабевший сорвало
С тёплой ветки корявой родимой —
То несёт моё сердце живое
На бескрайнем, как небо, ветру.

Зеленым-зелено оно было,
Золотым-золото оно станет,
В чистый прах его ветер развеет
И с собой навсегда унесёт.

Что-то в небе, как дым, растворится,
Что-то канет в бегучие воды,
Что-то грянет о камни чужие,
Что-то на землю родную падёт.

Олег ПОРТНЯГИН,

г. Сызрань

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В.Шемиченко

В питерских подворотнях
Ветер свистит с Невы.
Я бы пожить не против
Там, где живёте вы,
Питерские поэты —
Невские бунтари,
В городе, где воспеты
Нищие и цари.
Я бы прошёлся Невским
К всаднику Фальконе.
И ничего, что не с кем,
Мне одному — вполне.
Но хорошо бы где-то
Вдруг да в лицо узнать
Питерского поэта,
Было бы что сказать.
Мы бы к Фонтанке вышли,
Поговорили там,
Что у кого-то вирши —
Всё-таки не фонтан.
Но у других-то лучше:
Так пробирает стих,
Словно, пронзая души,
Ветер с Невы свистит.
Полные злой тревоги,
Боли за кровь страны,
Эти стихи на Волге
Мне хорошо слышны.
Да и у нас поэты —
Волжские соловьи —
Тоже не на куплеты
Тратят слова свои.
Вместе-то как засвищем,
Как зазвучит наш хор —
Эхо стихов услышим
Из-за Уральских гор.
Да и не важно это —
С Волги или Невы.
Главное — есть поэты
Не у одной Москвы.

«Видно, готов к дороге», —
Сам я себе сказал.
И, словно сами, ноги
Вынесли на вокзал.
Вот я и перед кассой,
Деньги достал из брюк.
— Девушка, мне плацкартный:
Сызрань — Санкт-Петербург.

Николай РАЧКОВ,
г. Тосно Ленинградской области

КОНЧИНА

На кровати лежит в передней,
Чист его величавый лик.
Умирает в селе последний
Пахарь,
 сеятель,
 фронтовик.

Деток вырастил. Нянчил внуков
И не пропил родную даль...
...Ты узнай его,
 маршал Жуков,
Обними и вручи медаль.

Борис РОМАНОВ,
г. Москва

* * *

Преобразив мою округу,
воздвигся храм на пустыре,
и стали сны светлы, все — в руку,
все — Русь Святая на заре,
верны предутреннему звуку,
как веток чернь на серебре,
березы в черном ноябре...
Как сердце, ждущее разлуку.

В предзимней пасмури в окне
вороньей тенью в небе мутном
застыл в молчании минутном
на колокольне — видно мне —

звонарь. Но вот качнулся он —
и грянул благовеста звон.
И снег посыпал, как во сне.

Геннадий РУСАКОВ,

г. Рязань

* * *

Мне дождик загремит и вымахнет из жбана —
прополощу гортань анисовой водой.
И шея светового барабана
раскроется коломенской звездой.
Кто жесть на крыше мнёт,
стрижей шатает в лёте?
Кто говорит со мной, а вас в округе нет?
Когда вы мне письмо с приветами пришлёте?
Отправите тычком «емелю» в Интернет?
В серёдке бытия отяжелели сливы.
Судьба моя пылит соломой на ветру.
Спасибо вам за то, что были терпеливы.
Вот яблоко для вас ладонью оботру.
Я вспомнил имена, но никого не знаю.
Свежеет Божий мир. Глядит в себя окно.
А я смотрю в него, зрачками проминаю,
как будто у меня последнее оно.

Юрий РЯШЕНЦЕВ,

г. Санкт-Петербург

* * *

Дали молчаливы, безответны и огромны.
Трубы с водокачками растут в живых лесах.
Около Коломны, около Коломны
чёрная дорога поседела на глазах.
Кто-то безунывный внёс живую перемену
в царство святотроицких Алён, Анфис, Марин.
Кто добавил охры в эту пасмурную стену?
Кто плеснул сиреневым в густой ультрамарин?
Это свойство русское: когда уже к пределу
всё пошло и кажется, вот-вот слетит башка,
тут душа и требует, как будто не по делу,
башенки капризной, продувного петушка.
Дальная? Скудельная? Метельная погода.
У подруги ангельской, я вижу по глазам,

наступает крайняя счастливая свобода:
дай ей спеть про ворона, ударить по газам!

Павел САВИН,

г. Белгород

РОДИНА

Тихая, скромная, робкая,
Кутаясь в синюю шаль,
Льнёт ко мне малая родина —
Радость моя и печаль.

Весело носятся ласточки,
В речке шумит ребягня,
Щурятся бабки на лавочках,
Сияясь припомнить меня.

— Родина, родина, родина!
Сердце, как колокол, бьёт...
Спрятавшись за огородами,
Детство притихло моё.

Волю почувявшим голубем
Память запросится ввысь...
Тихо на белую голову
Жёлтый опустится лист.

Евгений СЕМИЧЕВ,

г. Новокуйбышевск Самарской области

* * *

Месяц плывёт молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.
Каждый земной водоём
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нём —
Бог сыпанул — не пожадовал.
В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божью.
Реки, деревья, поля,

Не пропадём мы в безвестии.
 Наша планета Земля
 В Божие входит созвездие.
 Где бы я ни был — везде
 Жизнь принимаю с отрадою:
 К Божьей представлен звезде,
 Высшей отмечен наградою.

Роман СЛАВАЦКИЙ,
 г. Коломна

В САДУ У ВАЛЕНТИНА

Июньский настой
 Распалённых соцветий и трав...
 На заспанный сад
 пеленой опускается вечер,
 и яблони дремлют,
 узорные тени собрав,
 и тёплый закат —
 словно медленный век — бесконечен.
 В костре догорают рубином
 наброски стихов,
 и пение птиц
 наполняет вздыхающий воздух.
 И светлая ночь
 расстилает лиловый покров,
 и там, в вышине, —
 пробиваются первые звёзды.

Альбина СОЛЯНИК,
 г. Омск

ХЛЕБ, «КАЛАШНИКОВ» И ЛЮБОВЬ

Нет, не женское это дело —
 Рассуждать и писать о войне.
 Только лучше б душа не болела...
 Видно, это назначено мне.
 Принимать на себя потери
 Матерей, что ослепли от слёз.
 Укреплять всех в единой вере —
 Есть бессмертье, и это всерьёз.
 Такова, знать, судьба России —

К возрождению через смерть.
Чтобы в час последних усилий
Роковую пресечь круговерть.
Есть опора — на том стоим мы,
Ваньки-встаньки, поднимемся вновь.
Нам помогут, Богом хранимым,
Хлеб, «калашников» и любовь.

Геннадий СТУПИН,

г. Наро-Фоминск, Московской области

* * *

В мае весь в тучах летит небосвод,
Бешеный ветер и дождь ледяной.
И соловей на овраге поёт,
Не ожидая погоды иной.

Низкие тучи косматы, седы.
Ветер как плети, с дождём вперехлест,
И по оврагу — словно сады
Нежно-зелёные, мокры от слёз.

И, перепутав полдень с зарёй,
Между бушующих мокрых ветвей
Щёлкает наперебой сам с собой
Всё удалей и звончей соловей.

Се из последних, видать, мастеров,
Может, последняя песня его.
И отрицает пустыню миров
Пением — крошечное существо.

Владимир СУДАКОВ,

г. Коломна

* * *

Коломна. Старый город. Зыбь причала.
Через Москву-реку понтонный мост.
Удил механик. Женщина стирала,
со лба сдувая черноту волос.
В траве береговой скрипело, пело,
стучали сходни от тяжёлых ног.
И тут задорно, как-то неумело
ошпарил воздух тоненький гудок.
Из детства будто — грёб колёсник снизу,

молодцевато плечами плеча,
 муть разгонял. И репродуктор сизый,
 вдруг выдохнув: «Ка-а-алинка...»,
 затрещал.

Дала калина корни обочь поля,
 снялись вороны с солнечных крестов.
 Движок заторкал.

Встал механик подле,
 и край моста отплыл от ивняков.

Повозки пыльно встали.

Пароходик
 гуднул, нарядный, ржавому мосту,
 весь в ярких крендельках кругов, окошек.
 «ЕСЕНИН» — золотилось на борту.
 Мелькали пятна платьев ало-бело,
 на много вёрст лихой напев несло.
 Вслед —

распрявившись, женщина глядела,
 механик улыбался тяжело,
 мотоциклист свечу чехвостила длинно...

И, дым ржаной пуская в синеву,
 с Оки, от круч рязанских тополиных,
 «Есенин», веселясь,
 катил в Москву...

Светлана СУПРУНОВА,
 г. Калининград

ОЖИДАНИЕ

Как ночь крещенская светла!
 Не то от звёзд, не то от снега.
 По белым волнам проплыла
 Вдоль леса поздняя телега.

Плыла куда-то далеко,
 Плыла куда-то безголосо,
 Без скрипа тяжкого, легко
 Крутились старые колёса.

С холма — на холм. Наезжен путь.
 Сидел возница — осовелым,
 Порой курил, чтоб не уснуть.
 Сливался конь с простором белым.

Спала замёрзшая земля.
Окошко вдалеке светилось —
Как будто в снежные поля
Звезда, сорвавшись, укатилась.

Владимир ТОЦКИЙ,

г. Москва

* * *

Когда мы были Аладдины,
Как хорошо мы плохо жили...
Борис Рыжий

Я рос на озёрном просторе,
Мой день был сплетён из историй.
До света сидел у костра,
И жизнь мне была — что сестра.
Здесь сосны стакато скрипели
И пели ветра под свирели.
С рассвета вставали на хоры
Покатые сизые горы.
Здесь камни шептали, что Слово
Начало всего и основа.
И сельских церквушек убор
На Троицу радовал взор.
Легко мне давалось ученье,
А после — мои увлечения:
Лупить по воротам с наката,
Толкать самокат до заката
И прочий нехитрый набор.
Мы жили все бедно — богато.

Владимир УРУСОВ,

г. Москва

* * *

Были ночи — и звёзды падали,
и звенел соловьиный сад...
В этот вечер змеиной радугой
прошипел за окном закат.

Долго снились нам годы быстрые.
В медь листвы обернув метель,
распелась ледяными искрами
вся воздушная колыбель.

По следам драгоценной зелени
косо вьётся струя тепла.
Тень без имени, снег без времени
шелестит в глубине стекла...

В том раю мой костёр не светится.
И хрипит про любовь свою
только тусклый осколок месяца,
в глотку загнанный соловью!

Валентин УСТИНОВ,
г. Москва

* * *

Был чёрным сад.
В тумане травы зябли.
Шёл звездопад, чуть видимый в листе,
и, словно капли августовских яблок,
стучали звёзды глухо по земле
и рвались в травах, брызгая росой.
...Я шёл по звёздам — юный и босой.

Георгий ЧЕРНОБРОВКИН,
г. Олонец, Республика Карелия

* * *

А сны усталых городов —
они сухи, как горсть изюма.
Я слышу: падают с часов
секунды спелые без шума
и устилают плотью мир,
хрустят за каждым нашим жестом,
и в тихом сумраке квартир
ложатся пылью повсеместно.
И спят растроченные дни,
в желаньях быть или казаться,
и так мгновения ясны,
когда не надо улыбаться,
когда себе не надо лгать
и, слыша шёпот их песочный,
стихи записывать в тетрадь
на этой каторге бессрочной.

Олег ЧУХОНЦЕВ,

г. Москва

* * *

Когда в посёлке свет потух,
и прокричал со сна петух,
и прошумели ветви яблонь,
я, вздрогнув, ощутил на слух
тот пленный отчуждённый дух,
который был природой явлен.

Стояла ночь, и лай собак
стихал, усугубляя мрак,
и, стихнув, не давал забытья,
и мысль неловко, кое-как
толкалась, как ручей в овраг,
ища, во что бы воплотиться.

Наверно, там, таясь за тьмой,
досадная себе самой,
она текла прямей и шире,
а я, её исток прямой,
я так хотел, чтоб голос мой
как равный воплотился в мире.

Я так хотел найти слова
бесхитростного естества,
но чуждо, чуть касаясь слуха,
шуршала мокрая трава,
шумела чёрная листва —
свидетельства иного духа.

И в кадке с дождевой водой
дрожала ржавою звездой
живая бездна мироздания.
Не я, не я, но кто другой,
склонясь над млечною грядой,
оставил здесь своё дыханье?

Владимир ШЕМШУЧЕНКО,

г. Санкт-Петербург

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка ушедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

И светла моя грусть, и легка.
Отрекаюсь от пошлых мистерий.
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

Надежда ЩЕТИНИНА,

г. Коломна

* * *

Прекрасная дама стирает бельё,
обветрены красные руки её.
А доблестный рыцарь на белом коне
её прославляет в чужой стороне.

Кто знает, вернётся он к ней или нет...
Прекрасная дама готовит обед,
и моет кастрюли, и кормит свиней,
а рыцарь всё песни слагает о ней.

Как стан её тонок, загадочен взгляд,
и алые губы блаженство сулят!
Как ласковы тонкие пальцы её! —
А та всё стирает, стирает бельё,
и моет кастрюли, и кормит свиней...
И вряд ли судьба ему встретиться с ней!

Людмила ЩИПАХИНА,

г. Москва

ЭТА ЖЕНЩИНА

Держит голову, как королева,
Излучает загадочный свет.
Эта женщина — вечная Ева —
Заблудилась в развалинах лет.

На исходе судьбы хорошея,
Словно носит астральный зарок.
Эти ребусы — бусы на шее.
Эти тайны перстней и серёг!
Этот запах с оттенком корицы,
Этих платьев невысказанный цвет!
И во взгляде бывалой тигрицы
Хищный отблеск далёких побед.
Дышит время легко и беспечно.
Каплет с майских садов молоко.
Эта женщина — вечное нечто.
И искусство её — велико!

Насылает тоску и напасти.
И зовёт, и деньгами сорит.
Первородное зарево страсти
Над её биополем горит.
Сквозь бетонные стены и зданья
Проникает, как лёгкая тень.
Будоражит мужское сознание.
Бередит лихорадочный день.
Только губы сжимаются горше
Над прощальной полоской земли.
...Что её возраст — раз нет его больше?
...Что её годы, коль годы прошли?

Евгений ЮШИН,
г. Москва

* * *

Тучи хвалятся полушубками.
Режет стёкла мороз ледком.
Небо выцвело незабудками —
Молоком пошло, молоком,

Дождались-таки, обнялись-таки,
Накатила зима стакан.
Это кто нам полречки выстеклил?
Вьётся ветер, от снега пьян.

Семенит у корыта утица.
Я давно не сидел в саях.
И летит мне навстречу улица,
И качается в фонарях.

Мириадами звёзд, порошею
Льётся небо в мою ладонь.
Что-то тёплое и хорошее
Напевает в печи огонь.

Хорошо в избе после замети.
Печке в белый подол уткнусь.
А в углу с времён незапамятных
Над лампадами светит Русь.

НАШИ УТРАТЫ

24 марта 2008 года перестало биться сердце коломенского поэта **Елены Алексеевны Антоновой** (1953–2008).

Елена Антонова вносила в поэзию Коломны свою неповторимую ноту. Её простые стихи отличались искренностью, чистотой и прозрачностью, словно лесной ручей. Теперь этот родник иссяк. Но его отблески вспыхивают в нашей памяти россыпями прекрасных строк...

* * *

Друзья от нас уходят навсегда,
Теперь уже их не окликнуть строго
И не догнать у самого порога,
И не увидеть больше никогда.

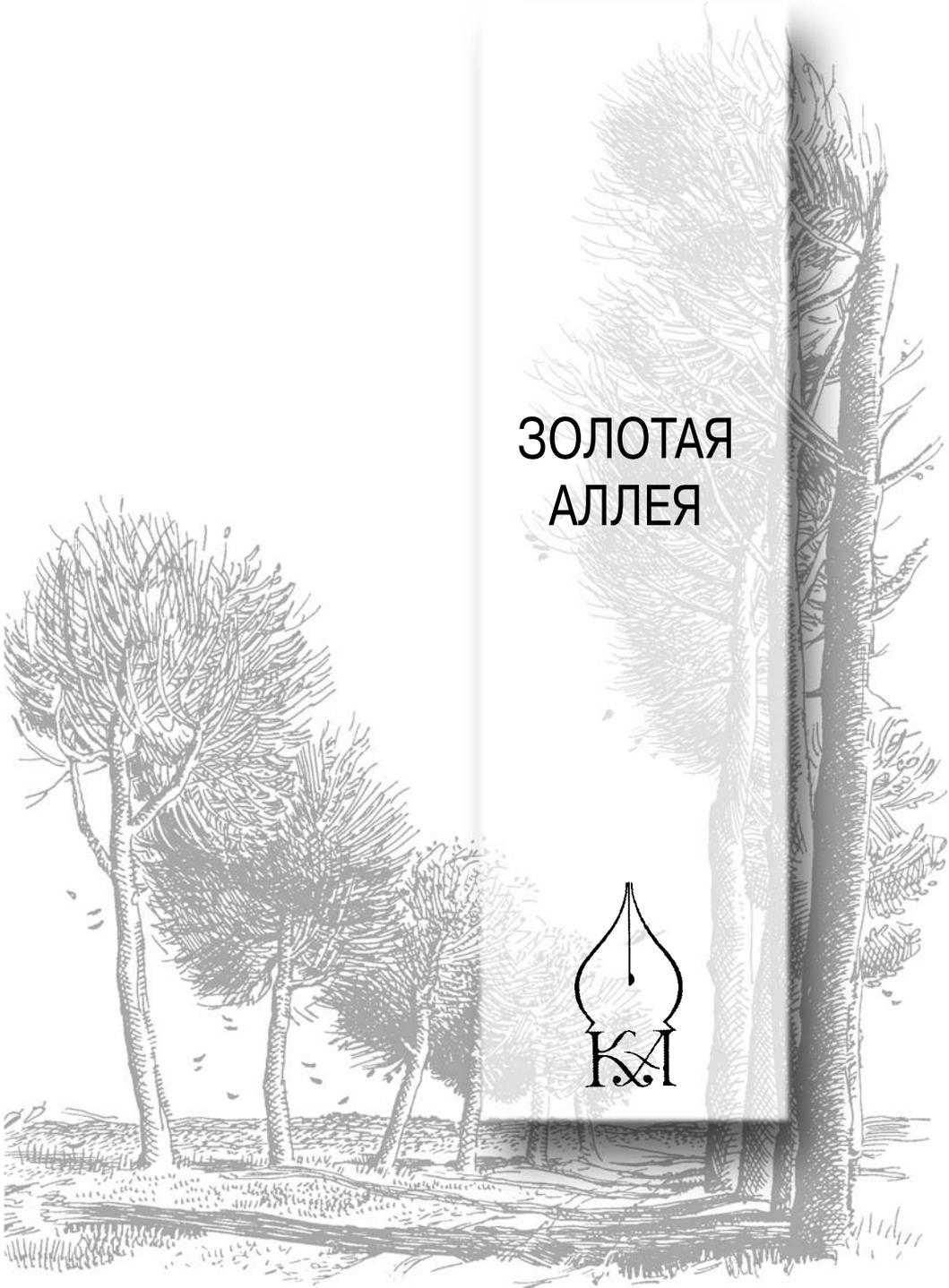
Зачем друзья уходят в никуда?
Зачем спешат в последнюю дорогу?
Быть может, души их нужнее Богу...
В куски рвёт сердце за бедой беда.

Боль не даёт с утратами смириться,
Всё видятся исчезающие лица...
Но вдруг ударит в душу яркий свет,

И возвратится тихое смирение,
Когда поймёшь в единое мгновенье:
Пока друзей мы помним — смерти нет.

Хрустальные строки Елены Антоновой будут помнить и читатели нашего альманаха, автором которого она была.

Коллектив редакции

ЗОЛОТАЯ
АЛЛЕЯ

Графика Василины Королёвой

Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) — поэт, переводчик, член Союза писателей со дня его основания, заслуженный деятель культуры Армении. Стяжал всероссийскую славу своими переводами из античной и романо-германской поэзии, из армянской классики. Основатель Черкизовского литературного содружества, где в 30–60-х годах жили, работали, гостили многие творцы Серебряного века русской поэзии.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сергей ШЕРВИНСКИЙ

НЕОСТЫВАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Гондола

Моей Венеции бесшумная ладья.
О тихая стрела! В дни горести одета
Ты чёрной бахромой. Люблю твой
траур я.
Нарочно создана, чтоб колыхать поэта,
Гондола плавная, под арками мостов
Скользящая крутым осеребрённым носом.
С неё внимать легко заботам стоголосым
Житейской музыки каналов и домов,
Посудой ли гремят иль упражняют
скрипку;
Легко и женскую приманивать улыбку.
Лишь с главной улицы просторною водой
Свернёшь ты в узенький канал
заплесневелый,
Твой гондольер, склонясь в своей рубашке
белой,
Крик гулкий подаёт, и за углом другой
Ему отвечает, и, рядом проплывая,
Проходят две ладьи, не задевая края.
Был благодатный май, когда под взором
звёзд
В гондолах плавал я, свободный,
одинокий.
Сползали ветви роз из-за стены высокой,
И тени белые перебежали мост.
Судьбой лелеемый и не желая лучшей,
Против минувшее, к пределу не спеша,
Я беззаботен был в Венеции плавучей,
Ей молча вторила влюблённая душа.

Из цикла «Соловей»

Ребёнок кашляет в постели,
Часы стучат, горит свеча,

Печь топлена, истома в теле,
И рифма бродит у плеча.
А рядом, в парке голосистом,
У ночи есть дела свои:
Всю ночь под окна с буйным свистом
На приступ лезут соловьи.

На окраине

(из «Стихов об Армении»)

Как подынешься в старый город,
Перепрыгнешь пенный поток,
Из проспектов и парков скоро
В вековой попадёшь Восток.

Здесь ветшающие балконы
Всем узором своих затей
Тени вписывают в наклоны
Облупившихся плоскостей.

Здесь отпасть зеркала не успели
В сталактитовых потолках,
Опрокинувшие постели
С заплатами на тюфяках.

Здесь под аркой былой мечети —
Несмолкаемый гам игры,
Койки ржавчина, чан из меди,
Поистёршиеся ковры.

А там по безлюдью сухому
У последних лачуг на слом,
Где безликий небесный омут
Перерезан косым стволом,

По камням бредя из упорной
Городской базарной жары,
Ослик тащится черномордый
В лёгкий воздух своей горы.

Кондитер

Под уступом скалы, на белёсом пути к Канакеру,
За камнями ограды — ручьём перерезанный сад,
Где чинар сановитый, где персики сладки не в меру,
Где топорщатся смоквы и мреет серебряный пшат.

Здесь кондитер живёт. Он потеет над тестом и кремом
Целый день в Ереване. Вернётся домой Арташес,
Гостя сам зазовёт — к философским склонен он темам.
Прочитает стихи, а супруга очистит дюшес.

Как-то в день выходной, под скалою, где сад Арташеса,
Брёл я в гору — и вижу: кондитер, до пояса гол,
Мерно ломом долбит вековечную толщу отвеса:
Вырубает ступени, уже до четвёртой дошёл.

Я приветствовал друга. В поту и в пылище знакомо
Улыбнулся кондитер: «К полудню закончу ступень.
Остаётся шестнадцать. По лесенке ближе до дома».
Лом на солнце блеснул и в горячий вонзился кремьнь.

Эчмиадзин

(Двадцатые годы)

В пыль приседают верблюдов горбы,
Кресло пустует индийской резьбы.
Кисти чужой кипарисы и розы
Просалили белый, как воск, амвон.
Чёрные Мкртичи и Мартиросы
Сдёргивают с купола тоненький звон.
Темень отпрянет песчаной бури —
И лбы наклонятся к миниатюре
В тоске, что когда-то умел монах
Под тонконогой, с подхватами, скиньницей.
Глазок монашеских угольки
Угодливо водят по затхлоу ризнице,
Где злomu поветрию вопреки
Милостью Божией не знали изъятия
Жезлы, потиры, пелён шитьё
И кем-то подброшенное вблизи распятья
И золотом охваченное копьё.
За оградой сады румянят плоды,
А здесь из глиняной немочи —
Ветла, что метла, и следы у воды
Расходуют сплетен мелочи.
Встречаются где-нибудь более двух,
Вздыхают: а было ль пророчество,
Чтобы угодников плотский дух
Обидел таким одиночеством?
Озарён ереванской турбиной,
Край и за полночь не тонет во тьме.
Вот миновали мы приют голубинный,
Узкоокий храм Рипсимэ.

Золотошитые сады сардара
Обвевал на лету бензин.
Так отведал я древнего дара,
Так увидел Эчмиадзин.

* * *

Воочию крошатся день за днём
Засохшим крылом саранчи
Закалённые древним иранским огнём
Изузоренные кирпичи.

Береги, Ереван, ненавистные
Голубые мечети свои,
Где деревья сомкнулись неистово,
Осенив водоёмов струи.

Их живые силы оставили,
Здесь безмолвие, бровь не хмурь.
Неповинны вожжённые в кафели
Светлый кадмий, роза, лазурь.

Пусть красуются усыплённые,
И пусть в положенный срок
Их разрушат враги законные —
Время, ветер, песок.

Коктебельские стихи

На палубе балконной, на циновках,
С рисунками на загорелой коже,
В дикарских многокрасочных обновках
Мы на себя, на зимних, непохожи.

Не потакая прихотям эстетским,
У голых ног, меж дынь и домино,
Не стыннут чашки с кофеем турецким,
И глиной пахнет жёсткое вино.

А между тем, нахмурясь на закате,
Морская багровеет пелена
И в сретенье серебряной Гекате
Короткой дрожью зыблется страна.

Овладевает быстро Коктебелем
Ночь южная. Собачий слышен лай.
Не исчерпать доверьем и весельем
Щедрот души, кипящей через край.

* * *

Сегодня Макс читает. Будет скучно —
Не каждый день к стихам наклонен ум.
В десятый раз уж внемлешь равнодушно,
Как пострадал пресвитер Аввакум.

Но на диване верхнем, там, где рядом
На полках у поэта явлен нам
Пленяющий разноязычным взглядом
У всех дверей испытанный сезам,

Плечо к плечу там дружный греет шёпот —
А на тенях от лампы к нам плывёт
Из-за оконных стёкол грозный ропот
Эвксинской тьмы, уже осенних вод.

* * *

Бухта забыла о жизни. Как полно и пусто!
Вытерты ветрами горных расщелин плащи.
Здесь остывает сует непоседливых усталъ —
Здесь и камней у вечерней воды не ищи.

Крепость молчанья от века холмы образуют.
Искрятся слюдами оползни пепельных лав.
Скинешь одежды — одни лишь одежды связуют
Цельность твоих первобытных раскованных прав.

Даже и слово на воздух ложится как бремя,
Сумрачный ветер аканфом сухим шелестит.
Похолодели пески и теряется время —
Ты не заметил, что лунным потоком залит.

* * *

Корки за окно! И пахнет дыней
Пыль купе, пока стоим в степи,
И тоска с акациями в тыне
Белым зноем станцию слепит.
Час и час ещё, но от Джанкоя
К югу мчат глаза, и нет покоя,
И о том, что море там царит,
У подножья гравий говорит.
И уже среди степей упрямых
К морю слева радостная дрожь
Громыкает стрелками у самых
С жаркой бронзы сброшенных одёж.
Бриться поспеши на Итальянский,

А побрившись, бросишься в упор
Смыть свой север пеной океанской,
Солнцем, золотящим помидор.
Здесь не место горести и страху,
Всё иным покажется окрест,
Лишь затреплет белую рубаху
С волнореза брызжущий зюйд-вест.
И казна родосского пирата,
Коль сравнить, не так уж велика
Рядом с кистью мокрого муската,
Богоданным за три пятака.

* * *

Керчь. Еврейская квартира. Ужин.
Греческой афиши не пойму.
И Акрополь, ветрами иссушен
Тысячу и больше лет тому.
Здесь металась поступь Митридата.
Понт пытал, не шлёт ли супостата
Рим иль скиф на град Пантикапей.
Трепетал Босфор, ветров дорога,
На венец зубчатый солнцебога
Свет неся из варварских степей.

Полдень. Зной, лелея княжье тело,
Свод сомкнул ступени, к ряду ряд.
Под навесом мраморная стела
Шепчет нам, что радость отлетела,
Что чета пред вечностью хотела
Длить ещё прощальный свой обряд.

Здесь и я не пасынок — потомок,
А века у памяти — что дни.
Руку жмёт мне глиняный обломок,
На горе подобран, у ступни.
Но уж катер с хрипюю трубою
От земли, что стала мне судьбою,
Нас во тьму везёт, меня с тобою,
Где на рейде зыблются огни.

* * *

Грек увидел с палубы триеры
Полуостров розовый и серый
И причалил, чашу возлив.
Уж не раз он дланью благодарной
Становил у волн станок гончарный

И общин аттических устав.
Пробежали по глухим заливам,
Дивно им, что к долам сиротливым
Не прилипла известь городов,
Где героев памятники славят,
Гаваней, куда ещё не правят
Смольной хвоей дышащих судов.
И немедля девственные склоны
Зазвенели песней и киркой.
Льются песни в рощах Персефоны,
И на глине белые грифоны
Местною намазаны рукой.

* * *

Приходили к консулу с докладом,
Что везут пшеницы меры мер,
Что на Запад Кафою с нарядом
Триста тридцать послано галер.

Что без счёта плачено солдатам
Ради хлебных гонуэзских тар;
Что побиты дротом и дукатом
Тысячи касогов и татар.

Подступы стерёг приморских пашен
Итальянский соколиный взор,
Заслоняясь машикулами башен,
Иззубривших завороты гор.

Бездна моря слева, бездна справа,
Но с сугдейской ветреной скалы
Как же ты, купеческая слава,
Рухнула под возгласы муллы?

* * *

Пыль и ласточки в покое ханском,
А разводы масляной мазни
С тусклотою люстр венецианских
Театральной ветоши сродни.

Странно, что из этих комнат ломких,
Залюбясь с царицей не тайком,
Руси всей Таврический Потёмкин
Угрожал ленивым чубуком.

* * *

Хорошо среди чужого края,
Отпустив по степи паровоз,
В тишине, вблизи Бахчисарая,
Разломить созревший абрикос.

Улица слепая с духом хлеба
Льёт в ладони горную слезу.
Олеандром вечереет небо
Через двухсотлетнюю лозу.

В тополёвой тьме необычайно
Барабан гремит, скрипит струна,
И за той решётчатой тайной
Ночь грустит, гаремом пленена.

* * *

Тишина. Жаровни. Шапки. Чётки.
В тень ореха, бел, как минарет,
Старец сел в обмотке белоснежной,
Аравийской памятью согрет.

Длинных платьев очередь к фонтану,
В синь и в пыль потушенный загар,
Медь кувшина над девичьим станом.
Горы мела. Карасубазар.

* * *

В общем, Ялта вся похожа чем-то
На романы Блейхмана. И всё ж
Ялта — самый настоящий жемчуг,
Вставленный в купеческую брошь.
Странно-милы улицы к Массандре,
Сладко-сухи кипарис и кедр,
И обильно пахнет олеандром
С летней сцены рвущийся концерт.
Где грохочет радугами пена,
Вестница весёлых летних бурь,
Труфлей тычет знаменитый тенор
Из качалки в вечную лазурь.
Были в Ялте и свои кумиры:
Там, косясь на запад и восток,
Богатейший из земных эмиров
Вывел свой сомнительный чертог.
А под ним сорокалетний Чехов,
От недуга прячась по весне,

Мутной сетью горечи и смеха
Моросил сквозь тонкое пенсне.
Наша Ялта... Огоньки базара
С виноградом, шашлыком и тьмой.
Я в тот вечер на фелюге старой
Отбыл в Феодосию, домой,
Поручив себя автомобилю,
Ветру, ночи, юности, судьбе...
Мчась из мест, где кратко мы любили,
В край эдемский, горестный тебе...

Дома

Лишь ставни откроют, и ночь вдруг рухнет.
Засветится темень белым платком,
Возня поднимается в доме. На кухне
Зачиркали спички, гремят молотком.

У ласковой зорьки свои привычки,
Она пробуждается раньше всех,
Плетёт над лесом свои косички,
Урок повторяет, глядя на снег.

Погладит собаку, поднимет с полу
Упавший шарфик, подымет рукав.
Так утро моё собирается в школу,
Лучом своим сонных перецеловав.

* * *

Сегодня у Тримальхиона
Обычный ужин, все — свои:
Банкир-сосед, одна матрона —
Но уж трепещут соловьи.

Молчат, не кроет перепонка
Их глаз до утренней звезды.
А утром защебечут звонко,
Чтоб люди думали — дрозды.

И чем Тримальхиону сладки
Их языки? Увы, узнать
По оперенью, по повадке
Легко мусическую знать.

По вящей скромности тем боле...
И вот расставлены силки.

Певцов поймали, прикололи,
Осталось жарить языки.

Холодильник

Молча идём. В ледяных коридорах
Слева и справа, сизые, синие,
Как уголовники на нарах голых,
Туши лососьи коснеют в инее.

Смотрят не видя, застыли, заснули
Красно-белёдые рыбы глаза —
Средь волн океанских не им ли в июле
Магнием молний мигала гроза?

Приблизимся — чуют, рыбищи вздрагивают,
Чтоб после, встретясь с земным теплом,
Я долго бредил, как, жилы вытягивая,
Покойница плоским плещет хвостом.

Пройдём — и смиряется туша острожная,
Вновь таинства жизни не заверша,
Вновь коченеет, живым растревоженная,
Живьём замороженная рыба душа.

Анна Ахматова

Сама не зная, торжествует
Над всем — молчит иль говорит;
Вблизи как тайна существует
И чудо некое творит.

Она со всеми и повсюду,
Здоровье чьё-то пьёт вином,
За чайный стол несёт посуду
Иль на гамак уронит том.

С детьми играет на лужайке
В чуть внятном розовом платке;
Непостижима без утайки,
Купаться шествует к реке.

Над блюдцем спелой земляники,
В холщовом платье в летний зной,
Она — сестра крылатой Ники
В своей смиренности земной.

И удивляешься, как просто
Вмещает этот малый дом
Её — мифического роста,
С таким сияньем над челом.

Она у двери сложит крылья,
Прижмёт вплотную вдоль боков
И лоб нагнёт со свежей пылью
Задетых где-то облаков.

Вошла — и это посещение,
В котором молкнет суета, —
Как дальний гром, как озаренье —
Земная гостья и мечта.

Свидание

Я приморское прервал скитанье,
От ливийских улетел кочевий:
Вечный Рим назначил мне свиданье
Поздней ночью у фонтана Треви.

Внука жарким обнял он объятъем —
И мгновенье на груди у деда
И забвеньем стало и зачатъем
От слиянья радости и бреда.

В дерзновенье световых потоков
Замирали, гордо-сиротливы,
Мраморные бороды пророков
И коней неукрощённых гривы.

Звуки Рима, как во сне, бездонны,
Полнили, спокон веков, знакомо,
Улочку с улыбкою Мадонны
На углу облупленного дома.

И ещё мне помнится — иль снится, —
Как, ища случайного причала,
Шёлковая чёртова черница
Бросила мне ласковое «чао!».

Рим

Умный пастырь, со своей отарой
Перебредший всей земли края,
Как же ты залюбовался, старый,
Ломаным фронтоном бытия?

Не твоей ли волею из тлена
Всех грехов, похоронённых тут,
Разметалась каменная пена
Портиков, порталов и волют?

И не ты ль, апостол полуголый,
Мраморов иссекший тонны тонн,
Взволновал над городом подолы
Мучениц блаженных и Мадонн?

Ты устал, о Рим. В печальном звоне
Несмолкаемых колоколов
Ты несёшь тоску своих агоний
В пышное безбожье облаков.

Анне Ахматовой

Я плыл Эгейским морем. Вдалеке
Зарозовел у берегов азийских
Мусический и грешный остров Сафо.
Кто ей внимал? — пять-десять учениц,
Немногим боле — граждан митиленских.
Пределом песен пенный был прибор.
Различны судьбы: ныне вся земля,
Многоравнинна, многоокеанна,
Лелеет имя сладостное — Анна.
Мне радостно, что в годы личных бед
И страхов общих мог я вам доставить
Недели тишины в моих Старках,
Отторгнутых потом по воле века.
Лета стояли знойные, но дом
Бывал прохладен и прохладен сад.
На каменной террасе, окаймлённой
Чугунными решётками, случалось,
Мы накрывали вместе чайный стол —
Я снимок берегу, где профиль ваш
Соседствует с семейным самоваром.
Я вам носил подушки на гамак —
Читали вы подолгу, и никто
Смутить не смел уединенья гости.

Мы в сумерки бродили вдоль реки,
Беседуя о всяческом. Я знал,
Что под руку иду с самою Музой.
Вы едете — о том шумит молва —
В Италию, принять дары признанья, —
Уже давно там лавры заждались.
Когда венчал Петрарку вечный Рим,
То честь была взаимная обоим.

Барокко

Сквозь развёрнутый свод в небосвод
Взмыв воздушною ангельской трассой,
И амвоном, и звоном зовёт
Чернь всемирную Рим седовласый.

В купол неба забросил шелка
К голоногим проветренным стаям,
Чтобы облачный храм Рыбака
Стал восторгом земным обитаем.

Рим, сжимая конвульсией крест
И хрипя в роковой конъюнктуре,
Истерических Божьих невест
Изваял в беломраморной буре.

Свой лелея апостольский штаб,
Приказал он завалам цехинов
Над экстазами бронзовых пап
Каменеть бахромой балдахинов.

А смиренная тень красоты,
Промелькнув по церковному входу,
Между тем окунула персты
В бережённую мрамором воду.

И, сжимая ладонь малыша,
Средь изломов пурпурного плена
Посияла простая душа,
Мимолётно припав на колена.

* * *

А можно, глядя на скворешни,
На ряску сонную пруда,
В духу крапив и яблонь здешних
Просозерцать свои года.

Лишь изредка, над облаками,
Оставшись за полночь одна,
Неостывающая память
Луной спускается до дна.

Гений русского перевода, Сергей Васильевич Шервинский за свою столетнюю жизнь даровал нам неисчислимые сокровища мировой литературы. Шедевры Греции и Рима, европейская поэзия — от Возрождения до Нового времени, армянские классики... Поистине грандиозный труд поставил мастера в один ряд с Гнедичем и Жуковским. Но в этой заслуженной славе есть и печальная сторона. Зачарованные исполинским объёмом его переводческих трудов, десятками тысяч алмазных строк, мы как-то забываем о том, что Шервинский — талантливый поэт, и его собственная лирика представляет особенный интерес.

Так уж получилось, что Сергей Васильевич оказался «в тени» своих более известных друзей: Брюсова, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама... А между тем поэтические книжки Шервинского — это целая страна, полная чудесных картин! Его живая лира ведёт нас от ослепительно прекрасной Венеции в Крым, переполненный античной, италийской и восточной экзотикой. Мы путешествуем из прокалённой солнцем знойной Армении в милое Подмосковье, полное нежной и щемящей красоты.

Поразительный феномен! В любой стране, в любой культуре Шервинский становится «своим». Подобно мифическому Протею, он может принимать любой облик, оставаясь в то же время самим собой. Эту удивительную русскую «всечеловечность» заметил ещё Достоевский в своей Пушкинской речи. И Шервинский унаследовал эту черту Пушкина, он тоже стал «всечеловеком», свободно воспринимающим свет любой цивилизации. Через его зрение, его слово нам становятся близкими и родными иные народы и страны.

Вместе с ним мы входим в круг поэтов Серебряного века, в бурлящую Москву и благословенный Коктебель. Шервинский мог с лёгкой иронией сказать о вечерах у Волошина: «Сегодня Макс читает. Будет скучно...» Это для нас Волошин и всё его поэтическое братство стали возвышенными литературными мифами. А для него они были добрыми приятелями и друзьями, над которыми можно и подшутить.

Шервинский начинал как неоклассицист. Но суховатая дисциплина этой школы постепенно дополняется мощью символизма и упругой жизненностью акмеистов. И величавый римский цикл Шервинского не уступает даже лучшим строкам из «Итальянских стихов» Блока.

В сказочном путешествии по строкам его стихов нас ждут венецианские каналы, сказочный Крым, восточное солнце... Нас ждёт золотая аллея Черкизовского парка, наполненная отзвуками далёких и прекрасных земель!

Подготовка текста и послесловие
Романа СЛАВАЦКОГО

НАШЕ
НАСЛЕДИЕ

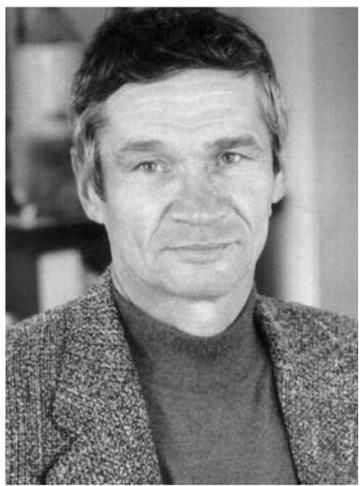
К 110-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ МХОВА

Графика Василины Королёвой

Александр ДЕНИСОВ

Александр Евгеньевич Денисов родился в Коломне в 1950 году. По образованию — спортивный педагог. Редактор краеведческого альманаха «Край Коломенский» и информационного издания «Коломенский краевед».

Автор более двадцати брошюр и книг по истории Коломенского края.

ЕГО БОЛЬШЕ ЗНАЛИ ПОД ПСЕВДОНИМОМ

Имя Николая Мхова было хорошо известно коломенцам в двадцатые–сороковые и шестидесятые годы по его материалам в местных и республиканских газетах и журналах. Но мало кто из почитателей творчества этого интересного человека и талантливого журналиста знал, что Н.Мхов — это псевдоним, что настоящая его фамилия Гальперин. Даже трудовой список (так тогда называлась трудовая книжка), выданный журналисту в 1928 году, был выписан на Мхова Николая Михайловича.

Николай Михайлович Гальперин (Мхов) родился 15 апреля 1899 года в селе Сасове Рязанской губернии в семье земского врача Михаила Александровича Гальперина и Аполлинии Александровны Гальпериной. В семье было шестеро детей, Николай был четвёртым ребёнком.

В начале девятисотых годов семья Гальпериных переехала в Москву, где позднее Николай окончил гимназию и учился в Московском университете, но не окончил его. Участвовал в Гражданской войне. Был ранен.

В 1920 году Николай Гальперин служил инструктором — организатором культурно-просветительской работы в кавалерийском запасном дивизионе, который стоял в городе Коломне. Про-

живал Николай Гальперин в доме Марфы Силуяновны Абрамовой, где и познакомился с дочерью хозяйки дома, молодой учительницей одной из школ города, Евдокией Васильевной Абрамовой. Молодые люди подружились, а вскоре и поженились. В 1922 году у них родилась первая дочь — Наталья, а в 1932 году — вторая дочь Ольга.

Вскоре после рождения первой дочери Николай Михайлович Гальперин стал сотрудником местной газеты «Коломенский рабочий». До сих пор в семье Натальи Николаевны Гальпериной хранится фотография, датированная августом 1924 года, на которой изображены члены редакции газеты «Коломенский рабочий», в том числе и Николай Гальперин (Мхов).

Тогда же появились в местном литературно-художественном журнале и первые рассказы («В лесу», «Новое», «Минька»), под которыми стояла подпись «Н.Мхов».

В те же годы в Коломне проживал известный своими рассказами и романом «Голый год» писатель Борис Пильняк, который в начале двадцатых годов сотрудничал в местной газете. Он часто заходил в редакцию газеты, общался с молодыми журналистами, критиковал их, делился опытом. По рассказам Николая Михайловича и Евдокии Васильевны Гальпериных, в небольшом деревянном доме под номером шесть по Малой Рязанской улице, где жила тогда семья Гальпериных, бывали Борис Пильняк, Михаил Праскунин, Сергей Есенин. Борис Пильняк, когда приходил к Гальпериным, любил появляться в их доме через окно.

Со второй половины двадцатых годов Николай Михайлович Мхов (Гальперин) работает в «Торгово-промышленной газете», в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», в газете «Гудок», в издательстве «За индустриализацию».

В конце тридцатых — начале сороковых годов Н.М. Мхов вновь работает в Коломне в редакции газеты «Коломенский рабочий».

Члены редакции газеты «Коломенский рабочий». В центре — Николай Мхов. Август 1924 года, Коломна

Членский билет профсоюза рабочих полиграфического производства СССР, выданный Мхову-Гальперину Николаю Михайловичу 6 июля 1929 года (профессия: Литератор)

Николаю Михайловичу понравился старинный город Коломна, ставший его родным, в котором он нашёл свою судьбу. Видимо, совсем не случайно вышла из-под его пера повесть «Коломенский завод», которая

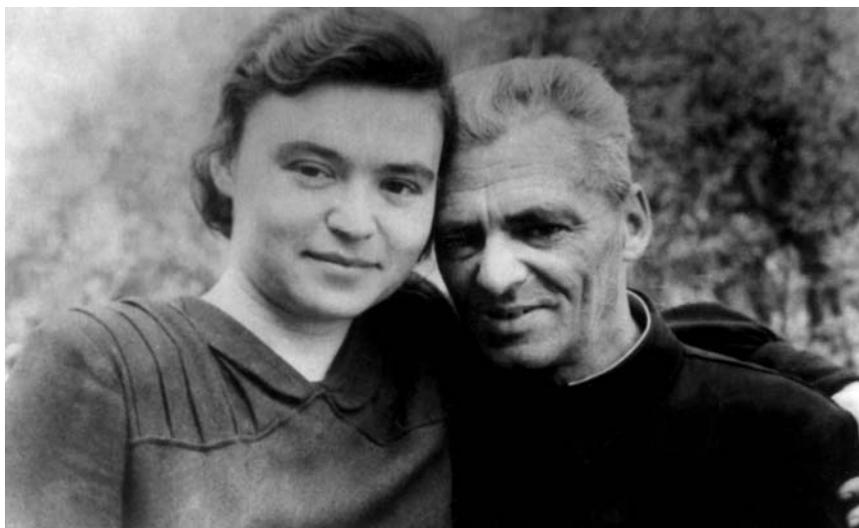
Николай Михайлович Мхов играет в шахматы с Юрием Кожанкиным. 1938 год, Коломна

была напечатана во всесоюзном журнале «Новый мир» в 1935 году, а затем перепечатана газетой «Коломенский рабочий». Эта повесть была с интересом воспринята коломенцами. Здесь Н.Мхов (Гальперин) впервые предстал перед читателями не только как журналист и писатель, но и как краевед. Позднее в местных газетах появилось ещё несколько краеведческих публикаций: «Интересные места нашего района» (1938), «По Московскому шоссе» (1947).

Публикации Николая Мхова всегда воспринимались с интересом, так как за обыденным он видел что-то красивое, живое, лиричное, в каком бы жанре они ни были написаны: будь то репортаж с лыжных соревнований, или фельетон о жизни завода, или рассказ-быль, или зарисовки о природе.

Николай Михайлович очень любил детей, проводил с ними всё свободное время. Об этом говорят все знавшие его люди. Он стремился передать детям всё лучшее, чем обладал, что любил. Так, его старшей дочери Наталье передалась любовь к истории: она окончила учительский институт, многие годы преподавала историю в коломенской школе № 26, организовала там прекрасный школьный музей, ходила со школьниками в многочисленные туристические походы. Младшей его дочери, Ольге, передалась любовь к природе, к животным. А его любимая внучка Ирина стала художницей. Ей, видимо, генетически по наследству передалась от деда любовь и способности к рисованию.

По воспоминаниям знавших его людей, Николай Михайлович умел находить общий язык со всеми: с детьми он был старшим товарищем, с рабочими он был рабочим, с крестьянами — крестьянином, с интересными людьми он был интересным собеседником, любил рассказывать анекдоты. Вот это последнее с ним и сыграло злую шутку в 1951 году, когда он был арестован за политический анекдот по доносу одного из своих

Н.М. Мхов (Гальперин) с дочерью Натальей. Лето 1941 года, Коломна

Николай Михайлович Мхов после охоты

собеседников. Затем был суд, который определил ему десять лет лишения свободы.

Четыре года Николай Михайлович провёл в местах заключения и лишь после смерти И.В. Сталина был освобождён с полной реабилитацией.

В 1955 году он вернулся в Коломну, но не смог найти работу по специальности. Работал в Колычёвской школе-интернате, в Щуровском каменном карьере, на комбинате асфальтовых изделий в посёлке Пески, откуда и ушёл на пенсию.

Находясь на заслуженном отдыхе, Н.М. Мхов (Гальперин) в начале шестидесятых годов активно сотрудничал с местной газетой «Коломенская правда». Тогда на страницах этой газеты стали появляться его лирические рассказы о природе Коломенского края, об охоте, об интересных людях. В это время многие читатели «Коломенской правды» с нетерпением ожидали очередных рассказов, под которыми стояла подпись «Н.Мхов». Да, действительно трудно остаться равнодушным, читая его рассказы «Урок воспитания», «Волчьи клещи», «Речушка-ручеек», «Отец», «Приметы весны», «Вестники весны» и многие другие.

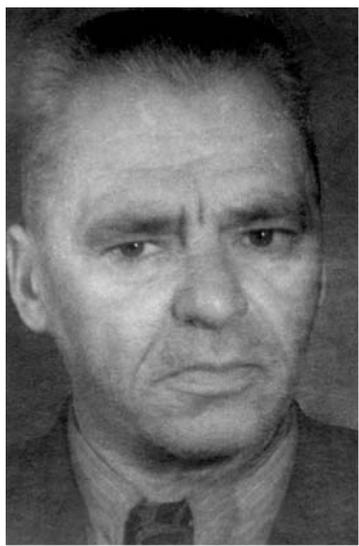
Николай Михайлович очень любил охоту. Видимо, поэтому среди героев его рассказов и повестей много людей, любящих природу и животных. В пятидесятые — шестидесятые годы издательство «Физкультура и спорт» ежегодно выпускало альманах «Охотничьи просторы», в котором в нескольких книгах были напечатаны рассказы Н.М. Мхова. Его любовь к природе, к охоте и рыбной ловле послужила поводом для знакомства с писателями Александром Старчаковым, Алексеем Толстым, Олегом Вол-

ковым. Последний оказал содействие в издании книги Н. Мхова «Лесные тайны», которая увидела свет в 1966 году.

К сожалению, Николай Михайлович Мхов (Гальперин) так и не увидел при жизни своей книги. Он скончался 15 мая 1964 года в деревне Климовке Коломенского района и похоронен в Коломне на городском кладбище.

Хочется надеяться, что имя интересного и замечательного человека, талантливого журналиста и писателя, коломенского краеведа Николая Михайловича Мхова (Гальперина) навсегда останется в истории Коломны и в памяти людей.

Николай Михайлович Мхов (1899–1964) всю свою жизнь прожил в родной Коломне. Впервые выступил как журналист ещё в двадцатых годах. Более же всего он известен рассказами об охоте и природе.

С отроческих лет сам писатель стал страстным охотником. Много лесных троп исходил он и, умудрённый опытом прожитых лет, создал ряд произведений, проникнутых страстной и трепетной любовью к родным просторам.

РАССКАЗ

МИХАЙЛОВА СТОРОЖКА

Только весной бывает такая густая, звёздная темень, такая живая тишина. В чёрном мраке ничего не видно, но всё слышно. Журчит ручей, хрустко падает сухая ветка; стремительно пронесится в невидимой высоте, с тонким посвистом острых крыльев, стайка уток; разрывая тишину, призывно крякает матёрая, ей успокаивающе жвакает селезень — и снова тишина. С разлива тянет холодком, из леса — прелью.

Мы сидим на ступеньках крыльца сторожки, за несколько шагов от которой начинается многокилометровый окский разлив, и слушаем ночь.

Лесничий Иван Петрович, высокий крепкий старик, не потерявший молодую подвижность, всю свою жизнь провёл в лесу, знает и любит его, как любят близкого, верного друга.

— Такие ночи для человека — радость! — негромко произносит Иван Петрович. — Они точно всю скверную житейскую с души смыывают. Чувствуешь себя добрым, сильным, способным на невесть какие хорошие дела.

Молчание. Каждый думает о своём. Вернее, не думает, а как бы растворяется в окружающей природе, наполненной животворной весенней силой.

Далеко над разливом протянул свистунок. Его умоляющий, певучий «клинн, клинн...» одиноко звучит в просторе ночи. Николай Петрович подал в кулак голос чирушки, и мгновенно рядом что-то шумно шлёпнулось в воду и нетерпеливо отозвалось: «Клинн!» Дескать: «Где ты, плыви сюда!»

— Это к теплу, — замечает Иван Петрович. — Скоро валом чирок пойдёт.

Вспугнутый чирок срывается, и уже издали доносится его зовущий мелодичный голосок.

— Я обещал вам рассказать, почему эта сторожка называется Михайловой. Вот сейчас, пожалуй, самая для этого пора — уж больно ночь хороша!

Иван Петрович звонко щёлкает крышкой портсигара, закуривает, на миг освещая крупные черты лица, седые усы, курчавую, старомодную бородку и нависший над бровями козырёк простого картуза.

— Лет шестьдесят тому назад жил здесь, в Ловцах, лесопромышленник Куржанов. Гонял плоты, торговал лесом. Построил каменный дом, завёл звероподобных псов, разжирел, весь ушёл в наживу. Был он вначале простым плотогоном, ловким, башковитым хлопцем. Толкуют, где-то под Царицыном плот разорвало, брёвна по всей Волге расплылись — хозяин заголосил благим матом. Куржанов его и тюкнул по затылку, да и концы в Волгу, а сам с деньгами у нас в Ловцах появился. Поставил миру пять вёдер сивухи, получил надел, сбил артель плотогонов — и пошла писать губерния! Через два года сельчане уже перед ним шапку ломали, староста за ручку здоровался, Василием Прохорьчем величал! Впрочем, это не так уж интересно. Таких случаев в старой России сколько угодно было — кто не знает, как появлялись наши деревенские богатеи!

Вспыхивает папироска, подчёркивая непроглядную чернь ночи; в глубине леса простонала сова, за сторожкой шумно всполошились встревоженные грачи.

— Ласка подкралась, — поясняет Иван Петрович и, глубоко затянувшись, продолжает свой рассказ. — Обзавёлся Куржанов семейством, женился, дочка родилась, потекли дни за днями, год за годом... Маша подросла. Отдали её сначала в приходскую школу, а потом в Рязань, в гимназию. Вернулась к нам сюда Маша девушкой, да какой! Косы, брови, рост — царь-девка!.. Первой по округе невестой стала, от женихов отбоя нет. Сынок рязанского полицмейстера два раза с папашей наезжал — по Оке на лодке катались, верхом в луга ездили. Но, видать, девичье сердце не созрело ещё до любви. Надо полагать, всё бы кончилось весьма обыденно, как и положено дочери богача: подошла бы пора, появился бы подходящий избранник, сынок купеческий, — ну и «Исайя, ликуй!», а дальше пошла бы жизнь — слепок с родительской. Жили бы, богатели, деток рожали, если бы не случай. Да-с, случай! — повторил Иван Петрович и надолго замолчал.

Ночью, едва смолкнет человеческий голос, сразу становится необычайно — до звона в ушах — тихо. Но уже в следующий миг начинают обозначаться лесные звуки, и через минуту-другую непроглядная весенняя темень вновь наполняется отголосками незатихающей жизни птиц, воды, деревьев, воздуха.

— Охотник я, как вы знаете, с мальчишеских лет. А в ту пору я уже был студентом Межевого института. Сам я здешний, ловецкий. Приезжая домой на каникулы, разумеется, все зори на разливе с кряквой просиживал, а иногда с полночи в лес на глухарей отправлялся. Ах, какие у нас здесь бывали охоты! Не поверите, по десятку селезней в зорю брал,

к трём глухарям на токах подходить успевал! Сижу как-то вот однажды в завехе, поглядываю на чучела — их вокруг целая стая рассажена: гоголя, шилохвостки, чирки, вдруг слышу — кто-то легонько веслом постукивает. Надо сказать, у нас вся утиная охота в челне на плаву происходит. Челны видели наши — сухие, удобные: мы и спим в них, и чай распиваем. Въедешь в залитый куст, оплетёшь ветки еловыми лапами, положишь поперёк челна дощечку и посиживаешь — благодать! Смотрю — утка встрепенулась, зашлась голосом, вытянула шею, распласталась на кругу, осаживает: «ах, ах, ах!» — прямо-таки сама не своя!

А селезень — «жа, жа-аа, жа-аа!..» Кружит над ней, над завехой, осматривается. Я замер, застыл с ружьём на весу, не шелохнусь, а он всё кружит и кружит, сторожкий такой попался, видать, пуганный. Наконец не выдерживает — круто скользит к воде, но, не коснувшись её, вдруг взмывает ввысь и исчезает. Я со вздохом опускаю сразу отяжелевшее ружьё на колени, и в тот же миг из-за куста на челне показывается человек. Подплывает. Вижу — парень не наш, чужой. Волосы назад зачёсаны, глаза внимательные, спокойные, грудь широкая. Расстёгнутый ворот обнажает крепкую смуглую шею. Лицо мужественное, красивое. Полюбовался сложенными на корме селезнями, знающе осмотрел мою централку, похвалил чёлн. На вопросы отвечает коротко, деловито: плоты вяжет у Куржанова, сам дальний, из пинских мест, дескать, плотогон природный, наследственный, сюда случайно с плотом попал да и застрял. Объяснял скупно, но точно. Зовут Михаил, фамилия Ботов, охотник. Пригласил вместе на тока сходить. «Облюбован, — говорит, — у меня тетеревиный ток, шалашик поставлен на полянке с редкими кустиками». Условились встретиться на следующий день, отправиться туда ночью, чтобы до рассвета засесть в шалаше. В разговоре, в жестах, в манере держаться что-то явно было в нём не мужицкое. Бросались в глаза сухие, тонкие, смуглые руки, чистые белые зубы, небольшие подстриженные усики и добрая, прямо-таки обаятельная, освещающая лицо улыбка. Понравился мне Михаил,

очень понравился! Особенно живописно он выглядел, когда, стоя в челне, управлял длинным веслом — стройный, гибкий, стан чуть раскачивается в такт движению весла, ну прямо античная фигура атлета! Чшш!.. — останавливает сам себя Иван Петрович, настороженно повернув голову и предостерегающе подняв указательный палец. — Слышите?

За сторожкой гугукали на кормёжке гуси. Их тревожные голоса говорили о какой-то неожиданной опасности.

— Лиса подкрадывается, — объяснил Иван Петрович. — Да вряд ли что у ней получится — сухая прошлогодняя трава шуршит, гуси за километр слышат — птица сторожкая, чуткая.

Сидим молча, слушаем. Над разливом плывут редкие звонкие удары: это в Ловцах на колхозной ферме сторож отбивает часы ударом молотка о подвешенный обрезок рельса.

— Раз, два, три... полночь, — просчитал Иван Петрович. — Звук-то какой от воды — музыка! Вот однажды в такую же бархатную темень дождался я в челне рассвета и вдруг слышу тихий всплеск весла, горячий, прерывистый шёпот, и мимо меня тенью проскользнул чёлн с двумя силуэтами. По какому-то неуловимому признаку определил: Михаил, — и нехорошо подумалось: «Неужели отправился чужие мережи поднимать?» Были у нас такие охотники на чужое добро: у рыбаков из сетей рыбу выкрадывать. Мне даже больно стало от такой мысли. К этой поре я уже подружился с Михаилом. Нередко после той памятной сидки на тетеревиные и глухаринные тока ходили, на тягу вальдшнепов... Глаз у него был верный, расстояние определял точно, ни зряшных движений, ни рассеянной суеты у него не было, рука была твёрдая — навскидку стрелял замечательно. Промахивался он редко. Пришлось узнать о нём побольше, и стали понятны его немужицкие руки и складная, толковая речь, начитанность. Был он выгнан из Московского университета с «волчьим билетом» за участие в беспорядках и сослан в Тобольскую губернию под надзор полиции, откуда бежал на Каму. Здесь удалось пристать к плотогонам, раздобыть вид на жительство на имя Михаила Александровича Ботова, поступить на работу к Куржанову. Я гордился им! Для меня он был борцом за правду народную, за свободу простых, угнетённых людей — и вдруг рыбу у рыбаков из сетей ночью выкрадывать! Нехорошо мне сделалось от такой мысли. В одну минуту спрятал кошёлку с уткой в куст, вынул круг, чучела, чтобы не стукнули случайно, и вымахнул из шалаша. Вы знаете, как мы, ловецкие, челны ведём — капля с весла не упадёт! Ни единым звуком тишины не нарушим. А быстрота — на шлюпке не угонишься. Ну где было Ботову со мной тягаться! Красивый он, слов нет, ловкий, ладный, может быть, во сто раз удалее меня, но в челне передо мной — кляча! В десять махов нагнал, призраком возник перед ним. Подвёл чёлн к борту, прохрипел: «К мережам за рыбой, у бедняков гроши...» Не успел договорить, как схватил меня за ворот Михаил, притянул к себе. Как мы не свалились в воду — не знаю! Как не перевернули чёлн — непостижимо! В тот же миг раздался пронзительный, испуганный крик... Я остолбенел. Отпустив меня, он быстро наклонился к вскрикнувшей и заговорил успокаивающе тихо. Мне стало стыдно до слёз. Я забормотал извинения, я умолял простить мою бестактность, а главное, пакостное, оскорбительное предположение. Михаил осторожно

отпихнул мой чёлн от своего, примиряюще сказал: «Уезжай, чудачина!» — и быстро исчез в темноте за чернеющими кустами.

Иван Петрович снял картуз, провёл ладонью по волосам и, сдерживая волнение, произнёс:

— Вы, наверное, догадываетесь — в лодке была Маша!

Помолчав, он полез в карман за папиросами, но не закурил. Видимо, воспоминания необычайно взволновали его. Через некоторое время он продолжал спокойным, негромким голосом:

— Когда и где они познакомились — не знаю. Давно ли и часто ли встречались — тоже не знаю. Но этот шёпот! Такой шёпот может быть только у влюблённых. Я представил себе Машу. В темноте передо мною возник её образ. Я вам говорил, что она была красавица... И, чего греха таить, мне стало мучительно завидно и грустно...

Иван Петрович вздохнул, чиркнул спичкой и, не прикуривая, задумчиво следил за огоньком. В воздухе застыла прохладная неподвижность. Огонёк дополз, не затухая, до пальцев, померк. Иван Петрович зажёт вторую, прикурил и только после того, как и вторая спичка догорела в пальцах, продолжал:

— Вскоре Михаил открыл мне всё. Скрываться от меня после случившегося ему было бессмысленно. Да и нужен был ему верный помощник для свиданий с Машей и друг для душевных излияний. Оказалось, он ещё прошлым летом познакомился с Машей. Являлся к Куржановым со свежей рыбой, за гроши, намного дешевле других рыбаков продавал её и тем завоевал расположение к себе стариков. Катал вместе с Машей девушек ловецких в челне. Брал с собой «на девичье счастье» мережи поднимать. Поездки были весёлые, песенные, с кострами, с горячей ухой. Случалось всё чаще уезжать вдвоём: они бродили в лугах, хмелея от медвяного запаха цветов... А потом... потом пришла любовь. Не умея, не в силах сдерживать своих искренних первых чувств, они горячо, бездумно отдались им. Когда в доме все засыпали, а на дворе изредка звякала цепью сторожевая собака, Маша вылезала через окно в сад и крадучись бежала к Оке, где в тени крутого берега ждал Михаил. Уезжали в луга, в лес. Ночь пролетала, как сказочный сон. Захватила их любовь настолько, что они гнали от себя прочь заботы о будущем, не хотели думать, как им жить дальше, как примирить стариков родителей с их счастьем, как сделать его открытым, неворованным, — всё это казалось осквернением чистых чувств, едва ли не кошунством. А я за них тревожился. Чего греха таить — я любил Машу! Но не ревновал её к Михаилу, напротив, как верный пёс, оберегал их свидания.

Иван Петрович вынул расчёску и стал тщательно расчёсывать бородку. Я чувствовал, как у него дрожит рука.

— Они не догадывались о моей любви, — продолжал Иван Петрович. — Они глубоко верили в мою безграничную дружбу, и я больше всего боялся поколебать эту веру. Я помогал Маше незаметно проскальзывать к заветному челну, передавал записки, и они, поглощённые собой, благодарные мне, раскрывали передо мной свои души, не замечая, каких усилий стоило мне сохранять внешнее спокойствие. Маша слегка похудела, но зато вся светилась счастьем. В её глазах появился блеск, губы горячо заалели, так что Василий Прохорович нет-нет да окинёт её подозрительным, проницатель-

ным взглядом, а мать обнимет, перекрестит и скажет: «Что-то ты у меня, Машенька, как звёздочка блестяешь, Господь с тобой!» Очень я боялся за них. Каждый день ожидал какой-нибудь беды. И она пришла... Был конец августа. После утренней росы я задневал вот в этой Михайловой сторожке. Когда-то в ней жил лесник, потом его перевели на другую лесосеку, и она стояла заброшенной. Заснул я как убитый. Уж больно сладко спится на дневке в такой вот чудесной избушке, где каждый кусочек дерева пропитан запахами леса. Разбудила спавшая рядом со мной собака. Подняв голову, она сначала зарычала, потом оглушительно залаяла. Не успел я приказать: «Тубо, Джильда», как она бросилась к двери. В неё входил Михаил. Вернее, вползал, а не входил. Джильда прыгала, норовя лизнуть его в лицо, но он, не обращая на неё внимания, шатаясь, трудно перешагнул порог и грохнулся на сено. Вид у него был ужасный. Брюки, тужурка растерзаны в клочья, рубаха разорвана и вся в крови, лицо пепельно-серое, пальцы окровавлены, вместо дыхания из груди вырывался какой-то свистящий хрип. Я раздел его, обмыл. Он пил воду, лязгал зубами, стонал.

А произошло вот что. В одну из ночей Маша призналась ему, что будет матерью. Он ошалел от радости, носил её на руках, плакал, смеялся от охватившей его нежности. Его Машенька — мать!.. Мать его ребёнка! Теперь всё казалось простым, ясным, само собой устраивающимся. Ну кто теперь не признает его права на Машеньку, на его отцовство? Наивные, милые, неиспорченные люди!.. Чуть свет они явились к старикам Куржановым... Финал объяснения был коротким и страшным. Василий Прохорович вцепился жирными пальцами в волосы Маши, рвал их, таскал её, хрипел, задыхаясь, брызжа слюной: «С прощельгой... беспартошным... убью!..» Михаила схватили, швырнули к спущенным с це-

пей псам. Загрызли бы, да дворовые бабы пожалели — отогнали кобелей водой...

Мы заночевали в сторожке. Он лежал в полузабытьи, бледный как смерть. У меня голова пылала от мыслей о Маше.

Вдруг с реки отчётливо донеслось: «Миша-а-а!» Не помня себя я бросился в темноту через кусты к Оке. Маша стояла на берегу босиком, в беленькой ситцевой кофточке, с распущенными волосами. Оказывается, её заперли в комнате, истерзанную, избитую. Ночью она выставила раму, выпрыгнула в сад, побежала к Оке, вскочила в первый попавшийся чёлн и сама переплыла на этот берег. Она вся трепетала, обессиленная, измученная. Я поднял её на руки и, как ребёнка, понёс через луг к лесу. Она доверчиво обняла меня за шею, прикинув, судорожно вздрагивала, а я... Я бережно держал её и в первый раз по-настоящему был счастлив и готов всю ночь вот так баюкать её, как малого ребёнка, на своих руках.

Иван Петрович встал, потянулся высоким, сильным телом, посмотрел в чёрное небо.

— Скоро светать начнёт. Пора в завеху. — Но опять опустился на ступеньку: он не мог не закончить рассказ. — В этой сторожке я и спасал их. Стариков обманули письмом. Съездил я в Рязань и там опустил письмо: дескать, прощайте, не ищите, не вернусь, уезжаю с Мишей. Уехали же они только осенью. А тут вскоре революция. Куржановы сгинули. В их доме теперь ясли. Кончив институт, я добился назначения лесничим в свои места.

Иван Петрович решительно поднялся:

— Пошли!

И, захватив прислонённое к крыльцу весло от челна, сразу скрылся в темноте.

Я едва поспевал за ним, ориентируясь по хлюпанью и чавканью сапог.

— С тех пор эта сторожка называется Михайловой, — пояснил он, подойдя к челну.

— А как же с самим Михаилом, с Машей, что с ними стало, где они? — спросил я.

Иван Петрович, не отвечая, оттолкнул чёлн, влез в него и, расставив ноги, сильно нажал веслом.

На востоке белёсо засветлел горизонт, чернь неба вытесняла серая муть.

— Ах, надо бы уже в завехе сидеть, — с досадой произнёс Иван Петрович и добавил: — Миша погиб в Гражданскую войну, а Маша, Мария Васильевна, — поправился он, — жива-здоровая...

Как уж, неслышно скользил лёгкий чёлн, от весла в воде на миг возникали неясные блики, шуршали, задевая за борт, ветки затопленных кустов — холодным туманом дышал разлив.

Осторожно раздвинув широкие лапы ельника, развернув чёлн кормой, мы въехали в завеху и, удобно устроившись, начали слушать.

Вокруг тишина. Кажется, с уходом ночи ушли звуки и мир погрузился в молчание. Но вот сбоку всплеснула рыбёшка, невдалеке что-то булькнуло, возможно, уцелевшая за зиму шишка упала с залитой сосны, и снова отовсюду понеслись бесконечные разнообразные звуки.

Охотничья страсть да тоска по янтарным зорям, по голосам и лёте дичи, по серебристому простору разлива, прозрачной голубизне неба —

по всему, что приносит с собой весна, — властно потянули нас из города, из комнат в лес, на залитые луга, в завехи, на тока в шалаши.

Охота ещё запрещена, и мы выехали до рассвета в приготовленную из душистых еловых ветвей удобную завеху без ружей, без патронташа, без рюкзака, без всей этой приятно отягощающей охотничьей «утвари».

Не пуганную выстрелами дичь словно покинула обычная осторожность. Утки подсаживались малыми и большими партиями, затевали шумную возню. Догоня друг друга, окунались, хлопали крыльями, срывались, взмывали ввысь и снова падали на плёс.

Чирки стремительно гонялись за самками, и те, спасаясь, с ходу бросались в воду, глубоко ныряли, затаивались. Чирок опускался на воду,

изумлённый внезапным исчезновением страстно желаемой подруги, озирался, вытягивал шею и умоляюще звал: «Клинн, клинн!»

Из-за горизонта выплыло солнце, окрасило палевым отсветом воду, и всё запело, заликовало, заиграло многоголосым птичьим звоном.

Мы сидели затаив дыхание, замороженные красотой весеннего утра. И не заметили, как прохлада зари сменилась теплом, а лёт прекратился. Теперь только неугомонный бекас вился и падал, бляя барашком над залитыми прибрежными кустами, да кричали атласнокрылые чайки.

— Всё, — сказал Иван Петрович и полез за папиросами.

Мы покинули завеху, когда сошёл туман и стало совсем тепло.

Вентеря были полны крупной плотвой и пузатыми лещами — улов наш занял весь нос челна.

Через разлив мы переплыли к противоположному берегу, где на бугре стоял дом лесничества. У крыльца нас встретила высокая, статная женщина, не утеравшая былой красоты, с седеющей тяжёлой старомодной причёской.

— Мария Васильевна, моя жена, — сказал Иван Петрович.

Я вздрогнул от неожиданной догадки.

— Н-да-с, Мария Васильевна, — как бы подтверждая правильность моей догадки, повторил Иван Петрович.

Я горячо пожал руку и поцеловал смуглые пальцы.

Мария Васильевна вскинула чистые серые глаза на мужа и, слегка покраснев, приветливо пригласила:

— Прошу закусить! Наверно, с вечера не спали...

Выпили, закусили и отправились в его кабинет спать. Но вместо сна Иван Петрович рассказал мне, как Машенька, Михайлова Машенька, стала его женой.

...Кончилась война. Где-то на Украине погиб Михаил. Дочь умерла от тифа. Одна, с опустошённой душой, без всяких средств, полуголодная, похудевшая до неузнаваемости, Маша вернулась в родные Ловцы. Местные сельские и уездные власти знали её трагедию и решили помочь — ей предложили организовать детский дом.

Постепенно оттаяла душа. Маша стала улыбаться. Теперь она принимала участие в собраниях, в педагогических спорах, целыми днями ездила по району в поисках средств для улучшения детского дома. Работа захватила Машу, к ней возвращался вкус к жизни. Маша снова похорошела, и нет-нет да и раздавался из её комнаты сильный, приятный голос: она пела.

— Оттаяла бабочка, — замечали сельчане.

Но пережитое всё же навсегда отложило свой отпечаток на её внешность. В пышных волосах блестели седые нити, в уголках рта залегли короткие чёрточки, строже смотрели глаза. А весной, когда проходил лёд и Ока разливалась на несколько километров, Мария Васильевна отправлялась на челне к Михайловой сторожке и долго, до позднего вечера, не возвращалась домой.

Назначенный лесничим в Ловцы Иван Петрович, увидев её, был потрясён. Он так растерялся, что остановился, снял картуз, но не смог произнести ни слова. Казалось, он боялся её и принимал все меры, чтобы как можно меньше видеться с ней. Даже на собраниях в деловой обстановке, среди людей, он избегал встреч с ней. Не умея скрывать своего чувства, каждый раз, случайно сталкиваясь с ней, он страшно смущался. А когда кто-нибудь из доброжелателей намекал ему на Марию Васильевну — дескать, чем не пара: свободная, красивая, культурная — не век же бобылём слоняться! — он стискивал зубы и так взглядывал на советчика, что у того отпадала охота продолжать разговор.

Знакомые и друзья недоумевали:

— Не нравится ему Мария Васильевна, да и только! Странный вкус у человека!

Он стал ещё более замкнутым и суровым и только в одной охоте находил теперь радость.

Однажды в разливную пору, когда деревья набухли почками, а на взгорьях высохла земля, удался тихий, парной, с туманцем вечер. Ближе к сумеркам Иван Петрович подплыл к Михайловой сторожке и неторопливо направился к мелколесью — любимому месту Михаила. Здесь была чудесная тяга.

У овражка, между трёх осинок, врос в землю весь замшелый широкий пенёк — на нём, ожидая тяги, он любил сидеть с Михаилом. И теперь, вслушиваясь в бормотание, щёлканье и свист дроздов, в переливную трель малиновки, Иван Петрович медленно шагал к пню. За несколько шагов до заветных осинок остановился и замер — на пне сидела Маша.

Напряжённо подавшись вперёд, она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Подчиняясь исходящей от них притягивающей силе, ничего не видя, кроме этих больших зовущих глаз, он двинулся к ней. Подойдя, опустился в сырой мох на колени. Он боялся закричать от нахлынувшей безумной радости. Маша была совсем рядом. Прерывисто дыша и плача, она шептала:

— Один ты остался! Один, Ваня, ты! Больше никого. Выгорела я вся в одиночестве. Никого, Ваня...

На этом Иван Петрович закончил свой рассказ.

Отдохнув и пообедав, к вечеру мы отправились через разлив к Михайловой сторожке — слушать тягу.

Чёлн вела Мария Васильевна — гребла умело и сильно. Несмотря на годы, она была ещё очень хороша.

Иллюстрации Ирины ХРУЛЁВОЙ (внучки М.Мхова)

НАШИ УТРАТЫ

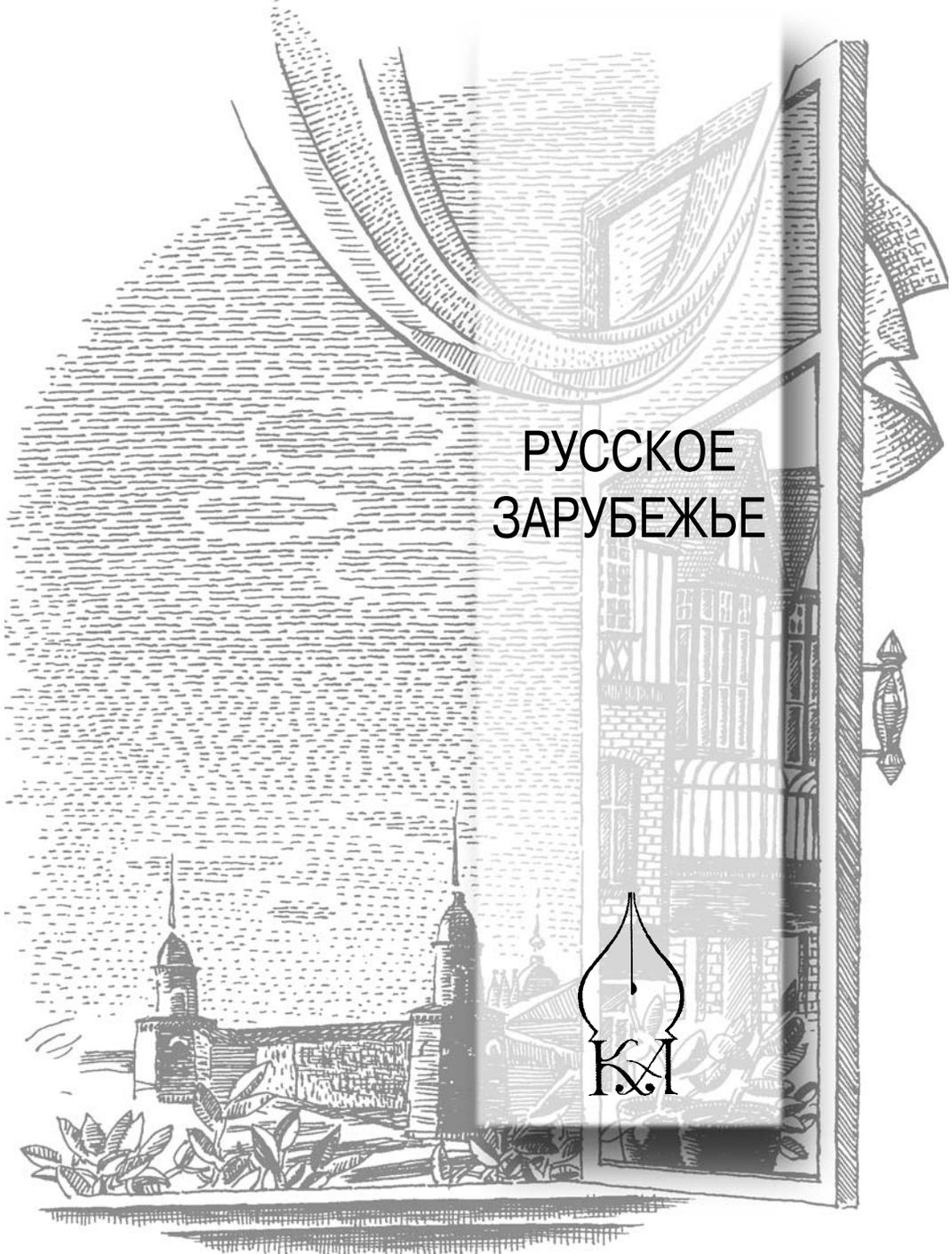
20 октября 2008 года перестало биться сердце талантливого фотокора, автора «Коломенского альманаха» **Льва Борисовича Авдеева**.

Добрейшее сердце. Светлый человек. Талантливый фотомастер, летописец города, снимки которого на протяжении всех двенадцати номеров украшали альманах, продолжают бережно храниться в семейных альбомах и в архивах предприятий.

Говорить о Лёве в прошедшем времени невозможно. Многие только из некролога узнали, что ему было 62 года. Он всегда был молод, весел, энергичен. Мы потеряли не только хорошего друга, настоящего русского человека, но и его несостоявшиеся фотографии. Он не выдумывал их, он представлял нам такую жизнь, какая она есть: красивая и лживая, радостная и горькая, счастливая и трагическая. Он многое прощал людям. Но он не мог терпеть предательства. Такие люди для него переставали существовать. Представить себе невозможно, что больше мы его никогда не увидим. Нет, он не умер, он растворился в наших сердцах, в совести и памяти.

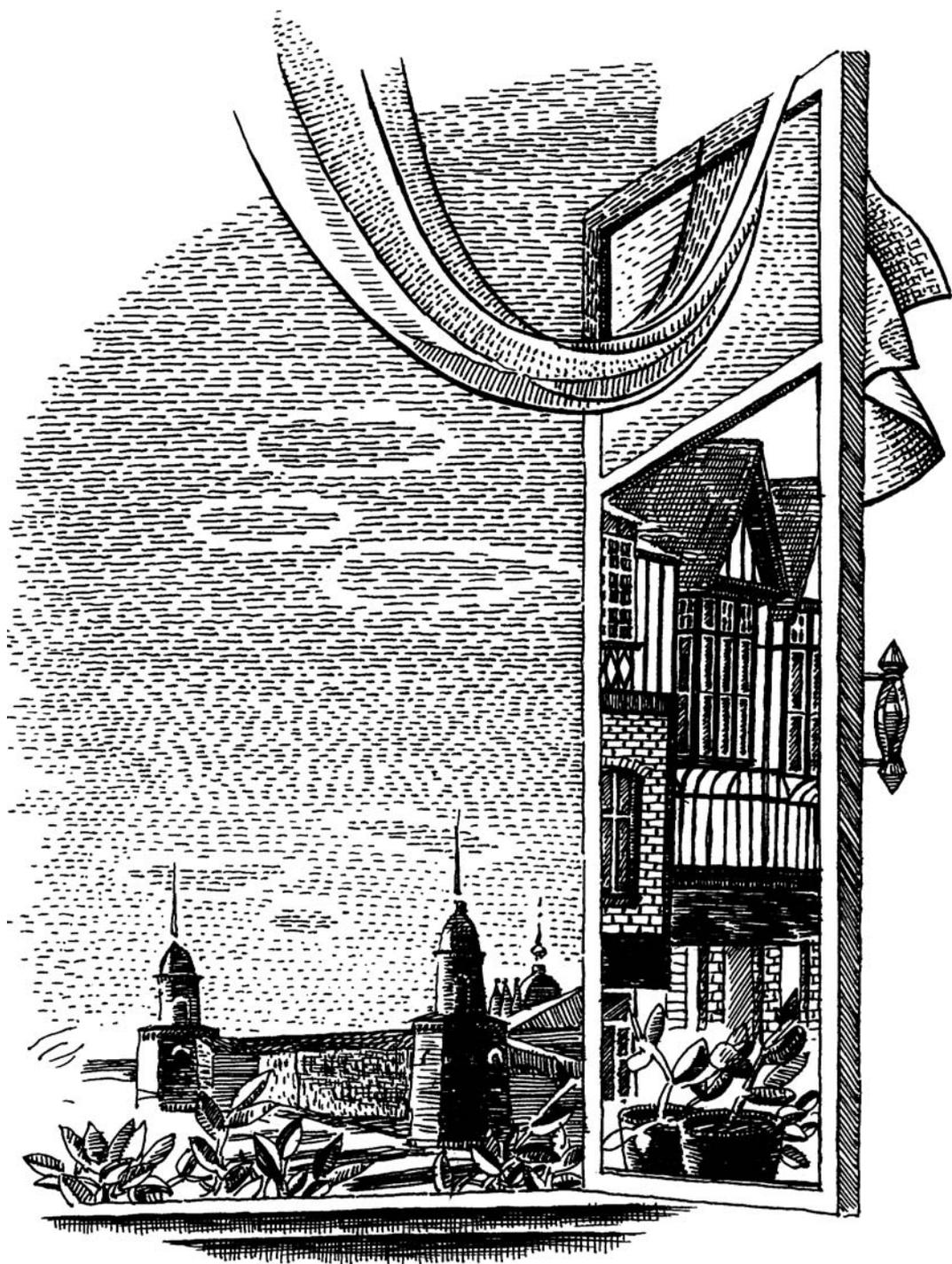
Лёва, Лёвушка, Левонтий...

Коллектив редакции

РУССКОЕ
ЗАРУБЕЖЬЕ

Графика Василины Королёвой

Вальдемар Ванке (Владимир Анатольевич Афанасьев) родился 1 января 1945 года в Узбекистане. В 1967 году с отличием закончил Джамбульский гидромелиоративно-строительный институт, там же — аспирантуру, защитил диссертацию.

В 1978 году переехал в Коломну и работал старшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте «Радуга». Его родители — участники Великой Отечественной войны. Мать, Алевтина Алексеевна, живёт в Коломне. Дочь Афанасьева-Ванке Ирина окончила Коломенский медицинский колледж и Рязанский медицинский институт. Сын Андрей — специалист в области радиотехники. Сам Владимир Анатольевич уже более десяти лет живёт в Германии в городке Швабиш Халль.

Стихи начал писать ещё в России, но первые публикации появились в Германии. В 2007 году в Штутгарте вышел сборник «Своё прошедшее любя». Призёр четвертого международного поэтического турнира в Дюссельдорфе (2004 год).

Вальдемар ВАНКЕ

Я УПЛЫВУ ПОД ПАРУСАМИ...

* * *

Я помню дух предгрозовой,
Тяжёлый сумрак лета,
И ты в вечерний этот зной
Почти полураздета.
В мазках малиновых цветов
Твой натюрморт балкона —
Гераней, фуксии, выюнов
И что-то голубое.
Кружилась бархатная тень
Вечернего прищельца,
И воробьиной пары трень
Миротворила сердце.
И мне почудилось тогда —
Нас в мире только трое:
Ты, я и первая звезда
Вечернего покоя.

* * *

Ты мне скажи — и откуда ж ты вышла,
Может, из этих полей?
Золотом ржи их по смуглому вышит
Росчерк крылатых бровей.
Или стрижи? Промелькнёшь —
и не видно
Даже следов на траве.
Ввысь улетишь этой точкой аспидной,
Не отыскать в синеве.
Ветра напев или шелест дыханья,
Да и не всё ли равно.
Ты ли во мне мотыльком, трепыханьем,
Словно впорхнувшим в окно?
Или мазком изумрудной берёзы
Там, далеко-далеко,
Где облаков белогрудые гроздьа
В землю текут молоком.

Струями трав омывается поле,
Ты зачерпни мне струю.
Сладкая капля... С твоей ли ладони
Иль дождевую я пью?

* * *

В шубу заячью пушистую
Запахнулось всё окрест.
Бородою сосны выставив,
Спит под шубой старый лес.

Ярко выбелены улицы
В цвет жемчужно-золотой.
Рыжей кошкой солнце щурится
На перине пуховой.

Лесное крещение

Постучусь я в туманное утро
В окна тёмные дачки твоей,
В сапогах и брезентовой куртке
Ты шагнёшь из проёма дверей.

Сквозь туман и тяжёлые травы
От обильной сентябрьской росы
Мы войдём в белоствольные храмы
В позолоте осенней листвы.

На широких ступенях пригорков,
Под распятыями красных рябин,
Как монашенки встретят нас ёлки,
Стайки тонких, пугливых осин.

Старый дуб, молчаливый священник,
Окропит нас холодной росой,
Словно первое наше крещение
Примем в этой капелле лесной.

В майском лесу

Снова май, и прохлада лесная,
И глухая тропа на двоих.
Дай напиток душистого чая
Из сосновых ладоней твоих.

Свежесть трав и дремучие силы
К небу крылья взметнувших стволов
Укачали меня, усыпили,
Одурманили сладостью снов.

Я раскрою, как листья, ладони,
Распушусь, как каштановый цвет,
И на ветви мне белка уронит
Скорлупу золотых кастаньет.

Упаду в твои тёмные реки
В серебристых окладах берёз
Этой каплей, покинувшей веки
Туч, пролившихся свежестью гроз...

Сколько гроз ещё встречу? Не знаю.
Но звенит мне сердечная медь —
Поддержись, моя жизнь удалая! —
Я ещё не готов постареть.

* * *

В последний раз прощаемся
У этого крыльца.
В косынке цвета шавеля
Нет на тебе лица.
Рябины ответ розовый
Румянит твой закат,
В глазах твоих берёзовых —
Осенний листопад.
Лицо морщинит гранями
Резного хрусталя.
Твержу я — «до свидания»,
Но где? — Не знаю я.

Сентябрь яблочный

1

Чем пахнет зной?
Вспотевшею травой,
Смолистою слезой,
Сосной пролитой,
И яблочным вином
За праздничным столом,
В саду сентябрьском накрытым.
И собрались друзья
На праздник сентября
Под сада яблочные своды.
Все как одна семья,
И с ними вместе я.
Ах, наши яблочные годы!
Друзья нальют вина
И крикнут: «Пей до дна!
За дружбу. За любовь. За встречу!»
И захмелеет грудь,
И брэнной жизни путь
Покажется стезёю вечной.

2

Люблю холодные туманы
В аркадах яблочных садов,
Росой умытые румяны
На слитках бронзовых плодов,
Бесшумье падающих с яблонь
Листвы осенних янтарей,
Как будто капли с канделябров
Скользят на камни алтарей.

* * *

Куда мне плыть — не всё ль равно
И под какими парусами?

Н. Гумилёв

Когда рейнландское вино
Меня наполнит чудесами,
И аргонавтом за руном
Я уплыву под парусами,
Ещё не зная сам куда,
Но буду плыть в холмы тумана,
Где словно тусклая звезда
Встаёт луна из океана.
По древнегреческой стезе
Взойду в палящую Колхиду,
Где с гроздьев ягод на лозе
Стекают винные флюиды.
С огнём в агатовых глазах
Там ждёт волшебница Медея,
Дракон пытит в её ногах,
От ярких губ её хмелея.
Сверкает золотом руно,
Но что до золота мне дело —
Мелькнув, как Эроса перо,
Стрела хрустальная пропела...
Благословенные с небес
Пеннорождённой Афродитой,
Мы поплывём по звездам грез.
Наш парус — всем ветрам открытый!

* * *

Зимний день. Одинокий прохожий
В снежном сумраке виден едва,
Вяжут ветви дерев осторожно
Из пушинок себе кружева.

Словно схимницы — старые девы
Украшают свой бедный уют.
Кружит пух — снежный шлейф королевы,
В чьём дворце вьюги песни поют.

В тайне сумрака движутся тени,
Всё быстрее, всё ближе одна.
Миг! — И кони, храпя, пролетели,
Снежный шлейф полыхнул, как волна.

Вернисаж

Т.Св-ой

Вы нам читали «Вернисаж».
Нас было в комнате немного,
И голос гулко падал ваш,
Как камень с горного отрога.

И мне казалось, видел я
Тропы царापину крутую,
И бисер горного ручья,
И льда вершину голубую.

Звенел, пришпоренный мечтой,
Мой конь серебряным копытом...
Но, как суровый постовой,
Мне разум свистнул вдруг: «Постой,
Ведь за окном не глушь верстой,

А городские лабиринты,
Скрип не арбы, а тормозов
Крутых баварских лимузинов,
Вдали не дымка облаков,
А выхлопной дымок бензина».

Вы нам читали «Вернисаж»,
И мне мерещилась картина:
С тоской берёзовой пейзаж
От слова горького — *рябина...*

Порхали строчки над столом
Стихов в рассыпанных страницах,

И в такт альпийским бубенцом
Звенела за окном синица.

Александровский сквер

Я тысячу раз прошагал по Москве
И в тысячепервый вернулся.
Кремлёвский портье — Александровский сквер,
Увидев меня, улыбнулся.

Приятная встреча двух старых особ,
Неспешное речи теченье.
Портье, как и должно, спокоен и сноб,
Исполненный самозначенья.

Тренчит на струне воробей-гитарист,
И лоск ему перьев неважен.
Мундир у портье каждой веточкой чист,
Дождями промыт и проглажен.

Немолод, но царствен, как старый артист,
Он сам — как старинный театр.
Его рисовал не один портретист,
Его посещал император —

Гремели литавры тяжёлых карет,
Галоп выбивали копыта,
Летели гусары каретам вослед,
Придворная челядь и свита.

Сияли сиятельства и господа,
Сенаторы золотом рдели,
И молча портье пропускал иногда
Красоток ночных из борделей.

С гульбою и свистом умчали ветра
Господ в ледяные купели.
И скинули с башен орлов, на «ура»,
Товарищи в серых шинелях.

Их путь обагрила иная звезда,
Им новый открылся Мессия,
И кровью сочился святой Иордан
Свинцом окрещённой России.

Не будем судить — кто был грешен, кто свят.
Отечества в судьби? — Не нужно.

Но празднуют новый уже маскарад
В краю, где грустит Александровский сад
Под окнами царских конюшен.

Поздний эмигрант

Я уехал далеко-далеко,
Я уехал ни за чем, просто так,
Думал, жизнь меняют так же легко,
Как меняют пуловер на пиджак.

Заграничное дразнило волшебство —
Ночь парижская и лондонский закат.
(Так манило меня в детстве кино
Красотою, обрётённой за пятак.)

Лимузиновый в неоновых лучах
Блеск и шорох «ягуаровых» колёс,
И мечтал я, как Коперник, при свечах
О далёких небесах в алмазах звёзд.

Но Копернику я, впрочем, не чета —
Семью пядями не выдался мой лоб,
А не то б я лучше звёзды считал
В небесах родных коломенских хрущоб.

Я свободен от земли и от друзей
И картофель не копаю на прокорм.
Эмигрантский, без отчизн и без цепей,
Захлестнул меня губительный простор.

Ах, приеду я когда-нибудь домой:
Здравствуй, старый гроыхающий трамвай!
Ты живой ещё? И я ещё живой.
Отвези меня, голубчик, прямо в рай,

Где я дорог был и юностью красив,
И с друзьями встреч — не счесть, не просчитать,
Где меня, благословляя и простив,
Ждёт ещё моя седая Мать.

Последняя страница

Буду с луком есть картошку,
Сладким чаем запивать,
Жизни книжку без обложки
Перелистывать опять.

Без обложки эта книжка —
Есть начало, нет конца.
Далеко он? Или близко
Притаился у крыльца?

Ах, последняя страница,
Как разлука и печаль, —
Мне их скушной вереницы
Оставлять не будет жаль.

Вот последняя надежда,
Как последняя звезда,
В грозовой ночи забрезжит,
Вновь поманит и исчезнет,
И обманет, как всегда.

Но последняя страница —
Как дыхание весны,
Что придёт со мной проститься
Почкой цвета и листвы,

Прелью запаха лесного
И дымящихся лугов,
Трелью капельного звона
Леденящих родников.

И весны благословенье
Из её приняв руки,
В час предсмертного томленья
Осушу бокал забвенья,
Как лекарство от тоски.

За грибами

Мы доедем до тихого города,
Подмосковный глухой уголок,
И свернём под сосновые бороды,
Где асфальт переходит в песок.
На пригорках свинушки-оладушки,
Хороводы волнушек-блинов,
Лягу я, словно в детстве у бабушки,
На перину хрустящую мхов,
Разомлею от солнца и радости
За грибную лесов благодать.
Много б взял я. —
Да есть ли в том надобность?
Что имею, пора раздавать.

Зима

У нас опять зима играет в прятки —
То спрячется в овраги и кусты,
И не видать её, лишь только пятки
Сверкают, а поля кругом — пусты.

Но день пройдёт, и скушно хорониться
Шалунье по оврагам и кустам —
То выглянет она, то выпорхнет, как птица,
И с ветром в паре закружится по полям,

Вальсируя пушистою метелью,
А в ночь со свистом сбцаает пургу,

А утром, опрокинувшись, на землю
Устало ляжет: «Больше не могу!»

Триолеты

1

Есть у меня заветное желанье,
Когда в лесу затрелит соловей —
Увидеть Мать и навестить друзей.
Есть у меня заветное желанье!
Ах, как сильны весной воспоминанья
И сердца грусть становится нежней.
Есть у меня заветное желанье,
Когда в саду затрелит соловей.

2

Не обращай свой взор назад,
Не вороши своё былое,
В нём не найти душе покоя.
Не обращай свой взор назад.
Пусть губы прошлого молчат,
Зов прошлого — зовёт в пустое.
Не обращай свой взор назад,
Не вороши своё былое.

* * *

Сергею Есенину

Из берёзы ты сплёл поясок,
Кисть рябины за пояс заткнул,
Вынул нож и на звонкий свисток
Розоватую срезал лозу.
Что за парень, ну чем не хорош! —
Златокудрый, шалун и речист.
Сердце девичье в сладкую дрожь
Не одно уплыло под твой свист.
Так зачем же ты сплёл не венок,
А, давимый тоскою, петлю?
Плачет в храме святом образок
За погибшую душу твою.

* * *

Что скрыто, всё равно проявится
(Рад будешь ты или не рад!) —
Душа порою превращается
В весны благоуханный сад.

И всё настойчивей и звучнее
Сквозь жизни прожитой пласты
В нас пробиваются созвучия,
Как в марте первые цветы.

И мы (и с немочью и с проседью),
Брожение ощутив в крови,
Щебечем стих, как будто осенью
Вновь засвистели соловьи.

А кто-то, может быть, нечаянно
(Кому стихи — и не с руки),
Услышав нас, вздохнёт печально:
Впадают в детство старики.

Отец

Вот так и было всё когда-то.
А может быть, совсем не так?
Любила Мать моя солдата,
И был солдат в любви мастак.

Он приглашал её на танец
И танцевал фокстроты с ней,
И смастерил меня на память
О фронтовой любви своей.
Солдатский век на фронте — скорый:
Шальная мина, штык, свинец.
Кто знает, под сосной которой
Лежит мальчишка — мой Отец?

Кого он звал в тоске смертельной,
И мог ли он предполагать,
Что плод любви его весенней —
Меня родить решила Мать?

И что от пули супостата
Солдатский корень не иссяк!
Любила Мать моя солдата,
И был солдат в любви мастак.

* * *

Зимнее утро мне помнится,
Стен розовеют черты,
Мать моя ходит по комнате
И поливает цветы.
Розовый кот умывается,

Веет от печки тепло...
Всё словно впаяно памятью
В розовое стекло.

* * *

Уезжаю. Машины захлопнута дверь.
Завтра время другое — разлук и потерь.
А сегодня за мной, как на фронт провожая,
От дороги до неба, от края до края
Золотистое поле — всё бежит и бежит.
Ах, как много в нём ветра, души и раздолья,
И поющих акрид.
Догони меня, поле, сейчас догони,
Догони меня, ляг у меня на пути,
Догони меня, вспыхни стеною огня,
Догони меня, поле, оставь у себя!

* * *

Прислушайся, прислушайся,
Под липою — замри,
В её янтарном кружеве
Ликуют воробьи.

Их жизнь судьбой размечена
Свободной и простой,
Но капля птичья млечная
Дороже золотой!

Сойди на тихой пристани
И зло прости легко,
И лягут строчки чистые,
Как птичье молоко.

Из цикла «Времена года»

5

Золотые летят мои дни —
Это кружат за окнами листья,
Слишком жёлтыми стали они
И рябин слишком красными кисти.

Колыбельная слышится песнь —
Это ветер свистит и играет
На серебряных струнах берёз
В зимний сон уходящему краю.

Слышу голос поры золотой:
«Милый друг мой, отчаялась ждать я!»
Это осень, волнуясь листвою,
Раскрывает свои мне объятия.

6

Уже с последнего покоса
Прошли хмельные косари,
И как на праздник вышла осень
В великолепье мишуры.

Но эти праздничные чары —
Лишь пир в предчувствии конца,
И роце, как актрисе старой,
Уже сдувает грим с лица.

И серебрится паутина
В её причёске золотой,
И кружат листьев серпантины,
И обнажают лес пустой.

7

Всё ближе с осенью я чувствую родство,
Всё ближе по сердцу мне тихая подруга.
Мне горько нравятся прощанье и разлука,
И утомительно мне встречи торжество.
И одиночества задумчивая грусть,
И чувство вечности застывшего мгновенья...
Тогда я к новому свиданию очнусь
И музы дальше услышу пенье.

Коломна

Ах, вот она, моя Коломна,
Где прожил я шестнадцать лет
На этой улочке укромной,
Названья у которой нет.

Здесь, у бетонного забора,
В тени берёз и тополей
Мой двор и дом, собачья свора
Всё так же брешет на людей.

Этаж четвёртый и налево —
Дверь в перекрестии ремней...
Когда-то по-хозяйски, смело
Гремел я связкою ключей.

Но канул век. И вот нездешним,
Никем не узнанным стою
Здесь, где желанья и надежды
Переполюбили жизнь мою.

Где я друзьями был обласкан
И счастлив этим до сих пор,
И для меня, как в детстве, сказкой
Прогулки были в Конев Бор.

И этот звон с церковных башен
Мне на мгновение повторил
Мой незабвенный день вчерашний,
В котором я в Коломне жил.

* * *

Виктору Мельникову

1

С каждым годом, кажется, быстрее
Жизнь транжирит месяцев гроши,
И зрачки озёрные тускнеют,
Утонув в седые камыши.
Милых рощ кудрявые полянки
Зарастают тёрною космой,
На грибных местах — одни поганки,
На черничных — лопухов разбой.
Может, я на свете долго прожил,
Память сердца слишком берегу?
Потому и с новым я с не схожий,
Новому молиться не могу.
И беспечность юности утратив,
И тревоги зрелости познав,
Как старушка — свадебное платье,
Берегу вчерашнего устав.
И, вступая на родную землю,
Прошлого приветам тихо рад.
Только юность всё как есть приемлет,
Не изведав горечи утрат!

2

Город церковный, город торговый
Скаредов старых и юных транжир,
Город былинный, город Коломна
Синей сирени и красных рябин.
С улицы Ленина выйду на Кирова,
Сяду в трамвайный скрипучий возок.

Ах, оторви мне, кондукторша милая,
В счастье заветный билетный квиток!
Много здесь пройдено с грустью и радостью,
Каждому чувству цвет времени свой —
Грусть наплывала рябиновой аlostью,
Радость — сиренью цвела голубой.

Русские свадьбы в Германии

Ах, эти свадьбы русские —
Девчонок блузки узкие,
Парней глаза тяжёлые
И кулаки дубовые.
А ритмы музыкальные —
Под них ещё плясали мы
В эпоху радиоловую,
Когда мы были молоды.
Те ритмы музыкальные,
Казалось, в Лету канули,

Но словно Феникс-птицею
Вдруг взмыли за границую.
«Малиновки» и «Вологды»
Танцуют россы гордые.
Фамилия — немецкая,
Душа — замоскворецкая,
С сибирско-азиатскою
Закваскою кержацкою.
Танцуют парни бравые,
Трещит Европа старая!

* * *

Мне страна не готовила встреч,
Для меня трубачи не играли.
Я пришёл, чтоб под деревом лечь
С горькой ягодой в сладкой печали,
Чтобы пить эту синюю даль,
Словно в зной ледяную водицу,
Чтобы с неба мой белый журавль
На ладонь опустился синицей.

* * *

Живите там, где вы живёте,
Где вы родились в доме том,
А в переулочке напротив
Встречала школа вас звонком,

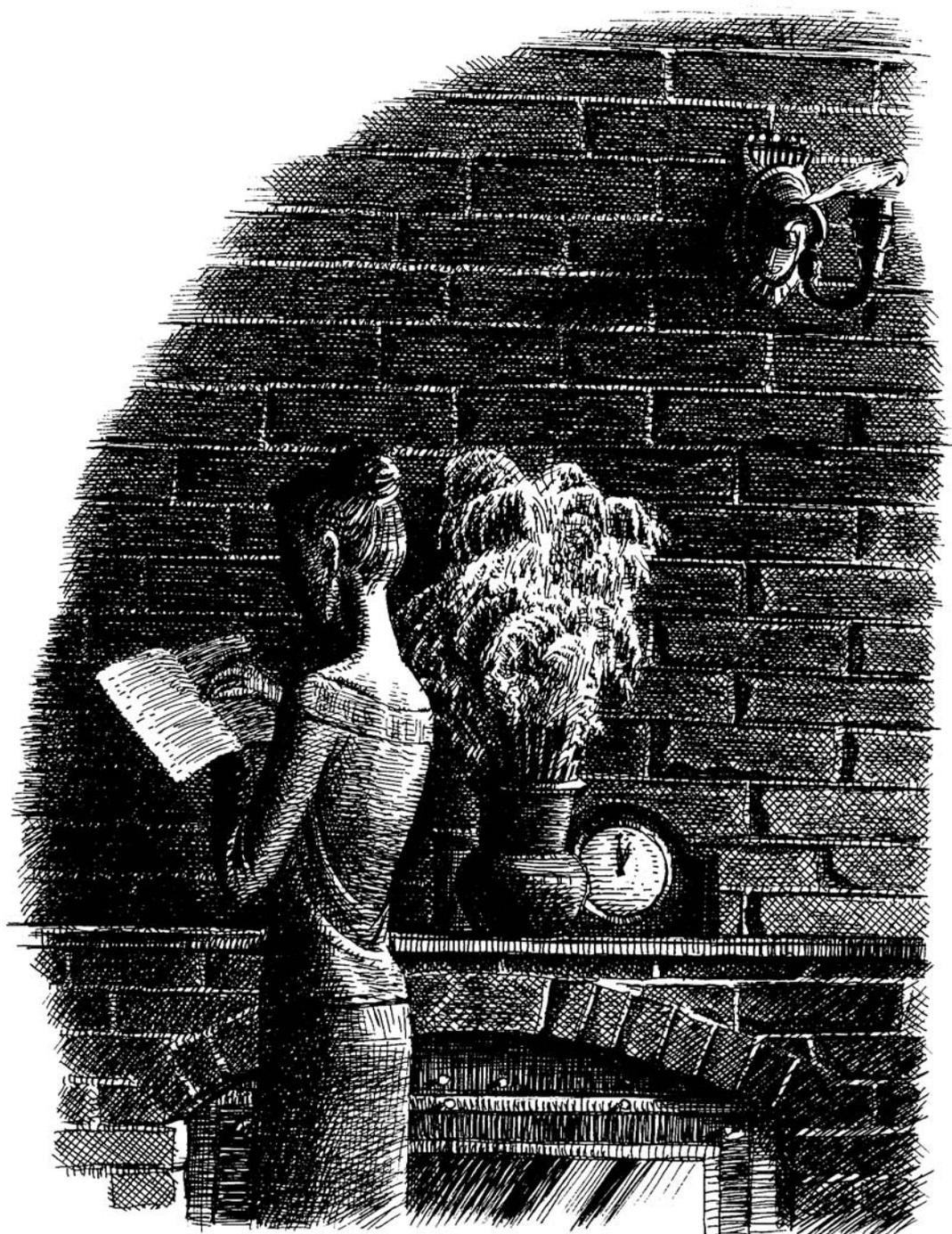
А в парке гипсовые звери
Вас провожали прямым
На ваши милые качели,
На пруд купальщицы с веслом.

Графика Оксаны ЛАПА

СТАРАЯ
ТЕТРАДЬ

Графика Василины Королёвой

Адриан Моисеевич Грибовский (1767–1834) — статс-секретарь императрицы Екатерины II, полковник, литератор.

Из его литературного наследия мы выбрали страницы дневников, связанные с Коломной: здесь он сначала купил имение в Щурове, а затем приобрёл большой дом в Коломне, где и прошли последние десятилетия его жизни.

А.М. Грибовский умер в Щурове 27 января (8 февраля по новому стилю) 1834 года и похоронен в Старо-Голутвине монастыре города Коломны.

ДНЕВНИКИ О КОЛОМНЕ

1825

10 июля. Вчера пойманы двое из главных разбойников, грабивших людей и кравших лошадей на перевозе при переезде их из Коломны через Оку в бочмановской лодке, когда они зашли в кабак. Один из них — господский крестьянин села Прямоглядова, а другой — беглый солдат, отданный в рекруты из села Луховицы. Отец сего последнего, имевший знакомство с шайкой, которая, по слухам, состоит из пятнадцати или тридцати человек, и, по наказании за это, отставший от них, найден, за несколько времени перед поимкою означенных двух человек, на дороге изрубленным на части. Лошадь и телега его находились тут же, изрубленные. В эту ночь оба пойманных были отведены в Зарайск. Впоследствии узнали, что земский суд не нашёл виновников этого злодейства.

27 ноября. <...> На реке провалилась повозка коломенского купца Терентия Шапошникова, которую щуровские крестьяне вытащили, за что он им заплатил только двугривенник. Жаль, что не дали всей его поклаже вместе с повозкой потонуть.

При перепечатке глав из книги дореволюционного издания орфография и пунктуация текста того времени для удобства чтения приведены редакцией в соответствии с нормами современного русского языка.

2 декабря. Получено известие, что девятнадцатого ноября император Александр Павлович скончался в Таганроге.

3 [декабря]. Получено известие, что сенат присягнул на подданство Константину Павловичу и разослал по всем губерниям курьеров.

15 [декабря]. Выехал я в Коломну, а восемнадцатого числа отправился в Москву, где пробыл до тринадцатого января 1826 года. В Коломну же возвратился четырнадцатого февраля. В дороге мне стало известно, что Константин Павлович от императорского престола отказался, а принял престол по завещанию Александра Павловича Николая Павлович.

1826

7 марта. В щуровском саду в павильоне поставлен бюст Екатерины II.

11 [марта]. Пойман пирочинский священник с возом притужин¹. После пяти лет, которые я с ним не виделся, нашёл его побелевшим. Я сделал ему замечание о неприличии его поступка и отпустил его с возом леса, получив от него благодарность и уверение, что впредь не будет воровать леса и других будет отводить от этого.

6 апреля. К вечеру из Щурова было видно, как с пушечною пальбой показались два коренных струга, из которых один причалил к щуровскому берегу для отплытия в Рыбинск, а другой остановился в устье Москвы-реки² для похода в Москву. При выходе их из Орла караван состоял из двадцати судов, но только два эти струга могли доплыть сюда полой водой, а прочие сели на мель за двадцать вёрст от Орла. От них стало известно, что стоящие на реке Зуше возле города Мценска баржи много потерпели от сильного наноса льда с верхних мельничьих прудов. Из двухсот судов шестьдесят барок, стоивших от 500 до 2500 рублей, переломались льдинами на мелкие куски и были унесены водой, а семьдесят четыре барки тоже изломаны, и только у некоторых осталось дно. Из-за этого остановится отправка хлеба, который там заготовлен для погрузки на всё предполагаемое число барок. Для одного казённого хлеба было приготовлено 80 барок. Плата рабочим не дорогая: от Орла до Москвы по 40 рублей, а до Рыбинска по 58 рублей на человека. От устья реки Зуши до Москвы рабочих прибавилось. Они нанялись по 13 рублей на человека.

26 [апреля]. Приехал в Щурово, где оказалось бесчисленное множество мошкеры, похожей на комаров, но только больше их, с зуком (каковым

¹ П р и т у ж и н а, по словарю Даля, — лесина для пригнёта сена на возу, хворостина.

² Москва-река впадает в Оку прямо против села Щурова.

ЩУРОВО И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Богоявленский Старо-Голутвин монастырь в первой половине XIX века. Слева на возвышении условно изображено Щурово (гражданские постройки и церковь)

А.И. Кузовкин. Терраса в щуровском имени Грибовского. 1955 год

Храм Пресвятой Троицы в Щурове, построенный при участии Э.Ф. Рингеля. Фотографии начала XX века

именем их и называют) несколько толще комариного и без жала. Эти насекомые остаются неподвижны от ночного холода, но от солнечного тепла оживают и поднимаются вверх густым роем. Особенно на деревьях собираются в невероятном количестве. Окружая прохожего со всех сторон, облепливают ему голову и лицо, но не жалят, при разговорах же залетают и в рот. Они ежегодно появляются в тёплые дни апреля около реки Оки, когда в большем количестве, а когда в меньшем, и живут до середины мая. Но если в это время настанет холод, то все пропадают и до следующей весны уже не появляются. Они видны от берега не дальше как на одну версту. По-видимому, питаются самой мелкой травой, что доказывает их зелёный вид; листьям же деревьев вреда не делают. Крестьяне по количеству этих тварей примечают об урожае ярового хлеба, потому что эта мошкара живёт с начала до конца его посева. Чем мошек бывает больше, тем удачнее родится овёс. По этой примете в нынешнем году должен быть богатый урожай овса, но вышло наоборот.

Июнь. С первого июня по первое июля стояла сильная жара, какой не помнят почти двадцать лет.

9 [июня]. Так как среди дворовых людей обнаружилась повальная болезнь, пригласили лекаря Гейса, который назначил им прикладывать к разным местам горчичные лепёшки и подмешивать в питьё *оксимель*, т.е. мёд, сваренный с уксусом; пить траву бузину и проч.

11 [июня]. От употребления прописанных Гейсом лекарств больные ещё не получили облегчения, но назначенное им лечение выполнялось в точности.

20 [июня]. Был у обедни, где во второй раз читали манифест от 12 мая о дворовых людях и крестьянах, чтобы состояли в полном повиновении у своих господ; а также чтобы казённые крестьяне безоговорочно платили подати, которые причитаются в казну.

26 [июня]. Плотники вывели оранжерею под потолок и начали накладывать потолок. В простенке он сделан двадцать четвёртого числа. Среди рабочих — один подрядчик, который обыкновенно говорун, на работе умничает, говорит с прибаутками и с важностью всеми командует. Остальные называют его обычно дядей и редко одним именем или отчеством: например, дядя Иван или Ильич. Некоторые плотницкие слова: *донце* (небольшая вырубка в стене для вставки в неё одним концом жерди, а другой её конец подпирается с земли подпоркой и на него кладут подмости из досок. Донце иногда выдалбливают долотом). Жители Мещеры выговаривают: «донче». *Расшива* — тесница, один конец которой пришивается к стене, а другой — к отдельному столбу или для связи к стоящим в отделке стойкам до тех пор, пока они не будут твёрдо установлены. *Выкружка* — выпиленный или вырубленный полукруг из бревна или доски. *Щёчки* — вытесанные бока дерева или шипа.

10 июля. Приехал в Москву. За шесть лошадей заплатил 50 рублей ассигнациями, а своих лошадей послал с крытыми дрожками. Остановились у Алабова.

25 [июля]. Был церемониальный въезд Государя в Москву. Мы смотрели из дома Лухманова, расположенного в Охотном Ряду. Погода была ясная. Государь быстро проехал верхом, так что рассмотреть его лицо было невозможно.

11 [июля]. В Москве не заметно дороговизны почти ни в чём, кроме как когда нанимают лошадей. Ржаной хлеб в прежней цене, т.е. 3 копейки, говядина от 10 до 14 копеек за фунт, овёс 7 рублей за четверть, сено 45 копеек за пуд, дрова берёзовые 10 и 9 рублей за сажень. Экипажи же сделались дешевле прежнего.

20 [июля]. Вышел указ от 14 июля об отдаче в частное откупное содержание питейного сбора в двадцати девяти великороссийских губерниях.

2 августа. Был у Дм. Ник. Синявина, который по ошибке заставил меня долго ждать. Но после, извинившись, дружески принял меня и пожелал видеть моё дело, о котором я доставил ему третьего числа приготовленную для подачи при прошении на высочайшее имя записку и само прошение. Между тем мы говорили с ним о новом правительстве, и я узнал, что есть надежда на лучшее. Доказательство этого — удаление некоторых людей, известных в обществе их суровостью и склонностью к притеснению народа, употребление и лиц, которые почитаются всеми как добрые и благонамеренные. В числе их Синявин, беспрекословно, занимает первое место. Он принят на службу с прежним старшинством, в вице-адмиральском чине, и произведён в генерал-адъютанты. Таких примеров во флоте ещё не было.

4 [августа]. Поутру был у Серг. Егор. Матвеева, около часа. Он сказал мне, что свою должность (председателя в Рязанском губернском правлении) сдал тамошнему губернатору, а его место во время отлучки занимает Матвеев. Какая бестолковщина! От него поехал я под Новинское в два садовых заведения, находящихся в приходе Девяти Мучеников. Одно из них, ничтожное, принадлежит князю Оболенскому, который под именем англичанина Микомиша торгует плодами. Другое же, принадлежащее русскому жителю Москвы Мухину, — значительное, особенно по выставке, на которой более 1500 деревьев находятся в хорошем состоянии и с немалым количеством плодов. Впрочем, почти ничего, отличающегося от нашей оранжереи, не замечено. У Мухина есть ананасная, в которой печи и борова изразчатые, но под парником и около него не проведены духовые каналы.

7 [августа]. Синявин, с которым я сегодня виделся, советовал подать Государю прошение. Я начал готовить его. В прошении, по согласию Синявина, я сделал ссылку на него и на Оппермана. Синявин сказал мне,

Дмитрий Николаевич Синявин

что в Москве для рассмотрения подаваемых просьб учреждён комитет из трёх статс-секретарей: графа Несельроде, Блудова и Лонгинова.

12 [августа]. Сегодняшнего числа в почтамте принято прошение на высочайшее имя, без платежа весовых. Оно записано в шнуровую книгу, где я расписался, так как подал это прошение. При этом сказано, что подаваемые на высочайшее имя прошения, которых в этот день было на столе много, каждый день отсылаются к Его Величеству с нарочным почтовым офицером. Был у Д.Н. Синявина и уведомил его о подаче прошения. Он обещал попросить одно-

го из членов комитета, чтобы он лично выслушал мои объяснения по делу.

14 [августа]. После полудня, в три часа, прибыл в Москву великий князь Константин Павлович.

15, 16, 17 и 18 [августа] погода стояла ясная и тихая, и все эти дни за Пресненской заставой проходили манёвры войск в присутствии царской фамилии, иностранных министров и послов.

19 [августа]. Трубный звук возвестил через герольда о назначении коронации на 22 августа. В тот же день я был в церемониальной комиссии, чтобы получить билеты на расположенные подле соборов места, мимо которых будет проходить Государь. Меня спросили о чине и имени и назначили было прислать билеты завтра, но после отказали, только потому, что я заблаговременно не подал объявления о получении билетов. Неужели все билеты уже розданы?

22 [августа]. Хотя я и не получил билета для входа в ложи, устроенные для зрителей шествия Императора, однако ж, имея орденский знак, прошёл за арки с Натальей Акимовной, и из-за уважения к моему орденскому знаку нас поместили подле гауптвахты, откуда мы могли видеть церемонию. День был ясный и тихий. Зрелище было великолепное. <...>

30 [сентября]. Император с супругой отправился в Петербург. За ним 8 октября поехала вдовствующая императрица, а великий князь Михаил Павлович — 16 октября.

21 октября. Проживши в Москве около четырёх месяцев, возвратился в Коломну. В продолжение этого времени, по рекомендации Д.Н. Синявина, был я у г. Блудова, который между разговорами спросил: по

*Екатерина II.
Худ. Д.Г. Левицкий*

каким причинам гр. Аракчеев мне недоброжелательствовал? Во-первых, по тем, по каким злые люди вообще почти других людей не любят, а во-вторых, потому, что я по службе находился у большого, в то время когда он был у малого двора. Люди, по службе принадлежащие к малому двору, обычно не терпят служащих у большого двора и завидуют им. Впрочем, я служил покойной Монархине точно так, как и он Государю служит, и в доказательство моей хорошей службы получил за неё награды и до самой кончины её величества находился при её лице. Но после императором Павлом был не только лишён службы и имения, но и безвинно повергнут в двухлетнее заточение. И хотя от него освобождён им же самим с возвращением имения, но до самой его кончины находился под при-

смотром местного начальства. После смерти императора, при освобождении от присмотра, мне было сказано, что Государь надеется, что я постараюсь оправдать даруемую мне монаршую милость своим хорошим поведением. Но усердная моя служба государыне императрице Екатерине Алексеевне и постоянное благоволение её величества ко мне за неё доказывают неоспоримо, что поведение моё не заключало в себе ничего предосудительного. Следовательно, означенные речи помещены в печатном указе, при освобождении меня от присмотра, единственно для причинения мне не заслуженного мною оскорбления. Да и в прочих случаях, при преемнике престола после государя Павла I, ни в чём не оказано мне правосудия. Пожалованные мне государыней Екатериной Алексеевной: 1) каменный дом в Петербурге, каковая милость монаршая была мне уже объявлена, но только поднесённый в самый день кончины её величества указ по сей причине не был подписан, и 2) пенсия по 600 рублей серебром, которого производство после кончины её было прекращено, не были мне отданы, а наконец, и в чине мне при отставке от службы отказано. Столь явное неблаговоление я должен приписать никому иному, как гр. Аракчееву.

На другой день после отъезда Государя из Москвы Д.Н. Блудов объявил мне, что по прошению моему в просительном Комитете положено представить Его Величеству о пересмотре моего дела с Б. в Государственном совете, но что из-за отъезда Государя не успели доложить об этом, а будет доложено или в дороге, или очень скоро в Петербурге (вероятно, председателем Комитета, который поехал в свите Его Величества, князем Голицыным, на которого я почти не надеюсь). <...>

6 ноября. Трое крепостных людей соседнего помещика Колтовского шли с заряженными ружьями на охоту. У одного из них заряженное дробью ружьё нечаянно выстрелило и разорвало череп шедшему перед ним его товарищу, который, вздохнув, упал мёртвый. Другой его товарищ и сам неумышленный убийца от испуга упали без памяти подле убитого. Первый вскорости опомнился, но убийца два часа лежал без чувств, и наконец, придя в себя, хотел зарезаться, но товарищ отвёл его от этого и убедил идти и повиниться. Тело убитого охотника лежало два дня на общем поле под караулом наших крестьян.

7 [ноября]. Приказано осошинскую крестьянскую девку, придерживающуюся раскола, называемого молоканским, обвенчать в шуровской церкви с тамошним крестьянином, вдовцом Андреем. Они обвенчаны шуровским священником. Молокане не крестятся, угодников и образов не почитают, священников не признают, в церковь не ходят, не исповедываются и не причащаются. Собравшись, поют псалмы, а некоторые кругом вертятся на ковре или на рогоже и потом сами друг другу поклоняются. Впрочем, живут трезво. Отец этой девки не принадлежит к секте молокан. Но мать её держится молоканства, которым, как она говорит, благословил её родитель. Два её брата, борковские крестьяне, такие же усердные молокане. Из детей её две дочери заблуждаются, как и она, а сыновья остались вместе с отцом в православии. По несчастию матери, у старшего её сына умерла жена, не бывшая с нею в согласии. Поэтому решили, что она свою невестку уморила, так как не могла склонить в свою веру. Когда тот сын её начал искать себе другую жену, то никто из крестьян не хотел отдать за него своей дочери, говоря, что все они нехристи. Такое мнение подтверждалось ещё и тем, что вышеупомянутая дочь её отказывалась от замужества, имея более 22 лет от роду. По таким причинам нужно было употребить некоторую власть, чтобы сохранить семейство от неминуемого расстройтва. Для этого и велено дочь обвенчать с православным, сына женить на православной же, несмотря на несогласие отца. Мать заставить креститься и дать обещание не читать и не слушать раскольничьих книг и не настраивать мыслей своей дочери на своё верование. Оно должно быть одно с её мужем. Муж был весьма этим доволен. Но жена, несмотря на данное обещание, не переменила своего прежнего верования, за которое хотя потерпела много побоев от своего мужа и от приказчиков, но всё то для спасения своей души терпеливо перенесла. Вела, впрочем, жизнь воздержанную и трудолюбивую, достойную похвалы. Но, будучи в деревне одна особенной секты, почитаемой прочими крестьянами богопротивною, навлекла на всю семью всеобщее нареkanie в нечестии, и потому никто добровольно в родство с нею вступить не соглашался.

25 [ноября]. Осматривал речку Мануковку, которая весной и в паводки течёт из роц Гусынки и Липнягов и так называемых Мануковских кустов. Вода чистая от каменистого дна, и течение довольно быстрое, отчего на слабых местах дна образовались довольно глубокие и широкие промоины, в которые вода течёт с журчаньем, каскадами, но за полверсты от

Оки пропадает. Когда Ока при вскрытии или от больших дождей бывает мутна, то платье моют на Мануковке в означенных промоинах или попросту бакалдинах.

1827

6 января. Обедни за пьянством священника не было.

17 [января]. В так называемой таможене, или весовой палатке, посредине висят весы для взвешиванья мяса, масла коровьего и тому подобного. К одной стороне приделана большая стойка, за которой возвышаются горою деревянные меры (четверики), снаружи, сверху и снизу окованные железными тонкими обручами и покрашенные голубой краской, с номерами в кружке посередине. Закладу за каждую оставляют продавцы (которые обыкновенно за меру платят) серебряный рубль, для того чтобы если взятой меры не возвратят, то больше этого платить не обязаны. Но так как большей частью продавцы привозного хлеба, сена и других припасов, покупаемых на вес, за меру заплатить не могут, то содержатели берут от них разные заклады. По большей части их верхние шубы, которыми увешаны все стены в несколько рядов. Сено и хлеб взвешиваются возами снаружи на пяти железных коромыслах (без стрелок). За вес получают по две копейки с пуда, а за меру — по двадцать пять копеек. По словам содержателя, деревянные меры в тёплое время отдают, а в сухое сжимаются.

18 [января]. Получено письмо от Д.Н. Синявина. Он поздравляет меня с Новым годом и уверяет о своём старании по моему делу, уведомляя, что от министра юстиции ответ ещё не получен. <...>

29 [января]. Приехавший из Петербурга Лунин привёз известие, что дело моё в Комитете министров кончено против меня. Да и почему я надеялся получить при новом правительстве иное? Не те ли самые мои недоброжелатели находятся ныне при правлении, и возможно ли получить себе какое-либо удовлетворение без личного ходатайства? Но как мне можно было показаться в Петербурге, оклеветанному и уничижённому больше всех служителей великой Монархини? Вслед за этим получено письмо от Каховского, что мнение министра юстиции по моему делу ещё не подано в Комитет и что есть надежда, что оно пойдёт в Государственный совет. Тогда он и о поездке моей в Петербург уведомит.

23 апреля. Начали проходить полки для строения дороги.

26 [апреля]. По слухам из Коломны, в имени Измайлова был бунт дворовых, для усмирения которых послана оттуда рота солдат.

30 [апреля]. При тихой и ясной погоде жара в полдень 25 градусов. Дело необыкновенное, угрожающее в мае морозами. От чрезвычайной

жары берёза и даже липа распустились, и озимая рожь начала гореть. Грунтовые вишни дня три как зацвели. <...>

15 июня. Балашов опять едет из Петербурга в Рязань. Губернский полицмейстер и зарайский дворянский предводитель уже три ночи на переезде ночуют, чтобы его встретить. <...>

1 сентября. Б. привёз из Зарайска копии дел с производства в тамошнем земском суде о пирочинском перевозе, из которых видно плутовство того суда. Суд в своих определениях от марта и июня сего года написал, что будто все крестьяне села Пироч желают, чтобы тамошний помещик Тургенев, владелец небольшого числа крестьян, содержал при том селе перевоз через реку Оку. Суд заключил, по общему желанию пирочинских жителей, предоставить содержание этого перевоза одному Тургеневу. Но наши крестьяне, составляющие большую часть пирочинских жителей, не давали своего согласия на содержание в селе Пирочи перевоза ни Тургеневу и никому иному. С сегодняшнего числа откупщики вступили в содержание питейных сборов.

3 [сентября]. Приезжавший приказной Зарайского земского суда сказывал, что из числа дворовых людей г. Измайлова 24 человека взяты судом и отведены в Рязань из-за подозрения в поджоге его дома и в покушении на его жизнь. А рыбак, его крестьянин, говорил, будто помещик имел дело со своими побочными дочерьми, которые об этом будто бы на него донесли. Но г. Измайлов болен подагрой и хирагрой, не может ни ходить, ни действовать руками. Его носят и кормят.

Зарайск в конце XIX века. Спасская сторона и торговые ряды

16 [сентября]. Проездом из Москвы приезжал Волынский и рассказывал, что в Москве открыт новый заговор против правительства, который в то же время оказался во Владимире и в Харькове. Заговорщики — мелкие чиновники, служащие в Сенате, университетские студенты и неслужащие, образованные по последней методе учения. Забрали под арест более тридцати человек. Цель их заговора состоит в ниспровержении настоящего правления и в покушении на жизнь Государя. Кроме того, рассказал о недовольстве дворовых людей г. Измайловым, которые жаловались на его жестокость Государю. Для разбора на место был прислан жандармский полковник, который, объявив себя другом и защитником людей, четыре месяца производил следствие о справедливости показания дворовых на господина своего. Из числа их более 180 человек отправил в Тулу, в суд. В числе мятежников была старшая побочная дочь помещика, переписку которой с любовником её, Измайловым же, отец перехватил. Увидев из неё, что она не только одобряет мятеж людей, но даже сама побуждает их к этому, отец отослал дочь к родной тётке, сестре её матери, Давыдовой, с которою он её и ещё одну меньшую её сестру прижил, воспитал их с большими расходами и содержал богато, как своих законных детей.

12 октября. В Коломне умер старик купец Кислов, который при своей скупости делал щедрые приношения для церквей, колоколов и для строения в церквях иконостасов. Он оставил своей жене-старухе миллион рублей наличного капитала. Две дочери, отданные в замужество, были особо награждены. Брат его, который ещё богаче, не вешает на колокольнях колоколов и не строит в церквях иконостасов, здравствует.

14 [октября]. Пересадили синели к Екатерининою беседке.

18 [октября]. Окончил чтение: «Досути крымского судьи» г. Сумарокова. <...>

3 ноября. В силу полученного от Императора повеления, из содержащихся по Московской губернии 305 преступников, укравших не свыше пятисот рублей, способные определены на военную службу без наказания. Из этого следует, что господин, обокраденный своими людьми, не только похищенное, но и тех людей теряет, не получая за них по прежним законам при отдаче их в солдаты рекрутских квитанций.

2 декабря. Весь день продолжал я чтение истории Франциска I, короля французского, сочинение Гальяра, хорошо написанное. Только герой его не великий государь. Но бывшие в его время в Европе происшествия весьма важны.

27 [декабря]. В газетах написано, что наследник персидского посла Аббас-Мирза приехал в стан русского военачальника просить о мире.

1 января. Весь день и вечер продолжал чтение «Юридического словаря» Чулкова.

2 [января]. Прочитал книжку «Сокращение институций Юстиниановых», очень худо по-русски написанную.

7 [января]. В газетах написано, что министры трёх союзных держав выехали из Константинополя.

18 [января]. Были в Голутвине монастыре похороны князя Черкасского. Этот князь, Борис Михайлович, служил при императрице Екатерине II в гвардии, откуда вышел в отставку бригадиром. Около пятидесяти лет жил в своём имении, находящемся подле города Коломны. По разным наследствам дошло к нему наконец до 6 тысяч душ крестьян. Долго он не хотел жениться и вёл свободную жизнь с женским полом. Но, прижив от одной из своих крепостных девок много детей, по отеческой к ним любви решился, за 14 лет до своей смерти, обвенчаться с их матерью и всех своих детей успел признать законными, князьями и княжнами, и всем им при себе разделил имущество. Вот и вся его биография. В Голутвин монастырь, где похоронен, дал немалый вклад³.

23 [января]. За столом Н.⁴ слишком расхваливал сочинения Гальера для унижения Робертсона, которые оба писали об одной материи. Последнего писателя я находил более основательным перед первым. Особенно введение его в историю Карла V почитается в литературе лучшим произведением этого рода.

26 [января]. За обедом зашла речь с Н. о славянском языке. Я говорил, что священные книги переложены Мефодием и Константином с греческого языка на славянский тем самым наречием, которым при великом князе Владимире говорил весь народ. А Н. утверждал, что в то время русские говорили не на том наречии, на которое переведены Евангелие и Апостол означенными учителями, но на другом. Я предлагал в своё доказательство мнения летописца Нестора, в котором именно сказано, что язык славянский есть язык русский. А он защищал своё возражение «Словом о полку Игореве» и мнениями молодых нынешних бумагомарателей, которые почти вовсе не знают славянского языка. Они, сравнивая слог означенной песни или сказания со слогом Евангелия, находят разницу, не входя в соображение, что последнее написано почти за два века до первого и что разговорное наречие во всяком народе почти каждый век изменяется и во многом отличается от старинного. Это произошло и с древним славянским наречием, хотя, впрочем, в «Слове о полку Игореве» ещё имеется великое сходство с церковным языком.

³ Голутвинская пустынь расположена в устье рек Москвы и Оки, на границе Московской губернии, возле Московско-Рязанской железной дороги.

⁴ Николай Адрианович, сын А.М. Грибовского.

31 [января]. Вышло толкование, что разночинцы и купцы должны помещичьих людей и крестьян держать в услужении по узаконенным паспортам, без которых положено давать тем людям вольность и взыскивать определённый штраф, не уважая никаких помещиков с теми держателями сделок или условий.

6 февраля. Занимался сочинением алфавитного словаря законов.

11 [февраля]. Всю эту неделю занимался составлением словарей указных книг. Хотя при некоторых годах и приложены реестры указов, но не по материям, а по числам. Поэтому искать нужный указ крайне неудобно и затруднительно. Вчера С.Е. говорил, что составляется и будто уже печатается новое уложение. Если оно будет полное, то все указные книги прежнего времени останутся ненужными, и великое облегчение будет сделано в изучении и употреблении законов. Но надолго ли?

15 [февраля]. День прошёл в сочинении алфавитов указам и в чтении указов.

17 [февраля]. Кончены алфавитные реестры к указам 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826 и 1827 годов.

12 [февраля]. Заезжал Алабов, проездом в Рязань для отдачи рекрута. Это армянин католической веры, 75-ти лет, который в своё время был записан в гвардию и, не служа, отпущен в отставку капитаном. По сему праву купил крестьян и дом в Москве, в котором мы всегда останавливаемся, когда приезжаем в этот город... Сам он, будучи средних лет, сослал от себя жену...

13 [февраля]. Статья о рекрутах доказывает расположение разных государей к дворянам. В особенности это видно со времени царствования Александра, который часто оказывал неблаговоление к помещикам.

26 [февраля]. Писал замечания на мнение сенатора Сумарокова о дворянских выборах и вообще об устройстве судебного порядка, о жалованье и штрафах судей, о сокращении законов, о подготовке судей посредством особенного воспитания и проч. Мнение более пустословное, чем основательное.

1 апреля. Городничим получено предписание о высылке в суд бывшего харьковского губернатора Муратова за найденные в этой губернии беспорядки во время его правления. Этот Муратов служил в 1794 и 1795 годах у меня под началом. Я, по его тогдашней молодости, доставил ему необыкновенное по тому времени отличие. В 1823 году я, при свидании с ним в Москве, просил его дать место зятю⁵ в военном поселении, в коми-

⁵ Подполковник В.Я. Губерти, раненный 26 августа 1812 года в Бородинском сражении. Был потом городничим в Коломне в продолжение 22 лет.

тете которого он председательствовал. Муратов не только обещал это, но и сам убеждал прислать поскорее послужной список Василия Яковлевича, уверяя, что есть два места, приличные для него. Но когда я послал ему со своим письмом тот список, Муратов оставил письмо моё без ответа.

2 [апреля]. Прочитана из учебной книги Константинова новая история со времени Екатерины I до 1820 г. Сочинение это, или лучше — выдержки из газет, крайне недостаточно и не только не даёт надлежащего понятия о том, что больше нужно знать о духе и тогдашних правах народов, но очень многие исторические события пропущены или представлены превратно, или от трусости о них умолчали. Может ли такая история научить истории, и не есть ли она доказательство нашего невежества и рабства? <...>

25 [апреля]. В газетах напечатан манифест от 14 апреля о начале войны с турками. В нём ничего не сказано о помощи нам двух союзных держав, Англии и Франции, также не упомянуто и о главнокомандующем армиями.

28 [апреля]. В № 33 «Московских ведомостей» напечатан приказ о наборе рекрутов с 500 по два с 1-го в два месяца, с зачётом квитанций, и декларация о причинах войны с турками.

6 [апреля]. Вчера и сегодня занимался «Словарём» Чулкова и не без удивления видел, что до царствования Екатерины II девять частей законов изданы Петром I, из которых мало ненужных.

15 мая. На случай отъезда Императора из Петербурга главнокомандующим в нём назначен генерал граф Толстой, которому подчинён тамошний генерал-губернатор. <...>

17 [мая]. Имение Измайлова отдано под опеку, что предполагает его осуждение.

Войска наши 25 апреля перешли через Прут, заняли Молдавию и, переправившись через Дунай, осадили Браилов.

8 [мая]. Нанятые плотники сегодня не работали, потому что в их селекции храмовый праздник. Завтра — общий праздник, Николин день, в который никто не работает. Сколько таких праздников у русских крестьян и сколько теряется времени в праздности!

26 июня. В «Московских ведомостях» напечатана реляция об атаке нашими войсками турецкой крепости Браилова. Во время взрыва подкопа одна мина была зажжена двумя минутами прежде срока, отчего вторая мина не зажглась. От этого осадные войска, подошедшие для занятия ожидаемой от взрыва мин бреша, подверглись немалому поражению с крепости. 3 генерала, 45 штаб-офицеров и 75 обер-офицеров и нижних чинов до 1000 человек убиты, а более того ещё ранены.

На другой день и вторая мина была подорвана и сделала брешь, после чего крепость сдалась на капитуляцию, выдержав сильную осаду больше месяца. Начальник окружения Михаил Павлович воспользовался случаем приобретённую наукой теорию применить на практике. Это первый его опыт в военном деле, стоивший ему, без сомнения, сожаления о потере в один раз и при таком неважном случае столько генералов и офицеров.

30 [июня]. В «Московских ведомостях» написано, что императорский лагерь находился 8 июня при Трояновом валу за Дунаем, в виду турецкой крепости Силистрии, которая сильно укреплена. В 1790 году за Днестром виден был вал, который так же называли Трояновым валом. Император в походе едет впереди войск верхом.

8 июля. Отдача в рекруты была в Михайлове, где принимал рекрутов губернатор (Павел Степанович Карпов), человек горячий, отчего иногда, разгорячась на отговорки приводимых в отдачу, принимает и неспособных. О сокращении же расходов по отдаче старательный, так что ныне, несмотря на проезд для отдачи из Рязани в Михайлов тринадцати человек и четырех пар лошадей, вышло на отдачу двух рекрутов 330 рублями меньше, чем вполтину против прежних лет.

11 [июля]. Н. читал Блэкстона и начал думать, что он может быть видным юристом на Русской земле, забыв, что у нас вся юриспруденция заключается в том, чтобы помнить год и число указов, и что из приказных бумаг исключены почти всякие рассуждения.

14 [июля]. В газетах напечатан цензурный устав духовных книг, очень неполный для сочинителей и переводчиков.

17 [июля]. В газетах напечатан указ об учреждении вновь Олонецкой епархии, которая была учреждена до Павла I, когда было открыто Олонецкое наместничество. Но Павлом и Олонецкая губерния, и Олонецкая епархия были упразднены и причислены к Новгородской. Раньше тамошний архиерей назывался Олонецким и Каргопольским, а теперь назван Олонецким и Петрозаводским.

В Коломне прошёл слух, что графа Аракчеева велено судить за самовластие при покойном Александре I.

24 [июля]. Учившийся со мной докторский сын Энгель дослужился до сенатора и назначен председателем Комиссии прошений.

27 [июля]. В «Инвалиде» напечатано о присвоении генеральских чинов. Это событие происходило 25 июня, в день рождения Императора. Произведены в полные генералы: Инзов, побочный сын князя Н.В. Репнина, с которым я учился в латинском грамматическом классе; граф Пален, который приходил по воскресеньям ко мне обедать, когда я был статс-секретарём, и министр финансов Канкрин.

Там же напечатано о взятии нашими войсками под командованием гр. Паскевича-Ериванского сильной крепости Карса, которая в день прихода его к ней была им осмотрена, а на другой день взята штурмом. Напротив того, под Браиловом стояли около месяца. В Коломне на некоторых колокольнях повешены новые колокола, отчего был большой звон, который весь день был слышен в Щурове.

4 августа. В Коломне митрополит Филарет освятил церковь, после чего был зван на обед купцами, строителями той церкви, но владыка не поехал.

6 [августа]. Московский митрополит Филарет служил в Голутвине монастыре обедню и там обедал.

9 [августа]. Филарет поутру уехал из Коломны в Москву; вчера приезжал к зятю⁶ с визитом.

10 [августа]. Получил от зятя письмо с запиской о пребывании митрополита Филарета в Коломне. Записка нужна мне для сочинения статьи в газеты, которую и начал писать. При этом зять уведомил о взятии Шумлы: дело для русских ещё небывалое в прошедшие войны с турками. Теперь выше и выше наш царь вознесётся. Зять прислал небольшое русское сочинение под заглавием «Рукопись покойного Клементия Акимыча Хабарова», содержащее критику на модных писателей. Одно в нём справедливо испытано мной самим: то, что при выпуске из университета студент, не имеющий родственников, не получает ничего от сего места, на первый раз до приискания себе должности, вспоможения, и если не имеет родственников или благодетелей, то необходимо должен заняться подобной описанной г. Хабаровым работою или просить милостыню. В Лицее положено воспитанникам, выпущенным с одобрением, немалое жалованье. Даже воспитанникам воспитательного дома даётся при выпуске некоторое денежное вспоможение. Почему же не сделать чего-нибудь подобного и для бедных безродных университетских студентов?

По множеству урожая грибов народ замечает, что будет ещё большой рекрутский набор.

12 [августа]. Получил ответ на моё письмо от Д.Н. Синявина, с корабля Св. Андрея в Свеаборгском рейде, где он командует флотом. Я просил его о письме к рязанскому губернатору, и он, несмотря на свои заботы, связанные с командованием флота, и на перемены мест, не оставил моего письма без ответа. Он послал рязанскому губернатору письмо с копией от 1-го числа этого месяца. Спасибо ему!

8 сентября. О. возвратился из Пироч, где было отмежеванье земли казённым крестьянам, и сказал, что от нашей земли отрезана самая малость. У многих же тамошних помещиков немало земли отошло. Вот явная несправедливость и притеснение помещиков!

⁶ Имеется в виду Василий Яковлевич Губерти, коломенский полицмейстер.

Когда кто из них захочет особо свои земли отмежевать от других, то надо требовать от всех общего согласия, без которого не дозволено межевать его дач. Но смежных с ними казённых крестьян указано межевать особо от частных владельцев, несмотря на их несогласие. И отмежёвывают крестьян не только без согласия помещиков, но даже к одним местам, в сущую противность «Межевой инструкции», главы 4-й, пункта 59-го, которым приказано накрепко уравнивать уголья между владельцами при внутреннем размежевании их дач. Но этого ныне не наблюдается в отношении частных владельцев, смежных с казёнными крестьянами чересполосно, и почти всегда нарезывается последним земли сряду, нимало не заботясь о том, какие уголья достанутся первым.

И. де Рибас. Худ. Д.Б. Лампи

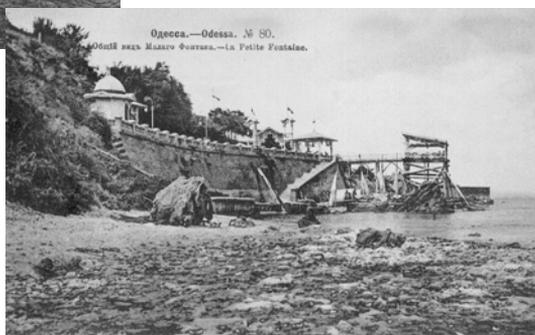

Одесса. Аркадия

в доме его иногда богослужения? в) не поступает ли он жестоко с дворовыми и крестьянами? г) давно ли находится в неподвижном положении по болезни и содержит ли теперь для распутства женщин и проч. Дворяне, от которых велено собрать эти сведения, отозвались о нём в его пользу, показав, что он находится в неподвижном состоянии двенадцать лет.

В газетах сказано, что Государь с похвалою видел город Николаев, построенный князем Потёмкиным, и Одессу, основанную по распоряжению князя Зубова Рибасом. В этом я имел большое участие, писал об

Проездом в Пирочи посетил меня заседатель Кунаковский и объявил, что делал повальный обыск у генерал-лейтенанта Измайлова: а) не заставляет ли он крестьян по воскресным и табельным дням работать? б) бывают ли

Одесса. Общий вид Малего Фонтана

учреждении города именной указ и вместо Гаджибея назвал это место Одессою. Это название и было утверждено Императрицею.

16 [сентября]. Мною написанная статья о пребывании в Коломне митрополита Филарета напечатана в номере «Московских ведомостей».

18 [сентября]. Закончил чтение книги «Описание Камчатки г. Крашенинниковым», которая по основательным и глубоким сведениям как по части естественной истории, так и в литературе, содержащимся в ней, доставила мне приятное и поучительное занятие. Сочинитель описал эту землю и её жителей, в каком состоянии нашёл их в 1740 году. В то время среди них было очень мало крещёных и переменивших образ своей жизни. Некоторые из них были тогда в первоначальном своём диком состоянии.

22 [сентября]. Прочёл книгу «История царства Сибирского», сочинённую профессором Академии наук Миллером.

25 [сентября]. В № 76 «Московских ведомостей» напечатано наставление землемерам, мелочное и за имеющимися прежними инструкциями почти не нужное, более относящееся к отрезке казённых земель от помещичьих без согласия на то помещиков. Хотя и упомянуто, что межующий землемер может принимать полюбовные сделки при размежевании их земель к одним местам. Но такие полюбовные согласия между помещиками почти невозможны. Правительство должно размежевать помещиков своей властью.

В № 74 «Сенатских ведомостей» напечатан указ от 21 августа о наборе рекрутов (92-й раз) по 4 человека с пятисот душ. Итак, народные приметы по урожаю грибов оправдались.

21 [сентября]. Ездил в Коломну через новый мост при Девичьем перевозе. Он построен через Оку на 13 плашкотах с перилами и примыкает к острову, мимо которого с рязанской стороны обходит рукав Оки. Потому и нужно сначала переехать к мосту с рязанской стороны на пароме, а потом уже по мосту, что составляет половину дороги. Впрочем, плашкоты покрашены, и оттого судить об их прочности нельзя. Этот мост отдан в содержание коломенскому купцу Сидору Яковлеву на 12 лет с тем, чтобы он его построил на свой кошт и содержал в исправности, получая за проезд плату по таксе в свою пользу. Причём, чтобы не было ему от ближних перевозов соперничества, уничтожены два перевоза. Всё это сделано без вызовов желающих построить в этом месте мост. Можно было бы за данную ему привилегию построить лучший мост и брать с проезжающих меньшую плату.

26 [сентября]. Коноводы барок, проходивших с казёнными военными снарядами мимо Пироч, отвязали рыбачью лодку тамошнего крестьянина из вольных хлебопашцев. А тот отвязал у них три лошади. Коноводы, схватив крестьянина на барку, там сковали, а вскоре после того объявили,

что он бросился в реку и утонул. Труп был вытаскен из воды через три дня. На нём оказались следы избиения. Один из сопровождавших барку солдат объявил суду, что этого крестьянина коноводы били по приказу сопровождавшего караван офицера, а коноводы показали: один, что его сковали, а другой, что с ним скованный ночевал. Но избиение его все отрицали. Сам ли он кинулся в воду или был в неё брошен — оказалось неизвестным. Утопший крестьянин был вскрыт лекарем, и тот показал, что он умер от побоев. Крестьянину было около 30 лет от роду. Следствие по этому делу продолжалось 3 дня сперва в Пирочах, а потом двое суток в Щурове зарайским заседателем земского суда, стряпчим и коломенским водяным смотрителем. Первым и их письмоводителю с командой приносили пищу здешние крестьяне, а водяной смотритель Кригер имел своего повара, провизию получал из Коломны и здесь даром ничего не брал и не требовал. Двое из коноводов отправлены в зарайский земский суд, а прочие с барками при офицере пошли в назначенный путь. Барок было четыре.

27 [октября]. Осматривал в Гусынке рубку притуг, т.е. жердей толщиной почти в руку, а длиной девяти и более аршин. Они кладутся сверх соломенной крыши с двух сторон, толстыми концами наверх, и связываются привёрнутыми в этих обоих концах гвоздями. Тонкие концы опускаются вниз на пелену. Концы же эти поперечной тонкой хворостиной к крышке лыками прикрепляются. Такие притуги накладываются на соломенные крыши на три четверти аршина одна пара от другой.

3 ноября. В «Московских ведомостях» напечатан манифест о кончине Императрицы Марии Фёдоровны, скончавшейся 24 октября. В манифесте сказано, что Император может получить утешение в этой потере одним только состраданием своих подданных.

16 [ноября]. Готовили назначенных к отдаче в рекруты. В их семействах большая тревога.

19 [ноября]. Ябедник Алисов показал, что коломенский уездный судья Канищев происходит не из дворянского рода. Этот г. Канищев имеет значительный достаток, но живёт скупно. Он дал Алисову займы 10 тысяч рублей, и когда стал требовать их возвращения, то Алисов подал на него донос, что Канищев не дворянин. Сей имеет двух сыновей, из которых один подполковник, а другой — коллежский регистратор. Два сына, будучи в чинах капитанов, убиты на войне. Сам же он имеет чин титулярного советника.

4 декабря. В газетах напечатано мнение Государственного совета о лишении чинов и знаков отличия бывшего иркутского губернатора Трескина за допущение в управляемой им губернии разных злоупотреблений и за взятки, в которых он себя совершенно не очистил. Кажется, такое наказание за не совсем доказанную вину слишком велико. Долговременное пребывание его под судебным надзором должно было повлиять на него, и довольно было снять с него чин или знаки отличия, которые он

получил в бытность губернатором. Но нынешний Император решил не снимать по одному чину, а снять все. Это сделано не согласно с прежними законами, которыми определялось наказывать за не очень большие провинности понижением одного чина или более. Такие постепенные наказания необходимо нужны для различных степеней преступлений.

5 [декабря]. Некоторым больным дворовым, лечившимся по наставлению в лечебнике Каменецкого, сделалось легче.

11 [декабря]. В книжке «О новом порядке сельского хозяйства» ничего нет такого нового, чего бы сельские хозяева давно не знали и не исполняли на самом деле. Но некоторых статей, впрочем, маловажных, в печати не было. Замечания же автора о порядке управления сельским хозяйством кратки, поверхностны и даже ошибочны: о затыглых стариках, о жалованье служащим при экономии, о подушных деньгах, о процентном хлебе. Статья же о составлении экономической или мирской суммы темна. Предлагаемые автором способы к облегчению крестьян не все удобоисполнительны. Те же, которые он предлагает для выгоды помещиков (содержание крестьян на месячине), хотя и употребительны в малых поместьях, но в больших почти невозможны.

12 [декабря]. Приезжал из Коломны человек, прививающий оспу. И только четверым младенцам привил оспу, по недостатку лекарств. Хотя по всем городам учреждены оспенные комитеты, но прививание оспы производится очень малое, или по нерадению членов комитета, или, может быть, и по недостатку у них денег для разъездов по деревням. Между тем газеты иногда оповещают о правительственных наградах тем членам за успешное прививание оспы. Но, судя по Зарайскому и Коломенскому уездам, успехи эти, кажется, выдуманы.

20 [декабря]. Начал читать руководство к «Астрономии» Фергюзона.

1829

10 января. Закончил чтение «Истории греческой» Фукидида, в 2-х частях, на французском языке. Произнесённые в народных собраниях или перед войсками речи превосходны.

11 [января]. Весь день занимался алфавитом указов, изданных в 1828 году, который вчерне и окончен. Указы больше всего содержат выговоры, опубликования и откупные дела, способствующие не облегчению содержателей, а больше их притеснению.

15 [января]. В № 3 «Московских ведомостей» напечатано сообщение о прошедшей кампании против турок, в опровержение иностранных газет, в которых представлена эта кампания несчастной для русских. В этом сообщении сказано, что с нашей стороны потеряно 20 тысяч человек (и

13 генералов), а взято у неприятеля 14 крепостей и 4 области. Потеря, в сравнении с успехами, не очень значительная!

17 [января]. По жалобе невестки крестьянина Т.Бродягина, что он домогается учинить с нею плотское смешение, хотя он и приносил оправдание, что с ней только пошутил, этот нечестивец посажен на хлеб и воду. Дома же у него, кроме указанной невестки, никого не оставалось. Муж её, сын нечестивого отца, отъехал в путь на заработки. Другой сын с женой содержится в дальнем месте постоялый двор. Вот нравственность русских крестьян! Говорят, что такие кровосмешения между ними обыкновенны. Но для этого помещику не надобно терпеть таких противозаконных дел.

20 [января]. Невестка щуровского крестьянина Бродягина до возвращения мужа её отослана к своему отцу в Пирочи.

26 [января]. Дочитал небольшую книжку: «Précis de l'histoire de l'astronomie par le marquis de la Place, pair de France» etc. etc., напечатанную в 1821 году. Автор заканчивает своё сочинение объяснением, что нынешняя астрономия основана на усовершенствованной Невтоновой системе о всеобщем тяготении тел. Кроме того, полагает, что обращение небесных тел устроено первою причиною, а не случаем. Но какая это первобытная причина, никто объяснить не может.

28 [января]. В № 23 «Московского телеграфа» за 1828 год напечатана ругательная статья против издателя «Вестника Европы» Каченовского, который в первом номере своего журнала за 1829 год начал печатать сатиру на Полевого. Но, кажется, тот ему в брани не уступит. Впрочем, статьи, помещённые в «Вестнике Европы», хуже, чем в «Московском телеграфе».

31 [января]. Новый устав об училищах разрешает наказывать розгами не только разночинцев, но и дворян.

Один из коломенских дворников, увидев деньги у кормившихся у него тамбовских крестьян, которые продали хлеб и возвращались домой, напоил их пьяными и, отобрав у них деньги, отпустил в дорогу. Один из крестьян умер в Пирочах, а некоторые в Пересмукте отморозили разные части своих тел и растеряли лошадей. Всех крестьян было 8, а лошадей 18. Нашлось: семь человек, одиннадцать лошадей. В Коломне же, по рассказам наших крестьян, живёт в дворниках много беспаспортных крестьян, о чём квартальные и сотские хотя и знают, но из-за взяток скрывают и не объявляют городничему.

1 февраля. Приехавший в Пирочи зарайский стряпчий Попов, будучи пьяным, избил нашего тамошнего дворника и его работника, которого дворник прислал к А. с жалобой, по которой в Пирочи был послан Будников. Но стряпчего он не застал, а возвратясь, объявил, что пьяный драчун попросил у избитых им крестьян прощения и уехал.

8 [февраля]. В этот и в предыдущие дни занимался чтением Лагарпова «Ликейя» на французском языке. В шестом томе, в статье о Мирабо, сочинитель порицает отца этого негодяя за его жестокость к сыну и даже обвиняет его в зависти к талантам сына до такой степени, что просит заключить его в тюрьму. При этом г. Лагарп, против обыкновенного ему приличия, описывает отца весьма дурно.

10 [февраля]. Сегодня умер создатель Голутвинской пустыни Самуил, на 72-м году от роду. Он был около сорока лет настоятелем этой пустыни, всеми уважаемый, и доставил для своей обители многие выгоды.

5 марта. Журналисты бранятся, называя друг друга по именам.

13 [марта]. По газетам, новый главнокомандующий действующей армией генерал граф Дибич вступил в свою должность. Прежний предводитель этой армии, фельдмаршал граф Витгенштейн, уволен по болезни.

27 [марта]. В «Московских ведомостях» напечатано письмо, полученное из персидской столицы Тегерана, о том, что там почти всё русское посольство, с посланником Грибоедовым, перебито взбунтовавшимся народом. Люди в несметном количестве ворвались в его дом и, несмотря на военный караул из казаков и персов, бывший при нём, разломали все двери и всех бывших в посольстве предали мечу, кроме немногих. Но что же делали наши казаки? Об их убийстве в газетах ничего не сказано, а также о том, откуда взялись у простого народа мечи.

2 апреля. Зять писал, что донос Алисова на Канищева о том, что тот не из дворян, а присвоил себе дворянское происхождение, несправедлив. Велено разобраться с ним в коломенском уездном суде. Хорошо, если бы этого клеветника наказали.

5 [апреля]. Спор с Ник[олаем] (сын, Н.А. Грибовский. — *Ред.*) о Филиппе II, короле испанском, который казнил своего сына за непокорность и строптивость. Ник. говорил, что Филипп своего отца, Карла V, принудил отдать ему свой престол. А я утверждал, что это неправда и что Карл V оставил престол добровольно, по причине жестоких болезней. Сын ссылался на Гальяра, а я на Гальяра и Робертсона, писавших историю Франциска I и Карла V. Дело же состояло в том, что немецкий писатель Шиллер сочинил трагедию Дон Карлоса, сына Филиппа, короля испанского, и вложил в уста сына, который говорит с отцом, речи, по моему, странные и ненатуральные, а по мнению Николая — справедливые. Дон Карлос, будучи 23 лет, с неумеренной настойчивостью просил отца дать ему верховное начальство над возмущившимися Брабантскими провинциями и над посланными туда войсками вместо герцога Альбы, старого и опытного вождя, и с большой нескромностью выставлял свои права сына и наследника, что немногим бывает приятно. Близкий пример самого Филиппа доказывает, что он никогда не просил у своего отца верховного начальства ни над империей, ни над войсками, пока сам Карл V

не отказался от правления своими государствами из-за жестоких болезненных припадков. Филипп в правление не вмешивался, и причиной его отречения от престола была болезнь, а не принуждение его сына, как уверял Николай, защищая нелепый разговор сына с отцом, выдуманный немцем Шиллером во вред нравственности. «Старый Катон, — говорил Николай, — одному своему приятелю, советовавшему высечь его шаловливых детей, отвечал: как я могу поднять руку на то, что для меня священнее всего в природе?». Наоборот, премудрый Сирах учит: если любишь своего сына, то не жалея над ним жезла твоего. <...>

5 июня. Проходя через ближние крестьянские гумна, я заметил дубовый пенёк, в окружности имеющий 8 аршин, который, по рассказам, был посажен местными крестьянами и лет десять тому назад срублен и разделён между ними. Из него вышло много верей, столбов и проч. Вероятно, что в этом месте был лес. А посадка этого дерева, достигшего такой огромной величины, невероятна.

Проходя через деревню, заметил крестьянскую избу, выступающую из ряда. Осип Минаев сказал, что в народе есть поверье, будто бы хозяину такой избы не бывает в ней доброго житья. Полезное поверье. Но что бы он сказал о малороссийских хатах, которые все построены кое-как.

8 [июня]. В «Московских ведомостях» напечатано о бывшем 5 мая сражении с турками, в котором убито два генерала, много офицеров и рядовых.

12 [июня]. Поехал из Осошников в Рязань по делу о перевозе просёлочными дорогами, которые очень плохи, через Борки, Плешки, Клепаленки, Жилконцы, Тюнино Городище и на большую дорогу в Ильинское, где и кормили 4 часа, а выехали из Осош[ников] в 7 часов до полудня. В Рязань приехали полдевятого пополудни и остановились на постоялом дворе в небогатом доме Рюмина, по 1 р. за три комнатки с его дровами и водой.

13 [июня]. Виделся с Сергеем Егоровичем Матвеевым, у которого был принят очень ласково. Тут же увиделся с Волынским и узнал от обоих, что в Рязани есть две партии, губернаторская и вице-губернаторская, и что губернатор человек самовластный.

16 [июня]. Прочитал неважное сочинение «Письма о физике, химии и натуральной истории», дурно переведённое.

18 [июня]. Встал в третьем часу утра. Выехал в 6 часов из Рязани и в 9 часов вечера приехал в Осошники. В шесть дней израсходовано на людей, лошадей и за квартиру 25 р. В Рязани улицы широки и почти все вымощены гольшом, с широкими тротуарами. Лавок много, но несколько заперты. Да и в прочих продаются почти одни привезённые из Москвы товары, и, несмотря на малое количество жителей, всё там дорого.

22 [июня]. За 1000 лык и за два стакана вина матырский пастух открыл Осипу Минаеву секрет, как вставлять рогатой скотине жвачку.

27 [июня]. Стрижка овец бывает два раза в год. Первый — в мае, второй — в конце августа. С этого времени шерсти дают вырасти до 8 ноября, и тогда начинают их забивать на мясо и для овчин. Холостят барашков весной и осенью. Осенняя шерсть лучше весенней. Но за разбивку весенней берут по 7 коп., а за осеннюю по 5 коп. с пуда.

2 июля. Поутру был у госпожи Колтовской, высокой и здоровой барыни около 50 лет. Предлагал ей за осошн. крестьян по 600 рублей за ревизскую душу. Но она не согласилась их продать. Сын её, отставной гусарский корнет, высокий и дородный малый, с рыжими волосами на голове и такого же цвета усами, с толстым, резким и твёрдым выговором, был бы готов тех крестьян продать, если бы имел на то волю. Меня же к этой покупке принудило чресполосное владение в усадьбе и пашнях, отчего в усадьбе нельзя сделать ни хорошей дороги через селение, ни хорошего пруда. Оттого весной через селение проезд невозможен, а зимой в пруду вся вода вымерзает. В пашнях же нельзя сделать четвёртого поля для отдыха земли и для корма скота. От этого, по причине ежегодной запашки и посева на трёх полях хлеба, вспаханная земля даёт скудный плод.

6 [июля]. Написан план покоса лугов, который крестьяне опробовали. Но так как они его не поняли, то будут делать по своему обычаю. На их одобрение не нужно полагаться. Многие из них за свою жизнь в течение пятидесяти лет занимаются пашней и вообще крестьянским хозяйством, но весьма немногие свои опыты помнят и при наступлении нового года мало-помалу вспоминают о порядке, бывшем в прошлом году. И на ошупь, как слепые куры, начинают и продолжают свои работы, по большей части встречают неудачи. Впрочем, известно, что улучшение в хлебопашестве и вообще в сельском хозяйстве сделано не крестьянами, а помещиками. Тысячи примеров тому не требуют доказательств. Но есть у крестьян некоторые правила насчёт пашней и посевов, которые нельзя изменить.

7 [июля]. В лесу г-жи Колтовской найден мертвец, в котором при осмотре опознали её, г-жи Колтовской, дурака, который зимой пошёл в Коломну и, заблудившись, замёрз. Теперь от него остались одни кости.

14 [июля]. В московской газете сообщено о завоевании турецкой крепости Силистрии с 10 т. гарнизона и 220 пушками.

23 [июля]. Получил от г. де Рибаса длинное письмо, в котором он уведомляет меня, что Николаю обещано место в таможне. Он подробно описывает своё состояние: имеет семерых детей (5 дочерей и 2 сыновей), дачу на морском берегу, 200 душ и 3200 десятин земли, место генерального неаполитанского консула в Одессе с 6000 р. жалованья. Сын же его, 22 лет, при нём вице-консулом, имеет орден Неаполит. со звездой, но только разорился от отдачи под залог одному подрядчику двух домов в Одессе, который сделался неисправным и, наконец, просит, чтобы я о себе его уведомил.

28 [июля]. Поутру занимался разными распоряжениями по хозяйству, а после обеда — записью их в особую тетрадь.

Генералом, графом Паскевичем, напечатана в газете реляция о разбитии двух турецких армий и взятии в плен одного из главнокомандующих ими. За это ему даны алмазные андреевские знаки. В тех же газетах сообщено, что Император 16 июля приехал в Петербург.

30 [июля]. Осмотрел английский овёс. Он ничем не отличается от простого. Вот обман торговцев и великая глупость покупателей! Впредь да сохранил меня Господь от покупок иностранных семян.

17 [августа]. Смотрел на Матыре у г. Кутузова веяльницу. Она прикреплена внутри риги неподвижно к стене, сквозь которую проведён вал, вращаемый снаружи риги двумя лошадьми. Внутри ящика в одном конце четыре широких крыла, вделанные в этот вал, а на другом — три подсевальные решета из проволоки напротив отверстия, сделанного сзади, в которое при работе выходит воздух. Зерно же накладывается в курик⁷ сверху. Потом зерно, проходя через подсевальные решёта, выходит внизу чистое в одно отверстие, колос — в другое, а мякина — в третье. Так что, по словам выборного, ничего не пропадает. К шипу большого вала, на котором крылья, снаружи приделан к боку ящика тонкий деревянный рычаг, подвижный, на железном коленчатом болте, а сверху на железном же винте с гайкой наглухо укреплен. Рычажок этот, при действии вала поднимаясь и опускаясь, приводит в действие подсевальные решёта. Снизу выведена на верх ящика стойка с закладкой на случай прибавки или убавки действия подсевальных решёт. Ящик сделан из тонких досок. Стоит 200 р., выеивает в день от шестидесяти и более четвертей. Там же овин кирпичный на сводах, топится снизу. Сквозь пол сделаны душники, которые открываются по закрышке трубы, через которую дым выходит наружу. А в овине дыму не бывает. Труба же помещена подле стены. Накладывается для сушки до 20 четвертей зерна. Кирпичей пошло до 100 тысяч.

21 [августа]. В указах напечатано об увольнении управляющего Министерством юстиции князя Долгорукова в отпуск на 4 месяца и о назначении на его место товарища его Дашкова. Первый был мой личный враг. Когда он был присутствующим в Московском Сенате, подано было от меня на него подозрение. Но он, сделавшись управляющим Министерством юстиции, взял на своё рассмотрение это самое дело, по которому был заподозрен.

2 сентября. В этот день, 36 лет назад, то есть в 1793 году, в Петербурге было торжество по случаю примирения с турками. В тот день Государыней с трона были объявлены многие милости, награды и назначены пособия. При чтении о сооружении монумента князю Потёмкину Тавриче-

⁷ К у р и к, по словарю В.И. Даля, — колотушка для колки дров.

скому Императрица плакала. В числе наград и мне была пожалована деревня. Ах, если бы я её не оставлял!

13 [сентября]. В газетах напечатано, что турецкие полномочные послы приехали в нашу армию с мирными предложениями.

26 [сентября]. В газетах объявлен мир с турками.

6 октября. По сообщениям газет, Дибич и Паскевич по случаю заключённого мира произведены в фельдмаршалы.

1833

1 января. Обедал у Л.И. Кутузова и, возвратясь на квартиру, узнал: Шамшин приезжал сказать, что моё дело закрыто. Высочайшей резолюцией утверждено мнение большинства членов. Слава и благодарение Богу! Можно несколько вздохнуть. После Его милости я наиболее обязан Ивану Дмитриевичу Трофимову и Ник. Иван. Ефремову: без трудов первого и содействия последнего, может быть, это дело кончилось бы иначе. Жена моя, верный друг мой Н.А., с примерным терпением перенесла это тяжкое время. Ни в чём не упрекала меня, продолжала со мной дружескую переписку, присылала деньги и усердно занималась работами по хозяйству.

Вот содержание дела. По причине расстройств дел моих от неприятельского нашествия и неудач по откупу накопилась на откупе недоимка до 270 тысяч, да для поддержания его занято у частных лиц более 300 тысяч рублей, в том числе у г. Кирьякова, первого мужа г-жи Богданович, 56 000 рублей. Эти деньги Кирьяков дал мне займы, не взял с меня даже простой расписки. И я сам выслал ему за них заёмные письма с припиской процентов по 12 на сто, отчего и составила сумма в 86 130 рублей.

По невозможности заплатить всех долгов и по недостатку имения подано мной в декабре 1817 года в зарайский уездный суд объявление о несостоятельности. Но ещё до этого времени рязанское губернское правление, по вступившим претензиям от разных кредиторов и по отзывам моим о неимении ни денег, ни имения на удовлетворение означенных претензий, писало в 1816 году о моей несостоятельности. Уездный суд, по представленным мной доказательствам о подлинности моего упадка от несчастных обстоятельств, признал меня, с согласия большинства кредиторов, по решению своему от января месяца 1818 года, должником несчастным, о чём и объявил через публичные ведомости. Между тем г-жа Богданович, приехав после смерти своего мужа в Зарайск, остановилась в моём доме и, прожив три дня, поехала в Рязань и подала ко взысканию мои обязательства. Бывший тогда губернатор К., по личному ко мне недоброжелательству, отправил в Зарайск стряпчего казённых дел Горина вместе с Богданович для разыскания, по её доносам, о моём имении под видом взыскания неуплаты недоимки. Горин требовал через зарайского городничего Извольского, чтобы я явился к нему. Но я, уехав в Коломну, послал в Сенат на действие губернского правления жалобу,

который, признав оное незаконным, предписал оставить его без действия. Г-жа Богданович подала в 7-й департамент Сената прошение, обвиняя меня в умышленном банкротстве. И, несмотря на то, что годовой срок, определённый для подачи апелляции на решение уездного суда, прошёл и ни от неё, ни от других кредиторов апелляции на это решение не подано, 7-й департамент, не потребовав объяснения, предписал подвергнуть поступки мои рассмотрению по силе банкротского устава о злостных должниках. Такое заключение сделано по предложению тогдашнего обер-прокурора, пьяного графа Санти. Но если бы была потребована справка, тогда мог бы я поехать в Москву и объяснить, что просительница пропустила апелляционный срок, или должен бы подать жалобу на решение Сената. Но всё это было упущено, и дело началось снова в уездном суде.

Но, как бы то ни было, теперь уже кончилась эта смертельная борьба. Те, которые не были предупреждены против меня, поступили в решении беспристрастно и законно. Но почти все, поддержавшие министра юстиции, — личные мои недоброжелатели, знавшие меня во время моего случая, завидовавшие и ненавидевшие меня. Наверное, надобно полагать, что соперница моя найдёт способ подать на это решение жалобу. Хотя и запрещено принимать жалобы на решения Государственного совета, но они принимаются. Ябеда везде находит себе дорогу. <...>

7 [марта]. В 10 часов вечера выехал в Москву, куда и приехал вечером 11-го числа. В Москве остановился возле Тверской площади, в гостинице «Германия», в доме Кожина, с платой за комнату по 4 р. в сутки. Виделся с Хрусталёвым⁸, который расторгнулся и нанял на Никольской улице тёплый, пристойно убранный магазин и много прибавил к своему товару. Сам и жена разжирели, но, кажется, ещё не переменились. Вечером был у Д.А. Лухманова и принят любезно. Этот постарел, доживает 70-й год. Женатые дети живут отдельно, да и другие подросли. Д.А. выбран в Совестный Суд заседателем. Магазин его, которому нет подобного в России, в последние три года ещё приумножился редкостями и драгоценностями. Но он жаловался, что много проживает.

17 [марта]. Выехал из Москвы в 9 часов утра и приехал в Коломну в 11 часов вечера.

Последний статс-секретарь императрицы Екатерины Великой

Список земляков, которыми по праву гордятся коломенцы, насчитывает не одну сотню фамилий. Среди них, безусловно, и незаурядный человек Адриан Моисеевич Грибовский. Почти тридцать лет провёл он в Коломне и соседнем селе Щурове (ныне в черте города) и похоронен на

⁸ Известный в то время московский продавец книг.

коломенской земле в стенах древнего Старо-Голутвина монастыря, основанного преподобным Сергием Радонежским.

А.М. Грибовский был последним статс-секретарём российской императрицы Екатерины Великой. Имел чин полковника, был кавалером ордена Святого Владимира 4-й и 3-й степеней. Вошёл он в историю и как человек, имеющий отношение к литературному творчеству, оставив любопытные мемуары — «Записки о императрице Екатерине Великой».

Императрица Екатерина II и её статс-секретарь Адриан Моисеевич Грибовский — личности, конечно, не равнозначные. Российская царица, обладавшая недюжинными способностями, волей и трудолюбием, управляла государством 34 года и очень много сделала для страны. И лишь около двух последних лет при ней находился статс-секретарь А.М. Грибовский. Если о Екатерине II кое-что знает любой школьник (в учебнике истории её имя упоминается), то о Грибовском вряд ли что известно молодым людям, да и не только им.

Рассказ об Адриане Моисеевиче Грибовском начну с критического замечания: в биографической статье, опубликованной в четвёртом томе Советской исторической энциклопедии (М., 1963), допущена ошибка. Даты жизни указаны следующие: 1766–1833. Авторы-составители не стали себя утруждать выяснением полных дат с указанием числа и месяца рождения и смерти, как это сделано в большинстве приводимых в энциклопедии биографий. Не названы также ни место рождения, ни место смерти и захоронения.

А источник, который зафиксировал полные даты рождения и смерти А.М. Грибовского, есть. Это тысячестраничная книга «Русский провинциальный некрополь», вышедшая в Москве в 1914 году. На странице 224-й сообщается, что Грибовский Адриан Моисеевич родился 1 августа (по другим сведениям, 26-го) 1767 года, а умер 27 января 1834 года, и похоронен он с женою Наталией Акимовной в Старо-Голутвине монастыре Коломенского уезда. Лет двенадцать назад я сделал попытку найти могильную плиту или её остатки и, естественно, ничего не смог обнаружить. Да это и неудивительно. Долгие годы после Октябрьской социалистической революции все постройки на территории монастыря служили жильём для сотен коломенцев. Памятники на могилах были уничтожены...

Адриан Моисеевич Грибовский родился в городе Лубны Полтавской губернии в семье есаула напольного полка Малороссийского казачьего войска. Получил хорошее образование.

*Гаврила Романович Державин.
Худ. В.Л. Боровиковский*

Службу начал при Гавриле Романовиче Державине (1743–1816), известном поэте, государственном деятеле. Державин в 1784 году был назначен олонецким губернатором и, отправляясь в Петрозаводск, по всей вероятности, по рекомендации писателя О.П. Козодавлева (впоследствии министра внутренних дел), взял с собой Адриана Грибовского в качестве секретаря. Молодой человек служил ревностно, исправно исполнял возложенные на него обязанности, чем снискал благосклонность губернатора, и вскоре был назначен исполняющим должность казначея приказа общественного призрения.

Семнадцатилетний Грибовский ещё в 1784 году в Петербурге сделал удачный (как отмечали современники) перевод с французского идиллической повести Арно «Опасность городской жизни». Книга быстро нашла своего читателя. По-видимому, и этот факт повлиял на то, что в Петрозаводске по сути не такой уж важный чиновник Грибовский был на хорошем счету в высшем обществе. С ним водили компанию вице-губернатор, губернский прокурор, председатель уголовной палаты, играли вместе в карты, в азартные игры, что строжайше преследовалось законами. Картёжником Адриан был неумелым, неопытным, чаще всего проигрывал. Это обстоятельство и подтолкнуло его на бесчестный поступок: чтобы расплатиться с партнёрами, он растратил казённые деньги, тешась мыслью, что вернёт их, как только отыграется, и всё пройдёт незамеченным. Но нагрянула неожиданная ревизия, преступление вскрылось. И Державину стоило большого труда замазать дело, вложив в казну свои сбережения — тысячу рублей.

*Князь Потёмкин-Таврический.
Худ. И.Б. Лампи Старший*

Благодаря стараниям О.П. Козодавлева Грибовского в 1787 году устроили служить в военно-походную канцелярию князя Григория Александровича Потёмкина, главнокомандующего русской армией во второй турецкой войне. Ему вменено было в обязанность сочинять журнал военных действий, по которому главнокомандующий составлял свои донесения императрице.

После кончины Потёмкина Грибовский был определён начальником канцелярии князя П.А. Зубова и вскоре сделался правою рукою последнего фаворита Екатерины II. Ему был открыт доступ в покои царицы. Им преподносились императрице к подписанию изготавливаемые указы, он читал ей иностранную почту, так как в совершенстве знал французский язык. И наконец, 11 августа 1795 года А.М. Грибовский был назначен статс-секретарём Екатерины II, или, как тогда говорили, «при ея императорском величестве у принятия прошений».

При этом он занимался и делами, возложенными на князя Зубова. Кроме того, по заданию императрицы изучал гражданские законы и церковные уставы для составления нового устава Сената, работал над замечаниями на Генеральный регламент Петра I, принимал участие в решении ряда политических вопросов (устроение губерний в бывших польских областях; составление штатов запасных батальонов и эскадронов; размещение поселенцев в южных губерниях и др.). Грибовскому принадлежит составление указа об основании города Одессы.

Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. Преемником царицы на российском престоле стал её 42-летний сын Павел Петрович. Он был убеждён, что в существующих условиях самодержец может сохранить власть, лишь опираясь на свою авторитарную силу. С первых дней правления приступил к ломке екатерининских порядков. Много в действиях своей матери Павлу не нравилось, в том числе и её окружение. Поэтому от большинства вельмож, занимавших высокие государственные посты, он поспешил избавиться.

Опале подвергся и Адриан Моисеевич Грибовский. 14 января 1797 года его выслали из Петербурга, а спустя тринадцать месяцев арестовали. Доставили в столицу и заточили в один из рavelинов Петропавловской крепости. Через год переместили в Шлиссельбургскую крепость и поместили в тот каземат, где до 1796 года несколько лет провёл известный просветитель, писатель, журналист, издатель Николай Иванович Новиков, выпущенный на свободу новым царём.

Грибовского освободили лишь в 1801 году, когда в результате заговора был убит Павел I и на престол взошёл Александр I. Через некоторое время Грибовскому последовало предложение служить при нём. Строптивый, заносчивый по характеру, он в ответ обронил:

— Стану я, слуга Екатерины, служить этому мальчику?

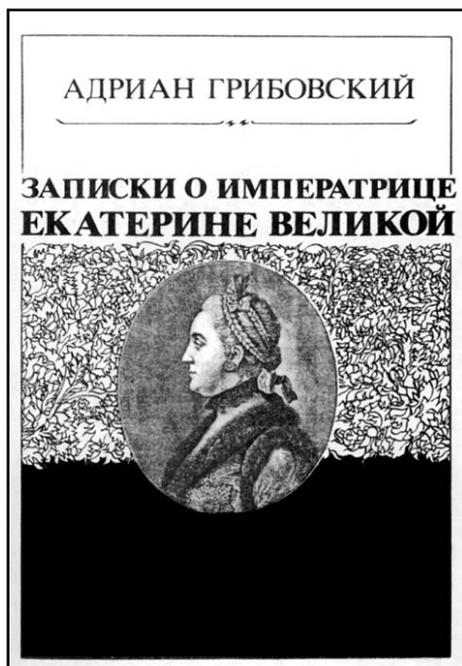
Эта фраза повлияла на его судьбу: больше предложений не следовало.

В 1803 году А.М. Грибовский с семьёй переехал в Москву, где приобрёл дом на Мясницкой улице.

За одним из ужинов в Английском клубе Адриан Моисеевич купил прекрасное имение у князя Голицына — село Щурово с окрестными деревнями недалеко от Коломны. В 1805 году он на высоком берегу Оки, напротив того места, где в неё впадает Москва-река, построил трёхэтажный каменный дом, разбил сад. В Щурове проводил все летние месяцы.

В Москве Грибовский жил до Отечественной войны 1812 года. Приближение французов к белокаменной вынудило семью Адриана Моисеевича сняться с насиженного места и перебраться в Рязань. Но вскоре после изгнания захватчиков Грибовский переехал в Коломну, где купил большой дом. Это было очень удобно: щуровское имение находилось в нескольких верстах.

В имении села Щурове у Грибовского была богатая библиотека. Она состояла из книг на русском, французском и немецком языках. Были там и издания, которые увидели свет благодаря стараниям Адриана Моисеевича. Выше я упомянул о сделанном Грибовским удачном переводе с французского повести Арно «Опасность городской жизни». А двумя годами раньше, когда ему было пятнадцать лет, он перевёл повесть Ф.-Т.-М. де

Обложка книги, изданной в Москве в 1989 году. Репринтное воспроизведение издания 1864 года

Баюляра д'Арно «Макин». Это произведение, затрагивающее проблему «естественного человека» (жизнь героев на необитаемом острове), вызвало интерес у русских читателей. В том же 1782 году повесть в переводе Грибовского была напечатана в первой части «Городской и деревенской библиотеки» Н.И. Новикова. А спустя семь лет это произведение без изменений (правда, было снято посвящение князю В.В. Долгорукому, сделанное переводчиком и напечатанное в ранних изданиях) вошло в сборник сочинений Арно. В этом же году в том же сборнике была напечатана переведённая А.М. Грибовским повесть «Эрманса». Первые это произведение Арно в переводе Грибовского увидело свет ещё в 1782 году.

Много труда Адриан Моисеевич отдал переводу на русский язык с французского повести известного в то время английского писателя То-

байаса Смоллетта «Приключения Перигрина Пикля». Первая часть перевода увидела свет в 1788 году под названием «Весёлая книга, или Шалости человеческие». Но сложности по службе отвлекли А.М. Грибовского от литературных занятий. Переводчик так и не завершил работу над романом, хотя уже принималась подписка на 2–4 части «Весёлой книги...».

Грибовский боготворил Екатерину II. Поэтому понятно его желание оставить о ней свои воспоминания. Когда Адриану Моисеевичу было уже за шестьдесят, он начал писать «Некоторые заметки из жизни Екатерины II», а также «Записки о службе статс-секретаря Грибовского и прочих лиц». Закончить не смог — помешала неожиданная кончина. В этих записках (а они охватывают период с 1783 по 1802 год) можно найти много интересного из описания придворного быта и характеристик видных в то время людей.

Воспоминания А.М. Грибовского попали после его смерти в руки профессора Московского университета историка Михаила Петровича Погодина. Он признал их интересными, привёл рукопись в порядок и напечатал в журнале «Москвитянин» в 1847 году под заголовком «Записки о Екатерине Великой». Позже они были изданы отдельной книжкой.

На протяжении нескольких лет А.М. Грибовский вёл дневники — делал записи в «Еженедельнике» о своих встречах и впечатлениях. О них упомянул в письме, которое было напечатано в апрельском номере 1895 года журнала «Исторический вестник», правнук Адриана Моисеевича Н.Н. Губерти. Это сообщение заинтересовало издателей журнала «Рус-

ский архив» Петра и Юрия Бартеневых. Они сумели заполучить рукопись и опубликовать её под названием «Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского» («Русский архив», 1899 г., кн. I).

Отдельным изданием дневники А.М. Грибовского не выходили. Частично я приводил отрывки из них в некоторых коломенских СМИ. Сегодняшняя публикация в «Коломенском альманахе» самая объёмная, опущены лишь те страницы, которые, думается, вряд ли представят интерес современному читателю (в основном те, где рассказывается о встречах с чиновниками и сановниками Москвы и Петербурга), а всё, что касается Коломны, Щурова и окрестных мест, оставлено.

Почему-то дневники А.М. Грибовского не попали в поле зрения исследователей истории Коломны, хотя на их страницах — драгоценные россыпи фактов, которым был свидетель или участник автор дневниковых записей. И они, безусловно, заслуживают внимания. Однако следует отметить, что в дневниках Грибовского преобладает субъективная оценка событий и поступков людей.

Последняя запись в опубликованных в «Русском архиве» дневниках А.М. Грибовского датируется 17 марта 1830 года. Но ведь Адриан Моисеевич жил ещё почти четыре года. Неужели он отказался от многолетней привычки вести записи в «Еженедельнике»? Вряд ли. По всей вероятности, дневники последних лет не сохранились. Или можно предположить, что лежат они в каком-нибудь московском архиве и ждут своего часа, когда кто-нибудь из дотошных краеведов их обнаружит. И тогда могут открыться досель неизвестные страницы жизни бывшего последнего статс-секретаря Екатерины Великой.

* * *

Ксожалению, не сохранилась до наших дней щуровская усадьба А.М. Грибовского. Неизвестно, какой из домов в Коломне принадлежал ему. В советское время были уничтожены памятники на могиле, где похоронены Адриан Моисеевич и его жена Наталия Акимовна (до замужества Чистякова). Но память о человеке, оставившем след в истории и литературе России, хранится. В нашем городе в большом жилом массиве Щурова постановлением главы городского округа Коломны В.И. Шувалова 14 февраля 2008 года одной из новых улиц дано название «Улица Грибовского».

Подготовка текста, примечания и послесловие
Анатолия КУЗОВКИНА

СЕРЕБРЯНЫЕ
СТРУНЫ

Графика Василины Королёвой

Михаил Анатольевич Кукулевич родился 11 ноября 1939 года в Ленинграде. Поэт, бард, журналист, член Союза писателей Москвы. Окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт. Работал на Сахалине, затем, вернувшись в 1963 году в Ленинград, — участковым педиатром, врачом-реаниматологом, врачом детской скорой реанимационной помощи. С 1981 года живёт в Подмосковье, в Купавне. С 1990 года занимается медицинской журналистикой.

Пишет стихи, прозу, песни. Автор пяти поэтических книг и шести аудиоальбомов с песнями на свои стихи и стихи русских поэтов XVIII–XX веков. По его сценариям снято несколько телевизионных фильмов о декабристах.

В последнее время жизнь Михаила Анатольевича оказалась связанной с Коломной. Он участвует в проекте музея Лажечникова «В гостях у Ивана Ивановича», где исполняет роль нашего знаменитого земляка, «русского Вальтера Скотта», — И.И. Лажечникова.

А В СИБИРИ ХОЛОДА, ХОЛОДА...

* * *

Князь Евгений Петрович, застыло каре на снегу,
И вот-вот запоют злой картечи несытые птицы.
Это пушки дружья заряжают на том берегу
И, не веря себе, целят в ваши прекрасные лица.

Но страшнее, чем кровь, чем чужая невинная смерть,
То противное Богу, глухое противостоянье:
Раскололась страна, и теперь никому не суметь
Ни забыть, ни стереть это страшное, горькое знанье.

Князь Евгений Петрович, вас часто в сибирской дали
Тот декабрьский день мучил неразрешимым вопросом.
Не одни кандалы — совесть тоже не знает износа,
За друзей и врагов нерасчётливо сердце болит.

За ошибки свои вам не страшно судьбой отвечать,
Вы любили страну, для которой на площади стыли.

А эпоху, увы, бесполезно судить и прощать,
Как нельзя изменить гордой чести старинных фамилий.

Так вставайте же, князь, поднимайтесь с усталых колен!
На земле и на небе давно вам грехи отпустили.
Оболенских на помощь зовёт, задыхаясь, Россия,
И привычно в них целит слепая картечь перемен.

* * *

Задиры-дуэлянты, от трубки дым колечком...
В коляске дилетантов оставьте мне местечко...
Летят быстрее жизни счастливые года...
Возлюбленной Отчизне послужим, господа!

Она у нас такая, какую заслужили, —
Хлопочет дар Валдая над грязью и над пылью...
И небо голубое мундиров голубей...
На сыновей везло ей, и меньше — на царей.

Задиры-дуэлянты, легко ли спать на печке?!
В коляске дилетантов — ни места, ни местечка,
А вечная дорога в спасенье нам дана:
Не вымолишь у Бога другие времена!

Поверженное знамя. И лик судьбы — печален.
И вороны над нами три раза прокричали...
Неужто нету жизни за гранью роковой?
Любезная Отчизна, что станется с тобой?

* * *

Пуля — дура или нет,
Только время даст ответ,
А оно, как видно, не за вас.
Все, кто не добит судьбой,
Каторгой или петлёй, —
Отправляйтесь прямо на Кавказ.

Ура, ура! Да здравствует Россия!
Чужих племён заботливая мать!
Вперёд, вперёд, полков святая рать, —
Ужли мы иноверцев не осилим?!

Вы, смутьяны, подлецы, беспокойные юнцы,
Вам ли против власти бунтовать?!

Чем ловить в Сибири блох,
Будет лучше, видит Бог,
Жизнь свою за Родину отдать!

Ура, ура...

А кому удастся всё ж
Ни под пулю, ни под нож, —
Тот, надеюсь, наконец поймёт:
Царь хоть плох, но он — отец!
Так давайте ж наконец
Жить как все,
А не наоборот...

Ура, ура...

* * *

И вот, забвением грозя,
Уж пробил наш последний час...
Не забывайте нас, друзья,
Друзья, не осуждайте нас!
Ведь если виноваты мы,
То, Бог свидетель, только в том,
Что захотели средь зимы
Впустить весну в наш отчий дом.

Нам так хотелось, чтобы он
Себя стыдиться перестал,
Чтоб рабство сгнуло, как сон,
И встала честь на пьедестал.
И то желание в груди
Сильнее билось и больней...
И мы, не разобрав пути,
Пустили вскачь своих коней.

Увы, немногие из нас
В той скачке уцелеть смогли —
Верёвка, каторга, Кавказ
Сметали нас с лица земли.
Не осуждайте нас за то,
Что рано вспыхнула свеча,
Что не раскаялся никто
Пред хмурым взглядом палача.

И вот, забвением грозя,
Уж пробил наш последний час.

Не осуждайте нас, друзья,
Друзья, не забывайте нас!

* * *

Поручик Сухинов, ну что же вы, право!
Граница — налево, зачем вы — направо?!
Ищейки царя вас догнать не успели,
Так что же вы медлите в шаге от цели?
Так что ж вы застыли в смертельной печали —
За Прутом свобода сверкает лучами.

Решайтесь, поручик, покуда не поздно,
Пока вас не продали солнце и звёзды.
Лёд прочен, и вас не обманет река...
Но братьев терзает царёва рука,
И павшие спят у проклятых Трилесс
Под тяжким присмотром недобрых небес.

И краска стыда заливает лицо вам,
И найдено точное, горькое слово.
То слово звучит в воспалённом мозгу:
«Предательства на душу взять не могу!
Довольно сомнений, пора ставить точку —
Позорно свободой владеть в одиночку!»

* * *

Вновь мелькают лица эти
В сером сумеречном свете,
Растворяясь в пелене
Петербургского тумана...
Жизнь полна самообмана,
Только смерть ясна вполне.
Те, кто мог бы стать друзьями,
Стали злейшими врагами —
Бог безумцев сохрани!
Свято место не пустеет —
Здесь иное племя зреет,
С сердцем хладным, как гранит.

Чёрный снег летит, кружится
От Сибири до столицы,
Вся империя во сне...
И за всё — одна награда:
Голубая склянка яда
С избавлением на дне.

И не всё ль равно, какая
Ждёт нас кара роковая —
Яд, петля или шрапнель?
Во дворце ль, на поле боя —
Всех укроет с головою
Серым саваном шинель.

Сатанеет, злится вьюга —
Нам ли осуждать друг друга
И кичиться правотой?
И защитники, и судьи
В тонкостенном сем сосуде
Нитью связаны одной...

* * *

Спите, дети,
Спите, дети...
Не видать на этом свете
Вам ни мать и ни отца.
От родимого крыльца
Убегает путь печальный —
Дальний-дальний, дальний-дальний...
Не видать ему конца...

Спите, дети!
Спите, дети...
Светлый ангел вас приветит,
К нам за ручку приведет...
Снегом след ваш занесёт,
Чистым-чистым,
Белым-белым!
Ель вам голосом несмелым
Песню ясную споёт.

Спите, дети,
Спите, спите...
Нас с отцом вы не вините —
Богу ведомы пути.
Не свернуть и не сойти...
Спи, сыночек, спите, дочки, —
Сердце рвётся на кусочки!
Боже праведный, прости!

* * *

Колокольный звон печальный
Заглушает звон кандалный...
Не привычный гром батальный —
Полудневной пушки гром.
Равелины, рвы, куртины —
Безотрадные картины...
Не справляет именины
Хмурый ангел под крестом.

Дал героям-командирам
Царь казённые квартиры...
Хорошо горят мундиры —
Дым относит за Неву...
Милосердия издёвки.
Плох палач, коль нет сноровки:
Обрываются верёвки,
Сердце падает в траву.

Ты, немытая Россия!
В твоём небе тёмно-синем
Не твои ль висят мессии
Не за совесть, а за страх?
Равнодушна и пуглива,
Что ж ты прячешь взгляд стыдливо,
Что ж твой ангел сиротливый
Горько плачет в небесах?!

* * *

А в Сибири холода, холода...
За друзьями ходит смерть по пятам.
Только стоит ли жалеть, господа,
Что полжизни мы оставили там?
Пётр десницу над Невую простёр,
И присягу в нас вбивает картечь...
Но свободы воздух сух и остёр,
Как себя нам от него убережь?!

Выбор сделан, и пути нет назад,
И взметнулись души выше крестов.
Посмотри же нам, Россия, в глаза,
Полюбуйся на любимых сынов.
Им, любимым, не лавровый венок,
Не оркестров многотрубная медь...
Им, любимым, да покрепче острог,
Да погромче кандалами звенеть.

Только стоит ли об этом тужить? —
Быть нам первыми судьбой суждено!
Не обидою нам сердце сушить,
Если болью кровоточит оно.
Только б знать, что всё не зря, всё не зря, —
Так не жаль и тридцати долгих лет...
Занимается над лесом заря,
Санный путь бежит за солнцем вослед.

* * *

Что ж, что нет оркестра, —
Пустяки, право!
Жениху с невестой —
Слава, слава!
Главное, что вместе,
Пусть в тюремной келье...
Жениху с невестой —
Славы и веселья!

Пусть позёмка злится,
Заметая годы, —
Будем веселиться,
Баловни свободы!
Что нам вой метели —
Мы не одиноки:
Ангелы слетели
К нам с небес высоких.

И в свечах венчальных,
И в глазах счастливых
Нам мазурки дальней
Видятся разливы...
Как бы ни бесилась
Вся царёва стража —
Подпоём вполсилы
И станцуем даже!

* * *

О друг мой Пущин, видит Бог —
В Ялуторовск душа стремится:
Там круг наш дружеский теснится,
Поёт за печкой сверчок.
И свечи яркие горят,
Надеждой полнятся бокалы...

И остановка лишь за малым —
За милосердием царя.

И вот всё допито вино,
Счастливый разметал нас случай,
И только писем рой летучий
Соединяет нас в одно.
Да, мы развеяны судьбой,
Но наши души молодые,
Как наши головы седые,
Полны свободою одной.

Но мы чужие среди людей —
Родных пенат чужие дети.
Всё меньше нас, увы, на свете,
И всё короче путь земной.
Не всяк открыт для нас порог,
И жалят взгляды нас косые...
Но в нас опять болит Россия,
И эта боль стучит в висок.

* * *

Ностальгия не по месту, а по времени,
Тяжким бременем, тяжким бременем.
Навалилась на меня тоскою жгучею —
Ох и мучает, ох и мучает!

Петербург мой, Острова, Острова! —
Санки резвые летят: «Эх, пади!!!»
А под кивером гудит голова,
И от ветра так прохладно в груди!

Ах, чего бы я не дал, чтоб в час непрощенный
На Сенатской бы стыть мне площади!
Чтобы в Нерчинске встречать рассветы мглистые,
Веря истово в братство чистое...

Петербург мой, Острова, Острова! —
Дроги чёрные летят: «Эх, пади!!!»
Стынет бритая моя голова —
Шпаги сломаны и тесно в груди...

Пусть родиться не успели мы ко времени —
Не без роду мы, не без племени!
Пусть таким, как мы, сегодня делать нечего, —
Но не вечер ещё, нет, не вечер ещё!

Петербург мой, Острова, Острова! —
Речки Чёрной отлетевшая нить...
Жизнь, конечно, и сегодня права,
Только как её без чести прожить?!

* * *

Что ж вы, прямо на площадь,
Молодые князья?!
Неужели попроще
Жизнь прожить бы нельзя?
Иль несытно вам елось,
Иль несладко пилося,
Что вам так захотелось
Жизнь пустить под откос?

В рудники Акагуя
Да в Читинский острог
Вас за правду святую
Царь упрятал и Бог.
Но в груди вашей тлеет
Гордых слов уголёк —
Кто рабами владеет,
От раба недалёк.

Тускло тащатся годы,
А могли бы сверкать.
Степень вашей свободы
Не дано нам понять.
Подвиг ваш не осилить
Наших дней пустотой —
Он горит над Россией
Непонятной звездой.

* * *

Я думаю о вас, мои друзья!
Пусть вас давно уж нет на этом свете,
За вашу боль я до сих пор в ответе,
Я думаю о вас, мои друзья!

Я думаю о вас, мои друзья!
Нас разделяют годы и пространства,
Но ни забыть вас, ни предать нельзя:
Беспамятство страшнее окаянства!

Я думаю о вас, мои друзья!
Молва бывает неразумно зла,
И кто-то пышет ядом в вас из мести,
Но никакая злобная хула
Не посрамит ни мужества, ни чести.

Я думаю о вас, мои друзья!
Опять заря тайгою пламенеет,
Мы будем и спокойней, и мудрее —
На злобу злобой отвечать нельзя!
Я думаю о вас, мои друзья!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Михаилу КУКУЛЕВИЧУ — 70!

Имя **Михаила Кукулевича** стало известно жителям Коломны сравнительно недавно, но за последние два года творчество этого поэта, композитора, журналиста тесно связано с нашим городом. Лекции-концерты, встречи со студентами пединститута, музыкальные спектакли, связанные с судьбами лучших лириков XVIII—XX веков, — формы творческого общения Михаила Анатольевича со слушателями различны.

Но, пожалуй, самая интересная роль Михаила Анатольевича, которая связала его с культурной жизнью Коломны, — роль нашего знаменитого земляка, русского романиста Ивана Ивановича Лажечникова, которую Кукулевич сыграл сначала в учебном фильме, потом на городском празднике «Ледяного дома» и, наконец, в мини-спектакле «В гостях у Ивана Ивановича»...

Дорогой Михаил Анатольевич, Вы так «совпали» с образом Лажечникова, что невольно хочется называть Вас — Иван Иванович!

Редколлегия журнала «Коломенский альманах» поздравляет Вас с юбилеем, желает дальнейших творческих успехов. Пусть Ваш талант, душевная щедрость всегда радуют коломенцев!

Коллектив редакции

Михаил Викторович Мещеряков родился в 1963 году в Коломне. Окончил Рязанский медицинский институт. Работает врачом. Стихи пишет с юношеских лет. Посещал занятия литературного объединения «Рязаня». Печатался в областных и районных газетах. Победитель городских поэтических конкурсов.

Постоянный автор «Коломенского альманаха». Выпустил три книги стихов — «Пустынное бесшумье», «Тысячелистник» и «Возможность творчества», тепло встреченные коломенским читателем.

Некоторые стихи, переложенные на музыку и исполняемые автором, перешли в жанр авторской песни. В этом номере мы публикуем их тексты, которые удивительно точно характеризуют Михаила — романтика, путешественника, человека с юной, искренней душой, неусидчивого и необычного.

ПРИДУТ ДРУГИЕ ВРЕМЕНА...

Посвящение городу

Есть в городах задумчивых и старых
особая простая красота,
что может лечь и на мотив гитары,
на лист бумаги или ткань холста.

Весной его напишут акварелью,
и реки, совершая ледоход,
подарят дорогое ожерелье
хрустальных льдов и беспокойных вод.

Потом закружит осень в листопаде,
и солнце тронет бликами лучей
кокошники Николы-на-Посаде,
колокола и купола церквей.

Мой древний городок душою молод
не оттого ль, что столько сотен лет

он к небу колокольнями приколот,
а мудрость жизни черпает в земле.

И мы, помимо воздуха и хлеба,
его старинной святостью живём
и шпильями проколотое небо
иначе звёздным куполом зовём.

А что там за кулисой звёздной пыли
смущённый Бог ещё успел создать?
И льётся к нам сквозь дырочки от шпилей
свет вечности Его и благодать.

Весной на коломенском Арбате

Р. Славацкому

От Николы до Никиты
мы одной идеей сбиты,
живописец, и поэт, и бард.
От Никиты до Николы
мы одной с тобою школы,
нам отныне родина — Арбат.

По-особенному гулка
москворецких переулков
тишина, и только лай собак
нарушает одичалость,
и казалось, у причала
здесь стоит История сама.

Свистнет старый пароходик.
К дому Свешников подходит,
и взлетит без палочки рука.
Постучал — и входит в сени,
ну а с берега Есенин
позовёт кататься Пильняка.

Проплывают чьи-то лица,
и история творится
прямо здесь, творится и творит,
каменная, вековая.
А она ещё живая,
каждый куст стихами говорит.

По траве да по росе я
за водой пойду в бассейн,
гляну через левое плечо:

распускаются сирени,
отзываются сирены,
жизнь, как прежде, медленно течёт.

Возвращение в Рязань

Не возвращайся в переулки,
в которых больше нет тебя.
Там юности шаги не гулки,
ни вдоха нет — пусты прогулки,
и двери больше не скрипят.

Теперь другие, молодые
проходят жизнь. Идут смеясь.
Асфальтовые мостовые
всё ловят блики золотые
в теней спасительную вязь.

Тут всё теперь легко и просто.
Где раньше был, где раньше пел
нелепый юноша-подросток,
который каждый перекрёсток
считал значительным в судьбе.

Судьбы разгадываю коды
и в стариках, и в детворе:
всё — сети нашей несвободы,
вся наша жизнь, все наши годы,
мы там, как мушки в янтаре.

Дома, в которые вернулись,
дома, к которым не суметь,
года, где жизни разминулись,
процеживают руки улиц
и ловит переулков сеть.

Послушай, не идёт ли дождь...

Послушай, не идёт ли дождь
по тёмным скатам крыш и кровель?
А то, куда ты живёшь,
никто и не приходит, кроме...

Послушай, как дрожат сады
в холодной оторопи ветра,

и на ночлег из темноты
тянулась судорогой ветка.

Спасу дрожащую её,
как воробья из переделки.
А время всё берёт своё,
час к часу скрещивая стрелки.

Не более пяти минут —
мгновенья, посланные свыше, —
даны нам, и часы пойдут,
и дождь пойдёт по каждой крыше.

Настанет вдруг и наш черёд,
нам жребий выпадет счастливый,
и мы узнаем наперёд
всю эту ночь и день дождливый.

Как, тёплых снов не пощадя,
к нам ночь входила на ночь глядя
и иероглифы дождя
чертя на законной глади.

И с этой веткой, и с дождём,
гитару глядя и её гриф,
вот так тихонько и живём,
разгадывая иероглиф.

Чьи замутнённые черты
повыше мокрых крыш и кровель?
А больше к нам из темноты
никто и не приходит, кроме...

Песня о первооткрывателях

Поверх барьеров и границ,
поверх разлук и расстояний
мы видим перелётных птиц,
не чуждых странствий и скитаний.
У каждого своя звезда,
своя судьба, своя планида,
но, уплывая навсегда,
мы открываем Атлантиду.

Поверх торосов и преград
мы не устанем продираться.
Мы не боимся проиграть —

страшнее вне игры остаться.
Пусть сломан компас и секстант,
и вертолёт оставил поиск,
но, уезжая навсегда,
мы открываем новый полюс.

Поверх скептических голов
и привилегий депутатских
лежит Вселенная Любовь
и мёрзнет в холоде скитаться.
На чей-то зов, на чей сигнал
плывём, как викинги-норвеги,
и, расставаясь навсегда,
соединяемся навеки?

Придут другие времена

Давай уедем в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Д. Самойлов

Когда-нибудь настанут времена —
заранее бы знать их имена,
а то не распознаешь, прозеваешь —
где время как бы замедляет ход,
и до всего как будто достаёт
его, и успеваешь, успеваешь.

Когда-нибудь настанут времена —
ушедших почитайте письма,
спешащий их открыть не успевает, —
и прошлого вам не мешает тень,
где дольше века продолжался день.
А в юности казалось — не бывает.

Когда-нибудь настанут времена,
где не цветы важней, а семена,
и никакие не страшны цейтноты.
Не линии уж ценишь, а штрихи,
и не воспринимаются стихи
как невообразимые длинноты.

Да, да, такие будут времена —
как в пожелтевшем парке променад,

где время года — с переходом в осень
всё медленней и медленней текло,
как тихое осеннее тепло,
покуда не остановилось вовсе...

Сон о журавлях

Был сон — и больше ничего —
какой-то тихий:
над крышей дома моего —
две журавлихи.

Казалась белою одна,
темней вторая —
она стояла у окна,
другая — с краю.

Я к шаткой лестнице прильнул
в стремленье к небу
и странным птицам протянул
краюшку хлеба.

Поднявшись медленно с земли,
смотрю я — точно:
не птицы то, не журавли,
а мать и дочка.

Был серый свитер на одной
сплетён из пуха.
Берёт не клювом, а рукой
мою краюху.

Светлее пряжи снеговой
та, что моложе.
Я не запомнил, на кого
они похожи.

Поскольку все вы в эту ночь
спустились сверху,
благословение одно
стиху и стерху.

И дом со звёздами в окно,
где сон тот мне был...
Благословение одно
Земле и Небу.

Был сон — и больше ничего —
какой-то тихий:
на крыше дома моего —
две журавлихи.

И я бы что-нибудь открыл
в небесной свите,
но эти руки вместо крыл
и серый свитер...

Философия декабря

Каждый день дарит нам миллион забот.
И летят дни, недели, часы подряд,
но порой нарушается этот ход.
Это есть философия декабря.

Каждый снег каждый вечер — всего лишь снег,
но порой происходит иной обряд:
этот снег на ходу замедляет бег.
Это всё философия декабря.

Не спеши, проживёшь свой усталый век.
Не спеши, всё когда-то придёт к нулю.
Каждый миг, каждый вечер и каждый снег —
всё замедлит движение к декабрю.

Гороскоп нам пытается дать ответ.
Путь звезды предсказуем, и потому
он в течение последних двух тысяч лет
неизменно приводит нас к одному...

Через год здесь опять прорастёт трава
и укроют снега хоровод листвы.
За мгновенье до нового Рождества
посмотри, не идут ли куда волхвы?

Сто путей, сто дорог, но исход один.
У земли и у неба один закон:
если честно ты складываешь камин,
неизбежно с небес упадёт огонь.

А стихи... хорошо бы стихи начать.
А поленья горят и трещат не зря.
И твоя будет музыка здесь звучать,
и моя философия декабря.

Не грусти. Нам осталось ещё чуть-чуть.
Солнце скрылось, последним лучом горя,
и, спускаясь по тоненькому лучу,
к нам идёт философия декабря.

Тропою бродячих котов

В. Татаринovu

Я жизнь подарить вам готов.
За ценность её не ручаюсь.
А сам ухожу я, качаясь,
тропою бродячих котов.

Все кошки боятся воды.
Бродячих котов — без истерик —
всё тянет и тянет на берег.
Мы, верно, речные коты?

Где тропы твои пролегли?
Где братья твои прокричали?
Мы будем стоять на причале,
встречать-проводить корабли,

смотреть, как стальные винты
вскрывают упругие воды,
как дымом своим пароходы
похожи на наши хвосты.

Пространство вечерней реки...
Чтоб не посадило на камень,
украсят его огоньками,
зажгут речники ночники.

Зажгут ночники речники,
и каждый маячащий бакен
напомнит не то чтоб собаки —
бродячих котов язычки.

И свечками наших хвостов
украшен причал, где был катер.
Зимуем мы, как дебаркадер,
под боком больших городов,

где в воздухе запах печной,
где сыплются искры за ворот,
и крайнюю улицей город
всё трётся о берег ночной.

Я жизнь подарить вам готов,
но вот приключилось бродяжить.
Идём мы — и ноша не в тяжесть —
тропою бродячих котов.

Идём мы... А знаешь ли, Влад,
коты-то не ходят толпою,
но выпавший снег над тропой
укроет следы наших лап.

На реке Пра

Усталой душе погрузиться пора
в дубовый, сосновый настой,
туда, где петляет спокойная Пра
с торфянисто-чайной водой.

Где лес то сухую роняет иглу,
то — робкие листья дрожат,
и только из чёрных невысохших луж
его отраженья глядят.

И дымно-таёжные запахи дров
пьянят обонянье моё,
кукует кукушка, и цокает дрозд,
и иволга тихо поёт.

Меж белых, зелёных и бурых стволов
неслышно байдарка скользит.
И в общем неважен здесь лов или клёв,
а каждый о чём-то молчит.

Смотрю, как осиновый лист задрожит
на веточке хрупкой своей.
Запуталась леска и вся моя жизнь
на удочках у сыновей.

Так дай же мне силы и будь так добра,
и станем и мы щедры,
лечи нас покоем, красавица Пра,
Прабабушка Мещеры.

Как мало нам для счастья нужно...

Л. Штанько

Как мало нам для счастья нужно —
уединения в тиши,
святой огонь, святая дружба —
вот светлый праздник для души.

Как мало нам для счастья нужно —
чтобы в палатку, как в кровать,
нам кофе утреннего кружку
могли б когда-нибудь подать.

Как мало нужно нам для счастья —
лишь понимание друзей
и их незримое участие
в судьбе издёрганной твоей.

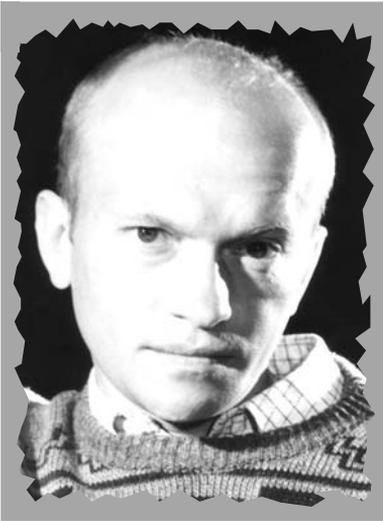
Для счастья нужно нам так мало —
хотя б на миг, хотя бы раз
чтоб потрясло, чтоб помотало,
а после приютило нас.

Для счастья нужно так немного —
в дороге чувствовать душой
тепло друзей, улыбку Бога,
любая трудная дорога
тогда покажется простой.

Как мало нам для счастья нужно —
не воровать, не предавать,
и кофе утреннего кружку
в холодный спальник подавать.

Нам в городах бывало душно,
да вот, казалось бы, всего —
как мало нам для счастья нужно,
как много нужно для того,

чтоб мало требовать для счастья:
назло дождям или ветрам
друзей незримое участие
и кружка кофе по утрам...

Владимир Васильевич Макин родился в Коломне в 1962 году. Окончил факультет иностранных языков Коломенского педагогического института. Автор и исполнитель собственных песен. Актёр Коломенского народного театра. В 1993 году снялся в фильме «Озеро» у режиссёра А. Свешникова на киностудии им. В. Дворжецкого.

Печатался в первом и третьем выпусках «Коломенского альманаха», в журнале «Студенческий меридиан».

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭТАЖ

* * *

Памяти Окуджавы

Над Москвой средь бела дня
Кто-то щёлкнул выключателем,
Эскалатор мостовой повернул, как реки, вспять.
Просто адрес поменял
Писем свыше Получатель;
Девятнадцатый этаж — если будете искать.

На площадке с ним одной
Квартирует полк гусарский,
И молоденький корнет вечно путает звонок.
Пушкин, местный старожил,
Угощает всех по-царски:
«Ощипай-ка, няня, в борщ весь лавровый мой венок!»

А повыше этажом
В той лазеревой высотке
Полуночищает бард — аккурат семнадцать лет.
Как фамилия его?
Соответственно — Высоцкий.
И летит его Пегас вниз за пачкой сигарет.

С небосвода посмотреть —
Вся Москва как на ладони,
И арбою ваш Арбат всё гремит по мостовой.
И троллейбус неземной
Всё несут куда-то кони,
И у девочки в руке шарик вьётся голубой.

Над столицею Господь
Щёлкнул синим выключателем,
Эскалаторы судеб разлучили всех опять.
Просто адрес поменял
Ваших Вёсен Замечатель;
Девятнадцатый этаж — если будете искать.

Просто адрес поменял
Нашей Боли Врачеватель;
Девятнадцатый этаж — если сможете летать.

Шансонье, который живёт «У сказки»

Е. Кузнецову

Не спеша спускается стих
На обложку зелёной тетради,
Неожиданный, словно тот снег
На платанах и пальмах в Крыму.
И простой сизокрылый мотив
Стайкой сядет на нотной ограде.
Так получится первый куплет,
Неизвестный ещё никому.

Отдохни от нетворческих мук,
Расчехли свою душу, Евгений.
В этот вечер семь сказочных струн
Пусть вернут меня в детский мой сон.
Я скажу тебе честно, как друг:
Ты, Евгений, конечно, не гений —
Всё же искорка есть у тебя,
Знать, от Бога на то был резон.

Я люблю слушать этот романс
Окуджавной минорной окраски
Про твои босоногие дни,
Что по улице Детства ушли.
«Шансонье» — от французского «chance»,
И к тому же живёшь ты «У сказки»,
Так что вешать гитару и нос
Ещё рано. И ты не спеши.

Натуралистический этюд

На стене висит картина —
Трёхинжирный натюрморт.
А стеною — пианино,
Вновь фальшивый септаккорд.
На груди лежит гитара —
Так клала мне руку ты.
Милосердие и кара,
Как соседние лады.

Так о чём же будет песня?
Так про что же мы поём?
А про то — что мы не вместе,
Даже если мы вдвоём.
И в твоём хрустальном городе
Я не принц, а дебошир.
И на пыльном натюрморте
Давно съеденный инжир.

Полпесенки о любви

Я искал тебя глазами,
Я искал тебя душой.
И с чужими голосами
Вечно путал голос твой.
И придуманные были
Заменяли сказку мне.
Мы с тобою вместе были,
Но пока — с частицей «не».

Циркачка

Я не люблю манежи и арены...

В.Высоцкий

Я был огорошен, растерян, расстроен,
Когда познакомился с ней;
Она мне сказала: их цирк на гастроли
Приехал в наш город на несколько дней.
Я ей приколот: дескать, в цирк не влюблённый,
И пробку от пива в кармане согнул.
Она посмотрела почти оскорблённо,
Как будто на честь я её посягнул.

Чтоб с честью нам выбраться из положения,
Я тему сменил; она глазками — зырк —
И спрашивает: «Нет, а всё-таки, Женья,
Скажите, за что вы не любите цирк?»
И я правду-матку, как хлебушек, режу:
«Я в цирке не то вижу,
Что видно всем —
Не праздничный бисер на блюде манежа,
А бусинки пота — “шанель номер семь”».

Воздушных гимнастов азартные игры,
Где вечный партнёр — искушённая Смерть.
Блейфуют, надеясь на хваткие икры,
Но номер смертелен, и убрана сеть.
Умелец манежа — раскрашенный клоун,
Ковёрных дел мастер, коллегой избит.
Он даже под куполом страшно раскован,
Хоть знает — жена с дрессировщиком спит.

Увы! Не по мне чумовой этот праздник!
Жизнь — рваный чулок, скрытый юбкой кулис.
Да что вам рассказывать страсти-мордасти,
Чай, сами взлетали и падали вниз.
Ответ её был лаконичен и ясен:
«Я цирк ненавижу, как вы... но люблю.
Нет, я не циркачка, — работаю в кассе.
Но капелька пота не ровня нулю!»

Спасатель

До того бывает пусто,
Что спасает лишь театр.
Пьеса движется по руслу,
И тебе знаком фарватер.

Там ты исподволь изустно
Держишь курс в людские души,
В даль открытого искусства,
Где не плавают баклуши.

Где порою слово лишне —
Одного хватает взгляда.
Не рубили б только вишни —
Мачты чеховского сада.

Выход

Как будто не родился,
Как будто и не жил.
К запахнутой кулисе
Я трепет свой пришил.
Мой выход будет скоро
(Коль скоро вспомню текст),
Мандраж вскрывает поры
До заниманья мест.

Прогрето всё: костюмы,
И тело, и душа.
Вспотели глаз изюмы,
Как пальцы у пажа.
В партере бродит зритель
До третьего звонка:
«Тут занято, простите?» —

«Не занято — пока».
«Покурим, шут?» — «Приехал».
«Без курева — играть?!
Гляди, в штанах прореха!» —
«Ведь говорил ей, мать!..
Какой звонок?» — «Последний». —
«Я первый не слышал...
Как там — “Вчерась?”» — «Намедни». —
«Всё. С Богом. Поскакал...»

Как будто не родился,
Как будто и не жил.
Распахнута кулиса,
Теперь — ни слова лжи.

Andante

Мне б уехать от суетных сук
На колёсах ночных откровений,
И купейный подвыпивший гений
Развенчает мой смертный испуг.
Вечный ладан мужских передряг
Мы раскурим с ним в тамбурной келье.
Погорланим «наш гордый “Варяг”»,
Вспомнив третий куплет еле-еле.

И поднимем семейный вопрос,
Отнесясь к нему по-философски:
На шута, дескать, бабы да соски,
Тряпки, стенки, трюмо, пылесос?
На кой ляд, мол, жена и т.д.,
Когда в жизни и так нету лада?
Вместе вычислим жён КПД,
Что нужны нам,
Как мёртвым награда.

А наутро он скажет мне: «Слышь?
Ты куда, говорил вчера, едешь?»

А-а-а... Щас станция будет —
Там слезешь.
А не слезешь... хотя б позвонишь».
«Ладно, звякну», — ответу зевком.

Крутану таксофона магнето,
Но, застряв, не проглотится ком,
Когда в прошлое рухнет монета.
Приготовлюсь сказать что-то зло,
Едва голос услышу твой хрупкий...
«Да. Я слушаю... фф-фф... алло». —
Баритончик узнаю свой в трубке.

НАШИ УТРАТЫ

Больно расставаться с человеком, даже если знаешь о его долгой и неизлечимой болезни. То, что очевидно рассудку, не всегда принимает сердце...

Владимир Васильевич Васильев (19 апреля 1944 — 29 ноября 2008) родился на Верхнем Дону. Окончив Волгоградский пединститут, он стал профессиональным критиком и литературоведом. Кандидат филологических наук, член Союза писателей

России, автор многих книг и статей о лучших современных русских писателях — А.Платонове, Ф.Абрамове, Е.Носове, В.Распутине, В.Астафьеве...

В последние годы жизни — ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. Именно здесь развернулось его дарование как самобытного учёного-шолоховеда. Достаточно сказать, что он был редактором, составителем и комментатором Собрания сочинений М.А. Шолохова в девяти томах (издательство «Терра»), сборников военной прозы и публицистики М.А. Шолохова, выпустил уникальный труд «Шолохов в русском зарубежье». И как его завещание и образец для следующих за ним шолоховедов — издание в 2008 году «Донских рассказов» с объёмной вступительной статьёй, имеющей самостоятельный вес, и обстоятельными (четверть книги!) комментариями.

Статья В.Васильева «Художник великой чести, совести и бесстрашия» в «Коломенском альманахе — 2005», была посвящена именно Шолохову. За неё наш ежегодник получил специальный Диплом Союза писателей России.

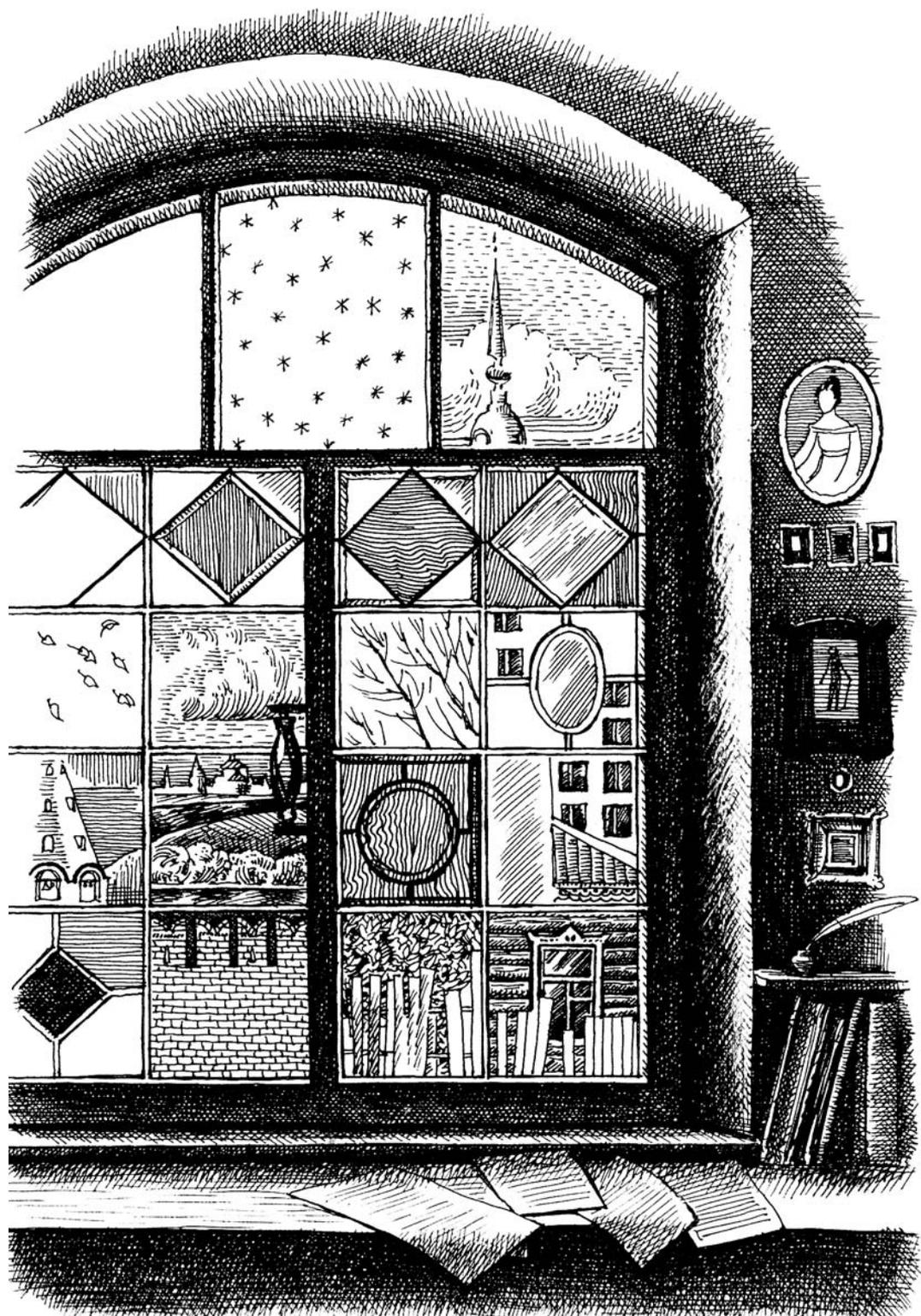
Грустно, что теперь материал такого уровня уже не появится на наших страницах. Мы соболезуем вдове писателя — Александре Григорьевне Васильевой, через руки которой прошло двенадцать выпусков нашего альманаха. Хотя любые слова утешения кажутся мелкими перед такой потерей...

Коллектив редакции

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

Графика Василины Королёвой

Александр Александрович Сахаров — автор ряда статей об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, по истории России.

Награждён знаком «За заслуги перед музеем» Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Большие Вязёмы — Захарово» и юбилейным знаком Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Надежда Владимировна Сухова — автор ряда статей по истории России.

Член историко-патриотического объединения «Багратион». Награждена знаком «За заслуги перед музеем» Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Большие Вязёмы — Захарово» и почётными юбилейными знаками Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Александр САХАРОВ,
Надежда СУХОВА

«БОЕЦ ЧЕРНОКУДРЯВЫЙ, С БЕЛЫМ ЛОКОНОМ НА ЛБУ»

А.С. ПУШКИН и Д.В. ДАВЫДОВ

Денис Васильевич Давыдов (16.07.1784, Москва — 22.04.1839, Верхняя Маза) родился в семье полковника Василия Денисовича Давыдова и Елены Евдокимовны (урождённой Щербининой).

Самим фактом рождения в семье, известной своим служением России, в основном на военном поприще, Денис Давыдов был как бы обречён на военную стезю. Этому способствовали и его воспитание («С семилетнего возраста моего я жил под солдатскою палаткой, при отце моём, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком... Забавы детства моего состояли в метании ружьём и в маршировке, а верх блаженства — в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска»), и особенно встреча в детстве (1793 год) с А.В. Суворовым, которую сам Давыдов блестяще описал в своей автобиографии и очерке «Встреча с великим Суворовым». «Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря? А *тип* всего военного, русского, родного военного, не был ли тогда Суворов? Не Суворовым

А.В. Суворов. Миниатюра неизвестного художника

подозвав нас к себе ещё ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: “Любишь ли ты солдат, друг мой?” Смелый и пылкий ребёнок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: “Я люблю графа Суворова; в нём всё — и солдаты, и победа, и слава”. “О, помилуй Бог, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего брата) пойдёт по гражданской службе”. И с этим словом вдруг поворотил лошадь, ударил её нагайкою и поскакал к своей палатке».

А.П. Ермолов

Н.Н. Раевский

Рисунки А.С. Пушкина

лые, дружеские отношения и близость взглядов на военное дело. Дальнее родство по женской линии связывало Давыдова и с любимым командиром — князем Петром Ивановичем Багратионом, которого Денис Васильевич боготворил и считал до конца жизни своим учителем и благодетелем. Однако это родство с обожаемым начальником Давыдов никогда не подчёркивал и не использовал.

ли занимались и лагерные сборища, и гражданские общества того времени? Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого?

Когда он нёсся мимо нас, то любимый адъютант его, Тищенко, — человек совсем необразованный, но которого он перед всеми выставлял за своего наставника и как будто слушался его наставлений, — закричал ему: “Граф! что вы так скачете; посмотрите, вот дети Василья Денисовича”. “Где они? где они?” — спросил он и, увидя нас, поворотил в нашу сторону, подскочил к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена;

И по воспитанию, да и по родству своему Денис Давыдов был последователем суворовской школы военного искусства. Его двоюродными братьями были один из любимых адъютантов Суворова Александр Михайлович Каховский и выдающиеся военачальники Алексей Петрович Ермолов и Николай Николаевич Раевский, с которыми Денис Васильевич до самого конца сохранял тёплые,

В 1801 году Д.В. Давыдов вступил в Кавалергардский полк эскадронным юнкером, хотя его небольшой рост был к этому существенным препятствием. Однако служба в гвардии была недолгой. Близко сойдясь со своим двоюродным братом А.М. Каховским и его друзьями, он в значительной мере начинает разделять их взгляды на государственное устройство. К тому же он оказался не обойдённым поэтическим даром. И вот уже в списках расходятся сатирические стихи и басни Д.В. Давыдова («Сон», «Голова и ноги», «Река и зеркало» и др.). Особенно революционной выглядела басня «Голова и ноги» (1803), завершавшаяся словами:

Да между нами ведь признаться,
Коль нами право ты имеешь управлять,
То мы имеем тож всё право спотыкаться;
И можем иногда, споткнувшись — как же быть? —
Твое могущество об камень расшибить!

К тому же слово «могущество» в списках часто открыто заменялось на «величество». И Давыдов с репутацией человека неблагонадёжного был отправлен в заholустье, в армейский гусарский полк. Хлопоты влиятельных друзей вернули его в столицу. Однако отныне даже определение в действующую армию для него зависело от расположения императора, который не мог простить ему басен.

Решающим событием в судьбе Д.В. Давыдова становится назначение его адъютантом П.И. Багратиона, опять-таки благодаря хлопотам его друзей и

особенно М.А. Нарышкиной. Будучи благодарен ей за заступничество, Давыдов всё же стеснялся его и позже писал: «В 1806 году, быв переведён в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангард, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасён казаками».

Д.В. Давыдов принимал участие практически во всех войнах, которые вела Россия в первой половине XIX века. «Имя моё во всех войнах торчит, как казацкая пика», — иронизировал он. Давыдов сражался в 1806–1807 годах с французами в Пруссии, в 1809–1810 — со шведами в Финляндии, в 1810–1811 — с

П.И. Багратион. Гравюра Карделли

турками в Молдавии и на Балканах, проявив исключительную храбрость. Звание адъютанта П.И. Багратиона ко многому обязывало. Сам Давыдов так вспоминал об этом: «С 1807 по 1812 год я был адъютантом покойного князя Петра Ивановича Багратиона. В Пруссии, в Финляндии, в Турции;

езде близ стремя сего блистательного полководца. Когда противные обстоятельства отрывали его от действовавших армий, тогда он, по желанию моему, оставлял меня при них; так я прошёл курс аванпостной службы при Кульневе в 1808 году в Северной Финляндии и при нём же в Турции в 1810 году, во время предводительства графа Каменского».

Но более всего Давыдов прославился в Отечественной войне 1812 года.

Генерал Я.П. Кульнев.

Худ. Дж. Доу. Военная галерея Зимнего дворца

Её он встретил подполковником Ахтырского гусарского полка, «был в сражениях под Миром, Романовом, Дашковкой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати». Накануне Бородинского сражения (которое, кстати, происходило в местах, с юности знакомых Давыдову, ведь село Бородино принадлежало его семье) Д.В. Давыдов обратился к П.И. Багратиону с просьбой о позволении ему создать партизанский отряд. Мысль эта была выношена им в опыте его службы в авангардах и арьергардах русской армии под командованием Багратиона и Кульнева. «Ваше сиятельство! — писал он Багратиону. — Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом

партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего замечательного. Князь! Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надёжны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, тот поддержит честь сию со всею ревностию, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует. *Денис Давыдов*». Повелением главнокомандующего князя М.И. Голенищева-Кутузова такой отряд был создан из 50 гусар Ахтырского полка и 150 казаков. Успешно действуя со своим отрядом, он вооружал отбитым у врага оружием крестьян, способствуя развитию народной войны. Опыт Давыдова был использован партизанскими отряда-

Д.В. Давыдов. Худ. А. Орловский

ми А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера и др. Действия отряда, описанные позже самим Д.В. Давыдовым в его замечательных военных записках, принесли ему заслуженную славу.

Вместе с армией Д.В. Давыдов проделал зарубежный поход 1813–1814 годов, был пожалован в генерал-майоры за отличие под Ла-Ротьером (впрочем, по окончании военных действий он был якобы из-за канцелярской ошибки лишён этого звания, которое вернул лишь в конце 1815 года). По поводу несправедливого лишения генеральского звания П.А. Вяземский написал Давыдову дружеское послание:

Пусть генеральских эполетов
Не вижу на плечах твоих,
От коих часто поневоле
Вздываются плеча других;
Не все быть могут в равной доле,
И жребий с жребием не схож:
Иной, бесстрашный в ратном поле,
Застенчив при дверях вельмож.

Возвратившись в Россию, Давыдов продолжает военную службу, числясь по кавалерии, однако в 1823 году выходит в отставку по болезни. Д.В. Давыдов ещё дважды возвращался на военную службу — участвовал в персидской войне 1826 года и подавлении польского мятежа в 1831 году. За заслуги в последней кампании он получил чин генерал-лейтенанта. Женился в 1819 году на дочери генерала Софье Чирковой.

В мирное время наряду с военной службой Денис Васильевич продолжил и литературную деятельность. В 1832 году вышел его единственный прижизненный сборник стихотворений. Перед смертью поэт успел подготовить итоговую рукопись сочинений в стихах и прозе, но в печати (СПб., 1840) её уже не увидел.

Созданный Давыдовым жанр «гусарских» стихов был созвучен настроениям военной молодёжи того времени.

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
«Песня», 1815

*Храбрый партизан.
Денис Васильевич Давыдов.
1812 г. Лубок*

В 1815 году он вступает в литературный кружок «Арзамас», получив прозвище «Армянин». Давыдов дружит с братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским. На квартире В.А. Жуковского он в 1816 году (по другим сведениям — зимой 1818/19 года) знакомится с А.С. Пушкиным. Их знакомст-

во довольно скоро переросло в более близкие дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении.

Впрочем, заочно Пушкин с Давыдовым были знакомы и раньше. Денис Васильевич от П.А. Вяземского, В.А. Жуковского и В.Л. Пушкина знал о талантливом поэте-лицейсте, слышал его стихи. Ну а как было Пушкину не знать поэта-партизана, если его лубочные изображения можно было встретить повсюду, от крестьянской избы до дворянской усадьбы. Стихи же Давыдова в списках распространялись довольно широко, и уж тем более известны были в Лейб-гусарском полку, в котором одно время служил Давыдов и в котором у Пушкина было много товарищей.

Более того, в ранний период своего творчества Пушкин, только формирующий свою манеру письма, многому научился у Дениса Давыдова, который в эпоху Жуковского и Батюшкова «дал ему почувствовать ещё в Лицее возможность быть оригинальным». В письме П.А. Вяземскому Давыдов писал (29 января 1830 года): «Он [Пушкин], хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаясь к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку... Ты знаешь, что я не цеховой стихотворец и не весьма ценю успехи мои, но при всём том слова эти отозвались во мне и по сие время меня радуют».

О знакомстве Пушкина-лицейста с личностью и деятельностью Д.В. Давыдова свидетельствует и запись в лицейском дневнике (1815) известного анекдота о Давыдове и П.И. Багратионе: «...большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: “Князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...” “На каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...”». Позже, возможно, уточнив анекдот у самого участника, Пушкин в другой редакции запишет его в Table-Talk.

Известно, что, выйдя из Лицея, Пушкин всерьёз подумывал о военной карьере и собирался поступить в гусарский полк. На возражения своего дяди В.Л. Пушкина, отговаривавшего его от этого шага, говоря о невозможности совмещения военной службы и «служения Парнасу», Пушкин ответил Посланием (1817):

Скажи, парнасский мой отец,
 Неужто верных муз любовник
 Не может нежный быть певец
 И вместе гвардии полковник?

 Я шлюсь на русского Буфлера
 И на Дениса-храбреца,
 Но не на Глинку-офицера,
 Довольно плоского певца;
 не нужно мне его примера...

Кстати, такое свободное обращение к «Денису-храбрецу» наводит на мысль о более раннем личном знакомстве А.С. Пушкина с Д.В. Давыдовым.

А.С. Пушкин также посвятил Денису Давыдову несколько стихотворных посланий. Вот одно из них — 1821 года:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С весёлых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылку.

В 1836 году, посылая Денису Давыдову «Историю Пугачёва», А.С. Пушкин обратился к нему с посвящением:

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою,
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир...

Давыдов, прекрасно сознавая, что в этом дружеском посвящении есть немалая доля преувеличения, понимающий значение Пушкина, его и своё место в русской поэзии, всё же чрезвычайно гордился этими стихами и говорил, что стихи «Тебе, певцу, тебе, герою!..» являются для него «патентом на бессмертие».

Оценил Пушкин и военную прозу поэта-партизана. Вскоре после окончания военных действий против Франции Давыдов пишет «Опыт теории партизанского действия». В этом, специально «сухо» (при всей нелюбви Давыдова к «методикам») названном произведении генерал обобщил опыт своих действий, а также действий других партизанских отрядов в Отечественной войне. Как только книга Давыдова увидела свет (а её печатание долго откладывалось из-за проволочек военного начальства), Пушкин откликнулся на её появление стихотворением:

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога...

Последующие произведения Давыдова («Встреча с великим Суворовым», «Воспоминания о сражении при Прейсиш-Эйлау», «Тильзит в 1807 го-

*Д.В. Давыдов. Худ. Дж. Доу.
Военная галерея Зимнего дворца*

ду», «Воспоминания о Кульневе в Финляндии» и др.) имеют не только историческое значение как записки очевидца и участника событий, но и художественную ценность — они написаны живым, острым языком и по характеру слога близки к поэтическим произведениям Давыдова.

Д.В. Давыдов активно сотрудничал в издававшемся Пушкиным журнале «Современник». Сохранились письма двух поэтов о жестоких «баталиях» с цензурой вокруг военных записок Давыдова, в которых Пушкин принимал активное участие.

Есть множество свидетельств тёплых, дружеских отношений между двумя поэтами. Они обменивались письмами и стихотворными посланиями, передавали друг другу поклоны в письмах к общим знакомым. В 1825 году Пушкин из Михайловского пишет П.А. Вяземскому: «Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена и поделом...» В 1832 году, в письме жене, Пушкин пишет (по поводу лекции профессора Давыдова), что он «ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник». Сохранилось множество воспоминаний о встречах Пушкина с Давыдовым в Москве, в подмосковном имении П.А. Вяземского Остафьево, а также в Петербурге, куда по делам приезжал Давыдов.

Денис Васильевич был одним из наиболее популярных персонажей и в графическом наследии Пушкина. Специалистами найдено в рукописях Пушкина 14 предполагаемых портретов поэта-партизана, довольно удачно передающих сходство. Почти все они выполнены в виде дружеских шаржей, подчёркивающих характерные черты лица Давыдова: кудрявые волосы, круглое лицо с лихо закрученными усами и большими бакенбардами, короткий нос. По этим характерным чертам мы узнаём, несмотря на разные манеры исполнения, на этих рисунках того, чей портрет работы Дж. Доу украшает Военную галерею. На этом портрете Давыдов изображён в мундире Ахтырского гусарского полка, в рядах которого он начал кампанию 1812 года и которым командовал в 1813 году. На груди Давыдова орден Георгия IV степени, полученный за партизанскую деятельность в Отечественную войну. На лбу видна седая прядь, которая позволила одному из поэтов назвать Давыдова «бойцом чернокудрявым, с белым локоном на лбу».

Говоря о дружбе двух поэтов, следует отметить существование легенды о том, что Давыдов в числе ближайших друзей присутствовал на «мальчишнике» у Пушкина в канун его свадьбы. Легенда эта, основанная, вероятно, на письме Д.В. Давыдова к Н.М. Языкову (1833) с напоминанием о разговоре, начатом на «девичнике» у Пушкина, вошла во многие работы о Пушкине: «Я пьяный на девичнике Пушкина говорил Вам там (о стихах Языкова, которые Давыдов взял с собой. — А.С., Н.С.), но Вы были так пьяны, что вряд ли это помните, и это сушая правда, и трезвый я трезвому повторю то же. Поэтический лоскут этот, замаранный грязью биваков и окуранный жжёным порохом, и поныне у меня хранится, после этого как же мне не называть Вас “душевым” и “моим” поэтом...» Однако ещё биограф Д.В. Давыдова Н.Задонский отметил, что в феврале 1831 года Давыдова не было в Москве. 15 января он выезжает из Москвы в Польшу для участия в подавлении польского мятежа. Вновь он появляется в Москве только в мае 1831 года. Кроме того, вряд ли Давыдов стал вспоминать в 1833 году разговор, прерванный два года назад. Не может быть, чтобы он

1821 г. Черновик послания
«Генералу Пущину».
ПД № 47, л. 1 об

1825 г. На полях черновика романа
«Евгений Онегин» («Отрывки из
путешествия Онегина»: строфы
об Одессе). ПД № 835, л. 66 об

1819 г. В черновиках поэмы «Руслан
и Людмила». ПД № 829, л. 74 об

1835 г. Приходно-расходная
тетрадь Е.Н. Вревской.
ПД № 805, л. 6 об

не нашёл возможности продолжить его ранее. Вероятнее всего, Пушкин во время своих приездов в Москву собирал своих друзей на «мальчишники» неоднократно. На одном из них (а может, и не на одном) и был Д.В. Давыдов. Но это был не тот, предсвадебный мальчишник.

Гибель Пушкина «решительно поразила» Давыдова. Он пишет П.А. Вяземскому: «Какое ужасное происшествие! Какая потеря для всей России... Более писать, право, нет духа. Я много терял друзей подобною смертью на полях сражений, но тогда я сам разделял с ними ту же опасность, тогда я сам ждал такой же смерти, что много облегчает, а это Бог знает какое несчастье!..» Позже, узнав подробности гибели Пушкина, Давыдов добав-

Панихида на могиле князя П.И. Багратиона у подножия монумента. Фото А.Сахарова. 1999 год

мандовать почётным конвоем во время церемонии. Но он не дожид четырёх месяцев до Бородинской годовщины, к которой было приурочено перенесение дорогого для него праха.

ляет: «Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнью, и смертью парит над нами!»

Давыдов всего на два с небольшим года пережил своего друга. Он не успел лично завершить дело, которое затеял, — перенести прах своего командира и благодетеля князя П.И. Багратиона из села Симы Владимирской губернии на Бородинское поле. Давыдов был назначен ко-

ХРОНИКА

Коломенские мастера литературы

31 октября 2008 года в культурном центре «Дом Озерова» прошёл литературный вечер, на котором были названы лучшие авторы 12-го номера литературно-художественного издания «Коломенский альманах», по сути — лучшие авторы года. Определить лучших авторов оказалось делом нелёгким: все материалы альманаха сделаны на высоком профессиональном уровне, с любовью к родному краю. И всё-таки первые, кто удостоен такого звания за всю историю альманаха, были названы.

Итак, в число двенадцати лучших авторов 12-го выпуска вошли: **Анатолий Кузовкин** за военно-патриотический материал «Святое воинское братство», **Валерий Ярхо** за историко-краеведческий очерк «Как закалялась власть», **Наталья Кочеткова** за мемуарно-краеведческий очерк «По другую сторону афиш», **Валерий Ковалёв** за краеведческое исследование «За отличия неслужебные» (награду за него, к сожалению, получала уже дочь), **Александр Сахаров** за историко-биографический очерк «Неизъяснимый дар», **Татьяна Кондратова** за литературоведческое исследование «Подземная река», **Роман Славацкий** за цикл стихов «Ушедших дней седая позолота», **Татьяна Башкирова** за цикл стихов «Ворожит зима», **Михаил Мещеряков** за цикл стихов «Я тот и уже не ваш», **Василина Королёва** и **Оксана Лапа** за графические работы, **Александр Дудкин** за блистательную дизайнерскую работу. Помимо памятных дипломов и призов, лучшие авторы «Коломенского альманаха» получили скромные, но для них, пожалуй, самые ценные подарки от общества «Знание» — книги с произведениями классиков русской литературы.

Владимир Алексеевич Воропаев родился в Москве в 1950 году. Доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. Председатель Гоголевской комиссии при Научном совете РАН «История мировой культуры». Член редколлегии «Новых Гоголевских студий» (Украина), журнала «Православный Паломник» и др. Главный редактор «Гоголевского вестника».

Опубликовал более 400 научных работ, среди них монографии и книги: «Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете Православия» (1994); «Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество» (1998, 1999, 2002, 2004); «Гоголь над страницами духовных книг» (2002); «Николай Гоголь: Опыт духовной биографии» (2008).

Подготовил к изданию несколько собраний сочинений Н.В. Гоголя, в том числе собрание сочинений в 9 томах (в издании впервые опубликованы тетради выписок Гоголя из творений святых отцов и богослужебных книг).

Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Владимир ВОРОПАЕВ

НУЖНО ПРОЕЗДИТЬСЯ ПО РОССИИ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н.В. ГОГОЛЯ

Гоголь в своей жизни много путешествовал, объездил всю Европу, совершил паломничество в Иерусалим, собирался ехать на Святую гору Афон. Не раз бывал он в известных русских монастырях, в том числе в Оптиной Пустыни и Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

В письме «Нужно проездиться по России», вошедшем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и адресованном графу Александру Петровичу Толстому, чьи душевные устремления были направлены к монашеству, Гоголь в частности говорит: «Нет выше званья, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышленье мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобрести право удалиться от мира, нужно уметь распротиться с миром... Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш — Россия!»

И далее Гоголь советует своему другу, долгие годы проведенному за границей: «Вам нужно проездиться по России. Вы знали её назад тому десять лет: это теперь недостаточно. В десять лет внутри России столько совершается со-

бытий, сколько в другом государстве не совершается в полвека... Чтобы узнать, что такое *Россия нынешняя*, нужно непременно по ней проездиться самому».

Этот совет Гоголь относил и к себе. В 1849 году он жаловался академику-филологу Якову Карловичу Гроту, что слишком мало знает Россию; говорил, что сам сознаёт недостаток, от которого страдают его сочинения. «Я нахожусь в затруднительном положении, — сетовал он, — чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать, а между тем уж некогда: мне около сорока лет, а время нужно, чтобы писать».

И всё-таки после возвращения из Святой Земли Гоголь много ездил по России, в особенности по её святыням. Из них наиболее значимой для его души стала Козельская Введенская Оптина Пустынь, которая к середине XIX века сделалась одним из центров духовной жизни России. Слух о благодатных Оптинских старцах начал привлекать в монастырь всю верующую Россию — от простого крестьянина до государственного деятеля, искавших духовного утешения и наставления, а также ответа на жизненно важные вопросы. Приезжали туда русские писатели-мыслители — Иван Киреевский, Фёдор Достоевский, Лев Толстой, Константин Леонтьев. В этом ряду был и Гоголь, который с одобрением относился не только к молитвенной жизни пустыни, но и к её издательской деятельности.

В середине 40-х годов XIX столетия по инициативе преподобного Макария и его духовных чад в миру Ивана Васильевича и Наталии Петровны Киреевских в Оптиной Пустыни началось издание святоотеческой литературы. Среди многих книг были выпущены творения преподобных отцов Исаака Сирина, Нила Сорского, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Аввы Дорофея. Настоятель монастыря архимандрит Моисей вместе со старцем Макарием рассылали эту литературу по всей России, в первую очередь в духовные семинарии и академии, на Афон, а также епископам всех епархий. Это была забота о духовном просвещении русского народа. Такую же цель имел и Гоголь.

По всей вероятности, в Оптину Гоголя направил Иван Киреевский. Духовный сын преподобного Макария, он как никто другой понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышления, —

Gogol.

Н.В. Гоголь. Литография по рисунку Э.Дмитриева-Мамонова. 1852 год

писал он своему другу Александру Ивановичу Кошелеву, — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов. Такие старцы, благодаря Богу, ещё есть в России...» Возможно, нечто подобное Киреевский высказывал и Гоголю. Во всяком случае, в июне 1850 года Гоголь вместе с Михаилом Максимовичем проездом на юг, в Малороссию, заезжает в Оптину.

13 июня друзья выехали из Москвы на долгих. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили поэта-славянофила Алексея Степановича Хомякова с супругой. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце, утром отстояли молебен в тамошнем Николаевском монастыре, настоятель которого, отец Антоний, напоил их чаем и благословил каждого финифтяным образом Николая Чудотворца.

Михаил Александрович Максимович

Иван Васильевич Киреевский

Игумен Антоний был одним из трёх братьев Путиловых, известных подвижников христианского благочестия. В течение четырнадцати лет он был начальником Иоанно-Предтеченского скита, последующие четырнадцать лет управлял Малоярославецким Николаевским монастырём и потом двенадцать лет прожил на покое в Оптиной Пустыни. Его брат, архимандрит Моисей, был настоятелем Оптиной почти сорок лет; за эти годы монастырь преобразился и обустроился, развернулась его издательская деятельность, расцвело старчество. Третий брат Путилов, отец Исаия, был игуменом Саровской обители.

16 июня Гоголь и Максимович провели в Калуге, а днём обедали у Александры Осиповны Смирновой, супруги калужского губернатора,

давной приятельницы Гоголя. Здесь, в присутствии известного поэта графа Алексея Константиновича Толстого, Николай Васильевич говорил о своём намерении «проездить по России». Пантелеимон Кулиш, первый биограф Гоголя, рассказывает со слов Максимовича: «Между прочим, путешествие на долгих было для него (Гоголя. — В.В.) уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, ездя по просёлочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить просёлки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всё её разнообразие; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, “чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился”».

Из Калуги Гоголь и его спутник отправились в Оптиную Пустынь. Последние две версты до монастыря они прошли пешком, как и полагается паломникам. По дороге встретили девочку с мисочкой земляники и хотели купить у неё ягоды. Но та, видя, что они люди дорожные, не захотела взять с них денег и отдала землянику даром со словами: «Как можно брать со странных людей». «Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — сказал Гоголь, умилённый этим явлением. — И я не раз замечал подобное влияние таких обителей».

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям иноков, присутствовал на всеобщем бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умилением», затем посетил старцев. Было это, по всей видимости,

Оптина Пустынь. Разлив реки Жиздры (старая открытка)

17 июня (этот день в 1850 году приходился на субботу, когда совершается под воскресенье всенощное бдение). 19 июня путешественники уехали в имение Ивана Киреевского Долбино, находившееся в сорока верстах от монастыря возле города Белёва.

Здесь Гоголь на следующий день написал письмо Оптинскому иеромонаху Филарету (бывшему наместнику Московского Новоспасского монастыря, проживавшему с 1843 года на покое в Оптиной): «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело моё такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться моё перо...» Гоголь понял, что Оптинский дух стал для него жизненно необходимым: «Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни».

Посещение монастыря произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели он писал графу Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унёс о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует... За несколько вёрст, подъезжая к обители, уже слышишь её благоухание: всё становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше».

В первый приезд Гоголя в Оптину произошло его знакомство с человеком удивительной судьбы, Петром Александровичем Григоровым, в то время рясофорным послушником. В миру он был гвардейским офицером и служил в конной артиллерии; из прошлой его жизни широко известен забавный эпизод. Однажды на батарею к Григорову приехал неизвестный молодой человек; когда в нём был узнан Пушкин, пылкий артиллерист, поклонник великого поэта, немедленно произвёл пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту.

Иноческую жизнь Пётр Григоров начал келейником у знаменитого Задонского затворника Георгия, духовную близость к которому он сохранил и перейдя в Оптину Пустынь. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия» с кратким жизнеописанием, составленным по запискам его келейников.

По приезде Гоголя игумен Моисей поручил послушнику Петру показать гостю все примечательные места в обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь очень полюбил Григорова и впоследствии говорил о нём: «Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев; он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин».

Гоголь рассказывал Григорову много любопытного, в частности — о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. В Оптиной сохранилось следующее предание, пересказанное преподобным Амвросием:

«С IV века и доныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нём мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай».

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и своему племяннику Николаю Трушковскому, едущему поступать в Казанский университет. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный приём ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье».

В заключение Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передаёт деньги на молебен (десять рублей серебром) о благополучном путешествии к святым местам и о благополучном окончании своего сочинения — «Мёртвых душ» — «на истинную пользу другим и на спасенье собственной души».

Николай Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент: Пётр Григоров только что был пострижен в мантию с именем Порфирий и неисходно находился пять дней в храме. Но он поручил другому человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендательные письма к влиятельным лицам в Казани.

Переписка Гоголя с отцом Порфирием продолжалась зимой 1850/51 года. Очевидно, ещё летом у них шёл разговор о книгах затворника Задонского Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше: выдержки из них есть в составленном им сборнике выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839 года. Теперь отец Порфирий посылает ему последнее издание — 1850 года, дополненное новыми письмами и «Кратким известием о жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия».

Отвечая на не дошедшее до нас письмо Гоголя из Одессы (от декабря 1850 года), отец Порфирий писал ему из Оптиной Пустыни 26 января следующего, 1851 года (последнего года в своей жизни): «Препровождаю к вам обещанные мною книги затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу... Я надеюсь, что и жизнь его прочтёте с удовольствием».

Гоголь отвечал отцу Порфирию из Одессы 6 марта 1851 года: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост!.. Как мне не ценить

братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами». В приписке Гоголь передавал душевный поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии.

Этого письма отец Порфирий, по всей видимости, получить не успел: он мирно почил о Господе 15 марта 1851 года сорока семи лет от роду, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Тайн. Свою смерть отец Порфирий предсказал за неделю. Внешне она произошла как следствие сильной простуды. Во время своей предсмертной болезни инок имел извещение о близкой кончине — ему трижды являлся во сне преставившийся за шесть лет перед тем послушник Николай (которому при жизни отец Порфирий оказывал особое благорасположение), говоря, чтобы он готовился к исходу из этой жизни. А накануне кончины девяностолетний старец отец Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском уезде за триста верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни отца Порфирия, прислал ему рубашку (в которой тот и преставился), пузырьёк масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет инока в живых.

Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 года. Об этом посещении известно из записи в дневнике Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) от 2 июня 1851 года: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург (на самом деле в Москву. — В.В.) известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

Именно во второй свой приезд в Оптину Гоголь познакомился с неподобным старцем Макарием. Есть предание, что отец Макарий, обладавший даром прозорливости*, предчувствовал приход Гоголя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Говорят, он был в то время в своей келлии (кто знает, не в этой ли самой, так как пришёл Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: “Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то”. В это время докладывают, что пришёл Николай Васильевич Гоголь».

Почти несомненно, что в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной Пустыни

* Это благодатное свойство преподобного Макария отразилось, в частности, в повести И.С. Тургенева «Степной король Лир». Матушка рассказчика советует герою повести Мартыну Петровичу Харлову отправиться в Оптину Пустынь: «Там, говорят, такой святой проявился инок... отцом Макарием его зовут, никто такого и не запомнит! Все грехи насквозь видит». Кстати сказать, по словам старца Варсонофия, Тургенев был в Оптиной и восхищался красотой обители.

*Преподобные Опти́нские старцы:
схиигумен Антоний, схиархимандрит Моисей, иеросхимонах Макарий*

320 хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова), переписанным рукой преподобного Макария. Неизвестно, каким путём этот отзыв попал в Оптину; возможно, его привёз сам Гоголь, узнавший мнение святителя (в ту пору архимандрита) еще в 1847 году.

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину (возможно, и в первый) он прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мёртвых душ», принадлежавший графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти передан-

*Гоголь в Оптиной Пустыни.
Худ. Дмитрий Карпухин, 2005 год*

ный отцу Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирождённых страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в “прелести” (обольщении. — *В.В.*), это вздор — природённые страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природённых страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природённых страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетённой немецкой

*Николай Васильевич Гоголь.
Худ. Филипп Москвитин. 2007 год*

*Николай Васильевич Гоголь.
Неизвестный художник XIX века*

диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души».

В этот приезд в Оптину Гоголь узнал об обстоятельствах смерти отца Порфирия и беседовал со старцами. По возвращении в Москву он пишет письма игумену Моисею и старцу Макарию (последнее не сохранилось), в которых благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель (двадцать пять рублей серебром). Старцы в свою очередь благодарят Гоголя, а преподобный Макарий, кроме того, благословляет его на написание книги по географии России для юношества.

Замысел этого труда возник у Гоголя давно, и именно с ним связаны предполагаемые поездки по

*Н.В. Гоголь.
Худ. Ю.И. Селивёрстов
(из цикла «Русская дума»)*

монастырям. В набросках официального письма (июль 1850 года) высокому лицу, испрашивая материальной помощи на три года, он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мёртвое изображение России, та существенная, говорящая её география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России ещё в то первоначальное время его жизни, когда он отдаётся во власть губернёров-иностранцев... Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе её я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих её людей, которым дорога её будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится...»

Старец Макарий преподавал искомое благословение, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий в благом деле: «...по желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению... В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие Его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сём деле искус, требующий понуждения». Гоголь не успел осуществить этот замысел.

Третий и последний раз Гоголь посетил святую обитель в сентябре 1851 года. 22 сентября он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы Васильевны, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Достоверно известно следующее.

24 сентября Гоголь был у старца Макария в скиту и на другой день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя подспудное желание Гоголя возвратиться в Москву, ему и посоветовал это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда отец Макарий предложил всё-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение за ним самим, благословив его образом преподобного Сергия Радонежского, память которого совершалась в тот день.

Вероятно, во время последней встречи Гоголя со старцем Макарием между ними состоялся какой-то разговор, содержание которого нам неизвестно. Возможно, Гоголь имел намерение остаться в монастыре. Преподобный Варсонофий рассказывал в беседе со своими духовными чадами: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь. — *В.В.*) говорил своему близкому другу: “Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит...”» Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая писала Владимиру Шенроку, биографу писателя, что брат её «мечтал поселиться в Оптиной Пустыни».

По словам преподобного Варсонофия, старец Макарий отнёсся к желанию Гоголя с определённой осторожностью: «Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с батюшкой Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесёт трудностей нашей жизни».

По возвращении в Москву из Оптиной Гоголь нанёс визит давнему приятелю, известному слависту-археографу Осипу Максимовичу Бодянскому, который не выезжал на дачу. На вопрос: «Зачем он воротился?» — отвечал: «Так: мне сделалось как-то грустно», и больше ни слова. На Покров (1 октября) Гоголь решил ехать в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, чтобы помолиться о своей матери в день её именин. 30 сентября он зашёл к Степану Петровичу Шевырёву, но, не застав его дома, оставил ему записку: «Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница. Дух мой крайне изнемог; нервы расколеблены сильно».

В тот же день вечером Гоголь приезжает в подмосковное Абрамцево. Сергей Тимофеевич Аксаков вспоминает: «По неожиданной надобности я приехал в Москву 24 сентября и на другой день, к удивлению моему, узнал, что Гоголь воротился. 30-го я увёз его с собой в деревню, где его появление, никем не ожидаемое, всех изумило и обрадовало. По каким причинам воротился Гоголь — положительно сказать не могу: он говорил, что в Оптиной Пустыни почувствовал нервное расстройство, прибавил, смеясь, что “к тому же нехорошо со мной простился”. Он улыбался, но глаза его были влажные, и в смехе слышалось что-то особенное... Заметно было, что Гоголь смущался своим возвращением без достаточной причины по-видимому и ещё больше тем, что мать и сёстры будут огорчены, обманувшись его увидеть».

На следующий день Гоголь отправился к обедне в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, находящуюся в тринадцати верстах от Абрамцева. Там он вместе с отцом Феодором (Бухаревым), с которым познакомился ещё в 1849 году, посетил студентов Московской Духовной академии. В предисловии к своей книге «Три письма к Н.В. Гоголю...», вышедшей в 1860 году, архимандрит Феодор так рассказывает об этом: «Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своём деле Христа и Его исти-

Троице-Сергиева лавра. Общий вид (старая открытка)

324

ВЛАДИМИР ВОРОПАЕВ

ны, то покойный заметил на это просто: “Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина”».

Несмотря на краткость сказанных Гоголем слов, он всё же выразил перед будущими пастырями очень важную мысль о том, что чувствует свою общность с ними в служении Христу.

О популярности Гоголя в стенах Московской Духовной академии сохранилось ещё одно свидетельство её бывшего студента — митрофорного протоиерея церкви Священномученика Ермолая на Козьем болоте в Москве отца Сергия Модестова. По его словам, многие выдержки и типичные выражения из «Мёртвых душ» некоторые из студентов знали наизусть. «Помню, — рассказывает он, — наш товарищ из Тверской семинарии Владимир Николаевич Ретивцев, впоследствии монах и епископ Хрисанф, один из даровитейших, особенно любил декламировать эти выдержки. О Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный о. архимандрит

Архимандрит Феодор (Бухарев)

Крест нательный Н.В. Гоголя

рит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть ли не к пророкам-обличителям вроде Иеремии, плакавшим о пороках людских».

Близость взглядов своего профессора и Гоголя отмечали и казанские ученики архимандрита Феодора. Так, Валериан Лаврский, впоследствии протоиерей, записал в своём студенческом дневнике за 1856 год: «А замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя; ныне мы читали его переписку с друзьями: при этом старшие студенты беспрестанно поражались удивительным сходством между идеями и даже выражением того и другого. Известно, что они были коротко знакомы; но кто из них у кого заимствовал этот дух и взгляд? — Невероятно было бы думать, что духовный от светского». И тем не менее совершенно очевидно, что в данном случае Гоголь повлиял на отца Феодора.

На обратном пути из Свято-Троицкой Сергиевой лавры Гоголь в коляске, присланной из Абрамцева, заехал в Хотьковский Покровский женский монастырь за Ольгой Семёновной Аксаковой и сам заходил за ней к игуменье Магдалине. В монастыре, в храме Покрова, покоятся мощи святых родителей преподобного Сергия схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, возле которых читалась неусыпаемая Псалтирь и в то время служились панихиды. Отсюда Гоголь вместе с Ольгой Семёновной приехал в Абрамцево, отстоящее в трёх верстах от монастыря. «За обедом Гоголь поразвеселился, — вспоминал Сергей Тимофеевич Аксаков, — а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева и последнее свидание со мною».

3 октября Гоголь возвратился в Москву. На этот день была назначена свадьба его сестры Елизаветы Васильевны с сапёрным офицером Владимиром Ивановичем Быковым. Вечером того же дня Гоголь пишет письмо матери и сёстрам Анне и Елизавете: «Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве... Бог, иде же хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы».

В приписке Гоголь сообщал: «В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрачны-

ми было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют». А сестру Ольгу, которая лечила крестьян в Васильевке, извещал в записке, что посылает ей десять рублей серебром на бедных и лекарства.

Больше Гоголь Москвы не покидал.

НАШИ УТРАТЫ

Мы расстались с патриархом коломенской филологии — Георгием Васильевичем Красновым, последним из трёх «великих стариков». Петросов, Ингер, а теперь — Краснов... Какой грустный, сиротливый декабрь выдался в России в 2008 году!

Краснов умер 16 числа, холодным и бесснежным днём, немного не дожив до 88-ми лет. Мифически долгая жизнь! Жизнь-эпоха, в которую вместились и гарь войны, и годы восстановления, и величайшие социальные катаклизмы. Поистине он «посетил сей мир в его минуты роковые»!

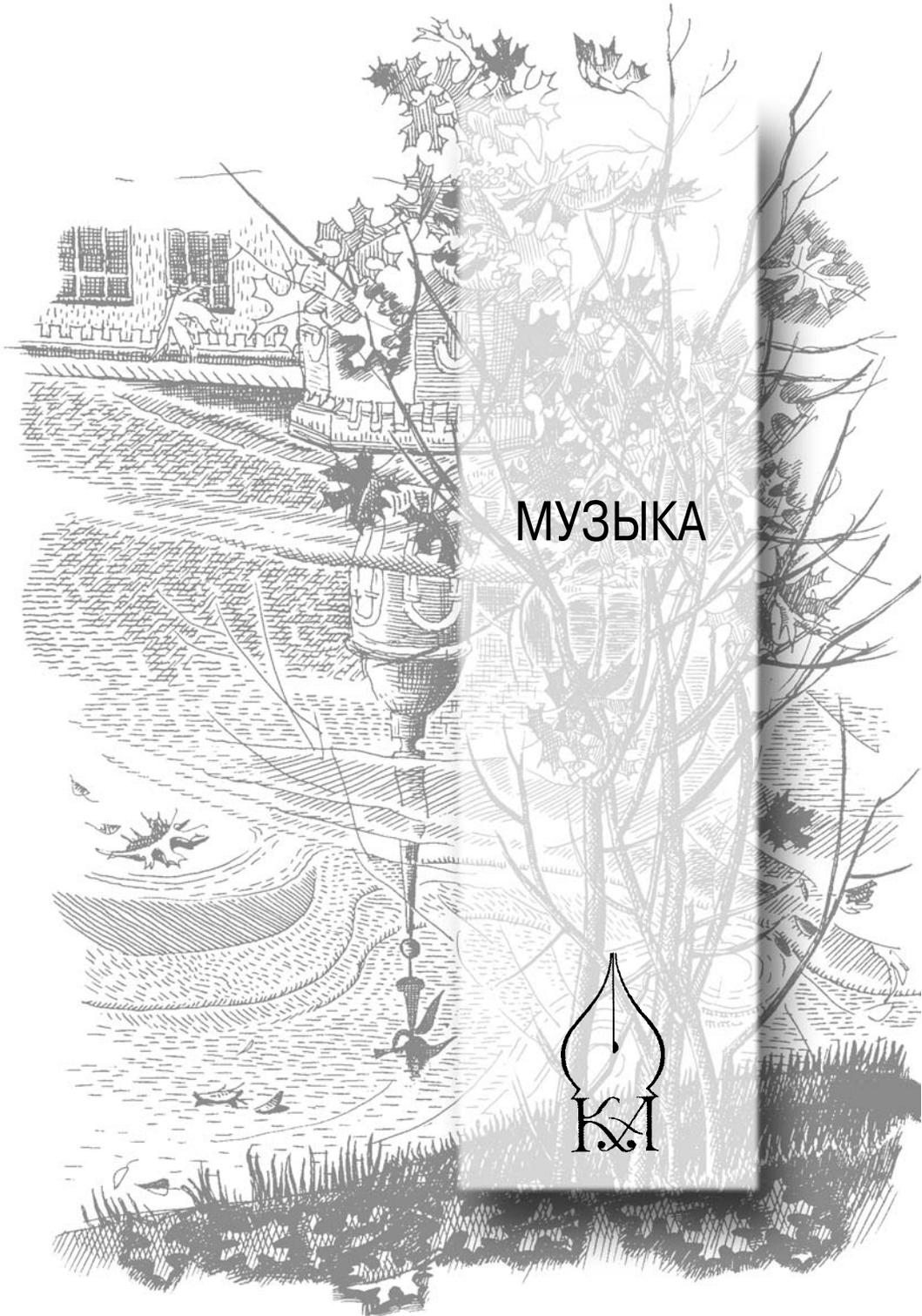
Древняя нижегородская земля, величественный кремль — памятник русской воинской славы... В этих священных местах начиналась исследовательская стезя Георгия Васильевича. Он был выдающимся специалистом по русской литературе XIX века, знатоком сюжетологии. Монографии о Пушкине, Некрасове, Л.Толстом, более двухсот научных работ... Он участвовал в масштабных международных конференциях славистов и занимал в этом кругу почётное место, входил в учёные советы Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве и столичного музея А.С. Пушкина. Краснов — организатор «Болдинских чтений», а это целая эпоха в жизни отечественной пушкинистики.

И при всех своих регалиях и званиях он был скромнейшим и деликатнейшим человеком. Мы помним его образ: «учёный-старичок» в потёртом пальтишке, в потрёпанной обуви, в немодных очках... Но за этим обыденным и неброским обликом скрывались глубины знаний и мужественное сердце. Он не побоялся вступить за студентов, которые протестовали против ввода войск в Чехословакию в 1968 году, хотя понимал, что из-за этого лишится кафедры...

В Коломенском пединституте Г.В. Краснов работал с 1976 года, и сразу стал одним из «столпов» нашей науки. Немного найдётся учёных, в честь которых при жизни организуются научные конференции и выпускаются посвящённые им сборники!

Георгий Васильевич живо интересовался «Коломенским альманахом». Когда мы попросили его подготовить материал о близком Коломенскому краю писателе — Григоровиче, он с удовольствием согласился: «Неприменно напишу, если буду жив!». Не успел... Отгорела его светоносная лампада. Но остались его труды, осталась память... Остались ученики, которые передадут огонь его знания потомкам!

Коллектив редакции

МУЗЫКА

Графика Василины Королёвой

Наталья КОЧЕТКОВА

РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ФРИДЕРИКА ШОПЕНА (1810–1849)

Наталья Михайловна Кочеткова — преподаватель-музыковед 1-го Московского областного музыкального училища. Заслуженный работник культуры России.

Родилась на Урале, в Пермской области. Окончила музыкальное училище в Рязани, затем консерваторию в Киеве. Самой интересной сферой своей деятельности считает музыкально-просветительскую.

На протяжении сорока пяти лет в периодических изданиях Коломны, Московской области, зарубежья систематически публиковала материалы о наиболее примечательных концертах и событиях училища, составившие значительную страницу летописи культурной жизни города.

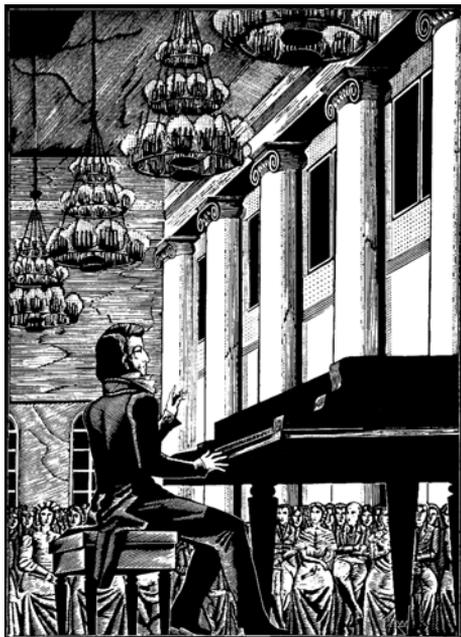
Постоянный автор «Коломенского альманаха».

«Шопен — нежный гений гармонии! Какое сердце, — признаётся Ф.Лист, — его полюбившее, какая душа, с ним сроднившаяся, не дрогнет, услышав его имя, как при воспоминании о каком-то высшем существе, с которым посчастливилось встретиться!»

Так получилось, что самые прекрасные, возвышенные и проникновенные слова о нём произносились в дни печальной памяти его ухода в мир иной. Не потому ли, что дата эта всегда, как в первый раз, невыносимо ранит сердце при осознании того, что в тридцать девять, всего лишь в тридцать девять лет оборвалась земная нить его судьбы? Они впервые прозвучали в некрологе в 1849-м, 160 лет тому назад: «Родом варшавянин, сердцем поляк, талантом гражданин мира. Из обездоленного края, из окровавленной Варшавы он принёс в мир свою лиру и сыграл на ней песни своей тоски, песни польской души...»

* * *

Я не припомню года, когда б в концертном зале музыкального училища у нас в Коломне не исполнялась музыка Шопена, нежно-пленительного поэта фортепиано, поэта романтической мечты, всегда подёрнутой прозрачно-серебристой дымкой грусти. Она на родине

Вацлав Зелинский. Мир музыки

Шопена зовётся польским словом «жаль», в котором заключён особенный нюанс: он не подвластен переводу ни на один язык мира. Шопеновская «жаль» — как облако, как флёр окутывает образы его творений, воспринимаемых — «то воздуха не самого ли вздох?».

Прикосновение к музыке Шопена в живом её звучании, в концерте — невыразимая словами радость, возвышающее вас упоение красотой, способной в трепет привести весь строй душевных ваших струн.

Удивительно: ни одной из своих композиций не сообщает он конкретизирующего названия, тогда как озаглавить пьесу было, можно сказать, правилом для современников — К.М. Вебера, Р.Шумана, Ф.Листа. И тем не менее шопеновские сочинения читаются и принимаются ауди-

торией всегда с отчётливым сюжетом, и более того — нередко автобиографичным. Мазурки, полонезы, прелюдии, ноктюрны в последовательности исполнения очерчивают ясный контур жизни, рельефным узором событий расцветивая биографию. Особенно баллады. Из четырёх баллад для фортепиано любимой остаётся Первая, написанная в соль-миноре.

Кто бы мог предположить, что столь своеобразный, повествовательный по сути жанр — предание, рассказ, легенда — с конкретностью картин, участников и обстоятельств мог состояться в бестекстовой инструментальной музыке. Представьте себе: всё здесь на месте. Есть обязательный вопрос, наличествующий в любой балладе (так у Мицкевича в его известной «Свитезянке»: «Кто этот молодец, статный, красивый? кто эта девица красная?» Со «Свитезянкой» связывают непосредственно одну из баллад Шопена). Ответом на мотив вопроса, застывшего в начальных тактах Первой Баллады, зазвучит мелодия воспоминаний. Далёкий, будто вызванный из прошлого, красивый элегичный вальс. Он ностальгически прекрасен, как всё, что было да прошло; он приглашает: слушайте, я расскажу вам печальную повесть...

Всё начиналось двести лет назад в местечке Желязова Воля, верстах в пятидесяти от Варшавы.

И сегодня посетителя шопеновского дома не оставляет ощущение, что он наполнен голосами. Звонкими нотками детской радости, мотивами народных польских песен, дивно исполнявшихся красавицей Юстиной, мамой Фридерика, чистым тембром флейты или скрипки, когда отец, Николай Шопен, уделял час-другой музицированию, и непременно звуками роля.

Последний рояль Шопена. Хранится в Национальном музее в Варшаве

Шопеновский рояль всегда открыт. К нему благоговейно прикасаются, на нём играют пианисты, приезжающие с разных концов света. Не только на официальные торжества, на конкурсы и фестивали. Многие — по зову собственной души. В этом доме всегда звучит музыка, заполняет гостиную и комнаты, переливаясь через открытые окна в сад, который сам по себе уникален. Вошло в традицию, чтоб каждый музыкант посадил в этом саду привезённое со своего континента деревце или куст цветов; и теперь японская сакура соседствует здесь с белой елью из Кордильер, голландскими тюльпанами, берёзкой из России.

А в остальном как будто ничего не изменилось. Он сохранился, небольшой одноэтажный белый дом с высокой крышей красной черепицы, окружённый густой зеленью яворов. Тихая речка под пригорком с её странным, а ныне символическим названием Утрата. По сторонам — деревянные дома. И кажется, что на крыльчке одного из них вот-вот расположится группа сельских музыкантов, польских «грайков», оркестр в неприятельном составе дудочки, волынки, скрипки и не переменного участника — деревенского контрабаса (его шуточно называли «толстой Мариной»). В их исполнении звучит народная мазурка, не отшлифованная для шляхетской бальной залы, — напротив, тем и хороша, что не смущается своей «шершавости»: в мелодии простой и нарочито угловатой в «гудящей квинте» контрабаса и терпком колорите старинных народных ладов. В ней радостное озорство, лукавая ирония, скрывающая ласковую нежность в глубине.

В дни беспечной своей юности Фридерик неоднократно будет навещать милую сердцу Желязову Волю и слушать, слушать игру деревенских умельцев.

Старинный танец. Со старинной гравюры

Немногими годами позже он будет очарован увиденной картиной — как танцуют настоящую народную мазурку. Родители не возражают, чтобы летние каникулы он проводил с приятелями по лицу в Шафарне или другой деревне, где сохранился танец в изначальном виде с рождения своего, в провинции Мазовше. Праздники любили устраивать на открытом воздухе, прямо на лужайке у излучины реки. Нарядные, в национальных костюмах девушки, шеголеватые парни — они могли плясать без усталости, как говорится, до упаду, по несколько часов подряд, перемежая собственно мазурку с подобными ей обэреком, кувячком, с наивными крестьянскими играми и хороводами в минуты от-

Мазурка. Со старинной гравюры

Дом в местечке Желязова Воля, вблизи Варшавы, где 22 февраля 1810 года родился польский композитор Фридерик Шопен

дыха от танца. Подобно живописцу, делает Шопен живые зарисовки с природы, называя их «образками», картинками. Он не задумывал их как сопровождение к танцу. Мазурка Шопена — это художественная пьеса, запечатлевшая характер нации в лирическом освещении. Душа народная раскрылась в ней. Тем бесконечно дорога она Шопену, и для него она

333

Постройки в усадьбе Скарбеков в Желязовой Воле

останется навечно прекрасным символом прекрасной родины и первым образом любви, которой сохранит он верность до последних дней. Тончайшей музыкальностью своей Шопен улавливает национальные особенности народной польской мазурки во всех её штрихах и красках: «он умел собирать полевые цветы, не стряхнув с них ни росинки». Ничего подобного — ни в одной другой музыке европейских стран. Ему будет чем удивить Париж, когда в салонах меломанов он станет исполнять свои «образки».

Ну а пока... Варшава, столичный центр культуры, прогрессивной мысли, национально-освободительных настроений. В лицее, что на площади Казимира, Николай Шопен получил место преподавателя французского языка. Здесь оценили безупречное произношение его, француза по рождению, и никого нимало не смущали те политические мотивы, которые заставили его когда-то эмигрировать в Польшу. Семья Шопенов, открывшая пансион «для сыновей достойнейших семейств страны», поселилась в том же доме, по улице Краковское предместье, рядом с костёлом Святого Креста.

Занятия в лицее Фридерику были в радость. По воскресеньям, в дни родительских посещений, когда учащиеся демонстрировали свои успехи, он поражал собравшихся живописными этюдами, им сочинёнными,

Улица Краковское предместье в Старой Варшаве. С гравюры Е.Дитриха, 1820 год.

В доме № 5 (на первом плане справа) на втором этаже находилась квартира семьи Шопена. В мансарде была комната Фридерика, где он жил с 1827 по 1830 год.

Здесь были написаны оба его фортепианных концерта, вариации на тему «Дон Жуан», рондо А la краковяк, фантазия на польские темы и другие произведения.

и разыгрываемыми театральными сценками, чтением целых глав великих древних в оригинале и, конечно же, игрой на рояле. Тем временем, пока его родители терялись в выборе, какому из талантов сына отдать предпочтение, судьбу Фридерика решил учитель музыки Адальберт Живный, в быту известный более как Войцех Живный, чех по происхождению, личность на редкость колоритная. Похоже, что природа не слишком позаботилась об изяществе его облика. На вид суровый, грубоватого сложения, он был на самом деле человеком добродушным и отзывчивым. Ученики любили своего наставника, но это не мешало им посмеиваться над его привычками. При нём всегда были огромная — вмещавшая полпуда — табакерка с портретом не то Моцарта, не то Гайдна на крышке и гигантский носовой платок в красную клетку. Перед уроком он непременно доставал этот платок из заднего кармана сюртука. Он носил венгерского покроя сапоги, бессменные и летом и зимой. Таким вот милым чудачком знала его вся Варшава. Однако! С ним Фридерик постиг искусство исполнительства на фортепиано. Не менее значительно и то, что Живный посвятил ученика в величественную мудрость Иоганна Себастьяна Баха, когда в Европе почти не знали музыки великого полифониста великой эпохи Барокко (гениальные творения его ещё не были открыты миру Феликсом Мендельсоном). Учитель и ученик вместе восхищались сияющей звездой Моцарта. Живный приучал Шопена вслушиваться в самобытную прелесть народных мелодий. Они отлично понимали друг друга. Своё первое сочинение — Полонез для фортепиано, написанный в 11-летнем возрасте, Фридерик посвятит Живному.

Консерватория (она тогда именовалась Главной школой музыки) лишь подтвердила верность выбранного пути. Её директор, Юзеф Эльснер, знающий музыкант и композитор, автор опер и прекрасный педагог, в конце каждого учебного года отмечал в характеристике Шопена: «изумительное дарование», «музыкальный гений».

Он никогда потом не будет счастлив так, как в эти годы. Дома — атмосфера заботливой любви. В светских салонах варшавской знати

*Иосиф Эльснер (1769–1854). С литографии М. Фаянса, конец 1840-х годов
Польский композитор, директор
Высшей музыкальной школы (впоследствии консерватории) в Варшаве,
учитель Шопена.*

Иосиф Эльснер научил его самому трудному, о чем вообще мало знают и мало заботятся: быть требовательным к самому себе, рассчитывать только на те успехи, какие достигаются терпением и трудом.

Шопен в юности. С портрета А. Мировицкого. 1827 год.

Юноша Шопен поражал всех многосторонней одаренностью. Он писал стихи, сочинял пьесы, рисовал, проявлял артистическое дарование.

Жизнерадостный, одаренный чувством живого юмора, он привлекал к себе внимание всех, кто встречался с ним.

Варшавской консерватории. Ей дарит Фридерик цветы и музыку: то вальс, а то *Adagio* своего Концерта; иной раз песню, прелестную в её наивной чистоте:

Если бы в небе солнышком я стала,
Я б для тебя, мой друг, только и сияла,
а не для леса, а не для речки,
для тебя б сияла,
Над твоим оконцем, на твоём крыльчке,
а не для леса, а не для речки.

Не эти ли моменты упоительного счастья и надежд, которые судьба дарует только юности, доверчивой, беспечной, — не эти ли моменты воплотятся в образ светлого, манящего и завораживающего **НОКТЮРНА** в начальном экспозиционном разделе Первой Баллады? Великолепная в свободной лебединой пластике мелодия, с достоинством и благородством зарифмованная в невозмутимо закруглённые фразы, она, что называется, несёт себя, любуясь самосовершенством. Её не заподозрить в фальши. Так хочется поверить обещаньям...

— О, если б навеки так было,
о, если б навеки...

он желанный гость. Дамы присылают за ним экипаж, и он в продолжение целого вечера играет, завоёвывая громкий титул лучшего пианиста Варшавы. Здесь утвердилась даже мода на Шопена. Программы выступлений составляют его собственные сочинения. В торжественных парадных полонезах нация узнавала себя. Помпезные их ритмы, фанфарные мотивы воскрешали доблестный дух панской шляхты, живущей гордостью былых заслуг и воинских побед. Сердца же ясновельможных пани готовы были раствориться в изысканно-красивой музыке ноктюрнов: как соблазнительно звучали эти «ночные песни» полупризнаний в аллеях старых парков и романтических вздохов при луне, всё заливающей загадочным сияньем.

Пришла и первая влюблённость. Она предстала в облике Констанции Гладковской, очаровательной девушки с печальными голубыми глазами. Талантливая певица, воспитанница

Варшавской консерватории. Ей дарит Фридерик цветы и музыку: то вальс, а то *Adagio* своего Концерта; иной раз песню, прелестную в её наивной чистоте:

Однако жизнь разыгрывает свой сценарий. Как будто налетевший ветерок встревожил зеркало озёрной глади. Буквально в следующем за ноктюрном такте волнообразные, в триольной ритмике фигурки-всплески волнуясь набегают друг за другом. О чём хотят они сказать, о чём предупредить? Неясный сон с предчувствием тревожным.

* * *

Так оказалось, что консерватория соединялась общей территорией с Варшавским университетом. Здесь с кафедры профессора читали лекции о Французской революции, знакомили студентов с сочинениями Сен-Симона, и потому неудивительно, что политические идеалы молодёжи окрашивались в недопустимо красный цвет. Варшавский университет стал центром национального движения, направленного против русского царизма, который, как казалось многим, превратил Польшу в свою провинцию, в свою «вотчину» с обидным, унижительным определением — «задворки России». Студенты университета дружили с учениками Главной музыкальной школы. В часы совместных их прогулок вдоль набережной Вислы, в часы встреч в любимой кофейне «Дзюрке» за двумя столиками у окна велись жаркие беседы о судьбе Родины. Сверстники охвачены страстным порывом к действию. Каждый чувствует себя гражданином Отечества и точно знает, что, в силу своего таланта, свершит на его благо. Маврицкий и Жуковский — писатели, Витвицкий, Залесский — поэты. Они прославят польскую литературу. Шопен — композитор. На него возлагаются самые большие надежды. Так происходит, что люди, правящие Речью Посполитой, на музыку не обращают внимания. Они боятся слов, запрещают читать стихи, пугаются картин — но музыка?.. Цензоры не вычёркивают тактов, не помышляют запретить такую-то тональность, диез или бемоль. Здесь легче спрятать «пушки под цветами». И современники отлично понимали протестующую музыку Шопена, называя её «гордой песней, пробуждающей сердца».

Но в то же время друзья Шопена озабочены и тем, чтобы уберечь его от непосредственного участия в восстании: отечественный талант нельзя подвергать опасным случайностям. Они убеждают Фридерика в том, что именно сейчас настало время для утверждения славы польской музыки в Европе, что именно сейчас ему необходимо ехать в Париж. Словно предчувствуя, чем обернётся для него отъезд, Шопен откладывает и откладывает дату. Решившись наконец, даёт прощальный концерт и осенью 2 ноября 1830 года с глубокой грустью покидает Варшаву. Те, кто любил его, проводят Фридерика до заставы, вручат на память кубок с землёю его родины. Тот кубок, не с землёй уже, а с сердцем Шопена, по завещанию его перед кончиной вернётся в Польшу и будет замурован в нише одной из колонн костёла Святого Креста.

Путь Фридерика лежал через Вену. Ещё недавно ей принадлежала корона музыкальной столицы Европы. Шопен хотел дать несколько концертов, помня, с каким успехом выступал он здесь около трёх лет назад.

Вацлав Зелинский.
«Ещё Польша не погибла...»

Предположения не оправдались. До Вены донеслось уже известие о варшавском восстании. Сегодня он — посланец взбунтовавшейся мятежной Польши.

Первым порывом Фридерика было немедленно вернуться к тем, кто там сражался на баррикадах, но австрийский канцлер уже отдал приказ, чтоб перекрыть границы. Ему осталось выполнить патриотический свой долг иначе — служить Отчизне силой своего искусства.

Самые страшные дни этого мучительного года совпали с пребыванием Шопена в Штутгарте, по пути следования в Париж. Здесь именно настигла его весть и о падении Варшавы, и о жестоком подавлении восстания, и о запрете возвращения тех, кто так или иначе был к нему причастен.

Боль! гнев! протест! — вся гамма скорбно-патетических переживаний потоком хлынула в Этюд, который будут называть «революционным», на нотные страницы музыкальной драмы, замкнутой в восьмидесяти двух тактах.

Удар, другой, пассаж — и сразу
В шаров молочный ореол
Шопена траурная фраза
Вплывает, как больной орёл.

От потрясения, от осознания необратимой катастрофы ему не суждено будет освободиться, и эти образы ещё не раз возникнут, составив смысл последующих творений, среди которых заключительный раздел Баллады соль-минор.

* * *

В феврале 1832 года в зале господина Плейеля, перед взыскательной парижской публикой, на столь престижной европейской сцене выступал Фридерик Шопен — пианист и композитор из Варшавы. Для каждого из музыкантов, вступивших на путь играющего концертирующего исполнителя, была реальная опасность затеряться. Все звёзды, лучшие из лучших — здесь, в Париже. Тут, как и во всей Европе, господствовал в ту пору стиль виртуозного исполнительства: музыканты изумляли слушателей сверкающей жемчужной техникой, ошеломляющими каскадами пассажей и октав. Короли концертных залов — Калькбреннер, Герц, Лист,

Паганини, Мендельсон. В парижских многоярусных театрах, которые порой предоставлялись для концертов кумирам от искусства, бывало так, что публика «дышать боялась», когда маэстро Паганини, как гласит легенда, не останавливаясь продолжал играть (возможно, «Дьявольские трели») и, не выдерживая натиска стихийной силы, рвались на скрипке струны — одна, другая, третья; эффектный пламенный финал артист доигрывал на единственной струне, оставшейся на грифе. Рассказывают, будто Ференц Лист просил поставить рядом второй рояль, буквально эпатируя аудиторию тем, как он блистательно справляется с обеими клавиатурами одновременно. Восторженные возгласы сопровождали исполнение, кто-то из молодых поклонниц пианиста падал в обморок (ах, это просто было элементом моды), а «руки сами складывались в аплодисман». Шопен и в мыслях не имел пуститься в состязание с любимцами парижских залов. Он покорило сердце Европы совсем иной, ему лишь свойственной манерой исполнения. Шопен пленил парижских меломанов доселе не звучавшей здесь сердечностью славянского лиризма. «В его песнях есть душа... фантазия, оригинальность во всём» — таково было мнение самой авторитетной критики.

Париж не сможет стать второй родиной Шопена, и тем не менее они, если позволите, обречены: ему не избежать очарования красивейшего города на Сене с его многополярной панорамой. «Париж бурлил, — читаем мы в литературной зарисовке города Льва Рубинштейна. — Оранжевые образы блуждали по желтеющей листве каштанов на бульварах. Копыта лошадей неумолчно стучали по брусчатке. По улицам катились длинные ландо, похожие на чёрные, блестящие лодки. Каждый час дня имел своё лицо. Бульвары заполнялись то почтенными дамами в чёрных кружевных накидках, за которыми слу-

Салон Бальзака

ги в белых чулках вели на поводках крошечных собачек; то мужчинами в пышных галстуках, пёстрых жилетах и высоких цилиндрах, несущими свои трости с набалдашниками, как жезлы; то художниками в широкополых шляпах и шарфах, спешащими под руку со своими моделями в широких юбках; то ночными молодцами, неторопливо бредущими под фонарями в поисках лёгкой добычи...»

За внешней, зримо видимой картиной существовал иной Париж, с особой атмосферой высшего порядка, за что его именовали Меккой литературы, музыки, искусства.

Рекомендательные письма, которыми, по-видимому, снабдил его отец, обеспечили Шопену расположение влиятельных персон, а главное, открыли двери прославленных салонов. Парижские салоны эпохи роман-

тизма! В великолепно обставленных гостиных роскошных особняков графиня Потоцкая — первая красавица, писательницы Жорж Санд, Даниэль Стерн, мадам де Сталь охотно принимали музой отмеченных поэтов, беллетристов, художников, философов, певцов, звёзд театральной сцены, композиторов и музыкальных критиков, исполнителей на разных инструментах, способных наполнить интерьер возвышенной гармонией звуков.

Руководителем Шопена в парижской жизни станет Лист. Практически ровесник, на год моложе Фридерика, в Париже он успел добиться славы, ещё узнать секреты города. Он объяснит: «Нелегко завоевать Париж на один вечер. Чтобы завоевать его на месяц, надо бороться годы». Он посвятит Шопена в свод непреложных правил этикета избранного общества. Так, для начала надо изучить хотя бы расписание приёмных дней у Полиньяков, у Кюстинов. По тем же правилам придётся одеваться, кланяться, причёсываться. Нельзя забывать, что здесь признают любимцем муз, только когда избранник станет любимцем «живой музыки» — дамы с громким титулом.

Шопен, прислушавшись к советам друга, снял двухэтажный особняк на бульваре Пуассоньер. Лучшему кутюрье заказал дюжину костюмов, проявив при этом утончённость вкуса: все — в благородном сером тоне с различием оттенков пепельного, серебристого, жемчужного. Как это гармонировало с мягкостью его манер и поэтического облика! Сказать лишь то, что Фридерик был принят в фешенебельных домах Парижа, по крайней мере было бы несправедливо. Им восхищаются, в него влюбляются, по нём вздыхают. А как иначе? Возможно ль было не ответить нежностью на чудо лирики его ноктюрнов, «Колыбельной», не загрустить в лад тех мазурок, которые сквозь боль воспоминаний печалились о невозвратном; возможно ль было не отдаться зовущей в мир мечты волне воздушной вальса? Все взоры скрещивались на изящном силуэте пианиста за роялем. (Вот наконец так чудно оправдались зеркала родительского дома. Там, далеко в Варшаве, особенностью обстановки было обилие больших зеркал по стенам, и Фридерик, видевший себя ежеминутно, невольно вырабатывал осанку, стройность, пластику движений, приветливость в лице или непроницаемость взгляда.) Естественно, что дамы устремились к Фридерiku, желая брать уроки у него. В те времена понятие «урока» у маэстро никак не совпадало с нашим представлением. Смысл состоял в общении с Личностью, художником, мыслителем, талантом, наконец. Беседы об «искусстве дивном», прогулки в парке, прилегающем к особняку, совместная игра на фортепиано, а также впечатления — от книг, природы, совершенства симметрии регулярных парков с каскадами сверкающей воды, фонтанами, скульптурой. Вот что облагораживало душу и развивало интеллект, художественную интуицию и, в свою очередь, наполняло глубиной, богатством красок манеру исполнения, складывалось в индивидуальный стиль.

Было престижно, модно, в своём роде «шикарно» заниматься у Шопена. Ему и самому нужны были уроки — источник материального благополучия. Казалось, ситуация обычная. Однако! Шопен повёл себя не так, как все его коллеги, и очень мудро, следует признать. Он ограничился согласием на несколько лишь просьб: здоровье не располагало к много-

часовой работе, досадно было время отрывать от собственного сочинительства. При этом стоимость занятий смущала многих. «Говорят, что баронесса Ротшильд платит по 70 франков за урок. — Не меньше? — А не больше?» Другая ученица, сохранившая преданность дружбы до последних дней Шопена, Джен Стирлинг из Лондона, могла себе позволить заказать у ювелира дорогой серебряный браслет с профильным барельефом композитора в центре; по обе стороны на звеньях выгравированы начальные такты его произведений.

Соблазны, развлечения прославленного в этом плане города не чужды оказались Фридерiku. Легко вписавшись в круг «повес», искавших наслаждений, и он влюблялся на один-два вечера в красивых женщин. Известность дамского угодника не помешала его успеху в высшем свете, где он замечен был самой графиней Потоцкой. Неоспоримая красавица Дельфина, расставшись только что со знатными поклонниками — принцем Орлеанским и Флао, остановила взор на «маленьком Шопене». Не только красота («какие плечи!»), но грация и остроумие, незаурядный ум и даже пение, достойное большой актрисы, давали право ей самой дарить избранникам своё расположение. Но не того желала и ждала его душа, которая хранила в глубине невинный идеал заветных юношеских грёз. Им суждено будет осуществиться. Нет, не в Париже.

Случилось, что родители Шопена — пан Николай, пани Юстина — предприняли поездку на курорт в Карлсбад. Узнав о том, сюда немедленно приехал Фридерик. Они не виделись пять лет.

Уже отправившись в обратный путь, он задержался в Дрездене. Здесь жили старые варшавские знакомые — Водзинские. У них той осенью гостили родственники, и среди них — шестнадцатилетняя Мария. С первого взгляда она не производила впечатления красавицы. Но было в ней

Родители Ф.Шопена

очарование иное: воспитанность, музыкальность и удивительное умение «широко открыв глаза, умно, красиво объяснить, что ничего не знает и всего боится». Знакомство с ней для Фридерика стало внезапным открытием. Обоих захватила волна безрассудной упоительной любви: «он был великим влюблённым художником, она — смиренной преданной влюблённой девушкой. И значит, можно думать о женитьбе?».

Прощаясь, они дали клятву верности навеки, уж таковы законы романтической любви.

В Париже осень, зиму и весну он весь был в мыслях о своей Марыне. В Париже он не уязвлён отсутствием шляхетского аристократического происхождения. Здесь дивный дар его приравнен к геральдическому титулу. Среди графинь и баронесс было немало желавших выйти замуж за него, великолепно зарабатывающего знаменитого артиста.

Любовь в разлуке навеивает два ноктюрна, этюды — эти чудные миниатюрные поэмы; на гребне вдохновения он создаёт подряд четыре мазурки — ведь с «маленькой его Марыней» из самого прекрасного на свете края Куявы словно приблизилась родина.

Они периодически встречались — то в Мариенбаде, то снова в Дрездене, — и это время было красивейшей главой романа. Иллюзии держались почти год. Иначе рассуждали родители Марии в их родовом поместье в Польше, в Стужеве. Фамилию мужа в шляхетских семьях положено искать в гербовнике. Достоинство определяется количеством принадлежащих деревень и душ. Непроходима грань между лицом, которое зарабатывает деньги, пусть даже фантастически большие, и человеком, который их имеет. Разве годился он в мужья панне Водзинской, дочери польского графа Винцентия, который дома, в Стужеве, приказывал слугам величать себя «ваше высочество»!

За годы самоутверждения, за те пятнадцать лет завоевания в Париже имени и славы он потерпел одно лишь поражение: «свою Марыню». Он перевязывает её письма лентой алой, словно кровь, на них напишет: «Моя жаль», и грусть его серебряной струёй застынет в звуках медленного Вальса ля-минор.

Не эти ли переживания, обида, боль, крушение мечты о счастье преобразили так мелодию любви — ноктюрн из Первой той Баллады? Где сдержанный, исполненный достоинства покой и любованье ясной красотой? Она (мелодия) теперь в смятении, в отчаянье, как крик израненной души, в диапазоне всей клавиатуры в аккордах и пассажах бьётся, как подстреленная птица, и напряжение растёт, растёт, напоминая смерч, грозящий затмить солнце.

* * *

В Париже он по-прежнему — объект внимания, как светских обожателей, так и авторитетных музыкантов. Сам Роберт Шуман увенчал его крылатой фразой: «Снимите шляпы, господа, пред вами гений!» «Всеми признанный Гиллер сразу заявил о своём преклонении перед

ним. Герц не сумел скрыть зависти, а Лист, дьявольски гордый, порывистый и честный, послушав Шопена, скрылся на две недели от глаз людских. Он боялся, что выдаст ревность, беспокойство. Великий Мендельсон не сразу понял Шопена, но восхищался, а великий Мейербер, сразу поняв, тоже восхищался».

Каждое выступление его в концерте становилось сенсацией. «Он играл как поэт. Удивительное сочетание таланта, красоты, культуры, обаяния, — думалось, что этому человеку дано всё. Между тем он жил с постоянным привкусом горечи и грусти. Словно не было дано самого главного — умения радоваться беспричинно самой жизни... А может быть, душевная трещина — неперменная плата за право быть поэтом?

И ностальгия, звучащая в его музицировании, колдовала и щемила сердце».

Ностальгия по несбывшейся любви и по мечтам, что обернулись в жизни разочарованием; ностальгия вечная и неизбывная по далёкой, навсегда утраченной Польше, что в снах и наяву вставала перед ним видением печальной девы из провинции Мазовше в простом венке из руты на челе.

Она протягивала руки
И исчезала вдалеке...

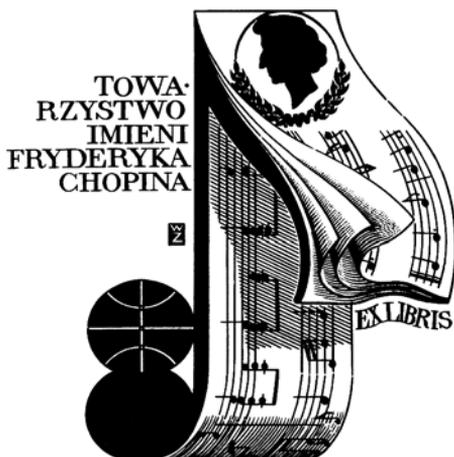
Он поверял свою печаль мазуркам, их скоро будет пятьдесят. Теперь всё чаще в них минорные тона. Часами откровения бывали те, когда его, всё реже покидающего дом, своими посещениями радовали друзья — Ян Матушинский, Адам Мицкевич, такие же, как он, изгнанники, несчастные его соотечественники. Тогда он запирали в гостинной двери, распоряжался никого не принимать, садился за рояль и начинал играть. Мицкевич слушал отвернувшись, глядя в окно, не в силах скрыть, что плачет.

— Откуда столько грусти? — спрашивал Ясь Матушинский и получал ответ:

— Но ведь это мазурка.

И эта «девочка-мазурка» была и боль его, и утешение:

Как эта, с бледными плечами,
По-польски личиком бела,
Разведала мои печали
И на себя их приняла?

Вацлав Зелинский. Эклибрис для
Общества им. Ф.Шопена в Варшаве

Парижская элита огорчалась, когда Шопен периодически отсутствовал в собраниях знати. Ему скорей прощались раздражительность, угрюмая отстранённость, которые обычно отступали, когда он подходил к роялю. Однажды на какое-то абстрактное рассуждение Жорж Санд отреагировал он резко, негодуя:

— А вы, госпожа баронесса, были когда-нибудь в изгнании? Хоть раз в жизни?

Она, принося извинения, неожиданно взяла его за руку.

С этого момента, как свидетельствуют биографы, началось более близкое знакомство Фридерика с Авророй Дюдеван. При первой встрече она производила экстравагантное впечатление. Небольшого роста, темноволосая, с широко расставленными чёрными глазами, она отличалась твёрдой энергичной походкой и почти никогда не выпускала из пальцев сигары. Жорж предпочитала носить мужской костюм и брюки, порой вызывающе ярких цветов. Её называли «модной сиреной в мужском платье». По жизни ей сопутствовала скандальная репутация. При этом талант её ценили высоко, в особенности писательницы-дамы.

Аврора восхищалась нравственной красотой своего нового друга: «Ни одна душа не была более благородной, более деликатной... ничья дружба более нежной и чистой, ничей ум более блестящим», — пишет она позже в романе «История моей жизни». Она была старше Фридерика на шесть лет, и её забота приобретала часто характер материнской. Всерьёз обеспокоена она была его здоровьем, мучительными приступами кашля, пугающими алыми пятнами на платке и слабостью — слабостью, доходящей до того, что он уж перестал стесняться, когда на второй этаж, бывало это дома или в Опере, его вносили слуги в золочёном кресле.

Однако в её планы не входило хоть что-то изменить в своих привычках, в распорядке дня. Она писала по ночам, её окутывали клубы дыма, с пюпитра плавно опускались на ковёр исписанные размашистым почерком страницы; наутро горничная собирала их — так возникали модные романы «Индиана», «Консуэло». В часы ночного одиночества, сжигаемый желанием участия, почти отчаянием, он знал: бессмысленно его искать у Жорж, она работает.

И это неутешное, никем не разделённое одиночество, проникшее до дна души, уже не покидало его, в сущности, нигде. Оно сопровождало его и в поездке на Майорку у берегов Испании — в путешествии, предложенном Авророй, но оставившей его там одного.

Оттуда другу Фонтане он пишет: «Жить буду, вероятно, в чудеснейшем монастыре, расположенном в самом красивом месте на свете: море, горы, пальмы, храм крестоносцев, развалины мечетей, тысячелетние оливковые деревья... Нахожусь вблизи того, что всего прекраснее... Вскоре получишь прелюдии...»

К тому ж не повезло даже с погодой. В бывших кельях монастыря с низкими сводами было сыро и мрачно и — Боже! — как одиноко! Он — и рояль, присланный Жорж из Парижа. Лил непрерывный дождь, и крупные капли равномерно, монотонно выстукивали по стеклу:

Мне больно!.. Вопль не достигает
И до небес о скорби дольной...
И, оборвавшись, замирает,
Никем не понят, как мне больно.

Легенда повествует, будто так возникла Прелюдия, которая зовётся «капельною», «дождевой». От первого и до последнего в ней такта в басовом голосе один и тот же неизменный звук всё повторяется и повторяется в застывшем ровном ритме падающих капель. Задумчивость ноктюрновой мелодии поначалу уводит вскоре мысль к картинам родины, на этот раз в края волхвов — «Дзядо́в», с их колдовскими мрачными пророчествами.

Последняя его надежда на покой, на вдохновение и творчество — Ноан, роскошное поместье с замком, принадлежащее Жорж Санд. Здесь собираются поэты, живописцы: Бальзак, Делакруа, Мицкевич.

Все наслаждаются красотами природы, украшенной творениями рук человеческих, — разбитыми цветниками, уютно скрытыми в тени беседками, журчащими фонтанами и водопадами. Здесь воздух сам пронизан вдохновением.

Шопен привёз с собой стопу нетронутых страниц нотной бумаги: он здесь всегда писал без спешки, много и хорошо. Но на этот раз, в лето 1846 года, даже Ноан его обманул. Всё рушилось, всё рождало в душе его мучительный страх. Вокруг все жили полной жизнью, каждый своими интересами. Жорж не утратил обычной работоспособности. Её взрослеющая дочь Соланж вступала в пору ранней красоты, а брат её Морис давал почувствовать, особенно Шопену, своё презрение к чужому возрасту и опыту; он полон сил и наглости. И только Фридерик воспринимает всё, как будто хуже не бывает. Усталость, слабость, пустота души сплетаются в сознание, что жизнь его идёт к трагическому финалу, который предсказала соль-минорная Баллада. Она закончилась каскадом низвергающихся хроматических октав, крушение, обвал которых замкнётся скорбными двумя аккордами. Луч света брезжил только из минувшего далёка, из чистых снов, ещё не замутнённых нотой «жаль»...

Шёл я по давним дорогам, было мне двадцать — не больше,
Ласточки резали воздух, тёмный боярышник цвёл,
Прямо в лицо мне глядела голубоглазая Польша
И разноцветное солнце падало в гулкий костёл.

На перекрёстке тропинок встало в колосьях распятье,
Песня вдали замирала, тихо дымилась река.

*Жорж Санд. Шопен.
Эскиз карандашом. 1841 год*

Девушка — венчиком косы — в тёмно-сиреновом платье
Бросила мне на дорогу синий глазок василька.

Так начинала звучать первая нота Баллады, романтической баллады жизни Фридерика Шопена, пропетая как чистая пронзительная мелодия, сплетённая из боли и красоты.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

КОЛОМЕНСКИЕ КРАСКИ

Василине Королёвой

Сколько зорь впереди, Василина!
Снова жжётся кармином восток,
и рассвет многоцветной долины
обернётся простором холстов.

А закаты осенние всплески —
драгоценных соцветий игра —
станут сказочным облаком фрески,
осеяющей каменный храм.

И зимы белокрылая птица
строгой графикой книг обратится...
Что там ждёт, что мерцает вдали?

Это радуга — свод над Коломной —
словно след переправы паромной
на границе небес и земли.

Роман Славацкий

Есть таинственная гармония между художником и его городом... Коломна «врастает» в своих живописцев, но каждый из них, вступая в «коломенскую школу», приобретает своё лицо, воплощает какую-то особенную черту своей родины. Что проявилось в творчестве Василины Королёвой? Скорее всего — величавая царственность, столь свойственная многим уголкам нашей древней цитадели.

Что бы ни создавала Василина: пейзаж, графические композиции, храмовые фрески — везде чувствуется монументальность Истории. Наверное, отец Павел Флоренский порадовался бы столь полному совпадению характера живописи с именем его автора. Не зря же мы чувствуем в этом имени греческий отзвук: «царственная»!

Дорогой наш юбиляр! Пусть и в сердце и в работах Ваших остаётся это внутреннее благородство! А порукой тому — чудесные краски Коломенского края, собранные подаренным свыше талантом.

Коллектив редакции

Фёдор ДРУЖИНИН

БАХОВСКАЯ ЧАКОНА

Фёдор Серафимович Дружинин (1932–2007) — альтист, профессор Московской государственной консерватории, народный артист России, замечательный педагог.

Играл в квартете им. Бетховена. Д.М. Шостакович посвятил Ф.С. Дружинину своё последнее произведение — Сонату для альты и фортепиано. Тёплые отношения связывали музыканта с Альфредом Шнитке; один из его учеников — Юрий Башмет. Дружинина называли «лучшим альтистом своего поколения».

Ф.С. Дружинин скончался в 2007 году. Но гениальная баховская мелодия, когда-то сыгранная им для Ахматовой, звучит в стихах великого поэта.

Теперь я часто говорю студентам, что исполнитель, скрипач или альтист существует до или после Чаконы Баха — настолько это произведение совершенно во всех отношениях.

Всё творчество Баха есть чудо, но среди его сольных сонат и партит Чакона — чудо из чудес.

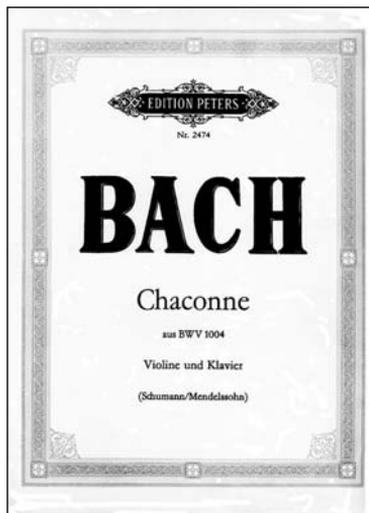
Впервые я рискнул одолеть эту часть 2-й партиты для скрипки соло на большом альте после окончания консерватории, уже в аспирантуре. Прежде чем показать её своему учителю, профессору Вадиму Васильевичу Борисовскому, я учил её год.

Летом 1956 года в летнем доме (Старки) отца моей жены, поэта Сергея Васильевича Шервинского, гостила уже не первый раз Анна Андреевна Ахматова.

Как-то за одной из трапез Анна Андреевна спросила меня, над чем я сейчас работаю. Я сказал, что учу знаменитую Чакону Баха для скрипки соло.

Оказалось, что Анна Андреевна никогда не слышала этой музыки и ничего не знает о ней. Я считал, что играть Чакону мне ещё рано, но отказать царственной гостье в её просьбе сыграть ей Чакону я не мог. К тому же просьба была обращена ко мне таким кротким и смиренным тоном, что, победив свой ужас перед такой ответственностью, как приобщение Анны Ахматовой к музыке Чаконы Баха, я согласился, испросив лишь дать мне день или два, чтобы собраться с духом.

Вспоминая время молодости, удалённое уже на треть века, дни и месяцы,

рую выходила тайком Анна Андреевна, чтобы послушать музыку. Я случайно открыл её тайну, когда, собравшись с утра пойти с Катюшей то ли в лес, то ли на реку или в село, вышел на каменную террасу, нашёл там Анну Андреевну в плетёном кресле у стены дома, так, что её не было видно из столовой.

Анна Андреевна несколько смущённо и разочарованно спросила меня: «А разве музыки не будет?»

Те годы, в которые я имел счастье общаться с Анной Андреевной, были для неё трудными и тяжёлыми не только в общественно-писательском плане, но также и в личном, семейном и физическом. Она перенесла тяжёлую болезнь сердца, сильно располнела и вынуждена была соблюдать жесточайшую диету.

Одевалась Анна Андреевна просто — полотняное просторное платье, платок на плечах, когда было прохладно, волосы укладывала высоко и строго собирала их сзади; сдержанная во всём — в словах, мимике, жестах, улыбке, Анна Андреевна в эти годы с достоинством и красотой несла свой возраст. Её пленяющая женственность приняла лишь античные черты монументальности и величия.

Каменный старковский дом соединял в себе предельную скромность, почти скудость в вещах и мебели и вместе с тем редкую красоту своего аскетического интерьера благодаря безупречному вкусу Сергея Васильевича и его умению найти место каждому предмету. Думаю, что именно соразмерность небольшого сада, цветника, парка, благородная архитектура самого дома, близость реки и церкви Св. Николая, приписываемой В.Баженову, создавали редкую даже в Подмоскovie гармонию русской маленькой усадьбы.

проведённые мною в Старках, когда я приезжал туда, что называется, «отдыхать», то есть проводить летние каникулы, я очень интенсивно занимался музыкой (не только на альте, но и композицией).

Сама атмосфера старковского дома почти обязывала к этому. Прямо после утреннего чая все расходились по своим комнатам, один лишь Сергей Васильевич успевал ещё два-три часа поработать до завтрака, и до обеда общение замирало, все работали, и тишину дома нарушали лишь звуки моего альта или фисгармонии, которая стояла в столовой комнате, отданной в эти часы мне.

Столовая находилась в середине дома, и её двери и длинные, высокие, узкие окна соединяли её с каменной террасой, на кото-

В наш прагматический век старковский дом, казалось бы, должен был приносить своим обитателям какую-то неслыханную выгоду, да и приносил, только совсем не ту, о которой думали случайные туристы и местные власти, которые в 1962 году «отторгли» (по выражению Сергея Васильевича, в его стихах об Ахматовой) и дом, и участок и так жестоко и бездарно обезобразили его, преследуя пресловутую выгоду, которая отлетела отсюда, как душа из мёртвого тела.

Его высшей выгодой была красота и благородство. Анна Ахматова, гостя в Старках, находилась не только в дружеской атмосфере дома Шервинских, не только крепла физически, но находила здесь часы отдохновения и забвения своих невзгод и потерь. Старки врачевали её истерзанную и кровоточащую душу.

Я очень любил заниматься в Старках. Все помещения дома, особенно столовая, обладали редкой акустикой, столь ценимой музыкантами, и хотя я теперь понимаю, что заниматься даже лучше в плохой акустике она беспощаднее выявляет все звуковые погрешности, моя любовь к хорошо звучащим залам, комнатам, квартирам осталась неизменной.

И вот в один истинно прекрасный для меня день в дообеденное время я пригласил Анну Андреевну послушать Чакона.

Перед тем как играть, я рассказал Анне Андреевне, что знал тогда о партитах Баха, и в частности о партите ре минор, последнюю часть которой венчает Чакона.

Помню, что обсуждалось французское слово «chacóné», я рассуждал о форме этого произведения и просил Анну Андреевну простить мне исполнение ещё ни разу не игранного мною шедевра.

Сейчас мне трудно сказать, как я играл, но наградой моих усилий было впечатление, которое произвела Чакона на Анну Андреевну, впечатление, близкое к потрясению. Я говорю в данном случае не о своей игре, а о впечатлении от музыки.

Суровая и величавая красота Чаконы, монументальность и архитектоника её формы, неиссякаемая фантазия и изобретательность Баха в построении и следовании полифонических вариаций навсегда остались в сердце Анны Андреевны, и позднее Чакона нашла своё отражение в ряде её стихов.

Года через два Анна Андреевна была на моём сольном концерте с большой и тяжёлой для альтиста программой и попросила меня сыграть на «бис» Чакону Баха.

Меня глубоко тронула эта просьба и укрепила в мысли, что мои опасения при исполнении Чаконы в Старках были излишни.

Когда я провожал Анну Андреевну в Москву, прощаясь, Анна Андреевна сказала мне, что ещё раз благодарит меня за Чакону и подарит мне книгу стихов.

По традиции, мы с Катей перевозили Анну Андреевну на другой берег Москвы-реки на своей лодке, и мне навсегда запомнился величественный и прекрасный облик Анны Андреевны, стоящей в накинутах на плечи платке, слова, обращённые ко мне: «Я всегда помню о своих обещаниях», и её быстрая, дружеская улыбка, озарившая её лицо, которое стало сразу таким земным и тёплым.

Зимой 1956 года я получил от Анны Андреевны книгу стихов «Корейская классическая поэзия» в её переводах с дарственной надписью: «Феде Дружинину за Чакону Баха, которую он играл в Старках осенью 1956 года. Анна Ахматова. 27 января 1956 г. Москва».

Анна Андреевна, очевидно, ошиблась в дате, когда подписывала книгу: это был, конечно, 1957 год.

БИБЛИОТЕКА

Книга об Учителе

Кузовкин А.И. Никаныч и Никанчата: Документ. повеств. о заслуженном работнике культуры РФ, талантливом педагоге, художнике Н.И. Бодрягине и его воспитанниках. Коломна: ГУП МО «Коломенская типография», 2008. 336 с.: ил.

Пять лет нет с нами педагога, заслуженного работника культуры РФ Николая Ивановича Бодрягина, которого его многочисленные ученики в глаза и за глаза называли Никанычем. Пять лет, по его собственному признанию, работал над книгой «Никаныч и никанчата» Анатолий Кузовкин.

Трёхсотстраничный труд рассказывает не только о педагоге, но и о его учениках — никанчатах. Он вырастил замечательных людей и признанных ныне художников — назовём хотя бы народного художника России Михаила Абакумова, заслуженных художников Юрия Рязанова и Виктора Корсакова...

Как всегда у Кузовкина, манера повествования проста, легка для восприятия, пронизана мягким юмором. В тексте много диалогов, а значит, звучат разные голоса. Из маленьких историй складывается картина жизни поколения.

Оригинально пронумерованы страницы — в виде палитры. Своеобразный акцент. По-доброму и с любовью выписан Учитель, его феноменальная любовь к детям. Он многое умел. Свой дом построил собственными руками. Таким он и предстаёт перед читателем — рукастый, головастый. Как повезло тем ребятам, что встретили на своём пути такого Учителя!

Большое количество фотографий, иллюстрирующих книгу, — роскошный подарок коломенским краеведам и местным старожилам, узнающим себя на снимках.

И как прав Александр Дудкин: «Никанычу повезло, что ему дали работать». Сколько мы знаем случаев, когда интересное дело губилось на самом корню. И гибло.

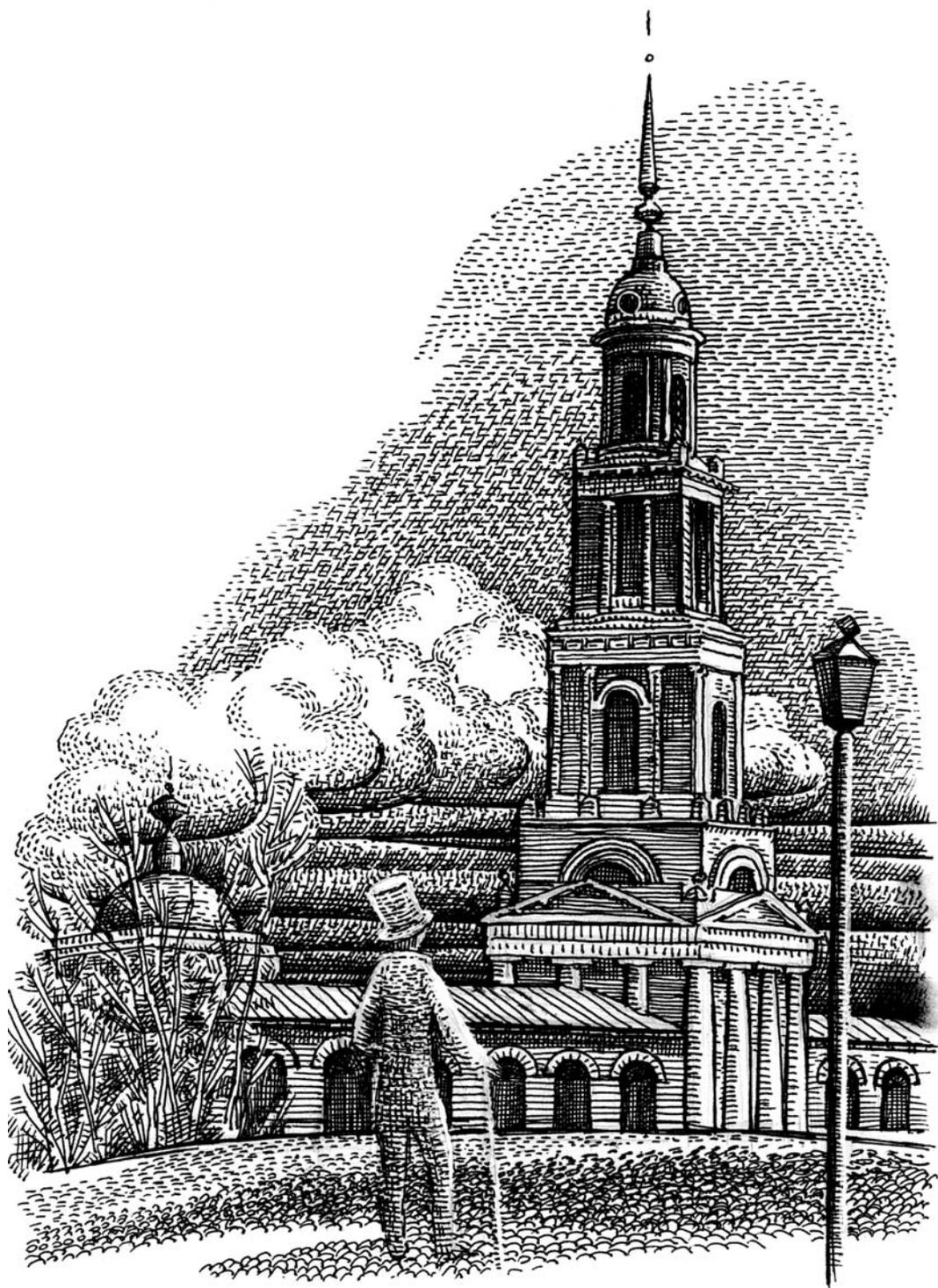
Автор взял верную ноту: в каждой статье об ученике Николая Бодрягина он предоставил возможность бывшим питомцам сказать добрые слова в адрес своего Учителя. Но самой высокой благодарностью, конечно же, прозвучала сама книга. Она будет жить долго — покуда люди не разучатся читать.

ГРАЖДАНИН
КОЛОМНЫ

Графика Василины Королёвой

Андрей ДМИТРИЕВ

Андрей Петрович Дмитриев родился в 1963 году в городе Урюпинске Волгоградской области. Окончил филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. В 1966 году защитил диссертацию «Духовные писатели как литературные критики (1855–1900)».

Составитель библиографического указателя «Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков» (СПб., 2002), автор публикаций по истории русской литературы и журналистики первой половины XIX — начала XX века. Подготовил (в соавторстве с И.Г. Птушкиной) научное издание мемуаров Н.П. Гилярова-Платонова «Из пережитого» в серии «Литературные памятники» (СПб., 2008). Краевед, автор нескольких книг и многих статей по истории Карельского перешейка.

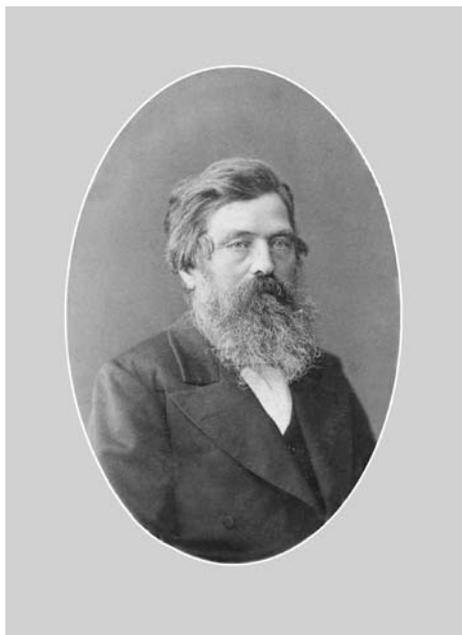
Старший научный сотрудник, заведующий Отделом библиографии и источниковедения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Живёт в Петербурге.

Н.П. ГИЛЯРОВ- ПЛАТОНОВ И ЕГО ГАЗЕТА

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ
ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ

Немногим более 130 лет назад, в 1867 году, в Москве появилась своя первая ежедневная газета, выходившая в продолжение двадцати лет, — «Современные известия». Сегодня она больше известна историкам, изучающим пореформенные консервативные издания, а в те времена её веское, исполненное высокого нравственного достоинства слово разносилось далеко по просторам провинциальной России. Она задумывалась как общенациональный печатный орган, который бы — в противовес популярной тогда либерально-космополитической прессе — освещал текущие события с исключительно русско-православной точки зрения. Основал эту газету выдающийся коломенец — Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887), начинавший свой путь в литературно-общественной жизни России как один из плеяды «младших» славянофилов.

Особенно популярна была эта газета в Москве. Василий Розанов свидетельствовал о необыкновенной авторитетности её издателя-редактора: «...в середине 80-х годов скончался Н.П. Гиляров-Платонов, которого справедливо называли москвичи и друзья его — “сам”. “Сам Никита Петрович” сказал, написал, хочет или не хочет...» (Розанов)

Н.П. Гиляров-Платонов

нов В.В. Когда начальство ушло... // Собр. соч. [Т. 8]. М., 1997. С. 494).

Один из учеников Гилярова (так, сокращённо, без второй части, обычно упоминали его фамилию современники), публицист и прозаик И.Ф. Романов-Рцы, не случайно называл его «гением-энциклопедистом» (Русское дело. 1887. 7 нояб. № 15. С. 3). И действительно, в его щедро одарённой натуре видится нечто — не побоимся этого сравнения — возрожденческое: он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причём весьма разносторонний — и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и автор многочисленных статей по обществен-

но-политическим, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью не уступают подчас творениям писателей первого ряда. Историк М.П. Погодин в своё время (в недатированной записке конца 50-х годов XIX столетия) восторгался Гиляровым: «Не пять, не десять талантов дал Вам Бог, а двадцать, тридцать и даже более. Вы не знаете себе цены, что и хорошо, только в некотором смысле, а не вообще» (Русское обозрение. 1896. Т. 42, дек. С. 994-995).

Вместе с тем Гиляров явился и незаурядным деятелем культуры и её охранителем на разных своих жизненных поприщах: и как один из самых ярких преподавателей Московской Духовной академии (1848–1855) и, по выходе из неё, активный участник литературно-общественного процесса второй половины 50–80-х годов, и как либеральный цензор в начале царствования Александра II (1856–1862) и затем управляющий Московской Синодальной типографией (1863–1867), спасший её рукописные и книжные богатства для потомства, и, наконец, как бессменный редактор «Современных известий».

На столбцах газеты открылось истинное призвание неутомимого Гилярова. Это было уникальное, не оценённое до сих пор «хождение в народ» (куда более плодотворное и насущное, нежели все предприятия революционеров-народников в те же годы) утончённого интеллектуала-патриота, совершавшееся в переломную для России эпоху, в период острейшего духовного кризиса, разразившегося после отмены крепостного права и затянувшегося на несколько последующих десятилетий.

«Современные известия» стали его трибуной для ежедневного проповедования своих взглядов, казалось бы, глубоко оригинальных, но всегда

защищавших традиционные ценности и противостоявших общественной агрессии, нигилизму и эгоизму. Значение этой газеты состояло прежде всего в наведении мостов между терявшей нравственные ориентиры секулярной, безбожной культурой и подлинной — по слову Гилярова, «оптинской» — церковностью, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех её проявлениях.

Гиляров, по справедливому замечанию сотрудника «Современных известий», публициста и прозаика С.К. Эфрона, «по своим симпатиям и по своему мировоззрению был склонен к демократизму, но к демократизму не на западный лад, а к демократизму чисто русскому, исторически и оригинально выработанному русским народным гением» (Эфрон (Литвин) С. Миссионеры и начётчики. М., [1908]. С. 21). Поэтому, между прочим, его газета бескомпромиссно проводила в жизнь принцип христианского гуманизма. Она последовательно отстаивала интересы «малых сих», в ней постоянно печатались острокритические материалы, затрагивавшие интересы власть имущих и обличавшие бездуховность буржуазной толпы. Друг Гилярова, журналист Г.Г. Урусов, писал о нём: «Безнравственно веселящееся невежественное общество ему напоминало всегда пир во время чумы. Нравственности без Христова света он не признавал» (Современные известия. 1887. 20 окт. № 287. С. 2).

Утвердившееся в нашей науке представление (правда, не имеющее под собой никакого исследовательского основания) о том, что «Современные известия» были газетой маловлиятельной, как бы «одной из многих», легко опровергается событием смерти её редактора-издателя. По вос-

Один из первых номеров газеты «Современные известия». 24 февраля 1968 года

поминаниям того же С.К. Эфрона, похороны Гилярова были сопоставимы по размаху и масштабу проявления всеобщей скорби с прощанием разве что с таким народным любимцем, как генерал Скобелев: «...встреча тела Н[икиты] П[етровича] на Николаевском вокзале и похороны его на кладбище Новодевичьего монастыря были из ряда вон выходящие. Таких толп народа на улицах Москва не видела со дня похорон М.Д. Скобелева. Совсем иной колорит носили похороны И.С. Аксакова. Последнего хоронила интеллигентная и купеческая Москва; Гилярова же хоронила вся Москва: интеллигентная, купеческая, духовная и простонародная... Если вспомнить при этом, что похороны М.Н. Каткова отличались исключительно официальным характером и малолюдством, то станет ясно, что популярность Гилярова среди москвичей превосходила популярность Аксакова и Каткова, хотя при жизни этого выдающегося триумвирата имя Гилярова произносилось последним» (*Эфрон (Литвин) С.* Миссионеры и начётчики. С. 20–21).

* * *

Мемуарный очерк о первых годах «Современных известий» принадлежит перу старшего сына редактора газеты Николая Никитича Гилярова. Сведения о его жизни крайне скудны. Родился 26 ноября 1854 года. Восприемником от купели у него стал С.Т. Аксаков, в семье которого супруги Гиляровы одно время были свои люди. По окончании гимназии Николай год проучился в Киеве, в знаменитой Коллегии Павла Галагана, откуда был отчислен в июне 1875 года за неуспеваемость. С того же года служил корректором в типографии отца, а позднее выполнял обязанности его секретаря. Здесь, по свидетельству современника, он «отличался необыкновенной добротой и прекрасным отношением к сотрудникам. Сотрудники в те времена имели положительно грошовый заработок, и Н[иколай] Н[икитич] всегда старался сделать всё возможное в пользу своих товарищей» (*Русское слово.* 1909. 8 янв. № 5. С. 4).

После кончины отца Николай жил с матерью, Верой Алексеевной, безумно его любившей (второй, младший, сын Алексей жил с семьёй в Киеве, где занимал кафедру философии в университете Св. Владимира). Наступили годы нужды. Сначала в 1888 году была продана дача в подмосковном Черкизове, но вырученных денег хватило только на три года.

Николай всегда отличался болезненностью (в детстве почти каждое лето проводил с матерью на курорте в Старой Руссе), вдобавок им овладел куда более серьёзный недуг, нежели телесная хворь: уже к концу 80-х годов он вполне превратился в горького пьяницу, страдавшего продолжительными запоями. В такие дни в полубезумном виде, иногда с револьвером, он бегал за матерью, отбирая у неё остатки сбережений и небольшой пенсии. Ученики Никиты Петровича и его друзья отдавали семье гонорары от публикаций материалов гиляровского архива, добывались в разных общественных и государственных фондах выделения пособий.

В московской печати появлялись даже воззвания к общественной благотворительности, сопровождавшиеся такими вот описаниями: «Мы на-

вестили достопочтенную старушку, супругу покойного, Веру Алексеевну, и сердце наше сжалось при виде убожества её обстановки и полнейшей беспомощности её для дальнейшего существования. Жалкая квартирка её не топлена, средств для пропитания нет и не предвидится, а к тому же несчастный и больной сын на её глазах — без всякой возможности врачебной помощи» (Московский листок. 1893. 21 нояб. № 332. С. 2).

Скончался Николай Никитич 7 января 1909 года. Автор некролога, помещённого в газете «Русское слово», писал о нём: «Всегда слабый здоровьем, нервный, он положительно не в состоянии был работать и существовал на 20 рублей, получаемых ежемесячно из фонда Академии наук. Он снимал небольшую квартиру в д[оме] Фёдорова, на [Большой] Грузинской улице, где-то на дальнем дворе, в старом деревянном флигеле. Квартира, без всякой обстановки, холодная, с промёрзшими стёклами, состоит из трёх комнат, две из которых он сдавал беднякам студентам, и в одной, маленькой, ютился сам, вместе с таким же бедняком, провинциальным актёром И.А. Фаворским» (Русское слово. 1909. 8 янв. № 5. С. 4). В другой газете назывался его предсмертный недуг: «Н.Н. Гиляров заболел две недели тому назад — острым воспалением почек» (Голос Москвы. 1909. 8 янв. № 5. С. 4).

Семьи он так и не создал, среди же потомков его младшего брата Алексея закрепилось крайне невыгодное о нём мнение. В архиве профессора МГУ, доктора биологических наук Алексея Меркурьевича Гилярова (праправнука мыслителя) хранится снимок начала 60-х годов с изображением двух малышек на руках у матери. Надпись на обороте содержит пояснение о старшем из них: «Николай Никитич — неудачник и пьяница».

Воспоминания о «Современных известиях» Николай написал по просьбе ученика и биографа его отца, князя Николая Владимировича Шаховского (1856–1906), по всей видимости, в 1893 году. Их предполагалось напечатать в замышлявшемся тогда обстоятельном томе «Памяти Н.П. Гилярова-Платонова», который должен был включить значительную часть его переписки и мемуары о нём. Издание, правда, не состоялось. Первая часть воспоминаний Н.Гилярова, сохранившаяся в архиве князя Шаховского, тем не менее подготавливалась последним к печати: его рукой вычеркнуты два больших фрагмента, содержащие резкие оценки М.Н. Каткова (ему Шаховской приходился дальним род-

*В.А. Гилярова-Платонова с детьми
Алексеем и Николаем
(из архива А.М. Гилярова)*

ственным: на дочери Каткова Варваре был женат его старший брат Лев). Вторая часть мемуарного очерка так и не была дописана. В письме к Шаховскому от 14 ноября 1893 года Николай Никитич объяснялся: «В письме к мамаше моей Вы спрашиваете её: продолжаю ли я писать историю “С[овременных] и[звестий]” или заленился? Хотя я и продолжаю писать, но очень медленно и с затруднениями: приходится касаться живых людей, из коих в большинстве кроме худого сказать нечего. Что же касается лени, то её у меня нет, а есть болезнь, напр[имер], со мной часто случается дурнота и дрожание — причина, почему я до сих пор нигде не служу. Я не зря лежал в 3 больницах» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 113. Л. 1). Местонахождение этих незавершённых записок сегодня неизвестно.

* * *

В добавление к интересным воспоминаниям Н.Гилярова кратко расскажем о не упомянутых им событиях, а также о дальнейшей истории первой московской ежедневной газеты.

Уже в начале 70-х годов неожиданно для многих «Современные известия» стали довольно популярны не только в Москве, но и в провинциальных городах, так что издателю удалось расплатиться по вексялям и счётам, появился доход; в редакцию пришли талантливые журналисты, присылались корреспонденции со всех концов России. Успех не в последнюю очередь был обеспечен оригинальными передовицами Гилярова — они строились не как пропагандистские речи либо комментированные сводки последних событий, а как доверительные беседы с читателями, полные живого интереса, и включали выдержки из их писем и полемику на актуальные темы.

Пожалуй, в России в тот период и не было другого издания, где бы столь широко право голоса было предоставлено «безязыкому» прежде народу. Сотрудница редакции М.С. Сковронская оставила любопытное свидетельство: «Письма из городов в “Современных известиях” печатались случайные, только такие, в которых передавали какой-либо случай или происшествие, и часто от простолюдинов; причём язык их сохранялся без изменения; расставляли только правильно знаки препинания да букву Ъ водворяли там, где было её место. Таким образом, письмо выходило содержательное, написанное чистым русским языком. По этому поводу И.С. Аксаков удивлялся, отчего в его газете, имевшей в виду народ, совсем не было корреспондентов из народа, а в “Современных известиях” писали многие крестьяне. Не припомню кто (кажется, Погодин), объяснил это тем, что тогдашним грамотным крестьянам, учившимся не по популярным руководствам, а по церковным книгам, удобопонятен был язык статей Гилярова-Платонова, напоминавший иногда проповеди» (*Сковронская М. Бель и думы. М., 1900. С. 325–326*).

Столь удачное начало вызвало завистливую реакцию изданий-конкурентов, в которых появились заметки, будто бы «Современные известия», по слухам, «безвозмездно пользуются шрифтом, станками, машинами и даже рабочими из Синодальной типографии». Хотя «известно было,

что вертельщиками пользуются в их свободное время, дают им хорошее вознаграждение, а машины и станки приобретены новые, не из Синодальной типографии и ещё не вполне оплачены» (Там же. С. 288–289). Подкупленные сотрудниками «Русских ведомостей» (главного конкурента гиляровского издания) типографские рабочие несколько раз как бы случайно рассыпали всю свёрстанную форму газеты, и та не могла выйти в срок.

Подобные злонамеренные действия, особенно же печатная клевета, вынудили Гилярова подать прошение об отставке, и 14 августа 1868 года он был уволен от должности управляющего Московской Синодальной типографией и больше уже не поступал на службу. Главным делом его жизни теперь, его любимым детищем стало издание «Современных известий». Здесь он смог, несмотря на все стеснительные жанровые ограничения, всегда оставаться, так сказать, свободным художником, творить вдохновенно и по велению души. И.С. Аксаков в 1884 году писал Гилярову: «Вы <...> вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. <...> Ваша же газета, напр[имер], это — “альбом моих впечатлений, ощущений и мыслей”» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 2004. Т. III. С. 442).

Хотя позже Гиляров не раз признавался: «...скажу о себе, что работа газетная мне совсем не по душе; что втянут я был в неё обманом; что цепь неотразимых событий удержала меня на ней...» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. Коломна, 2007. С. 280), — он тем не менее изначально подходил к своему редакторству очень ответственно, а по творческому темпераменту и внутренним склонностям, пожалуй, был призван к журналистскому делу более, чем к какому-либо иному.

Ещё до выхода в свет первого номера «Современных известий», 20 октября 1867 года, Гиляров писал своему близкому другу (впоследствии обер-прокурору Св. Синода) К.П. Победоносцеву: «Честно поступит, высокий гражданский долг исполнит, больше других соотечественников послужит тот, кто, имея дарования кое на что высшее и блистательнейшее, на более глубокое и учёное, совлечёт с себя парадные одежды публициста-генерала и в рубище, свойственном простому люду, потолкует с ним о том, что им знать желательно, но что растолковать отчасти не хотят, отчасти не умеют». И далее: «А для этого надобно прежде всего ниспуститься до публики, до некоторой степени пожертвовать собою...» (цит. по: Шаховской Н. Никита Петрович Гиляров-Платонов. М., 1899. С. XXXIV, XXXVI). Это признание уникально для Гилярова: словесный ряд, которым он пользуется, в сущности, тот же, каким в богословии описывается жертвенное нисхождение Христа (кенозис).

На склоне дней в письме к Романову-Рцы от 13 ноября 1886 года он жаловался: «Но когда, сцеплением, говорю, неотразимых обстоятельств, я прикован к тачке, я должен её везти и в силу своего положения вынужден говорить большею частью дискантом» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. С. 281). Заместитель его по редакции в 80-е годы журналистка и переводчица А.М. Гальперсон по поводу этого гиляровского выраже-

ния писала публицисту С.Ф. Шарапову 10 октября 1888 года: «Я напомнила бы, что Аксаков писание передовых статей называл *говорить басом*, Никита Петрович — *говорить дискантом*, и в этой разнице заключается их характеристика. Никите Петровичу действительно приходилось сгибаться в три погибели, чтобы становиться в уровень с толпой, и то не удавалось. Я сказала бы, что он старался быть учителем народа и для этого вступал с ним в постоянное общение, выслушивал нищих духом и давал им место в своей газете, своими ответами пытаюсь выяснять им самые серьёзные вопросы» (ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1–1 об.).

Причём со временем Гиляров внутренне только больше утверждался на этих своих альтруистических позициях. Спустя год с небольшим после того, как начала выходить газета, несмотря на уже отчётливо осознанную тернистость избранного пути, он и не думал сходить с него, а, напротив, в программной передовой декларировал своё кредо: «Публицист, если хочет быть достойным своего призвания, обязан светить дорогу обществу <...> обязан найти для себя предмет недовольства» (Современные известия. 1869. 2 янв. № 1. С. 1, 2). Однако при этом, считал Гиляров, должно быть острое ощущение нравственной границы в обличении, не допускающее «подкапываться под порядок»: «Публицист, не уважающий истории и преданий своего народа и коренных основ общественной жизни, которою он живёт, столь же недостоин своего призвания, как поклонник суеверий и диких инстинктов массы или нахальный лстец властей» (Там же. С. 2).

Казалось бы, благонамеренное охранительное издание, имевшее довольно широкий круг распространения, должно было всячески поддерживаться властями. Однако в 1870–1878 годах газета Гилярова получила шесть предостережений, в 1874, 1876 и 1885 годах на различные сроки временно приостанавливалось её издание и за весь период её существования ей 11 раз воспрещалась розничная продажа (см.: *Розенберг Вл., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем: Статьи. М., 1905. С. 221).

Доходило до парадоксальных ситуаций. Например, за патриотическое, сочувственное к борьбе балканских народов против османского ига направление публикаций «Современных известий» 15 марта 1877 года сербское правительство наградило Гилярова Таковским крестом с формулировкой «За заслуги в войне против Турции» (см.: Свидетельство о награждении за № 3876: РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66. [№ 1]). И в то же время, как он писал Романову-Рцы (13 ноября 1886 года): «Трудно поверить, но в самый *сенокосный* год для периодической печати, 1877 год меня наказали тысяч на тридцать двукратным запрещением розничной продажи, между прочим за протест против передачи Добруджи и вообще за неуместное патриотическое направление» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. С. 280).

В начале же 1878 года Гиляров оказался совсем уже в отчаянном положении, о чём сообщал начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву: «...вслед за приостановлением издания в начале 1877 года, обошедшимся моему карману в двадцать тысяч, последовавшими запрещениями розничной продажи, из которых вот уже треть

постигает меня на одном году, я поставлен положительно на край, за которым нет исхода, кроме полной несостоятельности» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1 об.).

Мотивы предостережений, полученных гиляровской газетой, самые разнообразные: «Крайне неприличные отзывы о таких предметах народного почитания, как обряды православного богослужения, высшие духовные учреждения и т[ому] под[обное]; постоянные отзывы и суждения, неумеренностью своей вовсе не соответствующие важности тех предметов, которых они касаются» (1870); «Возбуждение враждебных отношений низших классов общества к высшим» (1874); «Неоднократно замеченные крайне резкие и неуместные отзывы по разным предметам правительственного ведения» (1876). Или просто, без специальных уточнений: «Вредное направление» (1878) (цит. по: *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура... С. 248).

Любопытно, что параллельно Гиляров получал и совсем другие «предостережения», правда стилистически сходные. В его архиве, например, сохранилось послание от 10 июня 1879 года некоего Брута (написанное «от имени Нового И[сполнительного] Р[еволюционного] Трибунала»), «любезно» уведомлявшего редактора «Современных известий», что «за целый ряд статей, умышленно и заведомо ложно извращающих пропагандируемые социалистами мысли и идеи и вообще за бесчестное, подлое, лакейское и потому вредное направление» он будет «устранён» (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 40. [№ 1]. Л. 1–1 об.).

Хватало и других треволений. Нередко Гилярова вызывали в суд в связи с разбором поданных на его газету жалоб. Неоднократно ему доводилось претерпевать мучительные ситуации из-за сотрудников своей же редакции или типографских рабочих. Дважды его на большую сумму обворовывали конторщики, которым доверялась касса издания. Однажды все 13 наборщиков и 2 метранпажа, свыкшиеся с ласковыми увещаниями редактора по поводу их неявки и опаздывания на службу, пьянства и др. и вконец обнаглевшие, устроили стачку и сорвали выход газеты, так что Гилярову пришлось прибегнуть к защите властей (см. его «Прошение мировому судье Александровского участка г. Холмскому»: РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 49. [№ 11]. Л. 1–9).

Конечно, популярность гиляровского издания не в последнюю очередь объяснялась тем, что он сумел привлечь в качестве постоянных сотрудников, пожалуй, самых хлётских московских фельетонистов своего времени — П.А. Сбруева (чиновника особых поручений при Секретном отделении обер-полицмейстера) и Н.И. Пастухова. Но, безусловно, куда важнее была вообще живая актуальность и оригинальная подача всех газетных материалов, в жанровом отношении представлявших причудливое сочетание военно-политических прогнозов, очерков религиозно-общественной жизни и метких, неллицеприятных оценок правительственных нововведений со злободневными откликами на проблемы бытового характера, сводками скандальных происшествий и переводами модной иностранной беллетристики. В.А. Гиляровский иронизировал: «Было время, когда “Современные известия” были самой распространённой газетой в Москве и весьма своеобразной: с одной стороны, в них печатались

Изъ Коломны.

12 января.

Рвеніе о богослужебномъ извѣданіи въ борьбѣ съ копѣйками.

✠* Забавная, а пожалуй и печальная у насъ возникла распри между городскимъ головою и епархіальнымъ начальствомъ, точнѣе — однимъ изъ мѣстныхъ причтовъ. Городскому головоу задумалось, чтобы воспитанники и воспитанницы начальныхъ училищъ неуклонно посѣщали церковную службу по праздникамъ. Положимъ, что это и вмѣнево въ обязанность, но дѣти (можетъ даже и не всѣ) ходить въ разбродъ; надзора нѣтъ. Кромѣ того голова разсчитывалъ, что изъ дѣтей можно устроить хоръ, и обѣдня пѣлась бы дѣтскими голосами; это было бы, такъ сказать, специальнымъ дѣтскимъ богослуженіемъ. А всего въ начальныхъ училищахъ нашего города состоитъ до 800 учащихся. Подъ предводительствомъ учителей и учительницъ и ихъ надзоромъ от правлялся бы этотъ батальонъ мелюзги въ общую церковь и тамъ присутствовалъ при богослуженіи, участвуя въ пѣнь своимъ чтеніемъ и кнѣнемъ.

Коломна, 21-го января. (Отъ нашего корреспондента). Вотъ уже нѣсколько мѣсцевъ въ Коломнѣ и ея окрестностяхъ слышится только и толковъ, что о грабежахъ и воровствѣ. Жители города въ постоянномъ страхѣ. Лишь только смеркнется, ходить даже по большимъ улицамъ боятся. Рассказываютъ, будто бы начальникъ городской полиціи самъ просилъ (въ особенности дамъ), не выходить изъ дому позже шести часовъ вечера. Недобрые люди проникаютъ въ дома лучшихъ обывателей. Къ одному священнику является ночью неизвестный человѣкъ, и просить его идти съ требой: онъ назвалъ прихожанина, къ которому надобно идти. Священнику почему-то не разсудилось отправиться тотчасъ же. Утромъ онъ является, но узнаетъ что въ священникѣ никакой нужды не было, и за нимъ не посылали. Къ другому, тоже духовному лицу, является вечеромъ

Корреспонденция из Коломны в газете «Современные известия».
1868. 25 января, № 224

политические статьи, а с другой — они с таким же жаром врывались в общественную городскую жизнь и обывательщину. То громили “коварный Альбион”, то с неменьшим жаром обрушивались на бочки “отходников”, беспокоивших по ночам Никиту Петровича Гилярова-Платонова, жившего на углу Знаменки и Антипьевского переуллка, в нижнем этаже, окнами на улицу» (Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т. [М.], 1961. Т. 2. С. 78).

Впоследствии профессор Киевской Духовной академии В.З. Завитневич, автор фундаментального исследования о Хомякове, в частном письме к князю Шаховскому (от 10 ноября 1898 года) привёл интересную параллель между Гиляровым и Хомяковым, с одной стороны, и немецкими реформаторами Лютером и его сподвижником Меланхтоном — с другой. Он писал: «Хомяков и Гиляров — ягоды одного поля, но разных разновидностей; у Хомякова голова больше созидаящая: он больше строит, чем разрушает; у Гилярова больше ум критический, отрицающий: он больше разрушает, нежели строит. Это Меланхтон и Лютер в нашей истории» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 121. Л. 4-4 об.).

Нравственно-психологические типы обозначены здесь довольно точно. Критический настрой ума, сосредоточенность на болезненных явлениях жизни, её недостатках и нестроениях всегда были присущи Гилярову-мыслителю. Однако «разрушителем» он выглядит, пожалуй, только на фоне добросовестного систематика Хомякова. Отрицание у Гилярова всегда, как это ни парадоксально, оказывается плодотворным и созидательным. Объясняется такое положение вещей полнотой православного мирочувствия, свойственной ему: все его интеллектуальные интуиции опре-

деляются прежде всего живой верой. Ведь если твёрдо стоять на позициях глубоко осознанного религиозного идеала, то всякие несоответствия ему и отступления от него не только легко обнаруживаются, но и выглядят как такие помехи и препятствия, которые можно и должно устранять и преодолевать, причём говоря о них без утайки, во всеуслышание.

Ещё в 1859 году в письме к ректору Казанской Духовной академии архимандриту Иоанну (Соколову) Гиляров прямо писал об этом (вспоминая о своём удалении из Московской Духовной академии в 1855 году): «...я пал от рук людей, не умевших понять, что нападать на злоупотребления — не значит идти против самой вещи, что вооружаться против частностей в исполнении — не значит опровергать самую идею. Напротив, тем яснее, тем и выше явится идея Церкви и её значение для нашего общества, когда она стряхнёт с себя разный сор, отвне к ней приставший и вовсе не составляющий существа её» (Русское обозрение. 1895. Т. 34, авг. С. 556).

Во всяком случае, в позиции, которой придерживался Гиляров, можно видеть плодотворную альтернативу, если сопоставлять его со знаменитыми современниками, затрагивавшими в своём художественно-публицистическом творчестве сходные общественно-религиозные вопросы: Достоевским, К.Леонтьевым, Вл. Соловьёвым, архимандритом Феодором (Бухаревым), Лесковым, Победоносцевым, Л.Толстым. (Кстати сказать, на страницах «Современных известий» печатали свои произведения Л.Толстой и К.Леонтьев, а также В.Даль, М.Погодин, Е.Барсов и др.)

Тем не менее многие суждения Гилярова выглядели на фоне довольно безмятежной (особенно в 80-е годы) духовной журналистики парадоксально-заострёнными; казалось, они нарушали некий неписанный этикет и потому будоражили общественное мнение, часто раздражали цензурное ведомство и синодальные власти. В их глазах он, кстати, мало чем отличался от едкого Лескова, критиковавшего церковные порядки в общем-то с позиций протестантского миропонимания. Победоносцев советовал Гилярову: «Смотрите за своей *иронией* и не доверяйтесь ей в коротеньких заметках. Так срывается иногда с языка неудобное слово... Имейте в виду, что люди надзирающие не знают *пропорции* и не умеют понять фразу в связи с *контекстом*. Этого от них не ожидайте и не спрашивайте. Они чувствуют только в том месте кожи, в которое их уколет» (цит. по: *Шаховской Н.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. ЛП).

Всегда поддерживал Гилярова близкий ему по духу консервативный мыслитель Т.И. Филиппов. В письме к Гилярову от 16 апреля 1885 года он давал «Современным известиям» оценку, весьма точную в свете исторической перспективы: «Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием как прибежищем пригнетённой истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих её зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 713. Л. 8 об., 9).

Однако в 80-е годы дела у Гилярова пошли из рук вон плохо. В 1881 году начали издаваться ежедневные газеты «Московский листок» (редактор-издатель Н.И. Пастухов) и «Московский телеграф» (редактор-издатель И.И. Родзевич; закрыт в 1883 году), о которых Гиляров писал Романову-

Рцы 13 ноября 1886 года: «Разорению подвергся я *главным образом* от неожиданного разрешения двух уличных листков, которые, льясь грязным вкусом публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысяч прихода; а на эту самую сумму я только что купил машин в типографию и бумажную фабрику *в кредит*» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. С. 280). Особенно же Гиляров обижался на бывшего своего сотрудника — 25 сентября 1882 года он писал князю Шаховскому: «Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 5).

Покупка дорогостоящих станков и целой писчебумажной фабрики также оказалась несвоевременной. В 1875–1879 годах он потратил на типографское оборудование около 7900 рублей, почти на половину этой суммы были оформлены векселя. Эти расходы не успели себя оправдать, да и проценты по кредитам оказались для Гилярова непосильными.

Писчебумажная фабрика была им куплена в 1873 году за 50 тысяч рублей. Протоиерей П.А. Преображенский отмечал в своём некрологе Гилярову: «...очень неудачным предприятием покойного было приобретение писчебумажной фабрики в Рузском уезде, которая поглотила много средств, а давала лишь убытки и продана за долги» (Православное обозрение. 1887. Т. III, окт. С. 396). Объяснялось это прежде всего тем, что неопытного Гилярова, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики...

С 1881 года, после трагедии 1 марта, цензурные претензии к политическим газетам были ужесточены. Гиляров уже серьёзно думает о прекращении «Современных известий». Но пока пробует последнее, как ему кажется, средство удержаться на плаву. 25 сентября 1882 года он пишет князю Шаховскому, служившему в тот период чиновником особых поручений при министре внутренних дел: «...я желал бы издавать *еженедельную иллюстрированную газету*, вроде “Нивы”, но с национальным направлением. Иллюстрированные издания идут шибко, но все они а) или одушевлены одною барышническою целию и больше ничем, или б) потворствуют развратным нравам, а то и ещё хуже — прямо революционерам. <...> Иллюстрация есть великое воспитательное средство. Подумайте одно: у “Нивы” 75 000 подписчиков; да и на все иллюстрации бросаются жадно. Что же касается до меня, то новое издание или поддержало бы “Современные известия”, или облегчило бы, по крайней мере, их ликвидацию, чего я теперь не могу совершить без разорения» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 5, 5 об.).

10 января 1883 года увидел свет первый номер еженедельника «Радуга». Попытка Гилярова привлечь к участию в нём знаменитых литераторов не увенчалась успехом (у него не было возможности платить достойные гонорары). В журнале печатались только писатели второго ряда — В.А. Гиляровский, Д.С. Дмитриев, А.В. Круглов, Д.А. Мансфельд и др. Надежды на хорошую подписку не оправдались, еженедельник приносил убытки, и уже с нового, 1884 года Гиляров отказался от него.

В это время положение Гилярова становилось всё безысходней. По его просьбе московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков 18 января 1884 года обратился к министру внутренних дел с ходатайством по-

содействовать Гилярову в предоставлении ему кредита на льготных условиях из Государственного банка. В залог шли писчебумажная фабрика и дача в Петровском-Разумовском.

Однако в этом спасительном кредите Гилярову было отказано, и вскоре он лишился почти всей своей недвижимости. Романову-Рцы Гиляров писал 13 ноября 1886 года: «Да, у меня было состояние свыше двухсот тысяч, и всё пошло прахом; имущество распродано с аукциона по 5 [копеек] за рубль» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. С. 280). Особенно болезненной оказалась потеря дачи в Петровском-Разумовском. А.М. Гальперсон рассказывала в некрологе: «Фабрика была продана; он не опечалился. Продана и типография; его это мало тронуло. Но когда с публичного торга за бесценок в чужие руки перешла его дача, в которой каждое бревно было положено по его указанию, в которой каждое деревцо посажено было собственными руками, в которой целые рощи выросли под его нежным попечением, в которой под собственным наблюдением его устроена была образцовая пасека, которая давала ему ягоды клубники, называвшиеся в продаже гиляровскими, потому что подобных им не было, которая, наконец, в течение двадцати с лишком лет служила ему единственной утехой, — тут только возроптал бедный “каторжник, прикованный к тачке”, но ненадолго» (Современные известия. 1887. 21 окт. № 288. С. 1).

Князь Шаховской описал последнее жилище Гилярова: «Он уже не мог оставаться в прежней большой и удобной квартире, а переселился в меблированные комнаты, против Румянцевского музея, где занимал крошечное помещение. Там целые дни безвыходно проводил он, не сходя с постели, иногда одетый в шубу. Стоявшая рядом с постелью керосиновая печка нагревала комнату, в которой двоим повернуться было негде» (*Шаховской Н.* Никита Петрович Гиляров-Платонов. С. LVIII).

В 1884 году он было совсем решился прекратить издание «Современных известий» и заготовил объяснительное обращение к подписчикам, в котором перед ними исповедовался: «Виноват, может быть, я. Виноват в том, что не продавал своего пера никому — ни сильному, ни богатому; не подслуживался ко власть имеющим; не закрепощал себя ни одному из литературных кружков; не плыл по течению общественного разврата в разных его видах; не льстил страстям и поверхностным увлечениям; не заглушал высших интересов; напротив, служил им неизменно по силе разума, но я этого не вменяю [себе] в вину» (Там же. С. LVI).

И.С. Аксаков откликнулся на известие Гилярова о предполагаемом закрытии его газеты тёплым письмом (от 21 марта 1884 года), в котором призывал друга вернуться к серьёзной научно-литературной работе: «Ваша репутация, Ваше имя только выиграют, как скоро появятся Ваши писания в более серьёзной форме, как скоро Вы перестанете себя разменивать на мелкую монету и явитесь тем, что Вы есть, — крупной, ценной, веской монетой. Жаль, конечно, газеты, где 18 лет сряду раздавалось всегда умное, оригинальное и всегда искреннее, честное слово, всегда независимое, газеты одного знамени с моими изданиями, но никогда не мог я заглушить в себе чувства досады, что бисер этот сыплется даром, понапрасну и теряется в этой более или менее неприглядной обстановке...

А всё-таки прекращение “Современных известий” — в известном смысле наше общее поражение и является скверным симптомом современного состояния русского общества» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. 441).

В том, что Гиляров всё-таки продолжал издавать свою газету до последних дней жизни и сравнительно легко перенёс жестокие удары судьбы, сыпавшиеся в тот период отовсюду, была немаловажная заслуга вышеупомянутой его помощницы Анны Михайловны Гальперсон (1856–1902). Она сумела не только заменить филолога Ф.А. Гилярова, в 1878–1883 годах помогавшего дяде в качестве соредактора, но стала по-настоящему родным и близким ему человеком.

Во многом благодаря попечениям и советам Анны Михайловны Гиляров, в последние пять лет своей жизни как бы обретший второе дыхание, занялся, помимо текущей газетной работы, написанием мемуаров, а также философско-публицистических и исторических очерков. (Для самой Гальперсон, иудейки по рождению, духовная связь с Гиляровым оказалась судьбоносной: в августе 1887 года она с дочерью Евгенией приняла Православие, позже деятельно занималась благотворительностью в своём церковном приходе.)

В последние два года жизни Гилярова его дела стали налаживаться. 9 апреля 1885 года он писал князю Шаховскому: «...время для газеты теперь самое горячее: интерес в публике пробудился» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 11 об.). Он даже приобрёл новую дачу — в подмосковном Черкизове.

После смерти Каткова он надеялся стать арендатором правительственных «Московских ведомостей», имевших тогда меньший тираж, чем «Современные известия», но обеспеченных обязательными казёнными объявлениями, которые давали значительный доход издателю. В этих планах его горячо поддерживали друзья и многие читатели, не видевшие более достойного претендента из числа журналистов-консерваторов. В конце августа — начале сентября и в первой половине октября 1887 года Гиляров совершил две недельные поездки в Петербург, чтобы заручиться поддержкой влиятельных знакомых; в этих хлопотах его активно поддерживали князь В.А. Долгоруков, Т.И. Филиппов, И.П. Корнилов, Ф.П. Еленев и др.

Однако в глазах высших властей сложилась вполне определённая репутация Гилярова как не слишком удобного редактора, чересчур самосто-

Анна Михайловна Гальперсон

ятельного и авторитетного для столь официального органа. Ему предпочли рептильного С.А. Петровского, скорее ловкого администратора, нежели серьёзного публициста и человека глубоких убеждений. И хотя это решение было только предварительным и Гиляров мог надеяться на его изменение в свою пользу, удар оказался слишком тяжёлым. Вечером 13 октября 1887 года он скончался в 33-м номере петербургской гостиницы «Бельвю» (находившейся на месте нынешнего дома № 3 по Большой Морской, у самой Дворцовой площади).

Почести, оказанные ему при похоронах как в Петербурге, так и в Москве — на отпевании присутствовали министры, представители Св. Синода с обер-прокурором во главе, члены Государственного совета, сенаторы, известные писатели и учёные, — в полной мере выявили истинное отношение к Гилярову-публицисту как одному из наиболее значимых отечественных общественных деятелей, православных мыслителей, провозвестителей русской идеи.

Последний приют нашёл он 19 октября в кладбищенской земле московского Новодевичьего монастыря, где когда-то служил его брат Александр. Панихиду совершал нарочно прибывший для этого из Киева митрополит Сербский Михаил (Йованович), почитатель и друг Гилярова, в сослужении протопресвитера Н.А. Сергиевского, двух архимандритов и 16 протоиереев и священников. Могила Никиты Петровича находится в первом ряду, против Святых ворот обители, по соседству с захоронениями М.П. Погодина и С.М. Соловьёва.

Поначалу на простой земляной могиле водрузили металлический крест; после того как были выручены деньги от продажи гиляровского «Сборника сочинений» (М., 1899–1900), на захоронении появилась добротная мраморная плита. Живший в церковном полуподвале Новодевичьего монастыря поэт Борис Садовской в 1929 году написал замечательное стихотворение, первые строки которого — недочитанная надпись на памятнике: «Никита Петрович Гиляров-Платонов / Тогда-то родился, скончался тогда-то» — становятся символическим воплощением утраченной «бедной России»...

(Когда в советский период уничтожали некрополь, захоронение Никиты Петровича сохранилось, как сообщил нам А.М. Гиляров, чуть ли не чудом — во многом благодаря его отцу М.С. Гилярову, тогда доктору наук, позже ставшему академиком, написавшему в «Литературную газету» о необходимости сберечь для потомства могилы знаменитых учёных и писателей прошлого: в прилагавшемся списке было и имя практически неизвестного в то время партийным функционерам «выдающегося философа и публициста-славянофила Гилярова-Платонова».)

Важное признание заслуг Гилярова находим в его переписке с епископом Ревельским Николаем (Касаткиным), впоследствии архипастырем Японским и, как известно, одним всего лишь из трёх церковных деятелей, прославленных в лике святых в советское время (точнее, до 1988 года).

Знакомство с преосвященным Николаем состоялось в 1880 году, когда тот приезжал из Японии в Россию. В тот период миссионер-подвижник епископ Николай оказался в центре общественного внимания, в своём

дневнике он описал встречи с Достоевским, Вл. Соловьёвым и другими известными людьми. В «Современных известиях» появились восторженные передовицы, посвящённые молодой Японской церкви. Гиляров видел здесь подвижничество сродни апостольскому, ощущал дух первых веков христианства. Во многом благодаря такой помощи «ходатайственным словом» удалось организовать широкомасштабный сбор денег для Японской миссии, в Токио был воздвигнут величественный православный собор.

Святитель Николай писал Гилярову 10 февраля 1887 года, за восемь месяцев до его безвременной кончины: «Ваше имя в молитве шепчут мои грешные уста; искренно молю Господа, чтобы на многие-многие годы продлил Он Вашу высоко-плодотворную, глубоко-патриотическую и истинно христианскую деятельность» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 663. Л. 20).

Текст мемуарного очерка печатается по автографу: ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 357. Л. 1–6.

Николай ГИЛЯРОВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГАЗЕТЫ «СОВРЕМЕННЫЕ ИЗВ[ЕСТИЯ]»

Никита Петрович никогда не имел помышления издавать газеты. В 1867 году, летом, к Никите Петровичу неожиданно приезжает на дачу некий Нил Андреевич Основский¹, знакомый с года, когда в Москве издавалась газета «Московский вестник»², в коей участвовал Нил Анд[реевич], а Н[икита] П[етрович] был цензором³. «Приехал неожиданно» говорю потому, что после прекращения упомянутого издания Основский у Гил[ярова] не бывал ни разу в течение более 10 лет. Оказалось, что Основский приехал не просто в гости.

— Отчего бы вам, Никита Петр[ович], не издавать самим газеты? Фамилия ваша очень известна, и с хорошей стороны, а об уме и знании литературного дела и говорить нечего. Газета ваша имела бы громадный успех, расходилась бы в большем количестве экземпляров, чем какие-то «Русск[ие] вед[омости]»⁴. Кроме того, независимое положение...

— Расскажите-ка лучше, как вы поживаете, — так давно не видались. Газеты я издавать не стану ни за что...

Не прошло и недели, как Основский опять приехал на дачу, и на этот раз прямо приступил к делу: просил Н[икиту] П[етровича] съездить в Петербург хлопотать о разрешении издавать газету от себя.

— Поймите же наконец, Никита Петр[ович], что мне газеты не разрешат⁵, да если бы и разрешили, газета не пошла бы в ход, нужно имя.

Несмотря ни на какие доводы Основ[ского], Н[икита] П[етрович] ехать в Петербург отказался наотрез, а об редакторстве просил и не заикаться. Н[икита] П[етрович] полагал, что после такого разговора с Осн[овским] прекратятся его визиты. Вышло, однако, иначе: Осн[овский] ездил, ездил, Н[икита] П[етрович] скрывался, тот писал письма; не получая ответа, приставал к супруге⁶ Н[икиты] П[етровича] «угovorить мужа» и, в конце концов, добился-таки своего: в августе Н[икита] П[етрович] поехал в Пет[ербург].

— Эх, как бы не разрешили! — говорил Н[икита] П[етрович] дорогой на вокзал, вздыхая. — Соврать Основскому, не похлопотав, совести не хватает⁷.

Насколько хотелось Основ[скому] издавать газету, видно хотя бы из того, что на другой день по приезде в Пет[ербург] Н[икита] П[етрович] получил вечером телеграмму от Осн[овского]: «Да или нет?» Пока Н[икита] П[етрович] пребывал в Пет[ербурге] (недели две)⁸, Основский не дремал: подыскивал помещение для конторы, типографии и редакции, торговался насчёт машины, шрифта и проч., нашёл даже сотрудника по иностранному отделу, некоего Ковальского⁹.

Возвратившись из Пет[ербурга], Н[икита] П[етрович] пришёл прямо на дачу, сойдя на платформе Петровско-Разумовской¹⁰. Основский приехал на другой день на дачу.

— Честь имею поздравить вас, многоуважаемый и дорогой Никита Петрович...

— Нужно поздравить вас, Нил Андреевич, а не меня. — (Основский видимо опешил, лицо выражало недоумение). — Я ездил для вас...

Видя невесёлое лицо Н[икиты] П[етровича], Осн[овский] заговорил о мелочах и, наконец, сказал, что он сделал в отсутствие Н[икиты] П[етровича].

— Помещение я нашёл очень подходящее, на бойком месте, почти у самого Москворецкого моста¹¹. Впрочем, вы сами посмотрите.

1 декабря 1867 года напечатан № 1 «Совр[еменных] изв[естий]» в означенном помещении. Всею хозяйственной частью по изданию заведовал Основский, он же был и секретарём, а чисто литературная часть была делом Н[икиты] П[етровича].

Первый номер газеты вышел с опечатками, а одна статья даже перепутана. Разумеется, Н[иките] П[етровичу] это было очень неприятно, а так как типографией заведовал Основский, то между редактором-издателем и компаньоном вышла маленькая неприятность.

— Если будет так же исправно печататься газета и впредь, можно ли рассчитывать, что к 1 января 1868 года будет 5000 подписчиков, за что вы более 5000 раз ручались?

— Ах, Никита Петрович! На первый раз во всяком деле бывает какой-либо крючок или задоринка, без этого нельзя. Возьмите, к примеру, блины... (Основский — мастер насчёт кушаний.) А если не будет 5000, даю голову на плаху вот при этих господах. (В гостиной тогда сидело несколько знакомых.)

— Посмотрим.

Н[икита] П[етрович] ушёл в кабинет, а один из бывших в гостинной знакомых сказал О[сновско]му:

— Напрасно, Нил Андр[еевич], вы блины-то в пример поставили.

* * *

Последующие номера газеты выходили исправно, но подписка шла далеко не так успешно, как предсказывал Основ[ский] и некоторые льстецы, в особенности из подчинённых Н[икиты] П[етровича] по службе в Синодальной типографии¹². По ходу дела ясно видно было, что об обещанных 5000 подписчиках к 1 янв[аря] 1868 года и думать было нечего, а первое полугодие давало повод к грустным мыслям: было всего 800 подп[исчиков] и большой убыток от предприятия. Основский, видя, что дела плохи, стал заниматься делом кое-как и наконец совсем пропал из виду. Сотрудник по иностранному отделу, поставленный Осн[овским], перестал являться в редакцию. Н[икита] П[етрович] остался один! Вот тут-то наступили поистине чёрные дни и ряд испытаний. Компаньон покинул дело, не дав отчёта в своей деятельности, и редактор-издат[ель] очутился в тёмном лесу. Начали предъявляться требования уплаты по векселям и счетам от разных фирм и лиц за взятые в кредит типографские принадлежности и проч., а так как правильно ведённых книг у Н[икиты] П[етровича] под руками не было, то упомянутые требов[ания] в большинстве являлись для Н[икиты] П[етровича] совершенною неожиданностью.

Конторщик отказался от должности 1 числа, или, вернее, не пришёл в контору на следующий день по получении жалованья; подписку принимать пришлось поручить одному из писцов, который приходил писать адреса по вечерам для иногородних подписчиков. К счастью, жену Н[икиты] П[етровича] озарила мысль попросить до приискания конторщика позаниматься в конторе двоих своих двоюродных племянников, студентов Богдановых¹³; те с удовольствием согласились, занимались с утра до позднего вечера, разбираясь в хаосе, оставленном (может быть, и умышленно) прежним конторщиком, почти с $1/2$ месяца и начали уже роптать...

При таких обстоя[тельствах], судя по характеру, Н[икита] П[етрович] не счёл бы унижительным самому восседать за конторкой, но по литературной части он остался буквально один, наполняя газету только единолично: месяцеслов, выборки из газет, передовая статья, иностранный отдел и даже корректура — всё была его работа.

Но вот приходит в контору приличный по виду «господин», ищущий какого-либо занятия при редакции. Временные конторщики с радостью и немедленно отправили в Синодальную типографию к Н[иките] П[етровичу] с письмом этого субъекта, бывшего помощника провизора в одной из провинц[иальных] аптек — Колешкова. К[олешков] был взят в конторщички, затем поступил и его брат¹⁴. После «раскопок» Б[огдано]вых новым конторщикам *не особенно* трудно было уже ориентироваться.

Газета шла ни шатко ни валко, стали присылаться корресп[онденции] из разных городов, однако так, что, если не ставить в счёт гонора со-

трудников труды редактора, приносила доход, что выразилось в расплате по векселям и счетам, о коих говорено выше, а говоря короче, долгов не было.

Такое положение дел породило в Н[иките] П[етровиче] мысль поискать сотрудников, а главное — переводчика из иностранных газет¹⁵. Всё это было найдено, и Н[икита] П[етрович] мог переехать в мае на дачу. На даче Н[икита] П[етрович] полужил: ежедневно ездил к вечеру в редакцию, а возвращался на рассвете.

В июне или июле к Н[иките] П[етровичу] в один воскресный день приехал экзекутор Синодальной типографии А.А. Александров¹⁶. А[лексей] А[фанасьевич] поставлен был на эту должность Н[икитой] П[етровичем] по просьбе дальних родственников со стороны супруги Н[икиты] П[етровича] взамен прежнего, нечистого на руку¹⁷. А[лексей] А[фанасьевич] был человек состоятельный, владелец двух или трёх домов в Москве и весьма деятельный, и приехал на дачу с целью передать слухи о том, что «высшее начальство находит неудобным издательство газеты со службой в Типографии». Н[икита] П[етрович] подал в отставку¹⁸.

Сотрудников летом в редакции было два — Кротков и Лазарев¹⁹, а «переводчик» из газет — женщина Сковронская²⁰. Эта особа принята была в редакцию по рекомендации некоего В.Румянцева²¹ ещё до переезда на дачу «как знаток иностранных языков и мужеского ума женщина». По испытании Сковронской слова старика оказались справедливыми: для перевода вырезки из «Кёльнск[ой] газеты»²² и ещё какой-то французск[ой] газеты не потребовался «диксьёнерр»²³ (как для шику произносили «барышни»), а почерк твёрдый и чёткий мужской.

М.Сковронская занималась в редакции над типографией рядом с кабинетом редактора за большим столом, за которым работали ещё два сотрудника: один из них — В.С. Кротков (не окончивший курса студент матем[атического] факультета), тоже по иностранному отделу, и племянник Н[икиты] П[етровича] П.А. Гиляров²⁴, занимавшийся вырезками из газет (впоследствии сотрудник «Моск[овских] вед[омостей]» по этой же части). Тут между делом у этого трио происходили прения тра[н]сце[н]-дентного характера, преимущественно о равноспособности к умственной деятельности обоих полов людских: как Кротков, так и Гиляров были поражены невиданной эрудицией в женщинах, кою обнаруживала Сковронская в спорах. «Это какой-то феномен», — восклицал Кротков. «Не гермафродит ли? — шутил Гиляров, — а рiогi судить трудно». Насчёт гермафродитства был сделан тонкий намёк, который «феномен» сразу понял и изрёк:

— Вам, очевидно, не приходилось встречать женщин с серьёзным образованием. Вы привыкли видеть в женщине только самку.

Никите Петр[овичу], занимавшемуся в своём кабинете, были слышны разговоры в соседней комнате. Однажды представился удобный случай Сковронской поговорить с самим редактором о женском труде. Сковронская между прочим доказывала преимущество женщин как работниц в редакции; указывала на бóльшую трудолюбивость женщин перед мужчинами, аккуратность и трезвость и в заключение указывала на выгодность в материальном отношении пользоваться женским трудом хозяину дела.

— Женщины могут довольствоваться меньшим гонораром за труд, чем мужчины, ибо требования первых гораздо ограниченнее и сомнения меньше. Умственный труд — скорее удел женщины, чем мужчины; образованных женщин в России очень много, но им некуда приложить своих познаний и способностей благодаря непростительной косности и невежеству наибольшей части общества.

Такого рода речи С[ковронс]кой не были холостым выстрелом. Хотя не сразу, но Н[икита] П[етрович] решился в виде опыта завести в редакции женский труд. По иностранному отделу занимались женщины, корректурой тоже²⁵. Не знаю, насколько вообще успешно работали женщины, но в их переводах встречались курьёзы; напр[имер], одна телеграмма на немецк[ом] языке была переведена и напечатана так: Бенедетти и *Гемалин* выехали — *вместо с супругой*²⁶; вместо *Высокая Порта* — *высокие ворота*²⁷ и т.д. Переводами телеграмм и иностранных газет занимались три женщины, корректурой — 2 девицы 17 и 18 лет, кое-как образованные. Следя вдвоём буква за буквой по оригиналу, читали корректуру очень медленно, и плохо, если бы наборщики не относились «снисходительно» к прекрасному полу. В сентябре месяце Н[икита] П[етрович] переехал с дачи на новую квартиру, нанятую на Москворецкой ул[ице]. Квартира составляла отделение Смоленского подворья и помещалась как раз над типографией²⁸. Подписка шла хотя не быстро, но всё-таки с возрастающим успехом.

Наличного числа сотрудников оказалось мало, и Н[икита] П[етрович] с удовольствием принял в число сотрудников некоего В.И. Трескина²⁹, ушедшего из газеты «Русский» Погодина³⁰. Трескин занимался там выборками из газет и, несмотря на своё трудолюбие, не мог ужиться у Погодина. М[ихаил] П[етрович] не позволял «вырезать» из газет, а требовал переписки известий (М[ихаил] П[етрович] был известный скряга). Н[икита] П[етрович] поручил Трескину между прочим урегулировать счетоводство, привести в порядок прежний хаос, завести главную книгу. Но главную книгу вести не удалось за отсутствием необходимых документов. Трескин — молодой человек, окончивший курс в Практическ[ой] акад[емии]³¹. Видя, что главную книгу завести нельзя, Н[икита] П[етрович] поручил Трескину вести месяцеслов, вырезывание из газет и торговый отдел. Впоследствии Трескин вёл «периодическую печать», т.е. излагал в сокращённом виде передов[ые] статьи других газет. В редакцию стало поступать множество писем, касающихся текущей московской жизни, что и немудрено: «Русские вед[омости]» не обращали внимания на такого рода письма, не говоря уже о quasi солидных «Моск[овских] вед[омостях]». Ник[ита] же Петр[ович] не пренебрегал никаким письмом, как бы оно безграмотно ни было написано; в исправленном виде наиболее дельные письма печатал и отвечал на них своими статьями, написанными прост[ым] слогом, без всякой вычурности. Передовые статьи приняли вид «беседы» редактора с публикой, результат такого оригинального нововведения был, можно сказать, блестящий: в какое-нибудь 1/2-годие «Совр[еменные] изв[естия]» перегнали «Русск[ие] вед[омости]», стали в Москве более популярны. Дела были хороши...

К 1869 году помещение для типографии, особенно для наборной, оказалось недостаточным при увеличенном формате газеты³² и числе набор-

щиков. Осенью сего года Н[икита] П[етрович] снял целый дом Игнатьева в Ваганьковском пер[еулке]³³. В этом доме было что-то роковое. Никита Петрович по переезде туда погрузился в иностранный отдел. Передовые статьи по текущим внутренним вопросам, нравящиеся всем слоям общества простотой изложения, точностью выражений, отсутствием иностранных слов и хрии³⁴, заменились статьями о положении дел в чужих землях. Кстати сказать, что статьи Каткова редко были чужды риторики и передача их содержания могла быть делаема при помощи ножниц. «Главное, надо вырезать средину, — говорил покойный П.А. Гиляров, — в середине весь центр тяжести, вся ярость катковская». — «Масса иностранных слов³⁵ показывает скорее тупоумие», — говорил один профессор. Погружение в иностранный отдел повредило дальнейшему распространению издания; начала понемногу убавляться «розничная продажа»; а полугодичная подписка ярко показала, что редактор пошёл не по тому пути, по коему следовало бы идти. Поезд сошёл с рельсов.

К счастью, началось разбираться громкое дело «игуменьи Митрофании»³⁶. Стенографический отчёт по этому делу, напечатанный объёмистой книгой с портретом обвиняемой³⁷, раскупали нарасхват, дела несколько поправились. Между тем в городе стали ходить слухи, что в «Сов[ременных] изв[естиях]» работает «всё бабё»; почтенные знакомые, как, напр[имер], Аксаков³⁸, перестали посещать Н[икиту] П[етровича], а навещал один Юрьев³⁹, болтавший всякий политический вздор. «Медный пятак, натёртый в мешке с золотыми», — отзывался про С[ергея] А[ндреевича] некий Зарин (бывший когда-то изв[естным] адвокатом и писавший теперь изредка статьи)⁴⁰, человек, впрочем, очень злоязычный и ядовитый. Статьи его были резки, порезче «Мишиных»⁴¹. З[арин] терпеть не мог Каткова. В одной (разумеется, ненапечатанной) статье, присланной в редакц[ию], З[арин] называл почтенного М[ихаила] Н[икифоровича] поляковским⁴² холуём и взяточником, перемётной сумой: «Этот холуй, когда Поляков ещё не давал “гамзы”⁴³, ругал жидов, а после “калыма”, хотя бы в виде дома для Лицея⁴⁴, лжепатриот стал лебезить, развезжал с жидом в экстренных поездках по жидовск[им] дорогам с кулями вин и закусок».

* * *

Стали ходить слухи о предстоящей войне Франции с Пруссией. Юрьев со свойственной ему честной горячностью предрекал гибель Пруссии, распадение «Северо-Герм[анского] Союза»⁴⁵. Н[икита] П[етрович] не предрекал исхода войны, а умно сделал, что согласился, когда была объявлена война, на предложение Н.В. Волоцкого⁴⁶, отставного военного, служившего у Н[икиты] П[етровича] секретарём, писать «военные догадки». «Догадки» имели громадный успех, тем более что оправдывались. Подписчиков в контору являлось так много, что 2 конторщицы не в силах были записывать адреса и пр. (принимать подписку, говоря конторск[им] язык[ом]), пришлось принанять *мужчин* (sic). Практичный человек понял бы, что наплыв подписчиков в данное время — явление скоропреходящее, но Н[икита] П[етрович] полагал, что и далее так будет идти дела.

— Раз уже заручились подписчиками, их колом не отшибёшь. Вы поняли своё призвание быть руководителем мнений образованного общества, а не лавочников и трактирщиков, с которыми беседовали в передовых, грустно вспомнить, статьях. У вас не бывает Аксаков, не заезжает Помпей Николаев Батю[ш]ков⁴⁷ и другие. Отчего? Писали ли вы статьи в «Моск[овские] вед[омости]» и в «Москву»⁴⁸ о кабаках? Европа важнее трактира. Над вами надсмехаются, вас срамят.

Окончив такую речь, представит[ельница] женского труда С[ковронс]кая принесла в кабинет № журнала «Развлечения» с фельетоном «мичмана Жевакина» (покойный Вашков, недавно умерший⁴⁹ сотр[удник] в посл[едствии] «Моск[овского] лист[ка]»⁵⁰), в котором осмеивалась статья Н[икиты] П[етровича] по вопросу о пьянстве⁵¹. «Беседа мичмана Жевакина с публикой» начиналась стихами:

Вам скажу, друзья, отменная
Мне попала статья,
Лишь «Известья современные»
Взял намедни в руки я.
Склад ума нашёл оптовый я
Там в статье передовой,
Еле мысли те грошковые
Я осилил головой!⁵²

374 В перед[овой] статье Н[икита] П[етрович] рекомендовал розги как одно из самых действ[енных] средств против пьянства⁵³.

Россия просветится
В том веке золотом
И сам Китай прельстится
Гиляровским кнутом...⁵⁴

— Хорошо! Я вам принесу ещё номер, где вы... нарисованы в халате и опорках⁵⁵.

Н[икита] П[етрович] посмеялся, полагать надо, не от души. Приведённые глупые стихи, разумеется, нисколько не обидны, но обидно начальство лезть в кабинет с тем, за что бы Катков наклепал по шее.

* * *

В доме Игнатьева женский персонал сотрудниц и приятельниц С[ковронс]кой достиг почтенной цифры 20. Военный догадчик, обменявшись пощёчинами со С[ковронс]кой из-за молоденькой корректорши, покинул занятия в редакции, и его место секретаря занял бывший прикащик в синодальной книжной лавке, выпертый оттуда, оклеветанный в краже книг и очищенный формальным следствием⁵⁶. Жил да был в Москве прогорелый помещик Шумов⁵⁷, растранивший своё состояние картёжничеством и сладострастием. Сей бонвиван одумался, когда остался кусочек мяса, две дочери в поре замужества и развалющая фабрика с допотопной конструкции машинами. Служила в редакции переписчицей такая

Анна Александр[овна] Лебедева: Лебедев и Лебедева, только однофамильцы, сделались друзьями по какой-то причине закадышными. Два приятеля решили во что бы то ни стало «всучить» Гилярову фабрику и для этой цели просили «представительницу женского труда» закинуть удочку на Ник[иту] Петр[овича]. Удочка была закинута, и Лебедева была приглашена в кабинет редактора.

— Давно я думала предложить вам приобрести за бесценок писчебумажную фабрику от одного знакомого разорившегося помещика.

— Я только что типографию свою завёл. Типография отвлекает от прямого дела. Лучше бы было печатать газету в чужой, меньше хлопот, а тут ещё фабрика.

— Ах, Никита Петр[ович]! — заговорила Лебедева густым басом. — Если бы я имела хоть небольшой капитал и кредит, купила бы эту фабрику и перепродала бы хоть её. Одной земли 30 десятин. Фабрика — клад. Мы с Павлом Александр[овичем] высчитывали, сколько вы переплачиваете бумажным торговцам⁵⁸, и пришли в ужас!

— Однако ни Катков, ни Скворцов⁵⁹ не печатают газету на своей бумаге.

— Катков, Н[икита] П[етрович], на содержании у казны⁶⁰, а Скворцов — пустой человек. С вашим умом да не справиться с фабрикой на полном ходу! На фабрике есть управляющий, служащий более 25 лет. Если вы съездите на фабрику, ахнете и попомните Анну Лебедеву, преданную вам, как и все мы, живущие под вашим крылом угнетённые женщины... Фабрика находится в одной только версте от города Рузы и от станции железной дороги в 21 версте⁶¹. Благодарности за сватовство я не потребую, я не комиссионер.

— А вы видели фабрику?

— Видала не раз. Я, как женщина, в машинах толку не знаю; а местоположение восхитительное... Я бывала в имении Шумова.

Удочка была закинута, и удачно. Н[икита] П[етрович] решил съездить посмотреть фабрику в один прекрасный и морозный день, когда путь был очень удобен от станции ж[елезной] д[ороги]. Фабрика, по всей вероятности, очень понравилась во время действия; вырабатывалась обёрточная бумага. Н[икита] П[етрович] принялся по приезде высчитывать барыши от собствен[ной] бумаги⁶².

* * *

Никита Петрович по чьей-то рекомендации взял в управляющие какого-то Иванисова⁶³, ровно ничего не знающего в типографском деле, актёра⁶⁴, человека льстивого и вертлявого. Иванисов растратил 5000 руб[лей] подписных денег и затем оказался беглым из Сибири. Иванисов, между прочим, казался Н[иките] П[етровичу] очень деловитым человеком, на все руки мастером. Кроме воровства, он показал свою деловитость ещё практичным весьма предложением Н[иките] П[етровичу]:

— Контора, Н[икита] П[етрович], слишком велика и дорого обходится; не угодно ли, я сделаю так, что она вам будет обходиться даром.

— Я не совсем понимаю вас...

— Тут понимать нечего: у меня есть приятель Желтов⁶⁵. Желтов хочет открыть книжную торговлю при конторе редакции, или [будет] контора при книжной торговле; дело подходящее, так сказать, интеллигентное. Желтову всё равно: платить вам или другому за комнату, а такого бойкого места, как около Моск[ворецкого] моста, ему не найти, не говоря [о том], что тут вблизи нет ни одной книжной лавки.

Н[икита] П[етрович] согласился. Желтов напечатал большие вкладные листы для рассылки иногородним подписчикам при газете с рекламами о новоизданных книгах, коих и на свете не существует. «Огрев» такими объявлениями многих провинциалов, Ж[елтов] скрылся, оставив Н[иките] П[етровичу] старые, для виду, книги на полках и долги, кои уплатил Н[икита] П[етрович].

Примечания

¹ Нил Андреевич Основский (1816–1871), второстепенный литератор и книгоиздатель.

² Еженедельная «политическая и литературная» газета «Московский вестник» издавалась с 1859 года под редакцией Н.А. Основского и очеркиста Н.Н. Воронцова-Вельяминова; в феврале 1861 года слилась с газетой «Русская речь».

³ Гиляров цензуровал «Московский вестник» по долгу службы: с 23 мая 1856 года по 11 августа 1862 год он являлся членом Московского цензурного комитета.

⁴ «Русские ведомости», московская газета либерального направления, издавалась тогда 5 раз в неделю Н.С. Скворцовым (см. о нём ниже примеч. 59). 12 октября 1867 года Гиляров писал своему приятелю К.П. Победоносцеву (будущему обер-прокурору Св. Синода): «В дешёвой ежедневной газете у нас нуждаются, и нуждаются страшно. Доказательство: “Русские ведомости” (что может быть их ничтожнее?) имеют 16 000 подписчиков и получают сверх того с одних объявлений 6000 рублей» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 457. Л. 6, 6 об.).

⁵ Опасения Основского были вызваны тем, что он в своё время (в 1862 году) был замешан в шумном скандале, сопровождавшем издание им четырёхтомника сочинений Тургенева (Гиляров выступил тогда одним из трёх посредников в третейском суде над обвинявшимся в жульничестве Основским), к тому же последний не имел высшего образования (необходимый в тот период образовательный ценз), — поэтому он сам и не надеялся получить разрешение на издание газеты.

⁶ Вера Алексеевна Гилярова-Платонова (урожд. Богданова), дочь московского протоиерея, жена Гилярова с 1850 года.

⁷ М.С. Скворонская (о ней ниже см. примеч. 20) вспоминала: «...Гиляров-Платонов не имел охоты издавать газету и желал, чтобы ему не дали разрешения. Он говорил мне, что поехал в Главное управление по делам печати нарочно в понедельник, как в день тяжёлый, но разрешение на издательство дано ему было в тот же день» (*Скворонская М. Быль и думы. М., 1900. С. 343*).

⁸ Гиляров подал прошение издавать ежедневную газету «Современные известия» 31 августа 1867 года. В письме к А.С. Суворину от 23 августа 1872 года он сообщал: «Теперь я оказываюсь газетным издателем, но, в сущности, я этого никак не ожидал. Один господин, теперь уже умерший, упросил меня: 1) подать просьбу об издании газеты и 2) принять на себя, так сказать, домашнюю цензуру вместе с составлением двух-трёх статей в месяц. Хозяйственная часть и вся редакция не должна была лежать на моих плечах. Деньги на издание были обещаны. Но случилось — всё пух, и издание всё оказалось на моих плечах, так что после

заявленного имени моего даже отступление было невозможно» (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 79. Л. 6 об.). «Один господин», упомянутый Гиляровым, — Основский.

⁹ Более подробных сведений о Ковальском разыскать не удалось.

¹⁰ Дачный участок Гиляров приобрёл к северо-западу от Москвы «по Ивановскому шоссе к Петровскому-Разумовскому» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 519. Л. 1) 1 января 1868 года — в «оброчное содержание» — у Хозяйственного комитета Петровской земледельческой и лесной академии. Это была «полоса земли в двести двенадцать квадратных сажен» с ежегодной оплатой в 4 рубля 24 копейки (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66). Позже здесь был возведён дом. Станция Петровское-Разумовское располагалась на железнодорожной линии Петербург-Москва (ныне в черте города).

¹¹ Первый адрес «Современных известий»: Москворецкая ул., д. 8. (В 30-х и 60-х годах XX столетия вся застройка этой улицы была уничтожена.) М.С. Скворонская, поступившая на службу в редакцию 6 февраля 1868 года, позже вспоминала: «Контора, типография и редакция “Современных известий” помещались тогда у Москворецкого моста, в доме Купеческого общества. Для газеты квартира эта была не велика: прежде в ней жила портниха. Контора занимала первую маленькую комнату; в следующей, в два окна, помещалась вся наборная; в тёмной средней комнате стояла печатная машина, и самая редакция ютилась в очень маленькой комнате в одно окно возле кухни; в неё пробирались около машины. Склад бумаги и помещение конторщика были на антресолях. Всю середину редакционной комнаты занимал стол, вокруг которого размещено было пять стульев. Тоненькая перегородка, отделявшая кухню от редакции, образовывала небольшую амбразуру, вмещавшую в себя только диван для приёма посетителей» (Скворонская М. Быль и думы. С. 283).

¹² Должность управляющего Московской Синодальной типографией Гиляров исполнил с 20 августа 1863 года по 14 августа 1868 год.

¹³ Речь идёт о детях Александра Васильевича Богданова, приходившегося двоюродным братом жене Гилярова. О нём см. в мемуарах «Из пережитого» (Русский вестник. 1885. Т. 178, июль. С. 367–368). Сохранилось письмо Гилярова к Основскому от 2 января 1868 года с требованием передать все конторские книги, счета, адреса подписчиков и проч. братьям Богдановым. Здесь же упоминается прежний конторщик — некий Елагин (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 452. Л. 5, 5 об.).

¹⁴ Других сведений о братьях Колешковых разыскать не удалось.

¹⁵ Об этом первом переводчике вспоминала М.С. Скворонская: «Иностранные известия присылались в типографию часов в 10 или 11 вечера, набросанные карандашом на клочках бумаги кончавшим курс студентом Серебренниковым, который писал их в кондитерской Трамбле, где получались французские газеты. Наша же редакция иностранных газет не выписывала» (Скворонская М. Быль и думы. С. 283–284). Вскоре сама Скворонская стала составительницей зарубежной хроники. Кондитерская Трамбле, знаменитая как место, где днём собирались московские балетоманы, находилась на Кузнецком мосту.

¹⁶ Алексей Афанасьевич Александров — экзекутор (т.е. чиновник, ведавший хозяйственной частью) и смотритель за домом Московской Синодальной типографии в 60–70-х годах XIX столетия.

¹⁷ Возможно, имеется в виду приятель Гилярова по Московской Духовной семинарии Пётр Алексеевич Бессонов (1827–1898), впоследствии известный фольклорист и этнограф, историк литературы, издатель и собиратель народных песен. Бессонов вынужден был уйти в 1865 году из Синодальной типографии из-за скандала. В дневнике князя Н.В. Шаховского под 1 сентября 1893 года записано: «Ф.А. [Гиляров] утверждает, что Бессонов нравственно нечистопл[отно] вышел из Синод[альной] типографии, что он зачитыв[ал] там книги и рукописи и будто даже едва

ли не хапнул; что Никита его выпер...» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 49. Л. 45 об.). Действительно, в архиве Гилярова сохранился «Реестр книг и рукописей, взятых советником г. Бессоновым из Типографской библиотеки в разное время», включающий 14 книг 1625–1837 годов издания, а также 8 рукописей и 9 «картин при книге венчания на царство Михаила Фёдоровича» (Там же. Ед. хр. 347. Л. 1–2).

¹⁸ Отставка Гилярова была вызвана рядом причин, и прежде всего недовольством начальства его публицистической деятельностью и его противодействием передаче части типографских помещений для использования их в коммерческих целях (в частности, строительства гостиницы «Славянский базар» на том месте, где ещё сохранялись стены древних памятников). Непосредственным же поводом стали распространявшиеся недоброжелателями Гилярова сплетни, будто он незаконно использует шрифты Синодальной типографии, а также труд её рабочих при издании «Современных известий». Гиляров писал К.П. Победоносцеву 8 ноября 1883 года: «...когда в “Петербургской газете” явился на меня клеветнический пасквиль, составленный теперешним издателем “Московского листка” [Н.И. Пастуховым], и я, с просьбою оградить мою честь судом, подал прошение об отставке, начальство с жадностью ухватилось за мою просьбу об отставке и поспешило удовлетворить её, а взамен суда ограничилось самым сухим, в пяти строчках, отрицанием клеветы» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 462. Л. 4 об.). Упоминается неподписанная корреспонденция, опубликованная в № 87 «Петербургской газеты» за 1868 год.

¹⁹ Дальнейшая судьба Кроткова и Лазарева неизвестна.

²⁰ Мария Савельевна (Каверцовна) Сковронская, во втором замужестве Богуславская (1840 — не ранее 1903), прозаик, журналист; в 1868–1877 годах сотрудница газеты «Современные известия», позднее — изданий «Русский курьер», «Друг женщины», «Наблюдатель» и др.

²¹ Василий Егорович Румянцев (1822–1897), магистр Московской Духовной академии, которую окончил на курс ранее Гилярова, в 1846 году; инспектор Московской Синодальной библиотеки; археограф, историк.

²² «Кёльнская газета» («Kölnische Zeitung») — одно из старейших немецких изданий (основано в 1762 году), считавшееся особенно авторитетным; выходила трижды в день, орган национал-либералов.

²³ Испорченное франц. *dictionnaire* — словарь.

²⁴ Пётр Александрович Гиляров (1830–1876), сын старшего брата Н.П. Гилярова, чиновник, сотрудник московских газет.

²⁵ Например, в 1875 году корректорами «Современных известий», наряду с автором настоящего мемуара Н.Н. Гиляровым, служили сёстры Эпштейн, Анна (в замужестве Гальперсон) и Юлия (в замужестве Денисова).

²⁶ Имеется в виду падежная форма *Gemahlin* (с супругой), которая пишется, как и любое существительное, согласно немецкой орфографии, с прописной буквы. Граф Винченцо де Бенедетти (1817–1900) — французский дипломат.

²⁷ Ошибка основана на омонимии: *porte* — ворота (*франц.*); *Порта* — принятое в европейской печати наименование правительства Османской империи.

²⁸ Подворьями в Москве в XIX веке по-старинному назывались не только монастырские «представительства», но и гостиницы для приезжих, постоялые дворы. Сковронская связывает этот переезд с увольнением Гилярова: «Осенью Н.П. Гиляров-Платонов получил отставку от должности начальника Синодальной типографии и переселился на Смоленское подворье, в тот же дом, где были контора и типография “Современных известий”. Сотрудники заняли там же меблированные комнаты» (*Сковронская М. Быль и думы. С. 292*).

²⁹ Василий Иванович Трескин (начало 40-х годов — 1883) — автор пособий по коммерции и бухгалтерскому учёту: «Справочная коммерческая книга: Практическое и теоретическое руководство для занимающихся торговыми делами» (М.,

1866) и «Торговый сборника» (М., 1867). Отсюда понятно, почему именно ему Гиляров поручил наладить счётную часть в конторе газеты. Кроме того, Трескин в типографии «Современных известий» отпечатал свой водевиль «Комедия в комедии» (М., 1874).

³⁰ Свою «политическую и литературную» газету «Русский» литератор и историк Михаил Петрович Погодин (1800–1875) издавал в 1867 (еженедельно) — 1868 (ежедневно) годах; он предлагал Гилярову слить два издания, но тот не согласился.

³¹ Московская Практическая академия коммерческих наук была основана в 1810 году. Трескин окончил её в 1863 году и при выпуске был удостоен звания личного почётного гражданина (см.: Московская Практическая академия коммерческих наук. 100 лет: 1810–1910. М., [1910]. С. 751).

³² С 1-го номера 1869 года «Современные известия» печатались, как и большинство ежедневных газет, форматом в лист; ранее — в пол-листа.

³³ Владельцем дома в Ваганьковском переулке был не сам граф Николай Павлович Игнатъев (1832–1908), дипломат, в тот период посол в Константинополе (1864–1877), позже — министр внутренних дел (1881–1882), а его жена Екатерина Леонтьевна (урожд. княжна Голицына) (1842–1917). Вскоре, однако, у дома сменился владелец, о чём Гиляров 13 ноября 1874 года сообщал сыну Николаю, обучавшемуся тогда в Киеве: «Нового у нас ничего нет, кроме одной, очень серьёзной новости: Игнатъевский дом продан за 55 000. Предлагали купить мне, и это было бы выгодно, но по безденежью и с расходами, которых требует фабрика, ещё затевать новое предприятие было бы страшно» (ОР РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 397. Л. 3).

³⁴ *Хрия* (от лат. *chria* — предмет обсуждения, вопрос, тема) — в риторике речь, рассуждение на заданную тему, составленные по определённым правилам.

³⁵ Любопытно, что спустя год после того как Гиляров приступил к изданию своей газеты, он опубликовал «Письмо к редактору» (подписано криптонимом «М. Св-в»), автор которого протестовал против употребления иностранных слов в повременных изданиях и при этом отмечал: «Конечно, этою французской болезнью по преимуществу начал страдать наш русский язык по милости редакции “Московских ведомостей”, которая заразила собою и другие журналы и газеты, в том числе и Вашу...» (Современные известия. 1868. 26 дек. № 355. С. 1). На этот вызов Гиляров ответил обширной передовой, где рассуждал о философских основах языка (Там же. С. 1–2). Вместе с тем, по воспоминаниям сотрудницы «Современных известий», редактор требовал даже, чтобы «язык переводов был без примеси иностранных слов» (*Сковронская М.* Быль и думы. С. 325).

³⁶ Речь идёт об основательнице и игуменье (с 1861 года) Покровской епархиальной общины сестёр милосердия Митрофании (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен (ок. 1826–1899), фрейлина Императорского двора). В начале 1873 года во многом благодаря принципиальности Гилярова были преданы широкой гласности её неблагоприятные дела — подделка завещаний, векселей и других денежных документов, совершавшиеся, правда, ради материального преуспевания её обители. Судебное заседание происходило в Московском окружном суде 5–18 октября 1874 года; подробнейшие отчёты публиковались, в частности, и в «Современных известиях».

³⁷ Имеется в виду издание с сопроводительной статьёй самого Гилярова: Дело игуменнии Митрофании с её портретом и со снимками почерков на документах, подлежавших экспертизе: Подробный стенографический отчёт, составленный Е.П. Забелиной (М.: Из-во «Современных известий», 1874. [2], XIV, 196 с.). Гиляров сообщал сыну Николаю в уже упоминавшемся письме в Киев от 13 ноября 1874 года: «Мы издали книгу о процессе Митрофании, с её портретом и со списком почерков. Это ещё несколько подспорило: в три дня разошлось 700 экземпляров; что будет дальше, неизвестно» (ОР РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 397. Л. 3 об.).

³⁸ Подразумевается славянофил Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886), публицист, поэт, журналист-издатель; близкий друг Гилярова с середины 50-х годов XIX столетия. По свидетельству М.С. Сковронской, Аксаков в конце 60-х годов «прекратил все сношения с редактором “Современных известий” года на два» из-за того, что Гиляров помещал в своей газете рекламные объявления о продаже книги Ф.В. Ливанова «Острожники и раскольники», в которой задевалась честь купцов-старообрядцев — аксаковских друзей и компаньонов (см.: *Сковронская М.* Быль и думы. С. 209).

³⁹ Сергей Александрович Юрьев (1821–1888), критик, издатель, председатель Общества любителей российской словесности (с 1878 года); приятель Гилярова.

⁴⁰ Ефим (Евфимий) Фёдорович Зарин (Зорин) (1829–1892) — литературный критик либерального направления, переводчик, поэт; «известным адвокатом» не был, но в молодости подрабатывал ходатаем по тяжёлым делам и с конца 60-х годов XIX столетия вернулся к юридической практике.

⁴¹ Речь идёт о критике и публицисте консервативного направления Михаиле Никифоровиче Каткове (1817 или 1818–1887), издававшем журнал «Русский вестник» (с 1857 года) и газету «Московские ведомости» (с 1863 года). С ним Гиляров во второй половине 50-х — в 60-х годах XIX столетия находился в приятельских отношениях, а позднее тот не раз становился мишенью довольно язвительной критики «Современных известий» за подчас обскурантистское содержание передовиц арендовавшихся им «Московских ведомостей», о которых Гиляров наиболее откровенно высказался в письме к К.П. Победоносцеву от 24 октября 1880 года: «Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина — вот был их идеал». Там же о самом редакторе: «При своём несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 461. Л. 1, 2 об.).

⁴² Имеется в виду железнодорожный концессионер Самуил Соломонович Поляков (1837–1888), построивший Курско-Харьковскую, Харьковско-Азовскую, Козлово-Воронежско-Ростовскую, Орлово-Грязскую, Фаустовскую и Бендеро-Галацкую дороги. М.Н. Катков всемерно поддерживал в своей газете «Московские ведомости» все эти проекты, убеждая своих читателей в их общенациональной значимости.

⁴³ *Гамза* (букв.: кошелёк) — деньги.

⁴⁴ Здание для Императорского в память цесаревича Николая (Катковского) лицея, основанного в январе 1868 года на средства М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, удалось приобрести благодаря щедрому пожертвованию С.С. Полякова (400 тыс. рублей). Это был Летний дворец Великой княгини Елены Павловны на ул. Остоженке, д. 53, с обширным земельным участком (сгорел при строительстве основного учебного корпуса) (см.: *Любимов Н.А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга, по документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С. 351). Ныне здесь Университет международных отношений (МГИМО). Следует, однако, сказать, что Поляков немалые средства жертвовал и на другие учебные заведения: женские гимназии в Западном крае, Петербургский университет, училище барона Дельвига и др. (всего свыше 2 млн рублей).

⁴⁵ Речь идёт о событиях, предшествовавших Франко-прусской войне 1870–1871 годов. Северо-Германский Союз — в 1867–1870 годах федеративное государство к северу от р. Майн под гегемонией Пруссии, ставшее важным этапом в процессе объединения всей Германии.

⁴⁶ Николай Викторович Волоцкой (1842–1905) — автор ряда пособий по военному делу: «Ружейный огонь в бою» (М., 1880), «Патронный вопрос» (М., 1884), «Боевые свойства новых ружей» (М., 1888), а также публицистических брошюр «Военные заметки» (М., 1882) и «Военные письма» (М., 1883).

⁴⁷ Помпей Николаевич Батюшков (1810–1892) — историк, этнограф; младший брат поэта.

⁴⁸ Газета «Москва» издавалась И.С. Аксаковым в 1867–1868 годах. Гиляров сообщил князю Н.В. Шаховскому 2 февраля 1886 года: «Когда Аксаков начал издавать “Москву” и предложил мне писать руководящие статьи с неограниченной властью (я и писал их) <...> Немногие знали даже, что некоторые из самых серьёзнейших передовых принадлежали мне» (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 502. Л. 15 об.).

⁴⁹ Иван Андреевич Вашков (1846–1893) — второстепенный прозаик и поэт. По этому указанию («недавно умерший») можно приблизительно датировать очерк Н.Н. Гилярова 1893 годом, в начале которого (26 марта) скончался Вашков. Под псевдонимом «мичман Жевакин» он выступал на страницах журнала «Развлечение» с января 1872 года. Сотрудником газеты «Московский листок» стал в 1882 году.

⁵⁰ «Московский листок» — ежедневная газета, издававшаяся с 1881 по 1911 год бывшим сотрудником гиляровских «Современных известий» Н.И. Пастуховым. Гиляров в письме к И.Ф. Романову-Рцы от 13 ноября 1886 года назвал её в числе «двух уличных листков, которые, лстя грязным вкусам публики, сразу отняли <...> свыше сорока тысяч прихода...» (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сб. статей и материалов. Коломна, 2007. С. 280).

⁵¹ Речь идёт о передовице: Москва, 20 апреля // Современные известия. 1872. 21 апр. № 107. С. 2.

⁵² [Вашков И.А.]. Беседы мичмана Жевакина с публикой. Беседа пятнадцатая // Развлечение. 1872. № 17. 6 мая. С. 267. У Вашкова: «...мысли те громвые...», а не «грошовые».

⁵³ Имеется в виду следующий пассаж из статьи Гилярова: «...мы не стали бы спорить даже против грубого телесного наказания. Проступок таков, скотский, что и мера против него по праву может быть употреблена приличествующая для скотов <...>. И вдобавок, по нашему крайнему разумению, не следовало бы допускать никаких изъятий ни для пола, ни для привилегированных сословий».

⁵⁴ Развлечение. 1872. № 17. 6 мая. С. 268.

⁵⁵ Имеется в виду карикатура, изображающая двух помещиков, один из которых действительно похож на Гилярова (Развлечение. 1872. № 21. 3 июня. С. 328). Внизу — следующий диалог: «Не поверишь, мой друг, что за народец! Ни угрозой, ни просьбой ничего не поделаешь». — «Пороть надо!» — «Пороть? Но разве ты не знаешь, что розги запрещены?» — «Ну так лупи арапником» (автор Н.П. К[ичее]в).

⁵⁶ Павел Александрович Лебедев был владельцем типографии на Донской улице и одновременно служил секретарём редакции «Современных известий» в 70-х годах XIX столетия.

⁵⁷ Николай Иванович Шумов, штабс-ротмистр, помещик с. Брынково Рузского уезда Московской губернии.

⁵⁸ Основным мотивом, побудившим увлекающегося Гилярова приобрести писчебумажную фабрику, стала надежда на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Скворцова, А.С. Суворина, П.И. Бартенева и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал. См. письма Гилярова к Суворину от 27 апреля 1873 года и 16 февраля 1877 года (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 2–3 об., 6–7 об.).

⁵⁹ Николай Семёнович Скворцов (1839–1882) — редактор (с 1864 года), а позже (с 1867 года) и издатель «Русских ведомостей» (см. примеч. 4).

⁶⁰ «Московские ведомости» арендовались издателем у Министерства народного просвещения и были обеспечены обязательными казёнными объявлениями, которые давали значительный доход.

⁶¹ В «Описи Брынковской писчебумажной фабрики», составленной в связи с её покупкой Гиляровым, так определялось «положение имения»: «Фабрика находится Московской губернии Рузского уезда при селе Брынкове в 1¹/₂ верстах от

города Рузы, в 22 верстах шоссеиного пути от Шёлковской станции на Московско-Смоленской железной дороге и в 100 верстах от Москвы по гужевому тракту» (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66. [№ 6]. Л. 1).

⁶² В результате этого, можно сказать, мошеннического сговора 12 июля 1873 года заведомо убыточная фабрика была куплена Гиляровым, причём втридорога — за 50 тысяч рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя) (РО ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 66. [№ 10]. Л. 1–2 об.). Предприятие это доставило много головной боли своему новому владельцу: оно приносило одни убытки и, наконец, в 1884 году было продано с молотка за бесценок по требованию кредиторов.

⁶³ Аркадий Владимирович Иванисов-Резеда (ок. 1840–1876) служил управляющим редакцией «Современных известий» с весны 1869 года, до этого редактировал астраханскую газету «Восток»; промышленлял мошенничеством; в конце жизни сошёл с ума, скончался от чахотки в остроге.

⁶⁴ Экс-актёра, бывшего артиста.

⁶⁵ Возможно, имеется в виду малоизвестный московский книгопродавец и издатель Иван Михайлович Желтов (?–1890). См.: Реестр книгам, продающимся в Москве И.М. Желтовым. М., 1856.

Публикация и примечания
Андрея ДМИТРИЕВА

НАШИ УТРАТЫ

15 сентября 2008 года на 68-м году жизни трагически погиб талантливый краевед, юрист, публицист, писатель **Валерий Александрович Ковалёв**.

Человек потрясающе красивой души, автор занимательных книг о милиции, он был известен коломенским читателям как беспристрастный, объективный рассказчик о своём родном крае. Валерий Ковалёв был глубоко порядочным, совестью, с русским сердцем человеком. Он

всегда со вниманием и со знанием дела относился к начинающим авторам.

У Валерия Ковалёва был особенный дар: он умел открывать прошлое. Но не как обычный краевед. В его очерках история обретала живость. Через какие-то любопытные, а иногда и комические детали давно ушедшее время приближалось к нам и становилось своим.

«Коломенскому альманаху» будет тяжело без Ковалёва. Он бескорыстно делился открытиями, своей лёгкой прозой. И вот теперь нам придётся привыкать к работе без его поддержки.

С уходом Валерия Ковалёва в Коломне стало меньше света. Вечная ему память!

Коллектив редакции

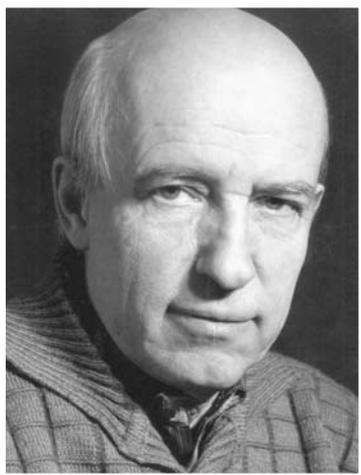

РОДИМАЯ
СТОРОНА

Графика Василины Королёвой

Анатолий Иванович Кузовкин родился 18 августа 1939 года в Москве. Осенью того же года переехал с родителями в Коломну, которая стала для него родной и близкой. Здесь окончил среднюю школу, а после трёхлетней армейской службы на Южном Урале — Коломенский педагогический институт, исторический факультет. С 1965 года и по сей день работает корреспондентом газеты «Коломенская правда».

Член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, известный краевед. С 1973 года издано более пятидесяти его книг, брошюр и буклетов о Коломенском крае и коломенцах.

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

ЧЕРКИЗОВСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Фамилию «Шервинский» я впервые услышал сорок с лишним лет назад. В осенний вечер 1961 года чуть ли не полгруппы студентов-первокурсников исторического отделения историко-филологического факультета Коломенского пединститута пришли на первое заседание исторического кружка. Вёл занятие инициатор создания кружка, кандидат исторических наук доцент Григорий Петрович Ефремцев. Его знали не только как учёного, педагога, но и как одного из ведущих в городе краеведов. Брошюры, в которых он рассказал о событиях двух революций в Коломне (1905 и 1917 годов), я прочитал, знал, что их автор усиленно собирает материалы по истории старейшего коломенского предприятия — тепловозостроительного завода имени В.В. Куйбышева; рассказ о нём и настроился услышать от преподавателя. А Григорий Петрович обратил внимание студентов на то, что в городе кроме знаменитого Коломзавода имеется немало предприятий с богатой историей и они ждут исследователей; что в нашем районе немало древних сёл и с ними связаны имена известных в стране людей. Так я впервые узнал, что в селе Васильеве погребены многие представители рода графов Санти, что село Мячково некогда принадлежало первому русскому генералиссимусу Алексею Семёновичу Шейну. Особое внимание Г.П. Ефремцев обратил на село Черкизово, которое в XIV веке принадлежало великому московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Почти два столе-

тия владели им князья Черкасские. Назвал преподаватель и ещё несколько человек, имеющих к Черкизову отношение.

Со школьных лет я увлекался историей, поэтому многие фамилии, названные Григорием Петровичем, были мне знакомы. А вот про профессора медицины Шервинского раньше ничего не слышал. «В своё время это был хорошо известный врач, — подчеркнул Ефремцев. — Он владел имением в Черкизове. Бескорыстно лечил крестьян окрестных сёл, а в Москве — видных людей: писателей, артистов, государственных деятелей и даже первого Председателя Совнаркома Российской Федерации Владимира Ильича Ленина. Об этом я услышал от одного из старожиллов».

Преподаватель нацелил кружковцев на изучение истории коломенских улиц. Я взялся собрать материалы о кремлёвской улице Советской (которая некогда называлась и Брусенской, и Почтовой), потому что жил рядом с ней. Через несколько месяцев написал курсовую работу «История улицы Советской», потом переключился на другие краеведческие темы — по истории педагогического института, текстильных фабрик города Озёры.

А до поиска материалов по истории Черкизова руки не доходили, хотя желание такое было. Богатая история села привлекла меня ещё в начале 50-х годов, когда я два лета подряд отдыхал в пионерлагере в соседней деревеньке Дуброве и нас водили в Черкизово на экскурсию, в клуб на просмотр кинофильмов...

Года через полтора после окончания института мы с женой случайно встретили Г.П. Ефремцева недалеко от пединститута. Он поинтересовался нашей работой:

— Анатолий, по публикациям в газете чувствую, вы всерьёз занялись освещением проблем сельского хозяйства (в то время я работал в редакции газеты «Коломенская правда» корреспондентом сельскохозяйственного отдела). А что же история — побоку? Забыли, что вы историк по образованию?

— Нет, не забыл, Григорий Петрович, готовлю подборки материалов «Край родной».

— Читаю. Интересно. Но нужно бы поглубже освещать некоторые вопросы. И село не забывать, уж коль вы в сельхозотделе трудитесь. История коломенских сёл очень интересная. — И, переведя взгляд на жену, спросил: — А вы где работаете?

— Учителем в Черкизовской восьмилетней школе.

Григорий Петрович оживился:

— Великолепное место. Богатейшая история у села! А какие замечательные люди связаны с Черкизовом! Я слышал, что там на кладбище похоронен профессор медицины Шервинский; рассказывали, что он лечил самого Ленина. Займитесь. Выясните.

Так я вновь услышал от Г.П. Ефремцева фамилию Шервинского.

Алевтина Александровна дала задание ученикам спросить у родителей, что они знают о враче Шервинском. Сведения, которые сообщили ребята, оказались скудными: была усадьба Шервинских недалеко от погоста Старки, от того места, где находится действующая Никольская цер-

ковь, а профессор умер с четверть века назад и вроде бы похоронен на черкизовском кладбище.

Услышал от жены об этом и с ней приехал в Черкизово. Пока она давала уроки, занялся обследованием погоста. Обошёл всё кладбище, но могилу с памятником, на котором была бы написана разыскиваемая фамилия, не встретил.

Горящие газетные дела и другие темы (поиск материалов о земляках — Героях Советского Союза, работа над книгами о кавалерах Золотой Звезды) отодвинули исследование о профессоре Шервинском как бы на второй план. Хотя попытки что-то найти о нём предпринимал. Рассуждал так: если профессор действительно лечил вождя, то какие-то сведения о докторе должны быть в Москве, в Центральном музее В.И. Ленина, в Музее революции, в Институте марксизма-ленинизма. Посетил эти учреждения, но безрезультатно: фамилия Шервинского в картотеках не значилась.

В начале семидесятых газета подключилась к большой работе, связанной с подготовкой к 800-летию юбилею Коломны. Кроме тематических полос «Край родной» мне пришлось готовить и другие материалы, связанные с историей. Созрела мысль создать биографический словарь «Ими гордится Коломна». Стал составлять список людей, биографии которых, по моему мнению, следовало поместить в словаре. И вновь всплыла фамилия Шервинского.

Было это так. Потребовалось уточнить некоторые данные о драматурге Валентине Александровне Любимовой, лауреате Государственной премии, уроженке села Щурова. Взял в библиотеке библиографический словарь «Советские детские писатели» и случайно на 403-й странице обнаружил: «Шервинский Сергей Васильевич (28 октября 1892 года) родился в Москве в семье профессора медицины». По всей вероятности, этот детский писатель — сын разыскиваемого мною Шервинского. Надо побыстрее найти адрес Сергея Васильевича. Книга вышла в Детгизе в 1961 году. Прошло уже шестнадцать лет. Жив ли писатель?

Обратился к коломенскому поэту Александру Фёдоровичу Кирсанову, у которого имелся адресный справочник членов Союза писателей СССР, и тот сообщил домашний телефон Сергея Васильевича. Позвонил, рассказал, в чём дело, и услышал подтверждение, что действительно его отец Василий Дмитриевич Шервинский — известный доктор, профессор медицины, имеет отношение к Черкизову.

Договорились, что встретимся через день, в воскресенье, 8 мая 1977 года.

Большой дом по Фрунзенскому валу, 38, нашёл быстро. Ровно в час дня, как и договаривались, подошёл к двери квартиры. Нажал на кнопку звонка. Звук резкий, громкий. За дверью послышались шаги. Она приоткрылась сантиметров на двадцать, больше не пускала цепочка. Я увидел пожилого сухопарого мужчину чуть выше среднего роста.

— Кузовкин Анатолий Иванович?

— Да. Здравствуйтесь, Сергей Васильевич!

— Здравствуйтесь, Анатолий Иванович! — Он распахнул дверь. — Проходите, проходите, — и показал рукой на открытую из коридора дверь в комнату налево.

*Сергей Васильевич Шервинский.
8 мая 1977 года. Москва.
Фото А.И. Кузовкина*

— Ленина, говорите? — переспросил Сергей Васильевич. — Знаете, Ленина не приходилось. А вот многих известных людей ему довелось наблюдать, и они были очень благодарны отцу. Например, Алексей Максимович Горький. Да, да, Горький, — повторил собеседник в ответ на мой вопросительный взгляд. — Лечил Анатолия Васильевича Луначарского. Председателя ОГПУ Менжинского. Но это уже в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Менжинский был его постоянным пациентом. Когда Вячеслав Рудольфович тяжело заболел, у него спросили: «Может быть, вы хотите с кем-то из западных светил проконсультироваться?» — «Нет, мне, кроме Василия Дмитриевича, никого не нужно».

Я много слышал от отца о его связях с крупными представителями литературы и искусства. Он лечил Владимира Владимировича Маяковского. Это не очень удивительно. Но отец лечил и Ивана Сергеевича Тургенева в Париже, куда был командирован от Московского университета для совершенствования образования. Когда Тургенев узнал, что в Париж приехал русский доктор, пожелал встретиться с ним и получить от него помощь. Во время беседы в одной из комнат первого этажа виллы послышалось пение Полины Виардо. И больной, увядающий писатель преобразился: «Послушайте, Василий Дмитриевич, как поёт. Как поёт!»

Об этом факте в трудах Института литературы Академии наук СССР говорится, — пояснил Сергей Васильевич и продолжил:

Я вошёл и невольно остановился. Не комната жилая, а музей. Шкафы, полки с книгами. На стенах в золочёных рамах — картины известных мастеров девятнадцатого века.

— Садитесь, пожалуйста, — Сергей Васильевич указал на кресло. Себе подвинул другое. Я сел возле стола, заваленного книгами. Между ними стояла пишущая машинка в футляре.

— Ну-с, с чего начнём? — И сам же предложил: — Знаете, давайте так сделаем. Вы спрашивайте, что вас интересует, а я постараюсь ответить. А то как-то трудно сразу сосредоточиться, собраться с мыслями...

— Хорошо. Но вначале, пожалуй, расскажу, как удалось вас найти.

Я кратко поведал историю поиска. В том числе, что узнавал о Василии Дмитриевиче в Институте марксизма-ленинизма.

— А почему там?

— В Черкизове живет легенда, что профессор Шервинский лечил Ленина.

— Отец лечил многих артистов, таких корифеев Малого театра, как Ленский, Федотов, Южин, лечил Ермолову, а потом Станиславского, Москвина — это уже представители Художественного театра.

Некоторое время Сергей Васильевич посидел в задумчивости.

— Я очень обязан отцу. За то, что он дал мне прекрасное образование, создал хорошие культурные условия. Он не был назойлив, не подсказывал, какую избрать специальность, наставлял действовать по собственному разумению.

У него была замечательная черта — с уважением относился к любому человеку, обращавшемуся к нему, из какого бы сословия тот ни происходил. И давал советы не только узко медицинских, но и жизненные. Доверие, доброта, участие в судьбе пациента... Кстати, никогда не брал денег за консультации...

— Люди ценили эти качества, — продолжал Сергей Васильевич. — Сейчас я покажу вам любопытный подарок — альбом, который ему подарили коломенцы. Пройдёмте в другую комнату, помогите достать его со шкафа...

Альбом оказался довольно тяжёлым, солидных размеров, в кожаном переплёте с серебряной оправой. Изготовлен искусным мастером знаменитой ювелирной фирмы Фаберже и приобретён в его магазине в Москве на Кузнецком мосту.

Читаю: «Василию Дмитриевичу Шервинскому. 1880–1891 гг.». В этот период он работал врачом при правлении Рязано-Козловской железной дороги. Был одним из организаторов железнодорожной медицины в России. Это по его инициативе в сентябре 1881 года состоялся Первый съезд врачей южных линий. Там В.Д. Шервинский сделал доклад «По установлению однообразных правил ведения железнодорожной санитарной статистики», основная мысль выступления — о важном значении медицинской статистики в оказании лечебной помощи и в предупреждении заболеваемости. В докладе молодой учёный поставил вопрос о необходимости систематических осмотров рабочих и служащих с целью раннего выявления и лечения больных. Много лет спустя идея В.Д. Шервинского легла в основу организации диспансерного метода медицинского обслуживания трудящихся страны.

Альбом был преподнесён Василию Дмитриевичу от членов правления общества Рязано-Козловской железной дороги, служащих этого управления и служащих конторы съезда представителей русских железных дорог II группы. А в альбоме — фотоснимки тех, с кем доктору пришлось трудиться вместе целых одиннадцать лет, и письмо, в котором выражены искренние чувства товарищей по работе:

«Василий Дмитриевич.

Поднося наш скромный подарок, покорнейше просим Вас принять его на память о тех людях, которым Вы, по общему их сознанию, были так долго и так много полезны.

Мы искренне сожалеем, что не будем более пользоваться Вашею помощью и всеобще не будем более иметь общения с Вашею гуманною и просвещённою личностью.

Будем отчасти утешены тем, что то время, которое Вы уделяли нам, и Ваши глубокие познания найдут себе более широкое и, главное, более плодотворное применение, чем у нас.

На прощанье все мы раз навсегда хотим сказать Вам, что будем о Вас всегда помнить и желать Вам в жизни всего лучшего.

Пусть же долго, долго продлятся светлые Ваши дни, которые Вы употребите на то, чтобы работать на пользу людей, и пусть те люди будут так же искренне любить Вас и будут так же искренне благодарны и благорасположены к Вам, как и мы, которых Вы теперь оставляете».

Прочитал я это письмо и подивился слогу, которым оно написано, и той доброте и уважению, которым оно проникнуто. А Сергей Васильевич подаёт мне следующий лист:

— А вот ещё одно любопытное письмо.

«Многоуважаемый Василий Дмитриевич.

Врачебный состав 3-го элемента Коломенского земства не может не выразить Вам ещё раз своего почтения и признательности за поддержку прогрессивных начинаний и активную борьбу с реакционным течением в Коломенском земском собрании».

И стоит десять подписей. В том числе письмо подписали известные в Коломенском уезде врачи А.Архангельский, В.Воскобойникова, Ф.Касторский, А.Осиповский, В.Роганов, К.Шевлягин.

— Отец был членом Коломенского земства, — пояснил С.В. Шервинский, — гласным Коломенского уезда. Сейчас как-то о земстве мало пишут, но вспомним, что членами земства, вернее, земскими врачами были и Чехов, и Вересаев.

С 1892 года отец жил в Черкизове, вернее, в той части села, которое называется Старки, недалеко от Никольской церкви. Когда ездил в Коломну, чаще всего останавливался у доктора Касторского Феодосия Лавровича. Интересное имя-отчество, не правда ли? Духовные имена, ничего не поделаешь. Это был типичный русский интеллигент-революционер. Кстати, он бывал у нас в Черкизове. В Коломне доктором ещё работал Лозовский. Но это была фигура помельче. А Касторский, что-то припоминается, был связан с большевиками, и с очень раннего периода. Но об этом мы, разумеется, позже узнали.

— Сергей Васильевич, а как Василий Дмитриевич оказался в Черкизове?

— Купил дачу, вернее, усадьбу. Она была большая, участок занимал два гектара. Мы почему-то звали его Коломенская аномалия, видно, по созвучию с Курской аномалией. Дом был построен в конце XVIII века. Кстати, отец даже написал, как он приобрёл эту усадьбу. Несколько листов хранится. Что-то вроде семейной хроники. Написано так, что с очень незначительной правкой можно бы отдать в издательство... Так вот, история покупки усадьбы довольно любопытна, курьёзна. Усадьба принадлежала некоему коломенскому мещанину Межуеву. Кстати, он очень был благодарен отцу за то, что тот вылечил его от пьянства. И вот этот Межуев присмотрел как-то в деревне Настасьине, а она от Старков верстах

в семи, наверное, и славилась тем, что красивее девушек, чем в Настасьине, в Коломенском уезде не было. Одну из них и привёз к себе в Старки. Жил с нею, но официально брак не зарегистрировал. Межуев был любителем-пчеловодом. И вот так случилось, что пчёлы не дали мёда. Межуев связал это с тем, что вот, мол, он с красавицей поступил не по закону, поэтому и лишился мёда. Да и вообще дело у него в хозяйстве не заладилось. И Межуев решил продать усадьбу. А отец изъявил желание её приобрести. Место ему очень понравилось: река, лес, недалеко железная дорога.

— Значит, с 1882 года Василий Дмитриевич жил там?

— Как правило, семья жила в Старках с весны до осени. Случалось, и зимой наезжали. И умер он там в ноябре 1941 года. Обстановка-то какая сложная была тогда! Бои рядом шли, под Каширой, слышалась канонада. И из Москвы на похороны смог приехать лишь один профессор Бурмин. Даже мой старший брат Евгений не смог добраться.

— А похоронили Василия Дмитриевича на черкизовском кладбище?

— Да, был там погребён. Наш старый сторож сделал простой крест, его и установили на могилу. А в 1962 году мы перенесли прах на Новодевичье кладбище в Москву. Здесь и брат Евгений похоронен, он умер в 1942 году...

От Сергея Васильевича Шервинского, из архивных документов, из различных публикаций удалось узнать много интересного о Василии Дмитриевиче Шервинском — человеке талантливым, профессионале высокого класса, настоящем русском интеллигенте.

Родился он 1 января 1850 года в городе Омске. Рано лишился матери и отца. С трёх лет воспитывался в Москве, в Александринском детском приюте, где его тётя — сестра отца — работала смотрительницей. С двенадцати лет Вася рос под опекой двоюродного дяди — знаменитого математика П.Л. Чебышева. Мальчик проявил завидное упорство и способности при изучении иностранных языков, увлекался химией, физикой. При переходе в четвёртый класс гимназии Василия Шервинского за успехи в учёбе наградили книгой по физиологии человека и животных. Это, может быть, и повлияло на выбор жизненного пути: в 1869 году юноша поступил на медицинский факультет Московского университета.

После окончания университета В.Шервинский стал работать прозектором при кафедре патологической анатомии и одновременно ординатором Екатерининской больницы. В 1874 году увидела свет его первая научная публикация. А через пять лет В.Шервинский защитил диссертацию и получил место доцента кафедры патологической анатомии.

С этого и началось восхождение молодого учёного. С 1884 по 1911 год Василий Дмитриевич был профессором Московского университета. Но в знак протеста против реакционных действий министра народного просвещения Л.А. Кассо покинул университет вместе с группой прогрессивных учёных (К.А. Тимирязевым, Н.А. Умовым, А.Б. Фохтом и другими). И до конца остался верен своим убеждениям: к педагогической работе в университете вернулся лишь после свержения самодержавия.

После установления в России власти Советов В.Д. Шервинский работал членом учёного медицинского совета при Народном комиссариате здравоохранения. По его инициативе в 1919 году была организована первая в Российской Федерации органотерапевтическая лаборатория, переросшая затем в Государственный институт экспериментальной эндокринологии. И первым его директором стал В.Д. Шервинский.

Василию Дмитриевичу принадлежат многие научные труды, относящиеся к различным разделам медицины, но особое внимание он уделял изучению клиники эндокринных заболеваний. Широко известна его общественно-организаторская деятельность: был одним из учредителей Московского медицинского общества, реорганизованного позже в терапевтическое общество, по его инициативе и непосредственном участии было основано Московское эндокринологическое общество. Он был организатором всероссийских терапевтических съездов, председателем Лиги борьбы с туберкулёзом. Ему принадлежит большая заслуга в созыве и проведении первого всероссийского противопохотного съезда и многих других мероприятий.

Советское правительство высоко оценило кипучую работу В.Д. Шервинского, присвоив ему в 1928 году звание «Заслуженный деятель науки». А высший орган государственной власти — ВЦИК — выдал В.Д. Шервинскому особую охранную грамоту, которая закрепляла за владельцем его усадьбу в Черкизове навечно.

Два сына было у Василия Дмитриевича и Анны Михайловны Шервинских; разница в возрасте между старшим, Евгением, и младшим, Сергеем, составляла четырнадцать лет. Прекрасно воспитанные и образован-

Семья Шервинских. Справа налево: Василий Дмитриевич, Анна Михайловна, Сергей и Евгений. Фоторепродукция А.И. Кузовкина

ные люди, они шли в жизни каждый избранным путём и достигли немалых вершин.

Евгений Васильевич выучился на архитектора. Стал впоследствии членом-корреспондентом Академии архитектуры. По его проектам построены многие парки в Москве и других городах страны. Одна из его значительных работ — реконструкция бывшей Шереметьевской больницы (ныне Институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского).

Осталась память о талантливом человеке и на земле Коломенской. По его проекту в 1911 году в селе Черкизове была построена школа, в которой более семидесяти лет учились местные ребяташки. Последнее время она была восьмилеткой. Евгений Васильевич приложил свою руку и к парку, примыкающему к дому Шервинских: на месте старых полузасохших деревьев и кустов всей семьёй разбили новый сад.

Талантливый архитектор мог бы порадовать ещё не одним проектом, но в 1942 году он ушёл из жизни.

Младший сын Василия Дмитриевича, Сергей Васильевич Шервинский, родился 9 ноября 1892 года в Москве. Это известный писатель, переводчик. С рождения и до 1962 года судьба его связана с черкизовской усадьбой. Здесь он написал свои первые стихи, а было ему тогда от роду... пять лет. Литературная деятельность С.В. Шервинского длилась более девяти десятков лет и закончилась 30 июля 1991 года, когда остановилось сердце неутомимого труженика, совсем немного не дожившего до круглой даты — столетнего юбилея. В «Слове прощания», опубликованном в «Литературной газете», двенадцать товарищей Сергея Васильевича по литературному цеху отметили: «С.В. Шервинский жил среди нас, являясь живым звеном, связующим нас с замечательной культурой прошлых эпох, будучи продолжателем лучших традиций русской интеллигенции XIX века. Сама его личность излучала свет, равно как и его творчество. Среди нас ныне не стало этого необыкновенного человека, но его светоч всё ещё горит и будет гореть!»

Высокая оценка труда человека, верного делу, которое выбрал в юности и служил ему преданно до последнего своего часа.

После первой публикации в 1913 году у С.В. Шервинского вышло несколько книжек стихов и рассказов для детей. В 1924 году был опубликован сборник «Лирика. Стихи об Италии», в 1933 году — роман «Ост-Индия», в 1937-м — пьеса «Вольные фламандцы» (написана совместно с А.С. Кочетковым, который тоже жил в Черкизове). В книге «Стихи разных лет», вышедшей в 1984 году, собраны стихотворения, написанные поэтом в 10–70-е годы. Через два года в Москве увидела свет книга «Избранное». И в том же 1986 году в Ереване вышла книга «От знакомства к родству», где наряду с оригинальными стихами и переводами напечатаны очерки и воспоминания, многие страницы которых отражают жизнь в Черкизове.

Но особенно С.В. Шервинский прославился как блестящий переводчик с древнегреческого и латинского, с армянского и бурятского, со многих других языков. Как отмечают специалисты, точностью, близостью к оригиналу, мастерством словесного выражения отличаются его переводы

произведений Софокла, Еврипида, Вергилия, Овидия, Катулла, И.В. Гёте, П.Ронсара, Низами, Х.Абовяна, О.Туманяна и многих других поэтов. Он часто переводил армянских поэтов и прозаиков, за что был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры Армянской ССР». Награждён орденами Дружбы народов и Трудового Красного Знамени. За успешную переводческую деятельность ему были присуждены премии имени Николая Тихонова и имени Егише Чаренца.

Жажда творчества была присуща С.В. Шервинскому всю жизнь. Он перевёл на русский язык все до одного дошедшие до нас произведения Софокла. Впервые осуществил перевод на русский язык «Фифаиды» Публия Папиния Стация, объёмом около десяти тысяч строк. К Овидию первый раз обратился в 30-е годы. В конце семидесятых решил, что обязан сделать ещё один перевод гениальной поэмы Овидия «Метаморфозы». И засел за работу. В течение летних месяцев заново перевёл 12 тысяч стихотворных строк. Когда об этом узнали в издательстве «Художественная литература», взялись выпустить книгу вне всяких планов. Причём с иллюстрациями Пабло Пикассо. Книга имела небывалый успех — весь тираж разошёлся в считанные дни.

С.В. Шервинскому принадлежит переложение бессмертного «Слова о полку Игореве».

В поэтическом наследии Сергея Васильевича Шервинского есть такие строки:

А можно, глядя на скворешню,
На ряску сонную пруда,
В духу крапив и яблонь здешних
Просозерцать свои года.
Лишь изредка, над облаками
Оставшись за полночь одна,
Неостывающая память
Луной спускается до дна.

Недавно прочитал я эти строки поэта и явственно представил встречу с Сергеем Васильевичем 8 мая 1977 года в его московской квартире, когда мы долго беседовали и Сергей Васильевич спустился до дна памяти. Тогда я впервые узнал, что древняя Коломенская земля — село Черкизово (погост Старки), усадьба Шервинских — принимала у себя замечательных людей России — поэтов Валерия Яковлевича Брюсова, Анну Андреевну Ахматову, Бориса Леонидовича Пастернака и других.

Увидев моё неподдельное удивление и даже что-то вроде недоверия, просквозившего в глазах, он улыбнулся:

— Да, да, приезжали к нам, жили у нас. А вот и, так сказать, вещественные доказательства.

И Сергей Васильевич выдвинул большой ящик письменного стола, набитый фотографиями, стал доставать их, раскладывать, что-то выискивая.

— Вот, смотрите, — он протянул мне несколько снимков. И пояснил: — Это Анна Андреевна в Черкизове летом 1936 года. Мой друг, поэт и переводчик Лев Владимирович Горнунг, фотографировал, он тогда тоже

*Летом 1936 года в усадьбе Шервинских в Старках.
Слева направо: В.И. Абакевич, Е.В. Шервинская, В.Д. Шервинский,
А.А. Ахматова и С.В. Шервинский. Фото Л.В. Горнунга*

Анна Ахматова в Черкизово-Старках. 1936 год. Фото Л.В. Горнунга

А.Ахматова и С.Шервинский у Пятницких ворот. 1936 год. Фото Л.В. Горнунга

396

АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН

...Анна Андреевна вышла из небольшой комнаты, отведённой ей гостеприимными хозяевами, на террасу по каменным, с боков чуть замшелым ступеням, легко сошла к огромному кусту сирени. Стройная, в светлом платье. Волосы собраны под бледно-розовым платком.

— Я готова.

— А мы здесь.

Из-за куста с боковой дорожки к террасе подошли высокий худощавый Сергей Шервинский — поэт и переводчик, сын хозяина усадьбы известного профессора медицины Василия Дмитриевича Шервинского, и друг Сергея, чуть пониже его ростом, поэт, переводчик, фотограф Лев Горнунг, с фотоаппаратом и треногой-штативом в руке.

— Пойдёмте, Анна Андреевна, мы ждём вас.

Из сада чуть заметной тропкой вышли к Москве-реке. Лодочник перевёз их на левый берег. Лесом, не спеша, дошли до станции Пески, сели на рабочий поезд, идущий в Коломну.

— Обратите внимание, Анна Андреевна, здесь левостороннее движение, — когда поезд тронулся, прокомментировал Шервинский. — Насколько я знаю, это единственная железная дорога во всей России с таким движением. Слышал, английские инженеры вели изыскание и проектирование участка от Москвы-реки до Рязани. А, как известно, в Англии — левостороннее движение...

За разговором не заметили, как поезд вынырнул из леса, и справа впереди под лучами солнца блеснули маковки и кресты множества коломенских церквей.

у нас отдыхал. А это наша семья и Анна Андреевна за чаем на веранде. Тоже в Черкизове. А вот на этом снимке Ахматова и рядом с нею узнаёте кто?

Мне показалось, что на фотокарточке изображён мой собеседник, и я поднял глаза на Шервинского: «Вы?»

— Да, — улыбнулся Сергей Васильевич. — Снимок сделан 16 июля 1936 года в Коломне, на фоне Пятницких ворот кремля. Как давно это было...

Я стал уточнять у Сергея Васильевича детали той поездки в Коломну и понял, что, несмотря на прошедшие годы, память Шервинского хранит очень и очень многое.

Позже кое-что о прогулке по Коломне удалось выяснить у Льва Владимировича Горнунга. И в итоге родилось небольшое эссе.

Вышли на станции Коломна. Город показался сонным, тихим, тёплым. — В какую сторону пойдём? — Анна Андреевна вопросительно глянула на Шервинского, не раз бывавшего в Коломне.

— Все дороги ведут в Рим, — полушутя ответил Сергей и решительно направился мимо пристанционных домиков с резными наличниками.

Шервинский знал, что Анне Андреевне хотелось бы посмотреть на дом, в котором в послереволюционные годы жил её друг писатель Борис Андреевич Пильняк, в конце многих своих произведений ставивший: «Коломна. Никола-на-Посадах».

По Полянской дошли до небольшой площади, от которой веером расходилось пять улиц.

Остановились в нерешительности.

— Пойдёмте вон к той шатровой колокольне, — указал Сергей.

— Улица Арбатская, — прочитала на пояснительной таблице углового дома Анна Андреевна. — Знаете, сразу вспомнила Москву. Там Арбат и, оказывается, в Коломне тоже. Почему? Что означает это слово? Мне кажется, название восточное.

— По всей вероятности, арабского происхождения, — пояснил Шервинский. — Слово «арбат» в переводе с арабского означает «предместье», «пригород». Несколько веков назад Коломна была крупным торговым городом-портом. С уверенностью можно сказать, что бывали здесь и купцы из арабских стран, да и наши вели торговлю со странами Востока.

— Мне вспомнилась поговорка: «Коломна-городок — Москвы уголок», — подал голос Горнунг. — Действительно, даже в названиях улиц преемственность наблюдается.

Вышли на перекрёсток, осмотрели приходящую в запустение церковь с отдельно стоящей колокольней. По немощёной, заросшей густой сочной гусиной травкой улице пошли в сторону Москвы-реки. Улица казалась вымершей — ни одного прохожего, даже собак и кошек не видно, полуденный зной загнал их в тень.

Возле дома № 12 Анна Андреевна увидела скамейку.

— Я, пожалуй, посижу, отдохну.

— А мы на разведку отправимся, — Лев Горнунг увлёк друга вниз по улице.

Дошли почти до реки. Спросили у женщины, наливавшей воду из бассейки, не знает ли она, где здесь жил писатель Пильняк. Та ответила, что не слышала. Не могли сказать утвердительно ни ребята, бегущие к реке купаться, ни молодой велосипедист.

*А.Ахматова на ул. Арбатской.
1936 год. Фото Л.В. Горнунга*

Друзья повернули назад. Улица оставалась такой же пустынной. Анна Андреевна в задумчивости сидела на лавке — на простой доске, прибитой к двум столбушкам возле забора небольшого двухэтажного дома, — низ каменный, верх деревянный.

— Минутку, Сергей, — Горнунг быстро поставил штатив, укрепил на нём аппарат «Фотокор», прильнул к матовому стеклу, наводя на резкость. Через несколько секунд раздался щелчок затвора.

— Хороший должен быть снимок, — счастливо улыбнулся Горнунг. — Я захватил часть залитой солнцем улицы с колокольней слева вдаль, а справа сидящую в тени, падающей от дома, Анну Андреевну.

Ахматова не заметила, как её сфотографировали. Подошедшие мужчины вывели спутницу из оцепенения задумчивости.

— Что-то удалось выяснить?

— Нет, Анна Андреевна, спрашивали, никто не знает. Да и немудрено, Борис Андреевич уехал из Коломны лет тринадцать-пятнадцать назад...

Вышли на Пятницкую улицу. Глянули направо — над домами громоздилась красивая высокая башня красного кирпича.

— Пойдёмте туда, — загорелась Анна Андреевна. — Это что-то средневековое.

Минут через пять путники вступили под подковообразную арку Пятницких ворот кремля. Пахло прохладой, даже сыростью.

— Вот в эти прорези, — указал на отверстия в кладке Сергей, — сверху опускались герсы — металлические решётки, а вот на этих мощных петлях крепились дубовые ворота.

— Сколько же лет стоит эта башня?

— Четыре века.

— Какая красота, какая мощь!

Вышли из полумрака башни на свет и очутились в кремле. Слева на взгорке рядом стояли нарядные одноэтажные деревянные домики, в палисадниках пестрели цветы. Справа — миниатюрная церковка, а возле неё — одноэтажный старинный дворянский особнячок с мезонином.

Постояли несколько минут, словно замороженные, любясь открывшейся картиной. Ахматова медленно пошла налево вдоль башни, свернула за угол и остановилась, рассматривая зияющий пролом, выщербленные кирпичи и белые камни — здесь когда-то возвышалась крепостная стена.

Горнунг укрепил фотоаппарат на треноге и запечатлел Анну Андреевну и Сергея на фоне Пятницких ворот.

Неподалёку стоял развесистый вяз. Ахматова подошла к дереву, села в его тени на мягкую траву, дотронулась левой рукой до шершавой коры.

— Лёва, Лёва, не упusti возможность. Посмотри, какая божественная поза, — поторопил друга Шервинский.

Снимок сделан. В тени под деревом на лужайке сидит Анна Андреевна, за её спиной залитый солнцем особнячок.

Кремль поразил путешественников обилием церквей, остатками крепостных стен и башен. Особенно изумила угловая Коломенская башня, или Маринкина, как её называют местные жители.

А.Ахматова в кремле на фоне дома Луковникова. 1936 год. Фото Л.В. Горнунга

399

Осмотрели находившуюся здесь экспозицию краеведческого музея. Упросили зрителя, чтобы открыл дверь, ведущую наверх.

Первой на каменные ступени спиралью выходящей лестницы ступила Анна Андреевна, за ней шагнул Лев Горнунг, замыкал шествие Сергей Шервинский. Достигнув очередного яруса, отдохнули. Затем поднимались по деревянной лестнице. Осторожно ступая по скрипящим доскам, добрались до самого верха. Чуть отдышавшись, прильнули к окнам-бойницам, любуясь чудесной панорамой города и окрестностей.

Где-то под самой крышей в полумраке ворковали голуби, было тихо, таинственно-сказочно, и сама обстановка вынудила завести разговор на исторические темы — о Смутном времени, когда в России властвовали Лжедмитрии, когда многое зависело от сказанного тщеславной и себялюбивой Мариной Мнишек. Согласно одной из легенд, здесь, в Коломенской башне кремля, она и погибла, прикованная к стене, в тоске по воле.

Спускаясь, Анна Андреевна поскользнулась, нога подвернулась, и каблук у левой туфли отскочил.

— Ой, что же делать?

Туфли эти на невысоком каблучке принадлежали жене Сергея. Они были удобны в дороге, поэтому мужчины и уговорили Анну Андреевну надеть их. И вот такая незадача.

— Не беда, Анна Андреевна. Снимите, пожалуйста, правую туфельку.

Ахматова сняла, не совсем понимая, зачем это надо делать.

Сергей взял туфлю и мгновенно свернул каблук.

— Вот теперь порядок. Как в тапочках пойдёте...

Под впечатлением увиденной старины, замечательных памятников архитектуры возвращались к станции. На опустевшей базарной площади в аптеке купили мятных лепёшек, давших приятную прохладу. Не спеша добрались до вокзала. Ждали недолго. На первом же поезде возвратились в Пески. А оттуда до Черкизова — рукой подать...

Прошло неполных четыре года. 16 марта 1940 года А.А. Ахматова написала стихотворение «Поздний ответ», посвящённое Марине Цветаевой. В нём есть и такая строка: «То кричишь из Маринкиной башни». Образ Маринкиной башни связан с воспоминаниями Ахматовой о пребывании в Коломне, о поразивших её красотой и внушительностью каменно-кирпичных стенах и башнях кремля.

Не раз вспоминалось Анне Андреевне Ахматовой благодатное Черкизово, Старки в суровые дни Великой Отечественной войны. В Ташкенте 1 сентября 1943 года она написала стихотворение «Под Коломной», посвятив его Шервинским:

...Где на четырёх высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течёт московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнучто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

Так краеведчески верно и художественно выразительно А.А. Ахматова изобразила место — черкизовские Старки, которые оставили памятный след в её жизни...

* * *

У меня в архиве хранится письмо, которое прислал Сергей Васильевич Шервинский после знакомства с публикацией моего очерка «Преданность избранному пути». Частично процитирую его, так как считаю, что письмо с полным правом можно назвать документом, имеющим прямое отношение к истории Черкизова.

«Дорогой Анатолий Иванович!

Я своевременно получил Ваш любезный подарок, номер “Коломенской правды” от 30 октября (1979 года. — А.К.), — нет, это не верно: не “любезный подарок”, а большой ответственный дар справедливого ума и доброжелательной души. Ваш очерк о трёх представителях семьи Шервинских прост и не надуман, написан

в том благородном стиле, который привычен нам в лучшей традиции русской литературы. Вы проявили, как журналист, лучшие качества, нужные в этом жанре — добросовестную внимательность к фактам, критическое отношение к слухам, которыми обрастает всякая легенда, наконец, стилистическую тонкость, которая придала Вашему очерку общий тон, соответствующий культурной традиции нашей словесности. Ведь наша семья принадлежит к той прогрессивной русской интеллигенции, которая дала нам и Пушкина, и декабристов, и Толстого, и всех тех, кто сегодня пользуется по праву любовью и уважением народа. Ваш очерк дал мне повод конкретно подумать о том, что наша семья действительно более ста лет принимала, а в моём лице и сейчас принимает активное участие в построении отечественной культуры: ведь мой отец родился в ночь с 1849 на 1850 год, а я, как видите, и в 1979-м ещё не складываю оружия и по мере сил ещё тружусь на литературном поприще. Как же не быть благодарным Вам, который сумел объединить в одном очерке работу трёх поколений (мой брат был старше меня на 14 лет). Удачна и мысль поместить рядом три наших лица. Всё это редкая радость для меня и прямая Ваша удача...

Я буду хранить в самом почётном разделе своего архива Ваш столь ценный для меня дар. Впрочем, не я один, — все члены нашей семьи были глубоко растроганы Вашим очерком, читали и перечитывали, и радовались, что представители нашей семьи получили справедливую и неприукрашенную оценку.

Очень прошу Вас, когда будете в Москве, вновь посетить меня, ещё поговорим тогда обо многом...

Надеюсь, что наши отношения с Колодной найдут естественное продолжение, особенно в связи с молодым литературным музеем, где уже была осуществ-

*Учительница русского языка и литературы Черкизовской школы
Алевтина Александровна Кузовкина со своими учениками в день открытия
мемориальной доски 28 октября 1988 года. Фото А.И. Кузовкина*

лена выставка офортов моей дочери Анны, приуроченная к моему вечеру; а дочь моя Екатерина, доцент кафедры французского языка гуманитарных ф-тов МГУ, приняла в этом вечере активное участие. Не могу не упомянуть, что коломенский музей прислал мне телеграмму к минувшему празднику с трогательной подписью — “друзья”.

Крепко жму Вашу руку и ещё раз сердечно благодарю.

Ваш *С.Шервинский*.
30.XI.79».

Начиная краеведческий поиск, имеющий отношение к доктору медицины, профессору Василию Дмитриевичу Шервинскому, я не мог предположить, что исследование сведёт меня с удивительным человеком, Сергеем Васильевичем Шервинским, и от него я узнаю малоизвестные подробности биографий выдающихся личностей России, бывавших на земле Черкизовской.

Счастливи, что мне первому из коломенских краеведов, журналистов удалось рассказать о замечательных русских интеллигентах, жизнь которых многие десятилетия была связана со старинным селом Черкизовом, и приоткрыть малоизученные страницы хроники семьи Шервинских, истории их усадьбы в Старках.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

А.И. КУЗОВКИНУ — 70!

18 августа 2009 года коломенский летописец Анатолий Иванович Кузовкин отмечает юбилейный день рождения — 70-летие.

Если спросить Анатолия Кузовкина, сколько книг им написано, он сам, наверное, не ответит. Его работы надо измерять целыми полками, а то и шкафами. И если говорить высоким стилем, то коломенские краеведы могут с полным правом сказать: «Мы живём в эпоху Кузовкина».

В чём кроется причина успеха? В поразительном трудолюбии, в бесконечных архивных поисках, многолетнем собирании материала? Конечно, да... Но есть ещё нечто — самое важное! Это любовь. Любовь к родному городу, к его таинственной истории, к его жителям. И люди чувствуют это тепло, тянутся к хорошему человеку, делятся с ним знаниями и памятью.

Анатолий Иванович! Прими от всех собратьев-писателей, от всей любящей тебя Коломны искренние пожелания творческого долголетия! Главная твоя книга — ещё впереди!

Коллектив редакции

Роман Вадимович Славацкий родился в Коломне 15 сентября 1957 года. Окончил Коломенский педагогический институт. Поэт, прозаик, литературовед, церковный историк, журналист.

Член Союза писателей России. Автор шести поэтических книг. В первом номере «Коломенского альманаха» опубликована повесть «Пожарник». В 2007 году в издательстве «Лига» вышла в свет поэма в прозе «Мемориал». Издал свыше десятка краеведческих исследований и буклетов, посвящённых родному городу.

Работает заведомом газеты «Благовестник». Заместитель председателя творческого объединения профессиональных писателей города Коломны.

КОЛОМЕНСКИЕ ОБРАЗА

Вечность смотрит на нас из глубины икон, отликает янтарными тонами, самоцветными красками, сверкает золотом складок — тонкого ассиста... Коломна эпохи Высокого Средневековья — особый феномен. Как раз XIV и XV века — это период удивительного подъёма нашей культуры.

В 1300 году Коломна присоединяется к Москве. Но это было не просто вхождение в состав молодого возрастающего государства. Фактически Коломна становится самым драгоценным владением московских властителей, вторым городом княжества. И дело здесь не только в торговых и военных путях, не только в том, что тут строится великокняжеская резиденция, в которой московские государи жили по несколько месяцев в году.

Суть ещё в том, что Коломна становится духовным центром Московии. Ведь своего епископа в княжестве не было. В Москве, не по обязанности, а по доброй воле, жил Митрополит всея Руси. И вот его викарием, так сказать — управляющим, с 1353 года становится коломенский владыка.

В значительной степени именно поэтому в городе начинается грандиозное храмостроение. Воздвигнуты шесть белокаменных соборов и церквей. Деревянных храмов насчитываются десятки. И каждая из святынь — это целый мир. Иконы в этом пространстве выстраиваются не по чьей-то прихоти. Само устройство церкви — глубокий образ. Здесь нет ни одной случайной детали. План,

количество глав на здании и число входов в церковь, устройство иконостаса — всё исполнено глубокого смысла.

А сочетание множества храмов сплеталось в таинственную картину Космоса — божественного мироустройства, в котором каждая церковь тяготела к нашей главной святыне — кафедральному Успенскому собору...

Губительные смерчи пожаров и вражеских нашествий, неумолимое время истребили сокровища духовной культуры. Погибли в пламени или разошлись по чужим книжным собраниям коломенские библиотеки, обветшали и разрушились древние церкви. Собрания икон не могли сохраниться после стольких веков, наполненных войнами и смутами. Но произошло чудо. Какими-то непостижимыми путями дошли до наших времён храмовые коломенские иконы. И эти святыни рассматривают нас, нынешних, даруя нам, как и неисчислимым предкам нашим, духовную опору, мудрость, мужество и благодать...

Донская

Это не только слава Коломны. Это одна из величайших святынь Руси. Икона двусторонняя. На лицевой части — Богородица Елеуса (от *греч.* — Милостивая). Богомладенец обращён к Матери. Она с нежностью склонилась к Сыну, а Он одною рукой обнимает и благословляет Пречистую, а в другой сжимает таинственный лазоревый свиток... Что написано в этом свитке? Судьбы мира? Поразительный образ, в котором совместились непостижимая тайна Боговоплощения и спасение человечества!

А на обороте иконы — Успение Богородицы. Композиция предельно лаконична: все второстепенные детали убраны. Хоромы по краям свидетельствуют, что действие происходит в стенах дома. В центре горницы большое ложе, на котором простёрта Усопшая. У изголовья и у изножия сгрудились две группы апостолов; лики их искажены горем. Горит свеча, поблёскивает кадьница... Апостолы склонились к ложу, они смотрят на Богородицу и не видят огромную фигуру Христа во славе, Который принимает душу Матери в виде запеленатого младенца...

Монументальность композиции, мощное письмо, характерные пробелы на лицах выдают руку греческого мастера.

Не случайно именно этот праздник избрали для оборотной стороны драгоценной иконы. Именно на Успение возвратились в Коломну войска великого князя Дмитрия Московского после победы над золотоордынцами на реке Воже в 1378 году.

В честь этого похода, в котором ордынцы впервые были наголову разбиты в генеральном сражении, и повелел благоверный Дмитрий воздвигнуть Успенский собор.

На Успение русские войска собирались в Коломне на Куликово поле в 1380 году, и у стен кафедрального храма молился князь Дмитрий о даровании победы. Как гласит коломенское предание, храмовая икона сопровождала русское войско в Куликовском походе и после великой победы священный образ поставили в иконостасе белокаменного Успенского собора. С тех пор его и называют Донской иконой Матери Божией.

Главная святыня Коломны была написана для нашего кафедрального храма великим изографом Феофаном Греком. Учёные могут сколько угодно спорить, предполагая иное авторство. Но все споры и предположения не могут отменить того факта, что лик Донской удивительно схож с ликом Богородицы из деисуса Благовещенского собора Московского Кремля, а это, бесспорно, работа Феофана.

Важная деталь: по кайме плата Богородицы Милостивой идёт шифрованная надпись греческими буквами. Некоторые учёные утверждают, что в этом шифре скрывается имя: Феофан. В любом случае включение в поле иконы каких-либо дополнительных текстов не характерно для русской традиции и говорит о руке греческого мастера, причём очень авторитетного.

В своё время подвергалось сомнению пребывание святыни в битве на поле Куликовом потому, что в 80-е годы XIV столетия Феофан Грек находился ещё в Новгороде. Между тем коломенский Успенский собор был расписан в 1392 году. К этому времени греческий изограф уже был в Москве, вероятно, именно он расписал храм и тогда же, как полагали, сделал икону в «местный ряд». Выдвигалась даже гипотеза о какой-то «первой» Донской иконе, которая присутствовала на битве и с которой позднее Феофан написал икону для Коломны.

Все эти сложные построения не очень убедительны. Зная «меру» иконостаза, мастер вполне мог написать образ, и для этого ему совершенно не было необходимости находиться в Москве. Напомним ещё, кто в это время занимал Коломенскую кафедру. Это был епископ Герасим (некоторые называют его архиепископом), викарий Митрополита Московского. Поскольку в это время кафедра Митрополита не была занята, владыка Герасим в течение трёх лет исполнял обязанности Митрополита всея Руси. Именно в этом качестве от лица всей Русской Церкви он благословил князя Дмитрия на Куликовский поход.

Так вот, если бы архиерей столь высокого ранга пожелал украсить свой кафедральный храм иконой лучшего мастера, кто бы посмел ему отказать? К 1380 году Успенский собор был практически готов, значит, и храмовая икона должна была находиться на своём месте. Ничто не мешало князю взять этот образ как благословение от Коломны на битву. А после сражения святыня вернулась в храм уже с именем Донской. Позднее даже сам собор по этой иконе именовали Донским.

Успенский собор

406 Греческое письмо

С этих пор неоднократно Пресвятая Дева подавала нам помощь через Свой образ. В 1395 году сын Димитрия Донского, Василий I, усердно молился пред этой иконой об отвращении нашествия Тимура. Спустя сто лет после Куликовской победы Иван III с молитвой у Донской иконы готовился к свержению золотоордынского ига. Его внук, Иван Грозный, в 1552 году неотступно молился в Успенском соборе, пока ему не был дан знак о благополучном завершении Казанского похода.

После взятия Казани начинается новая страница в истории святыни. Иван IV забирает нашу икону в Москву... Но в Коломне он оставил список с этого образа. А в столице чудотворения продолжались. В конце XVI века, при Борисе Годунове, после того как Донскую вынесли навстречу врагу, огромное крымское войско без всяких видимых причин в ужасе бежало от стен Москвы. Теперь на этом месте стоит знаменитый Донской монастырь. И раз в год в особом ковчеге этот образ приносят из Третьяковской галереи в Донскую обитель, чтобы православные могли поклониться великой святыне и вспомнить о тех чудесах, которые не раз спасали Россию от страшных бед.

Конечно, нынешний Успенский собор, возведённый в XVII столетии, не тот белокаменный триглавый храм, в котором молился Димитрий Донской. Но от той святыни остались камни, положенные в основание нынешней постройки, остались память о славных победах и новый список с чудотворного образа, созданный уже современными мастерами...

Вторым примером греческой школы стала икона Иоанна Предтечи из храма в селе Городищи. Эта княжеская вотчина была в числе первых владений Коломенского епископа. Здесь находилась владычная резиденция и был выстроен храм в память Зачатия Пророка Иоанна. Следовательно, церковь была основана не позже середины XIV столетия. К этому времени, вероятно, относится и главная храмовая икона.

Правда, большинство исследователей относят этот «византинирующий памятник московской иконописи» к 90-м годам XIV столетия. Но мы бы всё-таки поостереглись чрезмерно «омолаживать» коломенские образа. Всё говорит об аскетической, суровой среде русского монашества: и глыбистая древняя кладка храма, и характер его иконостаса. Старинные доски обработаны просто, без излишней тщательности. Само изображение Крестителя полно исполинской духовной мощи.

Икона поражает своими размерами: в человеческий рост. Лик Предтечи строг, пророк облачён в грубые одежды из верблюжьей шерсти, за его плечами — огромные крылья. Правою рукою Иоанн благословляет, в левой сжат свиток с грозными пророческими словами. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное...» Это предвестие Христа ведёт нас к истокам Евангелия, в израильские пустыни. И столь же призывно звучало оно в коломенской «пустыни» — домово́й обители нашего епископа.

Городищи — самое загадочное место Коломны. И может быть, тот храм, который ныне открывается нашему взору, — не первый на этой земле. Вполне возможно, что строителем первой, деревянной церкви

Храм Иоанна Предтечи в Городищах

в Городищах стал великий князь Иван Калита, соимённый святому Иоанну, владелец вотчины, подаренной позднее коломенскому владыке.

В 30-х годах XX века городищенский храм был разорён и ограблен. В огне погибли его святыни. Но сегодня Пророк и Предтеча Иоанн возвращается в родной храм — точной копией древнего образа.

Борис и Глеб

Старинная Запрудная слобода известна своим храмом XVIII столетия. Но история этой церкви не так проста, как кажется с первого взгляда. О деревянном храме Бориса и Глеба в Запрудах поминают Писцовые книги 1577–1578 годов. На самом деле она гораздо древнее. Ведь храмовый образ святых благоверных князей Бориса и Глеба относится к XIV веку. Одни учёные относят его к началу столетия, другие, по странной традиции, «омолаживают» икону, относя её к концу века, но в любом случае не отрицается глубокая древность образа.

В появлении этого храма и этой иконы имелся свой глубинный смысл. Средневековая Коломна нуждалась не только в хорошо видимых укреплениях: валах и бревенчатых стенах. Ей нужна была и внешняя невидимая броня престолов, посвящённых святым-воинам. И одним из важнейших звеньев этой незримой кольчуги стал храм Бориса и Глеба.

Их почитание особенно возросло в эпоху Куликовской битвы. Так разве странно, что святыня, связанная с именами этих князей русских, появилась в Коломне, где сбились русские войска в поход на Дон?

Храм Бориса и Глеба в Запрудях

образе: «Мастер коломенской иконы, видимо, не столичный, был мало осведомлён о новейших стилистических концепциях общевизантийской культуры, хорошо известных в ведущих мастерских самой Москвы. Но он с редкостным прозрением выявил самую сущность духовного идеала эпохи».

Многое видели эти святые... Они лицезрели вражеские набеги Средневековья, в которых каким-то чудом уцелела их икона. Они благословляли юного Ваню Лажечникова, который родился в Борисоглебском приходе. Они вдохновляли русских воинов на битвы XIX и XX столетий и вместе со всеми пережили гонения атеистических лет. И теперь они снова укрепляют нас, даруя нынешним поколениям мужество и крепость духовную.

Никола

Икона святителя Николая с житием относится к одной из загадок Коломны. Она попала в Третьяковскую галерею из храма Апостола Иоанна Богослова. Но дело в том, что описи XVI века не упоминают в прежнем деревянном храме этот образ. А это значит, что Никола с житием оказался в Иоанновской церкви на Житной площади позднее, уже после начала его каменного строения. Но при каких обстоятельствах это произошло? Погиб ли древний храм от пожара или просто пришёл в запустение, и образа его разошлись по другим церквям? Пока это остаётся для нас загадкой.

Эта икона XIV века, несмотря на внешнюю простоту, производит сильнейшее впечатление. Это работа провинциального изографа, возможно — коломенца. Древний мастер не отличался изяществом и тонкостью ви-

Икона дана в «житии», то есть в клеймах, где повествуется о мученическом подвиге святых. Но главное, конечно, — это центральный образ, который поражает нас удивительной просветлённостью. Здесь нет суровой воинственности, которую можно было бы ожидать в жестокое время битв.

Нет, братья-князья взирают на нас в удивительном спокойствии и гармонии, словно говоря: «Не бойтесь воинской брани... За гранью этого мира есть иная жизнь! И тот, кто пожертвовал собою за ближних своих, соединится с нами в небесном войске».

Это уже русское письмо, в котором ощущается тихий рублёвский свет. Э.С. Смирнова писала об этом

Храм Иоанна Богослова

зантийского письма. Но икона, созданная его молитвенным трудом, обладает замечательной самобытностью, выразительностью и необыкновенной мощью.

Изображение святителя — поясное. Одна рука благословляет, другая — держит Евангелие. Взгляд обращён чуть в сторону. Может быть, этот взор и скрытая направленность всей фигуры за взглядом очей и придают иконе устрашающую живость, ощущение реального присутствия иного мира. Лик святителя предельно сдержан и сосредоточен. В житийных клеймах рассказывается о дивных деяниях чудотворца Николая...

Необычный облик этой святыни до сих пор влечёт нас к себе таинственной святостью.

Воскресение Словущее

Этот памятник в центре Соборной площади сохранил для нас сразу две древние иконы. И важнейшая из них — Воскресение — Сошествие во ад. Это единственное напоминание о деревянном храме великокняжеского дворца, месте венчания святого Димитрия Донского и святой Евдокии Московской.

На месте домово́й княжеской церкви позднее была выстроена каменная. Но один лишь взгляд на икону переносит нас за грань шести с лишним столетий.

К какому времени отнести образ? В 1382 году Коломна была сожжена войсками Тохтамыша, пострадал и княжеский дворец. В 1385-м последовало нашествие рязанцев, и лишь после этого город и резиденция

Церковь Воскресения Словущего

отстраиваются и поновляются. Не тогда ли был создан и чудный храмовый образ?

Это удивительная икона! Вспомним ещё раз о драматичных и трагических событиях тех лет. Сборы союзных ратей, грандиозные битвы, «нашествие иноплеменных»... Как подходит к этому времени тревожная и восторженная сцена — схождение Спасителя во ад! На многих подобных образах Он стремительно изводит из бездны прародителей и ветхозаветных праведников.

Однако на коломенском образе мы лицезреем нечто необычное. Христос не устремляется вниз, подобно молнии, а парит на грани миров. Вокруг Него — небесные силы, над Ним — бездна, перечёркнутая крестом. Горы громоздятся по краям, а в центре они рассечены, словно трещиной,

пролётшей от основания Голгофы во время крестной смерти Спасителя. О жертве Христа напоминают реюющие в выси ангелы, поддерживающие Крест.

Справа и слева от Господа — сонмы святых. Иисус не исторгает праотцев, а как бы призывает их: «Восстаните!». И вот Адам уже подал руку Христу, а Ева только тянется к Нему. Земная кора кажется наложенной на бесконечно глубокое пространство. Внизу, в глубине ада — человеческий прах, вверху — сияние нетленного Неба и Крест, а в центре — Христос: Альфа и Омега, Первый и Последний.

Внутренний свет пронизывает всё пространство; не бурная радость или страх, а умиротворение и просветлённость ощущаются в этих парящих фигурах. Здесь чувствуется некое целостное знание, понимание бытия, пронизанное духовными лучами. Тут очевиден отзвук св. Григория Паламы о «фаворском свете». Но мысль великого грека преломлена русским видением: огнистое греческое письмо претворилось в тихое сияние Святой Руси...

Как много сосредоточено в этой священной доске! Воинские советы и молитвы, встречи и поминовения... В своём храме Димитрием Донским, как знамение славы, как память о военном и духовном подвиге, была поставлена храмовая икона, чей тихий свет свидетельствует о высшем знании. Гибель русских воинов на поле Куликовом и страдания людей — не напрасны. Христос помнит о них. Смерти нет.

Вторая икона из этого храма — Троица Ветхозаветная. Она восходит к величайшему рублёвскому образу и принадлежит кисти Дионисия или мастера его круга. Здесь отсутствуют малозначительные детали. Любая часть композиции исполнена величайшего смысла. Вся сцена наполнена величием Высокого русского Средневековья...

Но когда создан этот шедевр? Исследователи датируют его то концом XV века, то началом XVI.

Нам ближе всё-таки первая дата. И вот почему. Долгое время в церкви хранился древний антиминс (плат с частицей святых мощей, который полагается на престол и на котором совершается пресуществление Святых Даров во время Литургии). Антиминс был подписан коломенским епископом Герасимом (Смердковым). Этот архиерей занимал кафедру с 29 июля 1481 года. Он скончался 16 мая 1489 года. Следовательно, антиминс был выдан именно в этот промежуток времени. Обычно такая выдача делается при строительстве храма или его значительной перестройке.

Выходит, что в конце 80-х годов XV века либо была полностью реконструирована деревянная церковь, либо, скорее всего, построена нынешняя, каменная. И дворец великого князя, похоже, именно в это время достигает своего максимального развития. Что могло послужить основанием для такого строительства? Думается, что величайший духовный подъём, вызванный свержением ига в 1480 году, и стал этим фундаментом.

Нам представляется, что нынешняя церковь Воскресения Слоущего стала памятником независимости России, а Троицкая икона — таким же памятником в иконостасе княжеского храма.

Сандыри

Ярославская икона Богоматери с избранными святыми датируется 1491 годом. Происходит она из старинного коломенского села Сандыри, что ныне уже давно, как и соседние Городищи, входит в черту города. Впервые село упомянуто всё в тех же Писцовых книгах 1577 года, но реальный его возраст, конечно, гораздо древнее. Ярославская икона — тому свидетельство.

Храм Иоанна Пророка в Сандырях

От неё исходит тепло, то янтарное сияние, которое так пленяет нас в старинных русских образах. Композиция этого памятника необычна. Это триптих: в центре — Божия Матерь, а слева и справа — многофигурные образа с избранными святыми.

Многие годы и столетия свет этой необычной иконы осенял княжескую вотчину. Торговый и задорный быт Сандырей смирялся перед этой святыней.

Шли годы, в начале XIX века вместо деревянной Ильинской церкви поставили роскошный ампирный храм Пророка Божия Или. Деревянная постройка ещё долго сохранялась на освящённой земле.

Но безбожное лихолетье уничтожило не только деревянную постройку и красивые надгробия старинного погоста. Сейчас и каменную церковь трудно узнать: она вся закрыта пристройками детского интерната. Чтимую икону увезли в Москву. Уже не идут ежегодным крестным ходом по дороге, устланной зелёной травой, из Коломенского кремля в Сандыри.

Но придёт время — и этот храм оживёт, и тихое янтарное сияние снова затеплится в нём.

Несмотря на все испытания прошлого, коломенские образа помнят о нас. Как прежде, несут они духовную силу, наполняют нас живою водой веры. Так будем и мы помнить о наших святынях — священных окнах, сияющих светом Вечности!

БЛАГОДАРИМ

Издание выходит при поддержке главы городского округа Коломна **В.И. Шувалова**, ректора Коломенского государственного педагогического института **А.Б. Мазурова**, а также коломенских меценатов:

Николая Николаевича СИДЕЛЁВА — директора межрайонного автотранспортного предприятия автоколонны № 1417 — филиала МО «Мострансавто»;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА — генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Валерия Михайловича КАШИНА — начальника — главного конструктора ФГУП «Конструкторское бюро машиностроения»;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА — генерального директора ООО «ТЕХНО-АС»;

Валерия Семёновича КОССОВА — генерального директора ОАО «ВНИКТИ»;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА — индивидуального предпринимателя;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА — генерального директора ООО Экологическая научно-производственная фирма «Новатор»;

Натальи Николаевны ДРАНЕЕВОЙ — заместителя председателя правления Коломенской городской организации общества «Знание»;

Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО — генерального директора ООО «Теплогарант–Плюс»;

Сергея Анатольевича АСТАПОВА — директора негосударственного образовательного учреждения дополнительного образования «Коломенский компьютерный центр»;

Эдуарда Насибулловича ТУМЕРКИНА — директора ООО «Ракурс»;

Ильи Георгиевича ЛЕБЕДЕВА — директора ООО «Ликъ»;

Марины Николаевны МАЛИЦКОЙ — директора салона штор «Эники»;

Людмилы Платоновны РЫБАЛКА — директора магазина «Электрострой»;

Игоря Валерьевича ШАХ-НАЗАРОВА — директора ООО «Тираж».

Трудности только сплачивают нас. Именно в сложных обстоятельствах наиболее сильно проявляются черты российского характера. Финансовый кризис, который начался не в наших пределах и не по нашей вине, должен был, казалось бы, разбудить «шкурные» инстинкты. Но даже в ситуации, когда многие хотели бы замкнуться в тесной раковине частных интересов, наши друзья остались верными «Коломенскому альманаху».

Помощь, оказанная в дни испытаний, — вдвойне дороже. Поддержание культуры во время всеобщего кризиса — это не просто выделение финансовых средств. Это гражданский поступок.

**Низкий поклон вам, граждане Коломны!
Храни вас Бог!**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р.В. СЛАВАЦКИЙ
В.В. УШАКОВА
О.В. КОЧЕТКОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
А.Г. ВАСИЛЬЕВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.Г. Абакумов, А.П. Ауэр, С.А. Астапов,
Т.Ф. Башкирова (*редактор отдела поэзии*), **Е.С. Гринин, А.М. Дудкин,**
А.И. Кузовкин, В.Н. Леонов, Е.А. Новикова (*редактор-библиограф*),
С.И. Патрикеев, И.Е. Ракша (*шеф-редактор аналитических проектов*),
А.А. Сахаров (*шеф-редактор гуманитарных проектов*),
М.М. Сигал, О.Ю. Шилов (*референт главного редактора*)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

Л.И. Бородин — писатель
В.Н. Ганичев — председатель Союза писателей России
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — ректор Коломенского государственного педагогического института
Н.В. Маркелова — председатель Комитета по культуре городского округа Коломна
С.М. Харламов — народный художник России
Л.И. Хитяева — народная артистка СССР
В.И. Шувалов — глава городского округа Коломна
Е.Ю. Юшин — главный редактор журнала «Молодая гвардия»

В оформлении обложки использован фотозтиюд Юрия Колесникова
Штриховой рисунок выполнен художником Евгением Грининым

Редакторы *А.Г. Васильева, В.В. Ушакова*
Художник *Е.С. Гринин*
Компьютерная вёрстка *Е.Ю. Ерофеева*
Корректор *О.И. Киреевко*

140402, Московская область, г. Коломна, ул. Калинина, д. 49. Тел. (8-496) 614-81-55.
E-mail: vu-kp@gambler.ru

Подписано в печать 20.04.09. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 36,14. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство журнала «Москва». 121918, г. Москва, ул. Арбат, д. 20.

Тел. (495) 291-83-91, 291-71-10. Факс (495) 291-07-32.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская область, г. Коломна, ул. Третьего Интернационала, д. 2а

БИБЛИОТЕЧКА «КОЛОМЕНСКОГО АЛЬМАНАХА»

В серии «Библиотечка “Коломенского альманаха”» представлены лучшие произведения прозаиков и поэтов, в которых созданы незабываемые образы нынешней Коломны и отражается многовековая культурная традиция древнего города.

ВЫШЛИ В СВЕТ

КОЛОМЕНСКИЙ КНИГОЧЕЙ

Татьяна Башкирова.

По обе стороны времён.

Стихи. 2004 год

Владислав Леонов.

Крылья для братца. По-

весть. 2005 год

Виктор Мельников.

От альфы до омеги.

Маленькие повести.

2006 год

Олег Кочетков.

Воля-волчица. Стихи.

2007 год

Роман Славацкий.

Три храма. Исторический

очерк.

2008 год

В 2009 году выйдут в свет:

Михаил Мещеряков. Возможность творчества: Стихи.

Вадим Квашинин. Русь за окном: Стихи.